

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

52

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2015 Issue 52

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2015 Выпуск 52

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 52

М.: Аквилон, 2015. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 52

Moscow: Aquilo, 2015. — 400 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2015
- © Институт всеобщей истории, 2015
- © Издательство «Аквилон», 2015
- © Журнал «Диалог со временем», 2015

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ПАМЯТИ
ИРИНЫ ЮРЬЕВНЫ
НИКОЛАЕВОЙ

13.01.1955 – 09.07.2015

Ушла из жизни Ирина Юрьевна Николаева...

Ирина Юрьевна была не только историком-профессионалом высочайшей пробы. Она была талантливым учителем, верным другом, увлеченным и очень живым человеком с активной гражданской позицией.

Почти четверть века Ирина Юрьевна работала на кафедре истории Древнего мира и Средних веков ТГУ, созданной А.И. Даниловым и долгие годы руководимой Б.Г. Могильницким. За эти годы Ирина Юрьевна стала выдающимся исследователем, неизменно ориентированным на новейшие достижения в области методологии истории. Начав с изучения американской психоистории в конце 1970 – начале 1980-х гг., затем она обратилась к анализу «антропологического поворота» в историографии конца ушедшего и начала нынешнего столетий. Главы, написанные для коллективных монографий кафедры, в том числе: «К новому пониманию человека в истории», «Историческая наука на рубеже веков», «Историческая наука и историческое сознание», «Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований», а также ряд статей в кафедральном периодическом издании «Методологические и историографические вопросы исторической науки», известном широко за пределами Томска, показывают пути поиска и этапы формирования новой исследовательской стратегии. Эта стратегия, названная Ириной Юрьевной «полидисциплинарным синтезом», оформилась к 2005 г. и включила в себя достижения социологических, психологических и исторических теорий, так или иначе сфокусированных на проблеме бессознательного. Новый методологический подход вызвал большой интерес и немало споров в отечественной исторической науке, его основы стали базой для блестящей защиты докторской диссертации, а впоследствии были суммированы в книге «Полидисциплинарный синтез и верификация в истории». Во времена постмодернистского скепсиса искренняя вера Ирины Юрьевны в возможность построения строго научной гуманитарной методологии, впечатляла, очаровывала, вызывала дискуссии.

Научная деятельность Ирины Юрьевны Николаевой была органически, неразрывно связана с педагогической. Все, кто учился у нее, будут помнить превосходные курсы истории средних веков, истории средневековой культуры, методологические семинары. Глубокие и разносторонние знания, темперамент, харизма – все это навсегда запомнят сотни студентов, которым посчастливилось слушать ее лекции и работать в ее спецсеминарах. Никогда не упрощая сложных проблем истории и методологии истории, Ирина Юрьевна умела сделать их захваты-

вающими, увлечь учеников на преодоление возникающих трудностей, на приращение исторического знания. Ирина Юрьевна охотно делилась знаниями и энергией с учениками и коллегами и была для них не только ученым большого масштаба, но другом и советчиком.

В многочисленных рецензиях и отзывах на работы коллег Ирина Юрьевна сочетала академическую строгость с большой заинтересованностью во всем творческом, дельном, научно ценном, что было в этих работах. Она была в высшей степени равнодушным читателем и слушателем, ее яркие выступления и полемические бои помнят участники ряда конференций по методологии истории и историографии, проходивших в Томске, слушатели городских межвузовских семинаров для аспирантов и молодых ученых, а также слушатели научно-практических семинаров в Краснодарском, Хакасском и Кемеровском университетах.

Эта потеря будет долго отдаваться болью в сердцах ее друзей, коллег и учеников. Горько думать, что больше нет талантливого, деятельного, честного в профессиональном и человеческом смысле слова, щедрого на помощь и поддержку человека. Аспиранты и ученики Ирины Юрьевны навсегда лишились возможности обратиться к ней с вопросами и предположениями, лишились её рассудительного взгляда на научные проблемы, её мудрых советов. Вышедшее недавно пособие «История западноевропейской культуры. Культура воинской элиты, варварского мира и рыцарской среды» так и останется единственной – а по замыслу первой – частью задуманного Ириной Юрьевной учебника по истории средневековой культуры. Останется незавершенным формирование научной школы по методологии полидисциплинарного синтеза в Томске. Со смертью в 2014 г. Бориса Георгиевича Могильницкого и недавней кончиной Ирины Юрьевны Николаевой Томская историографическая школа понесла невозполнимые утраты.

Коллеги, друзья, ученики

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НА XXII КОНГРЕССЕ МКИН КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОБЫТИЕ И ВРЕМЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ»*

В конце августа 2015 года в г. Цзинань (Китай) состоялся крупнейший научный форум историков – XXII Международный конгресс исторических наук под эгидой Международного комитета исторических наук (МКИН/CISH). В его обширной научной программе нашли отражение многие актуальные проблемы современной историографии, обсуждались новейшие тенденции в теории и методологии, новые подходы, направления исследований, предметные области. Об итогах прошедшего Конгресса, открывшейся панораме достижений и трудностей мировой историографии, о дальнейших перспективах развития исторических исследований, несомненно, предстоит серьезный разговор и еще появятся десятки публикаций. Как первый шаг мы представляем материалы круглого стола (RT 19. Event and Time in Historical Perspectives), посвященного тематике, которая все последние годы оставалась центральной для журнала «Диалог со временем» и стала ядром научной программы недавно созданной на базе Института всеобщей истории РАН Сетевой лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры». Ниже представлены материалы организованного в рамках Конгресса круглого стола «Событие и время в исторических перспективах» (при поддержке Национального комитета российских историков и Комиссии МКИН по истории международных отношений) проф. Л.П. Репиной и проф. У. Тертре (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne). В основе публикуемых материалов – сокращенный текст основного доклада, подготовленного Л.П. Репиной (полная версия размещена на сайте Конгресса), тексты комментаторов – проф. З.А. Чеканцевой (Институт всеобщей истории РАН) и проф. О.Б. Леонтьевой (Самарский государственный университет), а также резюме выступлений У. Тертре и проф. П. Буале (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne).

Ключевые слова: XXII Международный конгресс исторических наук, теория, культурная память, историческая память, событие, время, Россия, Европа, Африка.

В обширной научной программе XXII Международного конгресса исторических наук (г. Цзинань, КНР) нашли отражение многие актуальные проблемы современной историографии, обсуждались новейшие тенденции в теории и методологии, новые подходы, исследовательские направления, предметные области. Об итогах прошедшего Конгресса, открывшейся панораме достижений и трудностей мировой историографии, о дальнейших перспективах развития исторических исследований, несомненно, предстоит серьезный разговор и еще появятся десятки

* Материалы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00357а). В основе текстов – доклады, представленные на английском и французском языках на XXII Международном конгрессе исторических наук 27 августа 2015 г.

публикаций. Делая в этом направлении первый шаг, мы публикуем материалы круглого стола, посвященного тематике, которая все последние годы оставалась центральной для нашего журнала¹

В центре внимания участников круглого стола оказались наиболее важные вопросы, связанные с понятиями «событие» и «время» в их исторических репрезентациях и культурных смыслах, а также с их эпистемологическим статусом в качестве категорий исторического знания, с их использованием в современной исторической науке, пережившей «возвращение», или «возрождение события». Речь идет, в частности, о новом подходе к изучению «события» («исторического события») в фокусе пересечения различных темпоральных структур и действий индивидуальных и коллективных акторов, в соотношении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями эпохи. Важное место в обсуждении заняли проблемы «истории памяти», кризисов исторического сознания, смены «режимов историчности».

Л.П. Репина

Событие и время в культурно-исторической перспективе

События происходят во времени, и в каждом событии существует время и как длительность, и как точка отсчета. Одно из возможных направлений анализа – проследить семантическую эволюцию этих тесно связанных между собой понятий в разные эпохи, или же рассмотреть вопрос о хронологических рамках, о социальном контексте того или иного события и его субъективном восприятии активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений, о событии как элементе коллективной памяти, имеющей собственные темпоральные характеристики. Или, например, вопрос о соотношении понятий события и факта, или же об атрибутах понятия «историческое событие», включая его темпоральные характеристики. Не менее интересна и значима проблема поиска и концептуализации связей между событиями, а также построения исторического нарратива как направленного ряда событий. Неизбежно встают вопросы о том, как событие из непредвиденного превращается в неминуемое, из банального в историческое.

В этой связи особое значение приобретают важнейшие темпоральные характеристики исторического сознания, которые выявляют способ структурной дифференциации времени («связь времен») и дают основания для типологий форм исторического сознания, разрабатываемых в современной историографии. К тому же, выявляется роль темпоральных

¹ Она также включена в научную программу Сетевой лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры», созданной на базе ИВИ РАН.

характеристик исторического сознания для статуса истории как особой критической формы памяти о прошлом и для культурной компаративистики. Остается насущной задача совершенствования методик реконструкции темпоральных картин мира и исторических представлений.

В соответствии с этим была сформулирована задача, поставленная перед участниками «круглого стола»: обсудить текущие тенденции и возможные перспективы компаративного анализа представлений о времени и репрезентаций событий прошлого (с учетом условий их формирования и развития в разных социальных и культурных контекстах), а также глубже понять роль События и его темпоральных характеристик в представлениях исторических акторов. В тексте приглашения к участию в круглом столе была предложена масштабная хронологическая перспектива – от Античности до современности и особое внимание к некоторым аспектам изучаемого предмета, таким как: динамика исторического сознания; образы значимого прошлого; что понимается как «великое», или «историческое событие»; типы темпоральных представлений в связи с практикой историописания; как представители разных культур и эпох осмыслили связь между тремя модусами времени (прошлым, настоящим и будущим); как темпоральная структура события и его размещение во времени и пространстве интерпретировались самими акторами, потомками и историками. Можно предложить и другие позиции для возможного исследовательского вопросника, например, такие как: концепты времени, восприятие времени, «режимы историчности»², множественные темпоральности и т.д., и соответственно – концепты события, событие в историографической традиции, «короткое время» события, соотношение «событие – структура», событие как воспоминание и т.п. Разумеется, в рамках одной сессии обсудить все эти темы было невозможно. Поэтому в основном докладе внимание было сосредоточено на трех важных аспектах: 1) история представлений о времени; 2) конструкты прошлого, настоящего и будущего в обыденном историческом сознании и в историописании; 3) образ события прошлого как исторический символ, или «место памяти». Солидная база для освещения этих тем была подготовлена реализацией ряда научно-исследовательских проектов Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН.

Интерес к прошлому составляет важную часть коллективного сознания, изменение отношения к нему происходит в результате крупных событий и трансформаций в общественной жизни, накопления и интерпретации нового опыта. Эти проблемы привлекают внимание специали-

² См.: Hartog 2003.

стов из разных областей социально-гуманитарного знания, а их теоретические и эмпирические исследования уже составили ценный общий фонд, хотя концепты «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого» все еще вызывают научную полемику.

Категории *исторического сознания* и *исторической культуры* были разработаны еще в конце 1960-х гг. выдающимися отечественными учеными Ю.А. Левадой и М.А. Баргом. В определении Ю. Левады, концепт «историческое сознание» включает все формы, в которых общество «воспроизводит свое движение во времени». Он анализировал историческое сознание как один из элементов социальной «памяти» и различал «короткую» социальную память, включающую события непосредственно предшествующие события, и «опосредованную», долговременную социальную память³. М. Барг подчеркивал, что конфигурация исторического сознания, сохраняющего и продуцирующего «связь времен», является культурно и исторически детерминированной и, в свою очередь, определяет способ отбора и фиксации исторических событий, а в конечном счете – социальный статус исторического знания.

Проблематика исторического сознания и исторической памяти предполагает также рассмотрение концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох: представления о членении, измерении, движении, ценности времени, о соотношении прошлого, настоящего и будущего («связи времен» или разрыва между ними), а также образы общезначимого прошлого – эпох, событий, героев и пр.

Восприятие времени обнаруживает целый спектр возможных подходов, в рамках которых одновременно, рядом, но в разных формах присутствуют «циклические» и «линейные» темпоральные представления, которые были комплексными и вариативными уже в архаических картинах мира. И в любую эпоху люди стремились зафиксировать (устно или письменно) произошедшие события. Идея истории зародилась в разных цивилизациях – от Месопотамии до долин рек Хуан-Хе и Янцзы⁴. И задача историописателя состояла, главным образом в том, чтобы выстроить события правильно организованный нарратив с конвенциональной структурой. Только в эпоху Возрождения история стала интерпретироваться в терминах разрыва: сплошной поток времени превратился в череду отдельных эпох. При этом прошлое и будущее «встречаются» в настоящем как его компоненты. Процесс отбора и систематизации прошлых событий происходит в настоящем с точки зре-

³ Левада 1969. Р. 191-193; Барг 1969.

⁴ Подробно об этом см.: *Образы времени и исторические представления...* 2010.

ния изменившихся обстоятельств и текущих задач, но также с позиций желаемого будущего⁵. В философской истории эпохи Просвещения «наставление примерами» требовало объяснения событий при относительном безразличии к их хронологии. Возникновение исторического сознания в строгом смысле этого слова выразилось в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее рассматривались как различные модусы времени, соединенные движением общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому экстраполированием существующих тенденций. Большинство европейских историографий второй половины XVIII и XIX вв. превратились в нарративы национальных историй, историй государств. Историки творили «великие нарративы национальной истории» вокруг «фактов», подтверждающих древность нации, территориальных завоеваний и государственной централизации, события, противоречащие такой логике развития, вовсе исключались из этой триумфальной истории нарратива или подвергались дискриминации как «ошибки». На рубеже XIX–XX вв. начало изменяться восприятие течения времени: оно больше не «шло», а, скорее, «бежало» или «летело»: культура, ориентированная на будущее, стремилась быстрее его достичь, подстегивая время.

В конце XX столетия ритм человеческой цивилизации приобрел новое ускорение, что привело к появлению так называемого «сверхбыстрого времени» начала нынешнего века, периода драматически быстрых потоков информации, экстремальных и катастрофических событий, выплескиваемых на массового зрителя и пользователя с экранов телевизоров и компьютеров. Восприятие событий в их последовательности утрачивается, историческое сознание в «строгом», модерном значении этого слова разрушается. К традиционным базовым концептам прибавились понятия «мест памяти» и «исторических символов», что равным образом важно, как для понимания трансформации профессионального исторического знания, так и для объяснения его отношения к массовому сознанию, к обыденным представлениям о ключевых событиях прошлого, определивших ход национальной или региональной истории.

Таким образом, оставаясь в рамках проблемы исторического времени, можно рассмотреть ее в несколько ином ракурсе, с точки зрения корреляции трех модусов времени, их места в неразрывной «цепи времен» или, напротив, в ситуации ее распада, постановки задач глубокого погружения в прошлое или понимания настоящего как конечного итога событий прошлого, или даже предсказания будущего – в попытках актуализи-

⁵ См.: Барг 1984. С. 83.

ровать историческое знание. Для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. что проявляется, в частности, в том, что историки практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется. Между тем тема будущего оказывается чрезвычайно востребованной в пространстве истории культурных представлений и контексте «мемориальных исследований».

Коммуникативный подход в мемориальных исследованиях делает акцент на тех структурных ограничениях, которые накладываются контекстом на участников взаимодействия, желающих переинтерпретировать события прошлого в своих интересах. Память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различном образом упорядоченные нарративы. Одно и то же событие при этом может приобретать разные значения, в зависимости от того, в какую сюжетную и темпоральную структуру оно оказалось включено. В этом процессе структурирования можно выделить определённую логическую последовательность. В зависимости от ситуации сегодняшнего дня, выбирается темпоральная перспектива. Социальная общность может смотреть в более или менее удалённое прошлое, находя в истории тех или иных предков, выделяет принципиально важные для идентификации группы разновременные исторические события или периоды.

В исторической науке «событие» – это интеллектуальный, теоретический конструкт, созданный в результате анализа конкретного исторического материала («традиции», «остатков», «следов», «улик», «свидетельств»), т.е. эмпирически обоснованный и выработанный по принятым научным сообществом нормам и правилам. Интерпретация события опирается на соотнесение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Возведение происшествия в ранг исторического события отнюдь не всегда определяется его значением в глазах современников. Это часто происходит тогда, когда значимые последствия данного события становятся очевидными в более широком контексте и длительной перспективе. Процедуры контекстуализации события и организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступающем как противоречие познания макро- и микромира. Это противоречие особенно ярко проявляется в интерпретации крупномасштабных социально-политических событий.

Так, перераспределение политической власти в стране не может быть объяснено предшествовавшей цепью событий национального масштаба, хотя именно этот тип объяснения обычно применяется в политической истории. В традиционной политической истории все исторические события объяснялись указанием на интенции действующих лиц и на события, непосредственно предшествовавшие тем, которые подлежат объяснению. В новой версии событийной истории каждое крупное историческое событие должно рассматриваться не как эпизод, а как процесс, как цепь последовательно сменяющих друг друга исторических ситуаций/конstellаций, каждая из которых может быть, в свою очередь, развернута в реальном времени и в пространстве и представлена множеством менее крупных, мелких и совсем, казалось бы, незначительных событий, происходивших на самых разных уровнях: в жизни индивидов, общностей, или в рамках государственных институтов. Дополнительные проблемы возникают при интерпретации сложносоставных социально-политических событий, таких как войны, революции и другие крупномасштабные конфликты, состоящие из действий множества индивидов и групп на разных социальных уровнях и территориях.

Отбор и организация событий современным историком отражает как проблемно-тематическую направленность его исследования, так, разумеется, и его ценностно-этические предпочтения. Эта категория исторического анализа обрела новый статус в исследованиях по истории исторической памяти именно в форме культурного конструкта, «образа события» в сознании (в интерпретации) переживших его участников и современников (видевших, как данное событие разворачивалось в его собственном времени), непосредственных и отдаленных потомков (включая историков, способных охватить событие как целостность), чье отношение к своему настоящему в значительной степени предопределено сформировавшимся отношением к прошлому, его оценкой, образами исторических героев и событий. Значение события проявляется в том, что оно стало основой, на которой коллективная память и воображение создали целый комплекс рассказов, легенд и символов. Соотнесение между собой события и его значения обычно происходит путем «привязки» этого события к сплетению многих последовательных и одномоментных событий с помощью определенных нарративных конструкций, или «режимов» памяти. Особо значимые события и герои прошлого образуют в исторической памяти систему взаимосвязанных культурно-исторических символов, которая отражает доминирующие в социуме ценности и играет важную роль в их воспроизводстве.

Проф. Тертре (Hugues Tertrais) в своем докладе «Событие и время в истории» подчеркнул, что великие и малые события структурируют историческое время, создавая своей хронологией доминирующий нарратив, а время, в свою очередь, структурируется событиями. Отметив переосмысление события и «событийной истории» в историографии XX века, он обратил внимание на то, что «возвращение к событию» заставляет пересмотреть понятие причинности, так как события можно объяснить, но нельзя предвидеть и предсказать.

Стремление предвидеть события присуще, в частности экономике, в которой специалисты и политики более всего преуспевают, опираясь на математику, но и в этой сфере события нередко удивляют: например, эксперты ожидали некий экономический кризис в 1929 г., но совсем не тот, который имел место, во всяком случае, они ожидали не столь глубокий кризис. Непредсказуемость крупных событий, таких, которые порождают новую ситуацию, предстает даже как некий урок истории. Не имея возможности предсказать, историк пытается понять. Но в попытке объяснить непредсказуемость события, приходится выбирать между «событием-монстром» и «мировым событием» (что во многом зависит от темпорального масштаба – несколько часов или недель), между Бувинским воскресеньем и летом 1914 года. “Великое” событие происходит на самом деле часто там, где его не ждут, и это касается и его содержания, и его форм, и его интенсивности.

Как возникают непредсказуемые события? Проф. Тертре предложил такое статистическое размышление. Когда событие “X” не имеет почти никаких шансов произойти, его вероятность кажется бесконечно малой. На языке статистики скажут так: предположение, что событие не произойдет, верно, например, на 99,9%, но это не означает, что оно не произойдет вообще. Если событие “Y” имеет место в той же ситуации, что и событие “Z”, вероятность того, что они происходят одновременно, не слишком велика, но она сохраняется. Все происходит, по сути, в логике несчастного случая, который по своей природе непредсказуем – иначе его можно было бы избежать. В силу очевидной непредсказуемости события (его нельзя найти «до» того, что произошло), его отношение с историческим временем переносится в «после». Можно ставить вопрос о причинах события, но причинах чего? Во Франции и Германии до сих пор дискутируют о том, кто первым выстрелил в 1914 г.⁶ Интересуются также вопросом о том, предвидели ли это событие: во Франции ожидание войны носило почти фатальный характер. Но какой войны?

⁶ Krumeich 2014.

Возможно войны подобной войне 1870 г., т.е. войны продолжительностью в несколько месяцев, как реванша за поражение. Такой войны, что случилась, тотальной, индустриальной, длительной никто не ожидал.

Был также поставлен вопрос, в какой динамике великие события приобретают статус историчности и становятся маркерами мировой истории? Самые древние из них в свое время остались незамеченными за пределами пространства, где они имели место, а из сравнительно недавних событий наиболее важные погружены в «реальное время» социального пространства (Великая война и русская революция). Признание структурированных событий – с помощью медиа или без них, недавних или отдаленных, означало бы признание того, чем они стали, учитывая то, что делали социальные акторы и те, кто был с ними рядом. Короче это реконструкция, которая занимает свое место во времени, определяющем в настоящий момент место истории.

Будучи наследством прошедших веков европейской истории, историческое время на самом деле осмысливается и переживается как время линейное, по модели христианского времени. И такое время имеет смысл: будущее, задающее перспективу настоящему, само структурировано наследием прошлого. Начиная с Просвещения XVIII в. этот смысл смешивается со словом прогресс. Если Великая война, несмотря на трагический итог, не положила конец вере в прогрессивно ориентированное время, то возможно это произошло лишь благодаря русской революции и всем тем надеждам, которые она породила? В наши дни (конец XX – начало XXI в.), настоящее время скорее скомпоновано в Европе из событий, которые свидетельствуют о «кризисе будущего» (Кшиштоф Помьян). Уверенность в движении к лучшему завтра тает: с одной стороны, трагический характер ряда революций третьего мира («красные кхмеры» в Камбодже) и провал коммунистической перспективы, с другой стороны, явно подрывают ожидаемое будущее, эти «завтра». Для Франсуа Артога речь идет о кризисе «режима историчности», т.е. кризисе системы артикуляции трех главных модальностей времени – прошлого, настоящего и будущего⁷.

В отсутствие веры в будущее, коммеморации великих событий прошлого приобретают небывалое значение: коммеморации Великой войны в 2014 г., являются символом отношений события и исторического времени. Они породили в Европе, особенно во Франции, серию мероприятий, в ходе которых прошлое активно вводилось в игру посредством коллективных воспоминаний. В результате предпринятых

⁷ Frank 2010; Hartog 2003.

усилий, было проведено множество мероприятий всех видов и масштабов, как на национальном, так и на местном уровне, воплощая в жизнь простое определение коммеморации: коммеморация события означает, прежде всего, сохранение коллективной памяти о нем. Коммеморация вписывается в цели национальной политики во всех европейских странах и даже за пределами Европы. Сложность материала, который стремится упорядочить история, находящаяся между непредсказуемостью события и режимами историчности, такова, что ее запись (*écriture*) почти всегда приводит к доминированию национального повествования. Возможное будущее не будет одинаковым для всех.

Проф. П. Буале (Pierre Boilley, Университет Париж I, Институт Африки) в своем докладе «**События и время: Африка в мировой истории**» подчеркнул, что видение исторических событий прошлого является в высшей степени цивилизационным, и имеет особое воплощение в каждом обществе и в каждой культуре. При этом восприятие и сохранение прошлого зависит не только от культурного пространства, но также от исторического момента, в котором прошлое осмысливается. В Европе, начиная с поздней Античности, историческая мысль прошла через множество фаз от компиляции устных традиций (хорошими примерами являются «Илиада» и «Одиссея») к «истории-проблеме» через различные формы «историй-хроник», причем такая эволюция имела далеко не линейный характер. Африка (или, скорее, Африки, поскольку этот континент в культурном и гуманитарном плане очень разнороден и разнообразен), издавна воспринимается на Западе как «континент без истории». Вполне возможно, что и в 2015 г. большинство европейцев с этим согласно (выступления Николя Саркози в 2007 г., и другие популярные или не очень популярные высказывания это подтверждают...).

Очевидно, что Африки имеют исторические траектории, которые могут быть разными, сохранение этой истории, и значение, придаваемое ему, значительно различается от одной популяции к другой, от одного пространства культуры к другому. Даже в едином национальном пространстве, например, Мали, режимы историчности у разных народностей, даже близких соседей, отличаются. Искусственно раздутое прошлое империи Мали – это, по сути, доминирующая история для всей страны, волонтаристский национальный роман. Между тем, в северной части Мали, где сосуществуют вперемежку и часто конфликтуют культурно различные группы населения, контрасты слишком сильны. Мавры, арабы-берберы, сохранившие в своем наследии арабскую письменность, являются сообществом письменной культуры. Существует, например, зна-

менитый арабский текст «Хроника Судана», написанный Абдурахманом Саади в 1650 г. и рассказывающий о великих империях Западной Африки, а также другие тексты XVII века – летопись городов, армий и героев.

Туареги, впрочем, относятся к прошлому особым образом. До недавнего времени, они не нумеровали годы, а присваивали им особое значение: чтобы сохранить хоть немного в хрониках требовалось запоминать и упорядочивать гигантские списки названий прошедших лет. Поскольку устная передача этих названий часто была затруднена, а с середины XX в. практически прекратилась, было очень трудно восстановить местную историю. В обществе туарегов нет специалистов, которые занимались бы изучением династий и прошедших событий. Все в нем происходит так, как если бы история и ее сохранение не имели практического значения. Туареги прекрасно осознают свое доминирующее положение на протяжении веков в обширном пространстве центральной Сахары, а также и то, что они часто воевали с соседями, но память об этих исторических эпизодах была утрачена. Тем не менее, имеются устные традиции, посвященные главным образом историям заселения, которые в основном предлагают мифы происхождения, малоплодотворные с точки зрения исторической достоверности. Туареги прекрасно осознают свое доминирующее положение на протяжении веков в обширном пространстве центральной Сахары, а также и то, что они часто воевали с соседями, но память об этих исторических эпизодах была утрачена. Меньшинства в Мали, такие, например, как мавры, знают о национальной истории в исполнении гриотов Бамбара, но воспринимают ее как чуждую своей культуре.

На практике получается, что все они объединены под эгидой другой, европейской истории, принесенной к ним в процессе колонизации... Следует признать, что европейская экспансия в мир, как в современную эпоху, так и во время колонизации, сопровождалась империализмом «западного события» и западного отношения к прошлому. Это положение остается доминирующим до сих пор, события, связанные с покорением мира, были навязаны всем, потому что они стали фактами мировой истории, истории господства Запада. Стереотип сохраняется, и историки продолжают делить время на четыре периода, которые соотносятся с крупными событиями... Европы. В этой связи необходимо как можно скорее показать относительность этих событий и в интеллектуальном, и в институциональном смысле, как событий, относящихся к локальной культуре, а затем интегрировать их без иерархий, чтобы лучше понять, что представляет из себя глобальная история.

З.А. Чеканцева

Постижение события: интеллектуальные маршруты XX–XXI вв.

Рождения, смерти, сражения, войны, революции, дни, создавшие страну или потрясшие мир, все это давно исследуют историки. Символические события организуют историческую память и исторический нарратив. Важнейшие события зафиксированы в школьных учебниках, а мысль о том, что исторический процесс – это цепь событий, прочно укоренена в массовом сознании. Однако до сих пор событие остается подлинным вызовом для многих историков, прочно усвоивших редуccionистскую версию события, представляющую последнее как часть реальности, простота и доступность которой не подвергается сомнению. На протяжении XX – начала XXI в. понимание *события* усложнялось не только в истории, но и в философии, социологии, антропологии, лингвистике. Приведу мнение авторитетных специалистов по теории исторического знания: «событийная история в “чистом” виде, подразумевающим последовательное шествие событий в единой хронологической и каузальной связи, является весьма условной. Она может рассматриваться либо как простейшая форма исторического дискурса, либо, с современной точки зрения, как одна из крайних степеней абстракции исторического анализа»⁸.

Вездесущность, разнородность, загадочность, непредсказуемость обеспечили событию статус эпистемологической апории. Не случайно, история, оформляясь в научную дисциплину, конституировала свою научность против события. Уже в XVIII–XIX вв. критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного считалось невозможным. Однако событие всегда «возвращалось». Сегодня говорят о «ренессансе события». Но вопросы о том, что такое историческое событие и как его следует изучать, остаются открытыми. Метаморфозы события неразрывно связаны с трансформациями представлений об истории и ремесле историка.

Родоначальник «сложного мышления» Эдгар Морен, осмысливая опыт 1968 года, сравнивал событие со сфинксом⁹. Франсуа Досс уподобляет событие фениксу, постоянно возрождающемуся из пепла¹⁰. Воплощение этих образов – множество накопившихся в историографии интерпретаций разнородных событий и не прекращающиеся споры в науке и философии по поводу их природы.

⁸ Савельева, Полетаев 2007. С. 144.

⁹ Morin 1972.

¹⁰ Dosse 2010.

В традиции методической школы событие было идентично историческому факту, который в строгой системе исторической науки являлся таким же базовым элементом, как клетка в биологии или атом в физике. Подчиняясь принятым тогда критериям научности, французские историки смешивали социальную память с памятью национальной и государственной. Любой феномен, не проявлявшийся в социальной сфере, просто не замечали, поскольку он не считался фактом историческим. Однако уже в начале прошлого века Франсуа Симиан, Анри Берр, Люсьен Февр жестко раскритиковали главные установки «историзирующей» историографии. Аргументы критиков хорошо известны: исторический факт – это не атом реальности, но конструкт, создаваемый ученым; правила этого конструирования надо осваивать; единичное, уникальное не содержит важной информации о реальности; только повторяющиеся факты, помещенные в серию, могут стать настоящим объектом исторического анализа и проч. В период триумфа структурализма, событие вкупе с субъектом подмяла под себя структура. Но уже в начале 1970-х гг. историки и философы заговорили о «возвращении» события (Альфонс Дюпрон, Мишель Фуко, Мишель де Серто, Пьер Нора, Поль Рикёр и др.).

Изучение события приобретает междисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикер, А. Бадью и др.). Онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил М. Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispersion*), множество. Это то, что проходит здесь и там, это многоголовое чудовище»¹¹. Вслед за Ницше Фуко избегал поисков причин и истоков, подчеркивал важность исторических разрывов, связывая их с единичными событиями, в которых, по его мнению, и проявляются подлинные силы истории. Жиль Делез полагал, что событие – это, прежде всего смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Размышляя о темпоральной природе событийности, Делез пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее¹².

¹¹ Foucault 2011. P. 187.

¹² Делёз 1998.

Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: 1. Несигнификативное событие; 2. Упорядоченность и торжество смысла, достигающие до бессобытийности; 3. Появление сверхсигникативных, сверхзначимых событий¹³. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на положение вещей. Он вполне соответствует ориентации методической школы и установке Ланглуа и Сеньобоса на критику источников, отражающих реальность. При втором подходе уникальность события растворяется в соответствующей ему закономерности, вплоть до полного отрицания события. Иными словами, речь идет о подведении уникального события под некий исторический закон. В таком подходе нередко проявляет себя ориентация движения «Анналов». Третий уровень имеет интерпретационный характер, при котором событие исследуется не только как некая реальность, но как часть текста – конструкции исследователя, конституирующей ценностно окрашенную нарративную идентичность: позитивную (взятие Бастилии, например) или негативную (Освенцим)¹⁴.

Размышляя о демократии в эпоху модерна, П. Нора обратил внимание на появление новой событийности и выявил специфический тип события – «событие-монстр»¹⁵. Такое событие – детище средств массовой информации, которые, поставив производство событий на поток, постепенно лишили их традиционно понимаемой историчности. Событие, включенное в информационный ряд, индивидуализировалось, одновременно сближаясь с определенной совокупностью фактов. Такое сближение делало его доступным для массового потребителя информации, но при этом событие утрачивало свое рациональное содержание. На первом плане оказывалась эмоциональная составляющая произошедшего.

Метаморфозы события в информационную эпоху изменили историческое сознание населения. Интерпретация «горячих» событий стала частью повседневности, органично вливаясь в сами события. Эта коллективная работа по превращению недавно минувшего в историческое создавала почву для становления «истории недавней современности» или «непосредственной истории» (*histoire immediate*). Легитимация такой истории заняла несколько десятилетий и внесла значительную лепту в историографическую революцию, поскольку заставила историков переосмыслить основы своей дисциплины, ее возможности и важнейшие эпистемологические процедуры.

¹³ Ricoeur 1991. P. 51-52. *Significare* – *лат.* значить, иметь смысл.

¹⁴ Dosse 2010. Т. 2. P. 748-749.

¹⁵ Nora 1974. P. 210-228. (Это обновленная версия статьи, появившейся в журнале *Communications*, 1972, № 18 под названием «Событие-монстр»).

Заметно изменило восприятие события также новое понимание роли языка историка, исторического письма и нарратива. Теоретическое осмысление нарратива во Франции инициировали П. Вен, М. де Серто и П. Рикёр. Рикёр, изучив исследовательские практики историков, показал, что даже у Ф. Броделя в историческом нарративе всегда присутствует переменная интрига («une variable de l'intrigue») на всех уровнях анализа исторических длительностей. При этом «событие играет в повествовании двойную роль: того, что случается, и того, что регистрирует изменения в порядке времени» (Ж. Ревель). Изучение исторических текстов и событий на пересечении истории и лингвистики в русле дискурсивного анализа постепенно меняют отношение к слову и действию исторического актора, к дискурсу историка и к событию¹⁶. Придуманное Серто в 1970 г. словосочетание *faire de l'histoire* стало не только названием известной трилогии¹⁷, но и эмблемой «новых историков». В этом названии, помимо признания значительной роли исследователя в производстве исторического знания, воплощено понимание перформативности письменной фазы историографической операции.

То, что историографическая операция была помещена между языком прошедшего и языком исследователя, по мысли Ф. Досса, стало «своеобразным уроком совершеннолетия для историков», который способствовал радикальному изменению традиционной концепции события. Когда де Серто писал по горячим следам по поводу мая 1968 года, что это «событие не является тем, что можно увидеть или узнать о нем, но тем, чем оно становится (в первую очередь для нас)», он тем самым приглашал обращать внимание на «следы» события, оставленные с момента его возникновения, выясняя каким образом они конституировали его смысл¹⁸. Это было предложение подумать, как включить в исследование события память и историю, привычное разделение которых к тому времени уже было проблематизировано. После Шарля Пеги по этому пути пошел Альфонс Дюпрон в диссертации, защищенной в 1956 г. и опубликованной лишь спустя сорок лет. «Событие достойное этого наименования, – писал он, – это событие всегда открытое: оно не перестает жить в коллективной памяти... Каждое событие продолжает жить: оно есть уже потому, что было. И оно всегда готово появиться вновь (уже не такое как было, но в чем-то то же самое)¹⁹. Чаше инициатором такого подхода к событию в историографии называют Ж. Дюби, который в книге о Бувин-

¹⁶ Guilhaumou 2000; 2006.

¹⁷ Faire de l'histoire. Т. 1-3. 1974.

¹⁸ Dosse 2003.

¹⁹ Dupront 1997. Т. III. P. 1662.

ском сражении 27 июля 1214 г.²⁰ показал, что произошедшее в это воскресенье стало значительным событием лишь благодаря тем волнам памяти, в которые оно оказалось вовлечено. Метаморфозы этой памяти в книге Дюби – такой же объект изучения, что и однодневное сражение, о котором сообщают источники. Эти конкретно-исторические исследования справедливо считают предвестниками известного проекта П. Нора о «местах памяти», который, по общему мнению, стал одним из самых интересных ответов историков на мемориальный бум.

Новый виток интереса к событию в историографии, порожденный изменением режима историчности и потребностью понять современный мир, заставил историков «переоткрыть» историческое время²¹, что позволило прояснить соотношение события со структурой и системой. В изучении события все больше места стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбежной загадочности событийности. Наконец, событие позволяет показать сложное переплетение времен и миров действия²².

Из повседневного опыта известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удастся адекватно осмыслить происходящее. Участник события или наблюдатель попадает в ситуацию неопределенности. Историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности составляющих его фактических данных. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто принимал в нем участие или был его современником. Все это вместе погружено в историко-культурный контекст, имеющий собственное прошлое, свою генеалогию, свою форму настоящего и определенное видение будущего. Носителями событийной темпоральности являются люди, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки знают, как сложно согласовать различные свидетельства об одном и том же событии. Получается, что событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте очень слож-

²⁰ DUBY 1973.

²¹ См. подробнее: Чеканцева 2011. С. 55-74.

²² Ревель 2003.

ной системы темпоральностей²³. Но и такое понимание будет лишь интерпретацией, более или менее убедительной, но всегда незавершенной.

Линейное время классической историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические/пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности. Все чаще событие обсуждается и исследуется как нарративная конструкция. Анализ исторического события, его структур и механизмов больше не означает изучение «пены истории». В основе такого изучения – стремление понять функционирование общества через частные и деформированные репрезентации, порождаемые вездесущей событийностью.

О.Б. Леонтьева. Периоды российской истории в исторической памяти XIX–начала XX в.

Тема представлений о времени и о событии тесно связана с проблематикой исторической памяти. Образы значимого прошлого играют существенную роль в формировании как личной, так и коллективной идентичности. Пути интерпретации прошлого зависят от культурных ценностей, социально-политического контекста данного исторического периода, надежд и страхов современников. Поэтому историческая память подвижна и изменчива по своей природе.

Время в исторической памяти измеряется событиями, которые могут быть представлены как «яркие», «важные» или же «переломные»²⁴. Некоторые из них приобретают статус «мест памяти», важных для самосознания общества; они воспроизводятся в коммеморативных практиках, вдохновляют поэтов и художников на создание произведений искусства, становятся предметом изучения в школьных учебниках. Однако исторический нарратив обычно организован не просто как цепь памятных событий, но и как история перехода общества из одного состояния в другое, от одного исторического периода к следующему. Как правило, каждый значимый период при этом обрамляется так называемыми «великими», «переломными» историческими событиями, которые маркируют конец одного периода и начало следующего²⁵. Каждый такой период обладает в общественном сознании своим неповторимым обликом: одни исторические этапы воспринимаются как «золотой век»,

²³ Farge 2002. P. 69-78.

²⁴ Нуркова 2006. С. 207-222.

²⁵ Нора 1999. С. 46.

другие – как «темные века» или «смутные времена», третьи, наконец – как периоды «возрождения» или «пробуждения».

Проблемы восприятия прошлого становятся особенно острыми на переходных исторических этапах, во времена радикальных социокультурных преобразований. Дебаты о прошлом отражают конфликты ценностей современного общества; противоборствующие проекты коллективной идентичности (представления о том, вокруг каких ценностей должна строиться идентичность общества) порождают соперничающие версии исторических нарративов. Вследствие этого значение любого исторического события может быть кардинально переосмыслено на протяжении жизни одного поколения; различные и даже противоположные образы прошлого, как и альтернативные исторические нарративы, могут уживаться друг с другом в рамках одной и той же культуры.

XIX – начало XX в. – время больших перемен в жизни российского общества; его быстрое движение по пути модернизации – отмена крепостного права, комплексные социальные реформы, начало индустриализации – сопровождалось интенсивным развитием общественной мысли: российское общество нуждалось в новых идеалах и новых формах коллективной идентичности. Развитие гуманитарных наук, прежде всего истории, а также расцвет реалистического искусства обеспечили условия для дискуссий о прошлом, настоящем и будущем России.

Русскую мысль того периода – арена противоборства нескольких проектов коллективной идентичности; эти проекты строились либо на традиционной лояльности по отношению к правящей династии, либо на идее внеклассового (всесословного) единства народа-нации, либо на идее служения интересам трудового народа. Разные видения социальной идентичности были отражены в соответствующих типах исторического нарратива: российская история могла быть представлена как история правящей династии (историки-монархисты от Н.М. Карамзина до Д.И. Иловайского), крепнущего государства и пробуждающейся нации (труды историков «государственной школы»), усложняющегося социального организма (В.О. Ключевский и другие историки-позитивисты), или же, наконец, эксплуатируемого, страдающего и бунтующего «простого народа» (труды историков «демократического направления»).

В представлениях многих российских интеллектуалов того времени прошлое распадалось на несколько эпох, каждая из которых обладала своим неповторимым, целостным образом. Периодизации исторического процесса могли базироваться на разных критериях: смене политического строя, изменениях социальной структуры, геополитических приоритетов и даже доминирующего стиля искусства. Тем не менее, российские мыс-

лителю чаще всего выделяли приблизительно схожие стадии отечественной истории. Как сформулировал знаменитый российский философ Н.А. Бердяев, «в истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую, и, наконец, новую советскую Россию»²⁶.

Образ каждой из этих эпох в исторической памяти зачастую был амбивалентным. Его оценка зависела от выбранной тем или иным мыслителем опорной, отправной точки для формирования сценариев коллективной идентичности российского общества. В зависимости от убеждений того или иного историка каждый из указанных периодов мог рассматриваться и как исток национальной государственности и культуры, и как время «повреждения» общественных нравов, отступничества от подлинно национальных начал. Но, так или иначе, оценка перечисленных выше периодов играла ключевую роль в формировании коллективной идентичности российского общества.

Образ Древней (Киевской) Руси – от первых упоминаний о ней в письменных источниках до начала XIII в. – играл в исторической культуре особую роль: образованная элита XIX в. часто воспринимала период Киевской Руси как колыбель национальных традиций и идентичности. Историки-монархисты возводили к временам Киевской Руси происхождение самодержавной государственности²⁷; их коллеги, придерживавшиеся либеральных или демократических убеждений, искали в Древней Руси истоки подлинно народной, вечевой демократии²⁸. Согласно мнению многих мыслителей, поэтов и художников, Киевская Русь представляла собой «богатырский или героический» период отечественной истории, галерею образов былинных героев, которые представлялись воплощением «всей силы и могучей мощи русского народа»²⁹.

«Татарский период» (XIII–XV вв.) часто воспринимался как «темные века» российской истории, как время «иноземного владычества, жестокого и унижительного»³⁰. История этого периода обычно преподносилась как важная смысловая часть классического национального нарратива: история завоевания – жестокого гнета – возрождения народного духа – восстания и свержения ига. Но российские интеллектуалы со времен Н.М. Карамзина обсуждали также тему долговременных последствий ига, его воздействия на российское общество и на национальный

²⁶ Бердяев 1990. С. 7.

²⁷ Карамзин 1989. С. 95-98.

²⁸ Костомаров 1994; Сергеевич 1867.

²⁹ Соловьев 1991. С. 11; Стасов 1962. С. 96.

³⁰ Чаадаев 1991. С. 324.

характер; многие из них подчеркивали, что некоторые негативные черты Московского царства (деспотическая власть, изоляция женщин, телесные наказания и т.д.) стали следствием прямого или косвенного ордынского влияния³¹. Маркируя определенные черты российского общества как наносные, заимствованные, мыслители создавали психологическую иллюзию, что избавиться от этих черт легко: достаточно вернуться к своей подлинной, заведомо не ордынской сущности.

«*Московский период*» (XVI–XVII вв.) привлекал огромное внимание образованной элиты; образы ярких и важных событий того времени – правление Ивана Грозного, Смутное время, церковный раскол, народные восстания – воссоздавались в исторической живописи, повестях, романах, драмах и операх. Во второй половине XIX в. «псевдорусский», или «московский» стиль утвердился в самых разных сферах культуры – от архитектуры до театрального искусства и рекламного дела. Но образ Московской Руси в литературе, живописи и музыке был довольно сложным: допетровская Русь интерпретировалась как кладезь самобытности, сокровищница цельных и ярких характеров, источник «чистого» национального стиля в искусстве, и одновременно – как «отсталое» общество, страдающее от деспотизма, крепостничества и ксенофобии, от недостатка просвещения и гуманизма. Тем не менее, многие историки и мыслители были убеждены, что, несмотря на острые социальные конфликты, «высшие» и «низшие» социальные слои в Московской Руси не были отделены друг от друга непроходимой культурной пропастью³². Именно поэтому XVI–XVII вв. в исторической памяти России часто представляли как своеобразное архетипическое время³³, обращаясь к которому, можно отыскать ответы на вечно актуальные «проклятые» вопросы.

Имперский период (XVIII–XIX вв.) в исторической памяти был отделен от периода Московской Руси поворотным историческим событием – реформами Петра Великого. Петр I воспринимался как «культурный герой», заново создавший российское общество. Но в славянофильском и народническом дискурсах петровские реформы представляли как насилие над народными верованиями и идеалами, как жестокое угнетение собственного народа. Даже одобряя цели Петра, российские историки и писатели часто отказывались оправдывать его методы³⁴. В результате в российской культуре XIX в. Петр I изображался одновременно как «царь-труженик» и как безжалостный тиран; его амбивалентный образ

³¹ Карамзин 1993. С. 203-205; Костомаров 1870. С. 496, 499, 502, 511.

³² Забелин 2000. С. 4; Ключевский 1993. Т. 2. С. 451.

³³ Бурлина 1987. С. 117; Figes 2003. P. 182-183.

³⁴ См.: Бестужев-Рюмин 1872; Шмурло 1889.

отражал ценностные конфликты российского социума. Амбивалентное отношение проецировалось и на весь имперский период российской истории. Согласно славянофилам и народникам, Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому, российское общество того времени было разделено глубокой «пропастью» между «высшими» и «низшими» классами, европеизированной элитой и «простым народом». Этот раскол считался прямым следствием насильственной и стремительной вестернизации, инициированной Петром Великим. Поиск путей преодоления культурного раскола стал одной из центральных тем русской мысли XIX столетия.

«Великие реформы» Александра II (отмена крепостного права и последующие либеральные реформы) были восприняты современниками как начало совершенно нового исторического периода, и даже как «тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность»³⁵. Современники выражали надежду, что Великие реформы помогут преодолеть внутренний разрыв между элитой и простым народом³⁶.

Таким образом, в русской мысли различные исторические эпохи выступали не просто как яркие образы, но как пространственно-временные целостности, хронотопы, принципиально отличающиеся друг от друга. Хронологические границы между эпохами часто воспринимались как внутренние рубежи, когда изменялась направленность исторического процесса; начало каждого следующего исторического периода трактовалось как «перерыв постепенности». Такая стратегия использовалась, в частности, для повествования об ордынском иге или о петровских реформах. Зачастую исторические нарративы имели трехчастную структуру: ностальгический рассказ о «добром старом времени» сменялся повествованием «о повреждении нравов в России» (под влиянием чужеземного ига, самодержавного деспотизма, скороспелой европеизации, крепостнического гнета и т.д.), а затем явно или неявно высказывалось убеждение, что здоровые силы российского общества способны вернуть страну на путь гармонического развития. Так воспоминания о прошлом воздействовали на восприятие настоящего и на ожидания будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dosse F. Événement // *Historiographies. Concepts et débats* / (Dir.) C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. P.: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 2. P. 748-749.
- Dosse F. Michel de Certeau: un historien de l'altérité. 2003. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/Dosse_Certeau_historien_de_l_alterite
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien : entre sphinx et phénix. P.: PUF. 2010. 348 p.

³⁵ Платонов 1993. С. 720.

³⁶ См., напр.: Достоевский 1978; Ключевский 1990. С. 472-473.

- Duby G. Le Dimanche de Bouvins. Paris: Gallimard, 1973.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. No. 38. P. 69-78.
- Figes O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. L.: Penguin Books, 2003. 729 p.
- Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. P.: Seuil/Gallimard, 2011.
- Frank R. Le futur en question: les changements du régime d'historicité dans les années 1970 // D. Mei & H. Tertrais (dir.). Temps croisés I. P.: Ed. de la MSH; Shanghai: Editions de l'ECNU, 2010.
- Faire de l'histoire / Le Goff J., Nora P. (dir.). T. 1-3. 1974.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003.
- Krumeich G. Le feu aux poudres. Qui a déclenché la guerre en 1914 ? P.: Belin, 2014.
- Morin E. L'événement-sphinx // Communications 1972. No. 18. P. 173-193.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Gallimard, 1974. P. 210-228.
- Ricoeur P. Événement et Sens // Raisons Pratiques. 1991. No 2.
- Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории» 1982. № 12. С. 49-66.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 161. 1872. № 5. С. 149-156.
- Бурлина Е.Я. Культура и жанр. Методологические проблемы жанрового синтеза. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 165 с.
- Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 18: Статьи и заметки 1845–1861. Л.: Наука, 1978. 372 с.
- Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Языки русской культуры, 2000. 453 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. V. М.: Наука, 1993. 560 с.
- Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 311 с.
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 584 с.
- Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 12.
- Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли»; Смоленск: «Смядынь», 1994. 544 с.
- Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М.: Наука, 1969.

- Нора П. Между памятью и историей: Проблематика «мест памяти» // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.
- Нуркова В.А. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006. 287 с.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. 960 с.
- Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
- Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя. 2007.
- Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1867. 424 с.
- Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13-14. М.: Мысль, 1991. 704 с.
- Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1962. 355 с.
- Чаадаев П.Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. 798 с.
- Чеканцева З.А. «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под. ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 55-74.
- Шмурло Е.Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 7. 140 с.

REFERENCES

- Dosse F. Événement // *Historiographies. Concepts et débats* / (Dir.) C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. P.: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 2. P. 748-749.
- Dosse F. Michel de Certeau: un historien de l'altérité. 2003. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/Dosse_Certeau_historien_de_l_alterite
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien : entre sphinx et phénix. P.: PUF. 2010. 348 p.
- Duby G. Le Dimanche de Bouvins. Paris: Gallimard, 1973.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // *Terrain*. 2002. No. 38. P. 69-78.
- Figes O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. L.: Penguin Books, 2003. 729 p.
- Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. P.: Seuil/Gallimard, 2011.
- Frank R. Le futur en question: les changements du régime d'historicité dans les années 1970 // D. Mei & H. Tertrais (dir.). Temps croisés I. P.: Ed. de la MSH; Shanghai: Editions de l'ECNU, 2010.
- Faire de l'histoire / Le Goff J., Nora P. (dir.). T. 1-3. 1974.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // *Genèses*. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003.
- Krumeich G. Le feu aux poudres. Qui a déclenché la guerre en 1914 ? P.: Belin, 2014.
- Morin E. L'événement-sphinx // *Communications* 1972. No. 18. P. 173-193.
- Nora P. Le retour de l'événement // *Faire de l'histoire* / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Gallimard, 1974. P. 210-228.

- Ricoeur P. Événement et Sens // Raisons Pratiques. 1991. No 2.
- Barg M.A. Istoricheskoe soznanie kak problema istoriografii // Voprosy istorii» 1982. № 12. С. 49-66.
- Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M.: Nauka, 1984.
- Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224 s.
- Bestuzhev-Ryumin K.N. Prichiny razlichnykh vzglyadov na Petra Velikogo v russkoi nauke i russkom obshchestve // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. T. 161. 1872. № 5. S. 149-156.
- Burlina E.Ya. Kul'tura i zhanr. Metodologicheskie problemy zhanrovogo sinteza. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. 165 s.
- Delez Zh. Logika smysla. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998.
- Dostoevskii F.M. Poln. sobr. soch. V 30 t. T. 18: Stat'i i zametki 1845–1861. L.: Nauka, 1978. 372 s.
- Zabelin I.E. Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. T. 1. Ch. 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh. M.: Yazyki russkoi kul'tu-ry, 2000. 453 s.
- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 12 t. T. I. M.: Nauka, 1989. 640 s.
- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 12 t. T. V. M.: Nauka, 1993. 560 s.
- Klyuchevskii V.O. Evgenii Onegin i ego predki // Klyuchevskii V.O. Istoricheskie portrety. M.: Pravda, 1990. 311 s.
- Klyuchevskii V.O. Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii v trekh knigakh. T. 2. M.: Mysl', 1993. 584 s.
- Kostomarov N.I. Nachalo edinoderzhaviya v Drevnei Rusi // Vestnik Evropy. 1870. № 12.
- Kostomarov N.I. Russkaya respublika (Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo ukлада. Istoriya Novgoroda, Pskova i Vyatki). Istoricheskie monografii i issledovaniya. M.: «Charli»; Smolensk: «Smyadyn'», 1994. 544 s.
- Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyi metod // Filosofskie problemy istoricheskoi nauki / Otv. red. A.V. Gulyga, Yu.A. Levada. M.: Nauka, 1969.
- Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei: Problematika «mest pamyati» // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd. S.-Peterb. un-ta, 1999. 328 s.
- Nurkova V.A. Zerkalo s pamyat'yu: Fenomen fotografii: Kul'turno-istoricheskii analiz. M.: RGGU, 2006. 287 s.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoi. M.: «Krug'», 2010. 960 s.
- Platonov S.F. Lektzii po russkoi istorii. M.: Vysshaya shkola, 1993. 736 s.
- Revel' Zh. Vozvrashchenie k sobytiyu: Puti istoriipisaniya // Homo Historicus: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn. Kn. 1. M., 2003. S. 238-254.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Teoriya istoricheskogo znaniya. SPb.: Aleteiya. 2007.
- Sergeevich V.I. Veche i knyaz'. Russkoe gosudarstvennoe ustroistvo i upravlenie vo vremena knyazei Ryurikovichei. M.: Tipografiya A. I. Mamontova, 1867. 424 s.
- Solov'ev S.M. Soch. v 18 kn. Kn.VII: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 13-14. M.: Mysl', 1991. 704 s.
- Stasov V.V. Pis'ma k deyateliam russkoi kul'tury. V 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1962. 355 s.
- Chaadaev P.Ya. Poln. sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. T. 1. M.: Nauka, 1991. 798 s.
- Chekantseva Z.A. «Narrativnoe» vremya istorika // Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / pod. red. L.P. Repinoi. M.: Izd-vo LKI, 2011. S. 55-74.
- Shmurlo E.F. Petr Velikii v russkoi literature (Opyt istoriko-bibliograficheskogo obzora) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1889. № 7. 140 s.

History and Theory at the XXII Congress of the CIHS. The Round Table «Event and Time in Historical Perspectives»

In the late August of 2015, the largest academic meeting of historians – the XXII International Congress of Historical Studies took place at Jinan (China), organized by the CIHS. Its extensive programme reflected numerous problems of contemporary scholarship; historians discussed the latest trends in theory in methodology, research fields and subjects of studies. The results of the last Congress, a revealed panorama of achievements and difficulties of the world historiography, further perspectives in the development of historical studies will certainly be analysed and debated, and no doubt, dozens of publications will appear. We present the first step: the materials of a round table (RT 19. Event and Time in Historical Perspectives), dedicated to topics central for the journal ‘Dialogue with time’, which became a core of a research programme of a new laboratory ‘Studies of historical memory and intellectual culture’ recently established at the Institute of World History (RAS). The materials of the Round Table ‘Event and Time in Historical Perspectives’ organized at the Congress (supported by the national Committee of Russian Historians and the Commission of the CIHS for the history of international relations) by Prof. L. Repina and Prof. Hugues Tertrais (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne). The published materials are based on an abridged version of the main paper delivered by L.P. Repina (the full version of it is to be found on the site of the CIHS), the texts of commentators – Prof. Z.A. Chekantseva (Institute of World History, RAS) and Prof. O.B. Leontieva (University of Samara), and the summaries of the comments by H. Tertrais and P. Boilley (Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne).

Keywords: XXII International Congress of Historical Studies, theory, cultural memory, historical memory, event, time, Russia, Europe, Africa.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Olga Leontieva, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Samara State University; oleontieva@yandex.ru

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of World History of RAS, Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru

Zinaida Chekantseva, Dr Sc. (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History (RAS); achekantzev@mail.ru

Э. Г. ЗАДОРЖНЮК

РЕВОЛЮЦИИ НОВОГО ТИПА ОТ «IN VITRO» К «IN NATURA»

Сопоставляются причины и ход «революций с определениями» двух типов, анализируются способы и механизмы смены власти и приход к государственному управлению оппозиционных сил с использованием методов информационных войн (с присущей им «обнаженностью приема») в сочетании с силовым давлением. В сравнительно-историческом ключе с опорой на применение терминов «in vitro» и «in natura» делаются выводы о некоторых общих тенденциях и специфике «революций с определениями» конца XX – начала XXI в.

Ключевые слова: *Центральная и Юго-Восточная Европа, Чехословакия, Украина, «революции с определениями», «Евромайдан», оппозиция, казус, «обнаженность приема», президентство и парламент, информационная война.*

Более 25 лет назад в Центральной и Юго-Восточной Европе началась цепь «революций с определениями»: «переговорные» в Польше и Венгрии, «бархатная» в Чехословакии (и «нежная» в Словакии) и др.¹ Часть зарубежных социальных мыслителей в целом, а также историков и политологов вскоре стали трактовать их как революции нового типа. В 2009 г., суммируя взгляд на них целого ряда в основном англоязычных авторов, британский публицист Т.Г. Эш писал, что судьбоносные события в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Балтии, государствах СНГ конца 1980-х гг., а также в таких странах, как Бирма, Ливан и Чили сводились к следующему: смена режима происходила при участии широких, но мирно ориентированных масс, побуждающих к переговорам властвующую элиту и оппозицию. «В революциях нового типа народ выходит на улицы, чтобы заставить власти сесть за стол переговоров. Момент максимальной мобилизации масс – это и есть момент поворота к переговорам, то есть к компромиссу»², – констатировал он. В некоторых случаях власти прибегают к жестким репрессиям, по крайней мере, на какое-то время революции замедляются. Для достижения успеха их лидерам приходится претерпевать неудачи и извлекать уроки, под-

¹ Подробнее см.: Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. 2001; Чехия и Словакия в XX веке/ 2005; Власть – общество – реформы. 2006; История антикоммунистических революций. 2007; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 2011.

² Эш 2009. С. 127-128.

вергаться преследованиям, но в конечном счете наступает момент, когда обе стороны готовы к согласованным действиям по передаче власти.

Картина в чем-то идиллическая, и неизвестно, таким ли образом – уже 25 лет спустя – Эш охарактеризовал бы дрящущую «революцию достоинства» на Украине, а также кровавые события в арабском мире в середине второго десятилетия нового века. Но термины «революции нового типа», или «революции с определениями», все же устоялись, что не отменяет задачи детального изучения каждой из цепи таких революций, равно как и их сравнительного анализа по самым различным основаниям. В статье предпринята попытка сопоставить две революции, отделенные 25-летним промежутком, прибегнув к терминам «*in vitro*» и «*in natura*», путем сравнения приведших к смене власти событий 1989 г. в Чехословакии и 2013–2014 гг. на Украине.

Первый взятый из латыни термин переводится «в лабораторных условиях» и обозначает, на наш взгляд, некую декларируемую чистоту (революционного) эксперимента; данный термин призван объяснить, почему революция нового типа в Чехословакии получила название «бархатная» (а в Словакии «нежная»). Это определение не значит, что все в ходе революции проходило в полной мере прозрачно и в соответствии с волей народа; скорее, это указывает, что многие отступления от народного волеизъявления происходили тоже в чем-то «*in vitro*», а главное – без крови. Второй термин соотносится, во-первых, с осуществлением революционного эксперимента «в действительности», с учетом жестких, зачастую кровопролитных, противостояний внутри страны и столкновений за ее границами; во-вторых – с полным расхождением декларируемых лозунгов и их реальным осуществлением. Революция нового типа «*in natura*» – это неприглядная ломка народного волеизъявления, что и будет показано при рассмотрении и истолковании некоторых ее проявлений на Украине.

Начало «бархатной» революции в Чехословакии положила легальная студенческая демонстрация 17 ноября 1989 г. в годовщину похорон Яна Оплетала – пражского студента, погибшего в 1939 г. во время протестов против нацистской оккупации Чехословакии. Она явилась очередной вехой в противостоянии части чехословацкого общества «режиму нормализации»³. Инициированная чехословацким комсомолом полвека спустя ноябрьская демонстрация проходила сначала под сугубо

³ Проводилась в память о пражском студенте Я. Палахе, совершившем в январе 1969 г. акт самоожжения в знак протеста против ввода в ЧССР войск пяти стран Варшавского договора в августе 1968 г.

студенческими лозунгами, но затем приобрела политическую окраску, после чего была жестоко разогнана полицией. В итоге рухнул «режим нормализации», введенный в ЧССР после подавления Пражской весны, а президентом страны стал В. Гавел с девизом «правда и любовь победят ложь и ненависть». В дальнейшем этот девиз звучал не так часто, но не только потому, что он казался абстрактным: даже в чехословацкой революции нового типа «*in vitro*» все происходило не так уж «по правде» и «по любви». Тем более это касается происходящей 25 лет спустя «революції гідності» («революции достоинства») на Украине, которую мы назовем революцией нового типа «*in natura*».

Революция, начавшаяся с конца 2013 г. в Киеве, приобрела длительный и полномасштабный характер, но не сразу определилась с названием. События конца 2013 г., вылившиеся в кровавые столкновения, именовались «Евромайданом» (или же только «Майданом»). Термин «революция» – «оранжевая» или на украинском языке «помаранчева» – уже употреблялся за 10 лет до этого, но в чем-то девальвировался в результате национал-радикальной политики ставшего президентом В. Ющенко. Все же считающиеся революционными события на Украине не прекращались, достигнув пика в начале 2014 г. и приведя к свержению законной власти. Вследствие указанной длительности ее можно было бы назвать «перманентной», но к весне 2014 г. зазвучало новое название: «революція гідності» («революция достоинства»)⁴. Всесторонний анализ событий, начавшихся в конце 2013 г. на «Евромайдане», равно как и тенденций их развития провести непросто, несмотря на открытость многих сторон такого рода процесса. Некий квазианализ осуществляется сегодня на уровне медийных форумов, напоминающих «информационные сражения», в которые втягиваются и политики самого высокого ранга.

Надо отметить, что практически все «революции с определениями» в растущей степени отличаются нарочитой открытостью, которую можно охарактеризовать заимствованным из истории литературной критики термином «обнаженность приема». Считается, что одним из первых его ввел В. Шкловский, который в своих работах по теории прозы утверждал: содержание литературного произведения равно сумме его стилистических приемов. Интерпретируя этот, скорее, афоризм, чем опреде-

⁴ «Гідність» в словарях трактуется как совокупность черт, которые характеризуют позитивные моральные качества, и как осознание человеком своего общественного веса. Семантический анализ показывает, что в этом названии много выпяченного, если вспомнить «гідне» отношение к событиям на Украине со стороны внешнего актора (в первую очередь, США) или же отношение лидеров самой Украины к «сепаратистам» на Донбассе, выливающееся в убийства безоружных граждан.

ление, его последователи отождествляли «обнаженность приема» с «режиссируемым чудом», «реализацией метафоры», «показом показа» и т.д. Достаточно полно этот прием использовался немецким драматургом Б. Брехтом, когда в рамках его эпического театра автор, а также актер, становившийся актером, нечто делает и объясняет: я это делаю. Данный прием полномасштабно перешел в современные СМИ, особенно электронные; его можно обнаружить не только тогда, когда телевизионщики часто снимают самих телевизионщиков, но и когда они конструируют реальность под показ. Прибегая к методу «обнаженности приема» в ходе революций нового типа, ориентированные на кардинальные перемены силы не скрывают ни своих намерений, ни характера своих действий, стремясь тем самым привлечь на свою сторону максимальное число сторонников; при этом смещение правды и лжи достигает высших степеней, а демагогия становится одним из правил политической игры.

В современных «революциях с определениями» «обнаженность приема» сводится, как представляется, к организации самодостаточных протестных акций и демонстрированию способов их организации (не всегда легитимных и приемлемых по разным основаниям), а также апелляций к поддержке извне. Оппозиционеры во многих странах систематически и демонстративно посещают посольства США, где их принимают под громкую и звонкую медийную оркестровку. Газеты и журналы не стесняются признавать свою ангажированность, а телевидение подстраивает события под свой формат, прибегая зачастую и к провокациям. При этом если лет 25 назад «обнаженность приема» в ходе «бархатной» революции в ЧССР выступала «*in vitro*», сводясь к громким разговорам о свободе и правах человека и манифестациям зачастую мнимых преследований, то в настоящее время наблюдаются информационные торнадо (с использованием социальных сетей), содержащие призывы к независимости неизвестно от чего, сопровождающиеся гибелью сотен и даже тысяч людей. Украина здесь – лишь один из примеров. Тот же Эш правомерно утверждает: в той мере, в какой мы входим через революции нового типа в XXI век, растет и число Украин⁵.

Как уже говорилось, «бархатная» революция в Чехословакии началась студенческой демонстрацией 17 ноября 1989 г. и завершилась избранием В. Гавела президентом 29 декабря 1989 г., причем все ее этапы происходили «на виду», и делалось это едва ли не впервые в истории революций. По подобному образцу и с опорой на «обнаженность приема» свершались и другие «революции с определениями».

⁵ Ash 2014.

Укажем на подобие ряда событий, разделенных дистанцией в четверть века. Зимой 1989 г. состоявшее в подавляющем большинстве из коммунистов Федеральное собрание ЧССР, сформированное в годы «режима нормализации», единогласно избрало своего идеологического противника – диссидента В. Гавела главой государства, а революция здесь в целом состоялась «*in vitro*» – стремительно и бескровно. Аналогично зимой 2014 г. на Украине большинство депутатов Партии регионов в сформированной при «режиме Януковича» Верховной Раде приняли решение об отставке президента вразрез не только со своими программными установками, но и вопреки своим убеждениям, подчинившись агрессивному меньшинству. Однако и после этого процесс революции нового типа «*in natura*» на Украине приобрел гораздо более длительный и отягощенный кровавыми столкновениями характер.

Прежде чем подробнее рассмотреть эти кульминационные события двух революций – «бархатной» и «достоинства» – следует обратить внимание на их начальные фазы с учетом того, что не все их моменты до сих пор выявлены и, возможно, не будут выявлены никогда. «Обнаженность приема» это как раз и предполагается: чем ярче свет (на телеэкранах), тем гуще тень (в кабинетах для политических сделок); именно история «революций с определениями» демонстрирует это с достаточной определенностью. Как и ранее, в ходе разрешения знаменитых классовых антагонизмов, коренные противоречия между элитами и «электоратом», демонстрирующим свое волеизъявление на площадях и под телекамеры, лишь усугубляются. Хорошо, если они проявляются «*in vitro*» – становясь относительно безобидными «праздниками демократии», на другой день после которых наступает время рутинных непубличных торгов за властные полномочия – режиссирование революций нового типа «*in natura*» может приводить и к реальным национальным катастрофам.

Рассмотрим в этом ракурсе иллюзорный «казус Шмида» в ноябре 1989 г. в Праге – в сравнении с реальной гибелью «небесной сотни» четверть века спустя в Киеве. Непосредственной искрой, которая привела к взрыву возмущения пражан 17 ноября, явились молниеносно распространившиеся по городу слухи о том, что при расправе полиции с мирной студенческой демонстрацией погиб студент физико-математического факультета Карлова университета М. Шмид⁶. Эта информационная «утка» была растиражирована уже на следующий день: независимое Восточноевропейское информационное агентство, возглавляемое придерживавшимся неотроцкистских взглядов диссидентом П. Улом, передало ее в

⁶ См.: Deset pražských dnů 1990. S. 59.

зарубежные СМИ (БиБиСи, «Голос Америки» и др.). Не осталось безучастным и посольство США в Праге. Уже в первом донесении Госдепартаменту о событиях 17 ноября оно сообщило о студенческой демонстрации (с участием, «скорее всего, 50.000») в этот день в Праге, о полицейских нападениях, в первую очередь, на зарубежных журналистов; приводятся и неподтвержденные сведения о вероятности гибели «по крайней мере, одного студента от рук чехословацких властей» (apparently at least one student's death at the hands of the authorities). Говорится и о студенческой демонстрации в память о дне смерти Я. Палаха, а в рекомендациях дается совет активнее защищать зарубежных журналистов⁷.

В телеграмме от 20 ноября «убитый студент» уже обретает имя и... «воскресает». «Сотрудники посольства, – говорится в документе, – связались с матерью Мартина Шмида, которая сказала нам, что ее сын не убит и даже не ранен. Чехословацкое телевидение, опровергло в воскресенье информацию о смерти Шмида; в воскресенье же из мегафонов на Вацлавской площади звучала информация с опровержением смерти Шмида и с обвинениями в адрес, в первую очередь, радиостанции «Голос Америки» (но не БиБиСи или Рейтер), которая передавала со злым умыслом ложную информацию»⁸. Полиция наказала Ула еще до того, как он раскрыл «тайну смерти». Он был арестован, но его жена А. Шабатова и один из спикеров Хартии 77⁹ Д. Немцова пытались организовать пресс-конференцию с предъявлением свидетельств, которые могли бы подтвердить возможную смерть студента. «Тем самым в настоящее время остается загадкой, был ли студент действительно убит»,¹⁰ – такими словами завершается цитируемый документ.

В воскресенье и сам «воскресший» студент появился на телевидении, подтверждая тем самым, что он не мертв. Однако Агентство «Франс Пресс», не считаясь с этим, заготовило «объективную информацию» уже более чем о 4-х смертях, «игнорируя опровержение правительственных чиновников, а некоторые студенты в выходные устроили небольшие мемориальные “поминки” в память об отдельных “убитых” студентах в местах, где они “умерли”»¹¹.

⁷ Prague-Washington-Prague 2004. P. 87, 90, 91.

⁸ Ibid. P. 96.

⁹ Хартия 77 – правозащитное движение в Чехословакии (1977-1992 гг.), названо по принятому 6 января 1977 г. Воззванию Хартии 77. Выступало с требованиями соблюдения чехословацким правительством прав человека, его приверженцы активно участвовали в революции 1989 г., а часть лидеров вошла в новые властные структуры.

¹⁰ Prague-Washington-Prague 2004. P. 97.

¹¹ Ibid. P. 99.

Примечателен еще один документ посольства относительно мнимой смерти Шмида. В рядах демонстрантов оказалась «некая американка, проживавшая в Праге»¹². Она-то первой и проинформировала посольство о «возможной смерти от ран одного юного студента после демонстрации». Начали узнавать имя погибшего – и одна девушка сообщила, что это «ее друг (her boy-friend) – студент математического факультета Карлова университета по имени Мартин Шмид»¹³. Таков один из крайне запутанных источников слуха через третьи руки – и в рамках «обнаженности приема».

Вот как интерпретирует данный казус автор политической биографии В. Гавела, британский исследователь Дж. Кин: «В тысячах и тысячах умов смерть молодого студента от рук коммунистов во время демонстрации в память погибшего от рук нацистов студента 50 лет тому назад демонстрировала, что две системы проводят одну и ту же линию нетерпимости, тоталитарного насилия»¹⁴. Следующее действие: друг Гавела анархист Я. Бок организовал группу парней («the boys»), чтобы защитить от провокаций прибывшего вскоре в Прагу лидера революции¹⁵. Таковы реальные последствия слуха, революционную ситуацию «in vitro» усугублявшего.

«Казус Шмида» можно трактовать и по логике Г.М. Маклюэна (1911–1980), который обосновал тезис: «Извещение о событии создает событие»¹⁶. И в дальнейшем ошибочные сообщения радио «Голос Америки» и «Свободная Европа» о грубом подавлении студенческих демонстраций способствовали росту ширящихся общенациональных протестов в ходе «бархатной» революции, во многом детерминируя их¹⁷.

Так происходило и в других странах, причем уже не только в Центральной и Юго-Восточной Европе: создание подобных провокаций стало неустрашимым элементом в организации массовых движений; при этом «обнаженность приема» особо не скрывалась. Более того, создавалось впечатление, что в той или иной части украинской столицы сначала появлялись телевизионщики, а затем уж происходило событие: касалось ли оно кровавых нападений на правоохранительные органы или же раздачи пирожков участникам «Евромайдана» американским дипломатом.

¹² Ibid. P. 101.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Keane 1999. P. 347.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ В данном ракурсе тема поднималась нами ранее. Подробнее см.: Задорожнюк 2012 (6). С. 172-184.

¹⁷ См.: Эш 2009. С. 131.

Как известно, «Евромайдан» начался 21 ноября 2013 г. в ответ на приостановку подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Уже 1 декабря национал-радикальными силами были захвачены здания офиса Партии регионов и Дома профсоюзов, после чего в Киев зачастили представители ЕС и США. 16 января 2014 г. Верховной Радой – опять-таки под телекамеры – был принят пакет законов против массовых беспорядков, а 19 января появились первые десятки раненых. 22 января погибли трое протестовавших. 4 февраля начались призывы вернуть Конституцию 2004 г., а 18 февраля наступил «кровавый вторник», когда погибли 25 человек. 25 февраля объявились снайперы на Институтской улице, и число погибших возросло до 75, превывсив вскоре сотенную отметку. В дальнейшем они составили «небесную сотню», миф о которой стал вехой на пути к власти радикальных оппозиционеров. Анализ различных источников не оставляет сомнений в том, что многие милиционеры и демонстранты были в провокационных целях расстреляны одними и теми же снайперами. Циничное приписывание кровопролития «режиму Януковича» явилось решающим ударом в ходе информационной войны на путях революции нового типа «in natura».

Освещение кровавых столкновений выстраивалось так, что «жертвами идеи» являлись не только посторонние люди, но и те, кто выступал против национал-радикалов. Наблюдалось полномасштабное нисхождение ко лжи, задаваемое украинскими СМИ, контролируемые выступившими против легитимной власти олигархами, а затем тиражируемое СМИ зарубежными. При этом обнаружилась еще одна – помимо отмеченной Маклюэном – существенная особенность подачи информации: кто первый сказал, тот и прав. Отсюда и крайне жесткий отбор «делателей событий», и отсеивание хотя бы сомневающихся. Эта особенность функционирования СМИ не столько в освещении, сколько в конструировании событий, еще не стала предметом пристального анализа, однако о массовизации их провокационной активности говорить уже можно.

Итак, срежиссированный «in vitro» казус мнимой смерти Шмида сменился 25 лет спустя кровавыми казусами февраля-марта 2014 г., которые сопровождались выпренными легендами о «небесной сотне» – «in natura». Преимущество в этом плане может показаться почти неправомочной, однако некие особенности «обнаженности приема» в деятельности СМИ в двух этих казусах просматриваются. В телеэфире постоянно наличествует «разъяренная толпа», ожидающая «решительного шага», более того, стимулирующая его нарочитое форсирование. Слепая ненависть к «нечестным» властным структурам и их представителям – с наив-

ной верой в то, что сменяющие их структуры будут однозначно честными – демонстрируется через показ «честных» лиц «простых» людей, без допущения того, что эти же люди могут честно мыслить и по-другому.

Не случайно поэтому лидеры «революций с определениями» всегда стремились установить жесткий контроль над СМИ. В Чехословакии это имело место «in vitro» в ходе встречи претендовавшего на президентский пост лидера Гражданского форума В. Гавела с генеральным директором Чехословацкого телевидения партфункционером М. Павлом, считавшимся «человеком» премьер-министра ЧССР Л. Адамеца.

Решимость находившимся на расстоянии вытянутой руки от власти лидерам «бархатной» революции придали события 12-13 декабря 1989 г. В эти дни в чехословацком федеральном парламенте (Федеральном Собрании ЧССР) развернулись дебаты о способе избрания президента. Депутаты-коммунисты, располагавшие в парламенте абсолютным большинством, представили законопроект о референдуме как «высшей форме демократии»; составной его частью являлись прямые всенародные выборы главы государства. Опубликованные 13 декабря 1989 г. результаты опросов показали, что 4/5 от числа респондентов (из 292 чел.) поддерживала прямые всенародные выборы президента¹⁸.

Однако руководство ГФ выступило категорически против всенародного избрания главы государства, квалифицируя парламентские дебаты как попытку «дестабилизации государства», угрозу «национальному согласию», стремление нарушить «шаткое политическое равновесие»¹⁹. Лидеры «бархатной» революции понимали, что планы на избрание Гавела президентом в ходе прямых всенародных выборов призрачны, поскольку он не обладал широкой известностью в стране. Их опасения подтверждают итоги проведенного 7 декабря 1989 г. пражскими студентами импровизированного опроса общественного мнения. На предложенный респондентам вопрос: «Кто, по вашему мнению, мог бы стать президентом республики?» – 80% ответили «не знаю», 10% – Дубчек, 7% – Комарек, 1,3% – Адамец, 1% – Гавел, 1% – Цисарж²⁰.

Складывалась парадоксальная ситуация в стиле театра абсурда: лидеры «бархатной» революции призывали соблюдать конституцию времен «режима нормализации» в части избрания президента, в то время как сами представители этого режима намеревались кардинально изменить ее, казалось бы, даже вопреки своим личным интересам, по-

¹⁸ Suk 1999. S. 351. Pozn.14.

¹⁹ Suk 1998. S. 227-232.

²⁰ Ibid. S. 122.

скольку они-то как раз и составляли подавляющее большинство в федеральном парламенте. Ситуация характеризовалась самими лидерами оппозиции как «гротескная»²¹, а чешский историк И. Сук, спустя десятилетия, вынес своей вердикт: «Гражданский форум запутался в собственных бархатных сетях»²².

Многие радикально настроенные представители ГФ опасались, что на пост президента будет претендовать премьер-министр Л. Адамец. Однако в начале декабря он подал в отставку, утратив административный ресурс, хотя за ним оставался ресурс медийный – спичрайтером Л. Адамца являлся как раз Павел, имевший репутацию жесткого профессионала в сфере СМИ. Гавел же, не надеясь повлиять на волю электората напрямую, решил сделать это косвенно: именно телевидению предстояло «внушить» парламентариям, кого именно «поддерживает» народ. Для этого над телевидением и потребовался тотальный контроль; принцип же свободы слова, которому, как это ни парадоксально, оставался привержен именно партфункционер Павел, можно-де было реализовать и позже...

Продолжали звучать призывы: поскольку происходят революционные преобразования, нужно по-новому избирать и президента – через всеобщие выборы. Но кто мог дать гарантии, что происходящие «*in vitro*» революционные события в Праге будут носить такой же характер и в провинции? И не легче ли проделать – опять-таки «*in vitro*» – эксперимент с депутатами-коммунистами? Как раз через искусное манипулирование СМИ всему населению стало навязываться убеждение лидеров Гражданского форума: президента должен избрать именно «нормализаторский» парламент. С этим согласились и представители радикализованного студенчества, участвовавшие в работе комиссии по расследованию событий 17 ноября – именно им предписывалась функция «контроля снизу» над законодателями.

То, как – «*in vitro*» – было сломано сопротивление Павела, достаточно детально изложено в литературе²³. Гавел напрямую обратился к генеральному директору Чехословацкого телевидения и пригласил его на встречу 16 декабря с целью убедить Павела предоставить лидерам ГФ возможность выступить в тот же день в вечерних теленовостях со своим видением ситуации в стране в целом и президентских выборов, в частности. Павел, появившийся на встрече с младенцем (жена болела), заявил Гавелу, что тот, как незначительная политическая фигура, не

²¹ Ibid. S. 227.

²² Suk 2013. S. 386.

²³ Keane 1999; Suk 2013.

может претендовать на выступление в прайм-тайм. В ответ на руководителя телевидения посыпались угрозы: «Ты дождешься своего, когда я стану президентом... И ждать остается недолго. Мы вышвырнем тебя. Ты станешь никем!»²⁴. Павелу пришлось прибегнуть к непечатным выражениям, но, понимая, что события разворачивались явно не в его пользу, уступил, а Гавел с этого момента из наиболее удобного времени на телевидении уже не исчезал. Самыми устрашающими в этом сражении за СМИ явились как раз эти непечатные выражения побежденного Павела и плач ребенка, которого не с кем было оставить дома.

Такого же рода события на Украине происходили, так сказать, «ближе к природе». В Киеве 18 марта 2014 г. произошло избиение главы первого национального телеканала А. Пантелеймонова под телекамеры за то, что тот не отключил программы из России. Бывший спортивный комментатор, а с 2010 г. доктор философских наук И. Мирошниченко назвал Пантелеймонова «януচারом» (тайным приверженцем В. Януковича) и «москалкой» и принудил его написать заявление об увольнении. Другие функционеры партии «Свобода», пользуясь депутатской неприкосновенностью, проникли на телевидение силой, но отрицали сам факт избиения; позже его не «подтвердил» и сам потерпевший – «обнаженность приема» при этом «обнажилась» до немислимого предела...

Конечно, телерынок к тому времени был уже фактически поделен, хотя момент конкуренции в подаче известий все же допускался, но уже после 18 марта контроль над СМИ стал тотальным. Избиение же в прямом эфире руководителя телеканала показало, что демонстрации врагов и героев будут на нем регламентироваться однозначно. Ведь именно телевидение создавало точку отсчета новой мифологии революции, показывая похороны «небесной сотни», подчеркивая, что они – в традиции исторического казачества – герои борьбы за Украину, призывая присваивать имена погибших улицам, учреждениям, учреждая награды. Вопрос о том, как погиб каждый из участников и от чьих рук, при этом даже не ставился, хотя свидетельств о том, что стреляли в основном снайперы-майдановцы, было достаточно.

В целом доминирующей стала логика: чем ярче освещать событие, тем проще спрятать густые тени, или же, другими словами, чем темнее событие, тем нужнее «светлая» его демонстрация.

Кульминацией любой революции, в том числе «революции с определениями», является свержение старой власти и установление новой – в рамках устоявшихся институтов или путем создания (а часто бездум-

²⁴ Keane 1999. P. 367-368; см. также: Suk 2013. S. 388-389.

ного импортирования) новых. В Чехословакии это произошло в основном «in vitro» – если под этим подразумевать внутрипарламентские манипуляции, завершившиеся «чистым» результатом в ходе избрания Гавела президентом²⁵.

Канва событий вкратце такова. 15 декабря в Праге произошло событие, имевшее детективный оттенок: председатель федерального правительства коммунист М. Чалфа по своей инициативе организовал неофициальную встречу с Гавелом в здании президиума правительства ЧССР, где не было подслушивающих устройств. Уже вечером того же дня Гавел ознакомил своих ближайших соратников с содержанием считавшегося секретным соглашения с Чалфой (магнитофонная запись их беседы была опубликована только через 13 лет). Как полагает Дж. Кин, одна из главных целей этой сделки заключалась в снятии кандидатуры А. Дубчека, который, как и Гавел, претендовал на высший государственный пост, и подготовке коммунистического по своему составу федерального парламента к избранию президентом Гавела. Чалфа, как пишет Кин, «на приемах и обедах, посредством лоббистской и вербальной активности, путем уговоров и прессинга на различные группы и отдельных лиц пытался заблокировать все нежелательные процессы в парламенте. По взаимной договоренности он выступил 19 декабря в парламенте, призывая депутатов избрать Гавела в конце года»²⁶. За это Чалфа был вознагражден постом советника президента после его избрания²⁷. При этом антикоммунист Гавел просил своих друзей не разглашать сепаратные договоренности с коммунистом Чалфой, наложив на них «информационное эмбарго»²⁸.

Действительно, Чалфа пообещал Гавелу сделать все от него зависевшее, чтобы выборы президента прошли в ФС ЧССР в соответствии с существующей социалистической Конституцией, и чтобы парламент рассматривал кандидатуру Гавела на пост президента в качестве безальтернативной; последнее, впрочем, Конституцией ЧССР не требовалось.

19 декабря 1989 г. на совместном заседании двух палат ФС ЧССР Чалфа от имени своего кабинета министров предложил кандидатуру Вацлава Гавела на пост президента. Коммунистическое «послушное боль-

²⁵ Перипетии избрания В. Гавелом президентом ЧССР (ход и итоги) неоднократно анализировались в отечественной литературе. См., например: Чехия и Словакия в XX веке 2005. С. 324-325; История антикоммунистических революций конца XX века 2005. С.193-279; Задорожник 1995, 2003, 2012 (а).

²⁶ Keane 1999. P. 372.

²⁷ Ibid. P. 488.

²⁸ Verenost' proti násiliu 1998. S. 102.

шинство» одобрило это предложение. Тем самым вопрос об альтернативных выборах президента был окончательно закрыт.

Все же исследователи и 25 лет спустя отмечают, что декларируемая Гавелом «временность» пребывания на этом посту растянулась на десятилетия, причем коммунистический парламент избрал Гавела точно так же, как он избирал Гусака в 1975, 1980 и 1985 гг. Даже радикально ориентированные последователи Гавела «восприняли это как “фальшь” и предполагали, что, по меньшей мере, десять депутатов проголосуют против. Единогласное же избрание они впоследствии интерпретировали в духе всеобщего презрения к “убожеству и слабости этих перерожденцев коммунистической империи зла”»²⁹. Как говорится, хорошая мина при в общем-то достаточно грубо срежиссированной – даже «in vitro» – игре³⁰...

Смена власти «in natura» на Украине происходила куда более жестко, а воля «Майдана» в Киеве в этом плане диктовалась, в отличие от Праги, в ходе кровавых столкновений. Смещение с поста президента В. Януковича и избрание А. Турчинова главой парламента, а затем временно исполняющим обязанности президента шло по следующему сценарию. 9 февраля 2014 г. лидеры оппозиции В. Кличко и А. Яценюк призвали Верховную Раду проголосовать за возвращение к Конституции 2004 г., что автоматически предполагало ограничение полномочий президента. Это происходило на фоне усиливавшегося противостояния национал-радикалов и «Беркута», а также инициированного первыми «мирного» наступления на парламента, естественно, под телекамеры и при участии иностранных эмиссаров.

18 февраля произошло кровавое столкновение сил правопорядка и демонстрантов, а затем захват ими офиса Партии регионов. 19 февраля был объявлен режим контртеррористической операции, а 21 февраля состоялись переговоры В. Януковича с тремя представителями оппозиции (к первым двум присоединился О. Тягнибок) – при участии уже дипломатов высшего ранга из Германии, Польши и Франции.

²⁹ Suk 2013. S. 417-418. Соратник Гавела М. Жантовский в своей книге проигнорировал анализ хода и итогов президентской кампании 1989 г. См.: Žantovský 2014.

³⁰ О процедуре избрания Д. Кайсер пишет следующее: «29 декабря Вацлав Гавел выступил в качестве единственного кандидата на президентский пост; Федеральное собрание, в которое на тот момент были кооптированы только 23 из 350 депутатов, единогласно проголосовало за него. Разумеется, большинство депутатов определенно отдали свои голоса, скрипя зубами, в тот момент им следовало бы пойти против воли улици, но ментально они не были в состоянии сделать это... История ускоряла свой ход, и людей быстро переставали интересовать деятели шестьдесят восьмого года; с приходом Гавела на Град разрыв с коммунистической эрой оказался весьма мощным, и иным в тот момент он не мог быть». (Kaiser 2009. S. 238-239).

Итог таков: того же 21 февраля было подписано Соглашение между президентом и оппозицией о проведении президентских выборов при соблюдении международных гарантий их легитимности. Но уже 22 февраля Янукович покинул столицу, и тогда же главой Верховной Рады большинством в 326 голосов был избран Турчинов; парламент принял постановление «О самоустранении Президента Украины от исполнения конституционных полномочий и назначении внеочередных выборов Президента Украины». 23 февраля Турчинов уже в качестве главы парламента подписал постановление о возложении на себя должности временно исполняющего обязанности президента – при поддержке 288 депутатов (присутствовали 339 из 450)³¹. В тот же день, в своем обращении к соотечественникам оставшаяся в Раде парламентская фракция Партии регионов обвинила в кровопролитии своего лидера. Этим подтверждалась та закономерность революций, в соответствии с которой часть правящей партии при любых условиях стремится оставаться близ новых правителей: около 60 депутатов Партии регионов оказались без депутатских мандатов, но вдвое больше все же в Раде заседали! Что касается выборов президента, сменившего «продажного олигарха» Януковича, то они состоялись 25 мая 2014 г. «За» него проголосовали 54,7% избирателей при явке 59,5% («за» Ю. Тимошенко – 12,8%, «за» О. Ляшко – 8,3%).

Таким образом, на Украине три оппозиционные группы избранного при «режиме Януковича» парламента составили поистине «подавляющее» меньшинство и с апелляциями к «воле народа» фактически свергли власть легитимного президента. Они учредили удобный для себя вариант Верховной Рады, принудив к участию в ее заседании значительную долю депутатов от Партии регионов, приверженцы которой приняли под давлением решения, полностью противоречащие ее программе. Так было в Чехословакии «*in vitro*», так произошло и на Украине, но «*in natura*».

«Бархатная» революция в Чехословакии происходила в условиях благожелательного нейтралитета со стороны СССР, занятого своими тоже революционно-перестроечными делами. Что касается США, то и с их стороны отношение к революционным событиям в Чехословакии было благожелательным, но прямого давления они избегали. «Револю-

³¹ Официально Верховная Рада состояла из 450 депутатов. Парламентские выборы, прошедшие 28 октября 2012 г., дали следующие результаты: Партия регионов – 186 мест, «Батьківщина» – 105, «Удар» – 40, Компартия Украины – 32, «Свобода» – 37, остальные и беспартийные – 50 мест. На начало мая 2014 г. ее состав был таков: Партия регионов – 127 депутатов, «Батьківщина» – 88, «Удар» – 40, «Свобода» – 36, группа «Экономическое развитие» – 33, группа «Суверенная европейская Украина» – 37, Компартия Украины – 32, нефракционные – 91 депутат.

ция достоинства» характеризуется гораздо большими давлениями извне и противостоянием указанных внешнеполитических акторов. И все же обе революции предстают как звенья одной цепи – по крайней мере, в интерпретации приверженцев евроатлантизма. Они трактуются как шаги в ходе глобальной демократизации мира – шаги в направлении с Запада на Восток и даже на Юг. Сравнение двух «революций с определениями» показывает, что точки бифуркации в процессе «in vitro» и «in natura» носят разнородный характер; то же можно говорить и о турбулентностях в связи с внешними воздействиями на них.

При знакомстве с многочисленными апологиями указанных революций в некоторых объемных исследованиях, в основном англоязычных, и в сегодняшних СМИ создается впечатление, что многие зарубежные аналитики и политики убеждены: мир будет завоеван для демократии, как раньше он был завоеван для христианства: самые мощные государства развалятся, препятствующие этому идеи победят силу, и люди воспримут ценности демократического мира и прав человека как безальтернативные. «Успешные» шаги на этом пути уже предприняты: от «язычества» отошли страны Центральной и Юго-Восточной Европы, Балтии, отходит Украина; рано или поздно от них отойдет-де и Россия.

Однако вопреки этим иллюзорным представлениям надо признать, что распространение указанных ценностей наталкивается на сопротивление в таких ареалах, как Индия, Китай, арабский мир; «острова» демократии в Кувейте, Сингапуре, с большими оговорками Японии и т.д. остаются относительно небольшими, указанные же выше страны предпочитают собственные религии и свои варианты развития. Да и в странах евроатлантизма, казалось бы, окончательно «завоеванных» для демократии, все громче заявляют о себе евроскептики, усиливаются и националистически ориентированные силы. Достаточно понаблюдать их успехи в Германии, Франции и даже Великобритании. Их лидеры демонстрируют ситуацию бумеранга, вернувшегося в Западную Европу, поскольку там все чаще ставят вопрос: почему им (тем же украинцам) можно опираться на национальные ценности, а нам нельзя?³²

Наш анализ позволяет с опорой на данное заключение, но придав ему обратный смысл, дать новое видение исторических событий конца XX-начала XXI вв., обозначаемых понятием «революции с определени-

³² Соответственно ориентированные партии победили на выборах в Европарламент в 2014 г., сформировав Европейскую народную партию с 213 местами (28,4% полученных голосов; ее главный оппонент Прогрессивный альянс социалистов и демократов получил 190 мест и 25,3% голосов; общая явка на выборах составила 43,09%). См.: Ведомости 2014.

ями». Одни из них происходят с большими элементами фарса³³. Чем, как не фарсом, можно назвать мнимое убийство студента Шмида? Или же посещение руководителем чехословацкого ТВ (с младенцем на руках) диссидента, еще не достигшего пика своей славы? Равно как и «реверс волеизъявления» прокоммунистического парламента, избирающего президентом своего идеологического противника?

В статье нарочито акцентируются элементы фарсовости в событиях не столь отдаленного прошлого, чтобы подчеркнуть реальную трагичность похожих на них событий четверть века спустя. Абсурдистско-драматургические, по слову И. Сука³⁴, ходы в период «бархатной» революции воспринимались как курьез, незлая шутка и т.п., хотя речь шла о параллельных социально-политических изменениях. Однако своеобразное культивирование «обнаженности приема» под направленным внешним воздействием оказалось дорогой к тому, что подражание этим ходам превратилось в кровопролитную трагедию, если учесть сотню жертв революции на «Евромайдане» – и многие сотни в регионах Украины (к началу 2015 г. их счет пошел уже на тысячи и десятки тысяч).

Надо подчеркнуть, что приемы революций нового типа срабатывают не всегда и не везде, даже если «обнаженность приема» в их постановке и освещении готовится СМИ заранее и со всей тщательностью. Многое в этом плане ожидалось от 25-й годовщины «бархатной» революции. Был, к примеру, назначен (считалось, что «волей улицы», как и в 1989 г.) «ответчик» за кризисные ситуации (которые в любой из стран имеют и начало, и конец) – глава государства М. Земан, «замеченный» в симпатиях к России и прохладном отношении к революционным событиям на Украине. Празднование 25-летия «бархатной» революции с учетом этого отмечалось 17 ноября 1989 г. в Праге многолюдным митингом с организованной доставкой красных карточек, символизовавших требование отставки чешского президента, а также метанием различных предметов в него. Телекартинка оказалась весьма яркой, однако случился и ряд сбоев. Первый: массовой поддержки «улицы» митинг так и не получил. Второй: собравшиеся, явив скопившуюся опять-таки «in vitro» энергию протеста, даже будучи хорошо организованны-

³³ Карл Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», знаменитом памфлете и образце анализа феномена революции на фоне текущих политических процессов с открытым финалом, писал: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Маркс, Энгельс 1957. С. 119.

³⁴ Suk 2003; Сук 2014. С. 381-404.

ми, особого результата не добились, если не считать постоянного пребывания на телеэкранах. Третий: случились и проколы, в частности, одно яйцо угодило в президента Германии И. Гаука, присутствовавшего вместе с президентами Венгрии, Польши и Словакии на открытии памятной доски. Всенародно избранный чешский президент достаточно хладнокровно отреагировал на демарш в основном молодых и революционно экзальтированных столичных жителей, заявив: «Я не боюсь вас, как не боялся и двадцать пять лет назад»³⁵.

В заключение о некоторых итогах двух «революций с определением». Нам неоднократно приходилось анализировать феномен «бархатного» распада единого чехословацкого государства вслед за «бархатной» революцией. Он происходил по некоему алгоритму, который задавался национально ориентированными частями элит – причем в основном вопреки воле народов, если судить, по крайней мере, по данным опросов. Трудно отыскать какое-либо единственное побуждение в деятельности этих элит, направленных на деструкцию и дезинтеграцию единого государства: ни особых экономических выгод, ни политических преимуществ они в ходе распада не получали и не получили в дальнейшем. Тот же В. Мечъяр «бархатно», но неуклонно ушел с политической сцены, а В. Клаус вместо апологии «впрыгивания» в Европу занял позицию евроскептицизма. В экономическом плане Словакия даже обогнала Чехию, первой войдя в еврозону. В политическом же ракурсе вес двух голосов двух стран в общеевропейских структурах оказался меньшим, чем голос единой Чехословакии, и не исключено, что этот отрицательный опыт сдерживал некоторые устремления к независимости частей Бельгии, Великобритании и Испании.

В данном случае важно другое: апологеты распада Чехословакии сумели использовать давно забытые юридические формулировки, умело манипулировали статистическими данными. Им удалось повлиять на массовые настроения с тем, чтобы процесс рассогласования интересов не останавливался. Если рассматривать протоколы заседаний комиссий, материалы встреч политиков, ратующих за разъединение, решения республиканских парламентов, то создается впечатление, что алгоритм распада осуществлялся «in vitro»³⁶. Трудно отыскать и внешние факторы, мощно воздействовавшие на распад Чехословакии, включая «конспирологические» версии: ни экономическим структурам транснационального характера, ни разведывательным органам разных стран, ни

³⁵ Цит. по: Вроž 2014.

³⁶ Власть-общество-реформы 2006. С. 259-346.

политическим конфигурациям общеконтинентального характера особых плюсов он не приносил – процесс происходил как бы сам по себе, поистине «in vitro».

Вряд ли исход событий на Украине можно предвидеть и даже предвосхитить. Однако есть основания предполагать: если украинское государство сохранится и даже останется унитарным, расхождения между Донбассом и остальной Украиной будут значительно большими, чем между ныне самостоятельными Чехией и Словакией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ведомости. 2014. 27 мая.
- Власть-общество-реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / Отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. М.: Наука, 2006.
- Задорожнюк Э.Г. Драматургия президентства. Штрихи к политическому портрету Вацлава Гавела // Кентавр. М., 1995. № 5
- Задорожнюк Э.Г. Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М.: ИНИОН, 2003.
- Задорожнюк Э.Г. (а) Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5.
- Задорожнюк Э.Г. (б) «Революции с определениями»: поступь истории и динамика нарративов // Sacrum et Profanum. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры / Отв. ред. М.М. Валенцова, Е.С. Узенева. М., 2012.
- История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа / Отв. ред. Ю.С. Новопашин. М.: Наука, 2007.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 8. М., 1957.
- Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: РОССПЭН, 2011.
- Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2001.
- Сук И. Мораль и власть. Политическое мышление и политическая практика Вацлава Гавела (1977–1992) // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х-80-е гг. XX в. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: ИЗДАТЕЛЬ, 2014.
- Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х книгах / Отв. ред. В.В. Марьяна. Кн. 2. М.: Наука, 2005.
- Эш Т.Г. 1989 год и перспективы «бархатных революций» // Pro et Contra. 2009. Сентябрь – декабрь.
- Ash T.G. Putin has more admirers than the West might think // Guardian. 2014. April 17.
- Brož J. Konec velké sametové hysterie. Nevystavili jsme červenou kartu sami sobě? // <http://www.reflex.cz/clanek/komentare/60472/josef-broz-konec-velke-sametove-hysterie-nevystavili-jisme-cervenou-kartu-sami-sobe.html>
- Deset pražských dnů. 17-27. listopad 1989. Dokumentace. Praha, 1990.
- Kaiser D. Disident. Václav Havel 1936-1989. Praha-Litomyšl, 2009.
- Keane J. Václav Havel. A political tragedy in six acts. London, 1999.
- Prague-Washington-Prague. Reports from the United States Embassy in Czechoslovakia, November-December 1989 / Ed. by V. Prečan. Prague, 2004.

- Suk J. Občanské forum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Brno, 1998. Díl 2.
Suk J. K Prosazení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta v prosinci 1989. Dokumenty a svědectví // Soudobé dějiny. 1999. № 2-3.
Suk J. Labirintem revoluce. Akteři, zápletky a křížovky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990). Praha, 2003.
Suk J. Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975-1989. Praha, 2013.
Verenost' proti násiliu. 1989-1991. Svedectva a dokumenty. Bratislava, 1998.
Žantovský M. Havel. Praha, 2014.

REFERENCES

- Vedomosti. 2014. 27 maya.
Vlast'-obshchestvo-reformy. Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya polovina KhKh veka / Otv. red. E.G. Zadorozhnyuk. M.: Nauka, 2006.
Zadorozhnyuk E.G. Dramaturgiya prezidentstva. Shtrikhi k politicheskomu portretu Vatslava Gavela // Kentavr. M., 1995. № 5
Zadorozhnyuk E.G. Politicheskii portret prezidenta-dramaturga Vatslava Gavela // Politicheskie lidery i strategii reform v Vostochnoi Evrope. M.: INION, 2003.
Zadorozhnyuk E.G. (a) Vatslav Gavel: portret v inter'ere istoricheskoi epokhi // Slavyanovedenie. 2012. № 5.
Zadorozhnyuk E.G. (b) «Revolutsii s opredeleniyami»: postup' istorii i dinamika narrativov // Sacrum et Profantum. Yazykovye, literaturnye i etnicheskie vzai-mosvyazi khristianskoi kul'tury / Otv. red. M.M. Valentsova, E.S. Uzeneva. M., 2012.
Istoriya antikommunisticheskikh revolutsii kontsa KhKh veka. Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa / Otv. red. Yu.S. Novopashin. M.: Nauka, 2007.
Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2. T. 8. M., 1957.
Revolutsii i reformy v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: 20 let spustya / Otv. red. K.V. Nikiforov. M.: ROSSPEN, 2011.
Revolutsii 1989 goda v stranakh Tsentral'noi (Vostochnoi) Evropy. Vzglyad cherez desyatiletie / Otv. red. G.N. Sevost'yanov. M.: Nauka, 2001.
Suk I. Moral' i vlast'. Politicheskoe myshlenie i politicheskaya praktika Vatslava Gavela (1977-1992) // Inakomyslie v usloviyakh «real'nogo sotsializma». Po-iski novoi gosudarstvennosti. Konets 60-kh-80-e gg. XX v./ Otv. red. K.V. Niki-forov. M.: IZDATEL", 2014.
Chekhiya i Slovakiya v XX veke. Ocherki istorii. V 2-kh knigakh / Otv. red. V.V. Marina. Kn. 2. M.: Nauka, 2005.
Esh T.G. 1989 god i perspektivy «barkhatnykh revolutsii» // Pro et Contra. 2009. Sentyabr' – dekabr'.
Ash T.G. Putin has more admirers than the West might think // Guardian. 2014. April 17.
Brož J. Konec velké sametové hysterie. Nevystavili jsme červenou kartu sami sobě? // <http://www.reflex.cz/clanek/komentare/60472/josef-broz-konec-velke-sametove-hysterie-nevystavili-jsme-cervenou-kartu-sami-sobe.html>
Deset pražských dnů. 17-27. listopad 1989. Dokumentace. Praha, 1990.
Kaiser D. Disident. Václav Havel 1936-1989. Praha-Litomyšl, 2009.
Keane J. Václav Havel. A political tragedy in six acts. London, 1999.
Prague-Washington-Prague. Reports from the United States Embassy in Czechoslovakia, November-December 1989 / Ed. by V. Prečan. Prague, 2004.
Suk J. Občanské forum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Brno, 1998. Díl 2.

- Suk J. K. Prosazení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta v prosinci 1989. Dokumenty a svědectví // Soudobé dějiny. 1999. № 2-3.
- Suk J. Labirintem revoluce. Aktéři, zápletky a křížovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990). Praha, 2003.
- Suk J. Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975-1989. Praha, 2013.
- Verenosť proti násiliu. 1989-1991. Svedectva a dokumenty. Bratislava, 1998.
- Žantovský M. Havel. Praha, 2014.

Задорожник Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; elzador46@mail

Revolutions of a new type: from ‘in vitro’ to ‘in natura’

The article presents a comparison of the causes and progress of the ‘revolutions with adjectives’ of two types, and the analysis of ways and mechanisms to depose governments and put opposition in power with the use of the methods of information wars (with their ‘nakedness of method’) and the use of violence. The author employs the terms ‘in vitro’ and ‘in natura’ and makes conclusions about some shared trends and specifics of the ‘revolutions with adjectives’ of the late 20th – early 21st c.

Keywords: Central and South-Eastern Europe, Czechoslovakia, Ukraine, ‘revolution with adjectives’, ‘Euromaidan’, opposition, case, ‘naked method’, president and parliament, information war

Ella Zadorozhnyuk, Dr Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, the Institute of Slavic Studies, RAS; elzador46@mail

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

О. В. Сидорович

НУМА И ПИФАГОР КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РИМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется легенда, сохранившаяся в античной исторической традиции, которая связывала узами ученичества римского царя Нуму Помпилия и греческого философа Пифагора, а также событие 181 г. до н.э. в Риме, когда были найдены и сожжены по приказу сената книги Нумы. Сведения античных авторов позволяют определить время возникновения легенды о Нуме и Пифагоре, получить представление об этапах ее становления и формах бытования в римском обществе эпохи Республики. Подчеркивается роль сформировавшихся в недрах коллегии понтификов представлений о Нуме как создателе римской религии и права.

Ключевые слова: Древний Рим, Нума, Пифагор, Тиберий Корунканий, пифагореизм, римская историческая традиция, анналисты, антиквары, М. Теренций Варрон, понтифики, книги Нумы, римская религия.

В исторической традиции Рима город представлен как дважды основанный: первый акт основания был государственно-правовым и связан с именем Ромула, второй – религиозным, творцом которого являлся Нума. Противоположные, но дополняющие друг друга, личности этих царей воплощали в себе основные ценности римского гражданства – *virtus* (доблесть) и *pietas* (благочестие)¹. Греческие и римские историки, писавшие о началах Рима, не обходили своим вниманием обоих героев-основателей, но Нума безоговорочно вызывал у них больше симпатий. Этот факт, по-видимому, можно объяснить убеждением каждого античного автора в том, что религия скрепляет все политико-правовые институты общества в единую систему, нацеленную на благополучие гражданского коллектива.

Корпус сведений, содержащихся в античной традиции о Нуме, распадается на два блока. В одном рассказывается о мероприятиях Нумы по созданию религиозной системы римской общины, в другом – о находке и дальнейшей судьбе книг этого римского царя спустя шесть веков после его правления. Связующим персонажем здесь является Пифагор, который был не столько философом, сколько мудрецом и мисти-

¹ Liv. 1.21.6: ita duo deinceps reges, alius alia via, ille bello, hic pace, civitatem auherunt. Термин *pietas* трактовался широко – как исполнение долга по отношению к старшим в семье, гражданскому коллективу и к миру богов.

ком². Представление о том, что второй царь Рима Нума Помпилий был учеником Пифагора Самосского прочно утвердилось в античной традиции и, можно сказать, никогда не уходило из нее.

Анализ сохранившейся традиции о пифагореизме Нумы следует начать с сочинения Цицерона «О государстве». Участники этого диалога рассуждают о том, был ли Нума учеником Пифагора. Первое, что привлекает внимание, это ссылка беседующих на различные формы бытования рассказа о Нуме и Пифагоре: устная традиция и государственные летописи³. Получается, что рассказ об ученичестве Нумы у Пифагора изначально существовал в устной форме и имел широкое хождение в римском обществе. Однако этот факт, по мысли Цицерона, ещё не обеспечивал ему надежного места в исторической традиции, поскольку не был зафиксирован письменно⁴. Для Цицерона надежность свидетельства, его *auctoritas*, гарантируется присутствием в *annales publici*. Какого рода сочинения могли скрываться под этим термином? Принимая во внимание то, что нам известно об отношении Цицерона к историческим сочинениям авторов предшествующих поколений⁵, думается, что в словах *publici* и *auctoritate* латинского текста подразумевается сочинение более весомое и значимое для него, нежели произведения первых римских историков. Скорее всего речь здесь шла об анналах понтифика, начало которых можно отнести к IV в. до н.э.⁶

Время действия диалога отнесено к 129 г. до н.э., когда римская историография уже прошла путь становления от грекоязычной к латиноязычной прозе и окончательно закрепила за собой в качестве приоритетной анналистическую форму изложения. Значит, если следовать Цицерону, первые римские историки или не были ещё знакомы с версией ученичества Нумы у Пифагора, или Цицерон в данной ситуации не

² *Varro ap. Aug. C.D. 7.35*. В развернутом виде такая характеристика Пифагора содержится в кн.: Суриков. 2013.

³ *Cic. De rep. 2.28*: saepe enim hoc de maioribus natu audivimus et ita intellegimus vulgo existimari, neque vero satis id annalium publicorum auctoritate declaratum videmus.

⁴ Для Цицерона (*De rep. 2. 18*), например, Ромул был историческим лицом, поскольку жил в эпоху распространения письменности, которая обеспечивала достоверность событиям. Поэтому, в его представлении, записанное было равнозначно достоверному.

⁵ Цицерон не слишком высоко оценивал ранних римских историков, когда речь шла о стилистических особенностях их сочинений (*Cic. De orat. 2.51-53*; *De leg. 1.6*; *De div. 1.43,55*). Но и когда ему требовалась более точная информация, он предпочитал им других авторов, например, Полибия (*Cic. De rep. 2.27*). Подробнее о степени знакомства Цицерона с историческими сочинениями своих предшественников см.: Fleck. 1993.

⁶ Сидорович 2005. С. 52 сл.

принимает в расчет существование такой возможности⁷. Второе предположение кажется более вероятным.

Ко II в. до н.э. относится литературная деятельность анналистов Кассия Гемины и Кальпурния Пизона. В сохранившихся фрагментах их сочинений говорится о книгах Нумы, в которых содержались основные положения философии Пифагора⁸. О книгах Нумы, их содержании и находке в 181 г. до н.э. речь пойдет ниже. В данном случае важно отметить, что этим авторам было знакомо представление о пифагореизме Нумы. О книгах Нумы и об их философском содержании знал и Валерий Анциат, анналист I в. до н.э.⁹ В диалоге «О государстве» Цицерон передает две версии о пифагореизме Нумы: в одном случае Нума был учеником самого Пифагора, в другом – просто пифагорейцем¹⁰. В диалоге «Об ораторе» Цицерон характеризует Нуму Помпилия всего лишь как пифагорейца¹¹. За этой характеристикой угадывается увлечение Нумы философией Пифагора и следование его догмам, что совсем не подразумевает их отношений как учителя и ученика. Тем самым можно говорить о бытовании в Риме двух вариантов традиции о Нуме и Пифагоре: в одном случае Нума признавался учеником греческого философа, в другом – отмечалось только поведение Нумы как государственного деятеля в соответствии с учением Пифагора.

В центре нашего внимания находятся три вопроса: когда возникла легенда о Нуме как ученике Пифагора и когда она сменилась более «мягкой» версией его пифагореизма, а также на каком основании возникло устойчивое представление о связи римского царя и греческого мудреца? Ответ на первый вопрос предложил ещё во второй половине XIX в. немецкий ученый А. Шwegлер. Он относил возникновение пред-

⁷ Существует точка зрения, что первый римский историк Фабий Пиктор не мог не писать о Нуме, причем ядром рассказа были *leges regiae*, которые приписывались Нуме (Rosen 1985. Bd. 15. S. 78-79). Впоследствии это же предположение высказал М. Фокс (Fox 1996. P. 250).

⁸ *Hemina* Fr. 37 P., *Piso* Fr. 11 P. = *Plin.* N.H. 13. 84-88.

⁹ *Antias* Fr. 8 P. = *Plin.* N.H. 13.87. Современные исследователи по-разному определяют время жизни и творчества Валерия Анциата. Анциат как анналист сулланского времени: *Ogilvie* 1965. P. 12-13. Дж. Клауд датирует литературную деятельность Анциата временем Цезаря с ее продолжением, по крайней мере, в начале 30-х гг. (*Cloud* 1977. V. 2. P. 225-227). Г. Форсайт называет Анциата писателем эпохи Цицерона, помещая творческую деятельность историка-анналиста между 70 и 40 гг. I в. до н.э. (*Forsythe* 2002. P. 99-102).

¹⁰ *Cic.* De rep. 2.28: ...regem istum Numam Pythagorae ipsius discipulum aut certe Pythagoreum fuisse?

¹¹ *Cic.* De orat. 2.154: quidam Numam Pompilium, regem nostrum, fuisse Pythagoreum ferunt.

ставлений о личных связях Нумы и Пифагора к эпохе Самнитских войн или ко времени до предполагаемой находки книг Нумы в 181 г.¹² В ещё более раннее время, предшествовавшее захвату Рима галлами в 390 г. до н.э., помещает возникновение этой легенды Г. Льюис¹³. Т. Дайер оспаривает датировку легендарного эпизода, принятую его предшественниками, и склоняется к относительно поздней дате, ко времени появления первых исторических сочинений в Риме, авторами которых были Фабий, Цинций и др.¹⁴, т.е. к концу III в. до н.э. В конце XIX в. Э. Пайс высказал идею о роли Аристоксена из Тарента, ученика Аристотеля, в создании легенды о Нуме и Пифагоре¹⁵. Впоследствии она нашла поддержку в работах Э. Габбы и Э. Грюэна¹⁶. Аристоксен (конец IV – начало III в. до н.э.) был большим почитателем Пифагора и написал биографию самосского мудреца. Но одно дело заронить мысль о том, что Пифагор наставлял Нуму в законотворчестве, как Харонда и Залевка¹⁷, известных законодателей в городах Южной Италии, другое – принять легенду и сделать ее частью своей истории.

Рассказы о Пифагоре стали появляться довольно рано в Великой Греции, где в VI в. до н.э. распространилось его религиозно-философское учение. По свидетельству Плутарха (Numa 8.17), комик Эпихарм сообщает, что римляне даровали Пифагору права гражданства. Эпихарм жил в Сиракузах во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. и был учеником Пифагора, поэтому его свидетельство могло рассматриваться как самое раннее и впоследствии лечь в основу версии, сближавшей римского царя с греческим философом. Однако ключевым моментом в этом случае является упоминание о предоставлении гражданского статуса выходцу из Южной Италии. Известно, что практика предоставления прав римского гражданства эллинизированным обитателям Южной Италии началась с кампанцев во второй половине IV в. до н.э. Этот факт выдает позднюю подделку, датируемую IV в., которая приписывается Эпихарму¹⁸. Позже к ранней истории Рима обратился Тимей Сицилийский – серьезный и авторитетный автор, имевший широкую читательскую ауди-

¹² Schwegler 1884. Bd. I. S. 561.

¹³ Lewis 1855. V. I. P. 449-452.

¹⁴ Dyer 1868. P. 167.

¹⁵ Pais 1898. V. I. P. 387.

¹⁶ Gabba. 1967. P. 157-163; Gruen. 1990. P. 160. Современные исследователи считают, что к сведениям Аристоксена можно относиться с большим доверием, поскольку ему хорошо был знаком пифагорейский опыт (Суриков 2013. С. 146, 198).

¹⁷ Diog. Laert. 8.16.

¹⁸ Kaibel 1907. Bd. 6.1. S. 34-41; Humm 2014. P. 45.

торию¹⁹. Тимей писал о римских царях, но это не значит, что он знал версию знакомства Нумы и Пифагора или являлся ее создателем²⁰.

Римляне обратились к сочинениям греков Южной Италии не ранее конца III в. до н.э., когда начали писать свою историю на греческом языке, следуя образцам греческой историографии. Тогда же, возможно, среди римских авторов стала оформляться идея об отношениях ученичества, которые связывали Нуму и греческого мудреца. По мнению М. Фокса, об ученичестве Нумы у Пифагора мог писать уже Энний или ещё раньше Фабий Пиктор²¹. Вряд ли греки знали что-то конкретное о римском царе Нуме. Но литературная культура того времени, когда работал Фабий, была греко-римской²². Поэтому и автор, и его аудитория воспринимали свое прошлое в греческих парадигмах, под влиянием которых создавался образ мудрого царя. Основание связать Нуму и Пифагора скрывалось в представлении о реальном или мнимом сходстве установлений Нумы с догмами Пифагора. Мудрец и правитель имели много точек соприкосновения: отказ от кровавых жертвоприношений и изображений богов, следование распространенному у пифагорейцев обету хранить молчание²³, а также почитание огня как центра Вселенной. Последнее представление нашло выражение в строительстве Нумой круглого в плане храма Весты, который, по утверждению Плутарха (Numa 11.1-2), воспроизводил очертания Вселенной.

Возможность непосредственного контакта Нумы и Пифагора не вызывала сомнений. Во многом этому способствовало отсутствие на-

¹⁹ *Dionys.* 1.6.1; *Polyb.* 12.25c. 1; 26d.1.

²⁰ *Dionys.* 1.6.1. Тимей, например, знал о реформе Сервия Туллия. См.: *Plin.* N.H. 33.43: *Servius rex primus signavit aes. Antea rudi usos Romae Timaeus tradit* (Царь Сервий первым отчеканил монету. Тимей сообщает, что прежде в Риме использовали медь в слитках). Однако это не свидетельствует о том, что он последовательно изложил историю римских царей, так как собеседники в диалоге «О государстве» отмечают, что до них (т.е. к последней трети II в. до н.э.) от царского времени дошли только имена царей. См.: *Cic. De rep.* 2.33: *...sed temporum illorum tantum fere regum inlustrata sunt nomina*. По мнению Р. Томсена, исчерпывающе написал о Сервии Туллии пионер римской анналистики – Фабий Пиктор. Исследователь указывает в данном случае на существование греческой исторической традиции независимой от римских анналистических сочинений (*Thomsen.* 1980. P. 20, 55).

²¹ *Fox* 1996. P. 250. Считается, что свидетельства Овидия о Нуме (*Fast.* 3.151-154; *Met.* 15.1-11, 60-68, 479-484) восходят непосредственно к Эннию (*Humm* 2014. P. 37).

²² Так характеризует культурную среду, в которой развивалась римская литература Дж. Диллери. По его мнению, римская литература не знала «догреческого» периода, т.е. того времени, когда римский миф ещё не был облачен в греческие одежды (*Dillery* 2002. P. 22). См. также: *Feeney* 1998. P. 50-52.

²³ *Plut.* Numa 8. 2-8.

ка у первых римских историков самостоятельно производить хронологические расчеты, на что позже обратил внимание Цицерон²⁴. Самая ранняя попытка римлян определить хронологические границы своей истории связана с введением «капитолийской эры» Гнеем Флавием в конце IV в. до н.э.²⁵ Эта акция Флавия впоследствии послужила основой для разработки хронологии Римской республики²⁶. А как же обстояло дело с историей царского периода? Живший в Риме в середине II в. до н.э. греческий историк Полибий взялся за приведение в порядок хронологии ранней римской истории. Его усилиями было уточнено время царствования Нумы Помпилия, в результате чего стала очевидной хронологическая нестыковка царствования Нумы и жизни Пифагора²⁷. Возможно в это время и под влиянием хронологических изысканий Полибия появился смягченный вариант легенды, в котором речь шла только о пифагореизме Нумы.

Несмотря на то, что участники диалога высоко оценили вклад Полибия в создание хронологии римской истории, они апеллируют к своим хронологическим выкладкам, которые основываются на выработанной Тимеем общей хронологии, построенной на счете лет по Олимпиадам²⁸. С её помощью Тимеем удалось синхронизировать события, происходившие в разных частях Средиземноморского мира²⁹. Результатом такого подхода стало выстраивание римской истории в соответствии с греческой хронологией. Однако на этом влияние греческой историографии заканчивается: «из этого, – продолжает участник диалога Сципион, – рассчитав годы царствований, можно понять, что Пифагор впервые приехал в Италию приблизительно через сто сорок лет после смерти Нумы,

²⁴ *Cic. Tusc. 4.3*: nam cum Pythagore diciplinam et instituta cognoscerent... aetates autem et tempora ignorarent propter vetustatem, cum, qui sapientia excellerent, Pythagorae auditorem crediderunt fuisse.

²⁵ *Plin. NH. 33.19*: Flavius vovit aedem Concordiae... inciditque in tabella aerea factam eam aedem CCIII annis post Capitoliam dedicatam.

²⁶ *Konnee 2007. № 2. С. 51.*

²⁷ *Cic. De rep. 2.27*: sic ille cum undequadragesima annos summa in pace concordiae regnavisset, – sequamur enim potissimum Polybium nostrum, quo nemo fuit in exquirendis temporibus diligentior... Согласно Полибию, Нума процарствовал 39 лет. Более века спустя примеру Полибия последовал Дионисий Галикарнасский (2.59.4), который произвел самостоятельные расчеты времени жизни римского царя и самосского мудреца и пришел к выводу, что Нума процарствовал 43 года (*Dionys. 2.76.5*). Ливий (1.21.6) также говорит о сорока трех годах царствования Нумы.

²⁸ *Brown 1958. P. 13.*

²⁹ Приезд Пифагора в Италию совпал с началом царствования в Риме Тарквиния Гордого, причем оба события прились на 62-ю Олимпиаду (*Cic. De rep. 2.28*), т.е. на 532–529 гг. до н.э. См. также: *Cic. Tusc. 1.38; 4.2.*

и у тех, кто изучал летописи событий тщательно, это никогда не вызывало никаких сомнений» (пер. В.О. Горенштейна). Значит, окончательную хронологию царского периода римляне выстроили уже самостоятельно. Когда и при каких обстоятельствах это могло произойти?

Встречающееся в данном контексте словосочетание «летописи событий» (*temporum annales*) близко по содержанию понятию «государственные летописи» (*annales publici*), на которые уже ссылались участники диалога в связи с традицией о Нуме, и соответствует летописям (анналам) понтифика. Известно, что в 130 г. до н.э. великий понтифик Публий Муций Сцевола собрал все имевшиеся к этому моменту понтификальные записи в единый свод. Возможно его работа не была чисто механической, но главной его заслугой является то, что он сделал анналы понтифика доступными для широкой публики.

Несомненно, хронологические расчеты велись самими римлянами и прежде всего в кругу великого понтифика. Однако начало им было положено задолго до понтификата Сцеволы. Ещё А. Энман утверждал, что древнейшее издание понтификальных анналов было предпринято во время I Пунической войны и связано с именем Тиберия Корункания – первого понтифика из сословия плебеев (264–250 гг. до н.э.)³⁰. Возможно в это время римляне впервые осуществили попытку рассчитать правление своих царей, правда, опираясь пока ещё на существовавшую версию Тимея³¹. Однако собственных усилий оказалось недостаточно, чтобы разрушить укоренившееся заблуждение, и для большей убедительности другой участник диалога, Манилий, подкрепляет их утверждением, что римляне воспитаны не на заморских науках, а на своих собственных доблестях³². Позже Ливию (1.18.2) уже не понадобились точные хронологические вычисления, чтобы доказать ложность утверждения о том, что Нума был учеником Пифагора. Он сразу приводит неоспоримый аргумент, который восходит к Цицерону, с одним лишь уточнением: не иноземная наука вскормила добродетели римского царя, но древнее сабинское воспитание, суровое и строгое³³.

³⁰ *Enmann* 1902. Bd. 57. S. 525 ff.

³¹ А.В. Коптев считает, что в это время число царей равнялось восьми (*Konnet* 2006. № 3. С. 57).

³² *Cic. De rep.* 2.29: ac tamen facile patior non esse nos transmarinis nec inportatis artibus eruditos, sed genuinis domesticisque virtutibus. Цицерон всегда подчеркивал независимость римской культуры от иноземных образцов (*Cic. Tusc.* 4.4).

³³ *Liv.* 1.18.4: suopte igitur ingenio temperatum animum virtutibus fuisse opinor magis instructumque non tam peregrinis artibus quam disciplina tetrica ac tristi veterum Sabinorum...

Отказавшись от версии ученичества Нумы у Пифагора по хронологическим соображениям, римские авторы подкрепили свой отказ обращением к собственной доблести, основанной на древнем сабинском воспитании. Соблазнительно предположить, что последний штрих был добавлен Ливием под влиянием образа Нумы, созданного Варроном. Во-первых, именно с Нумой в одной из своих сатир Варрон отождествляет нравы предков³⁴. Во-вторых, сабинское происхождение Нумы как нельзя лучше демонстрировало роль этого народа, к которому принадлежали предки Варрона, в становлении римской культуры³⁵. Но выбор «чужеземца» Нумы на роль реформатора римской религии, по всей видимости, все же связан не с Варроном. Это могло произойти гораздо раньше, когда Рим в ходе I Пунической войны впервые принял на своей территории культы иноземного происхождения. За адаптацией новых культов к религиозным традициям Рима следила коллегия понтификов, поэтому превращение сабинянина Нумы в царя-реформатора религии могло произойти под непосредственным руководством великого понтифика Тиберия Корункания, при котором, как уже говорилось, была пересмотрена хронология царского периода. Но возможно, что Корунканий уже имел в своем распоряжении свидетельства, которые открывали путь для подобного превращения. Эти свидетельства могли происходить из рода Марциев, члены которого появились в коллегии понтификов сразу же после принятия закона Огульниев (300 г. до н.э.)³⁶, открывавшего путь в жреческие коллегии (понтификов и авгугов) представителям сословия плебеев. Ливий (1.20.5), кстати, единственный автор, который рассказывает о том, что царь Нума назначил великим понтификом Нуму Марция, сына Марка. В этом сообщении угадывается присутствие семейного предания Марциев³⁷, которое, став частью понтификальной традиции, попало в сочинение Ливия. Таким образом, в недрах коллегии понтификов активно формировалась историко-правовая традиция³⁸, которая со

³⁴ Fr. 24. P. 227 R.: *Haec Numa Pompilius fieri si viderit, sciet, suorum institutorum nec volam nec vestigium apparere.*

³⁵ *Pascucci*. 1979. V. 2. P. 346.

³⁶ *Liv.* 10.9.2.

³⁷ Следы семейного предания Марциев сохранились также в их генеалогии. Марции выводили свой род от брака некоего Марция с единственной дочерью Нумы – Помпилией (*Plut.* Numa 21.3).

³⁸ На это обстоятельство указывает Цицерон, который относит к царскому периоду возникновение известного в республиканскую эпоху права провокации, ссылаясь при этом на свидетельства понтификальных и авгуральных книг (*Cic. De rep.* 2.54: *provocationem autem etiam a regibus fuisse declarant pontificii libri, significant nostril etiam augurales...*).

временем возложила на Нуму не только обязанность упорядочить религиозную систему Рима, но, с учетом его сабинского происхождения, превратить сабинские культы из чужеземных в римские, продемонстрировав тем самым, что римляне уже с давних времен имели опыт решения такой непростой проблемы.

Принятое во внимание последующими поколениями римских историков хронологическое несоответствие правления Нумы времени жизни Пифагора тем не менее не затрагивало истинности самой легенды. Поэтому, несмотря ни на что, представление о личном контакте Нумы и Пифагора оказалось столь устойчивым, что его понадобилось опровергать участникам Цицероновского диалога, время действия которого приходится на 129 г. до н.э. Позже Варрон в логисторике «Курион» развел во времени Нуму и Пифагора³⁹. И хотя антиквар отметил, что оба они обращались к изобретенному персами искусству гидромантии⁴⁰, не называл Нуму учеником великого самосца. Современники Ливий и Дионисий Галикарнасский, а позже и Плутарх, по-прежнему опровергали утверждение о том, что Нума был учеником Пифагора⁴¹. Этот факт свидетельствует о том, что подобные представления, несмотря на их абсурдность, дожили до позднего времени, причем попытки их рационализации предпринимались неоднократно⁴².

Важной частью традиции о Нуме-пифагорейце является рассказ о находке в 181 г. до н.э. у подножия Яникула книг Нумы. Этот рассказ неразрывно связан с возможным ученичеством Нумы у Пифагора и возвращает нас к тому, что легенда о Нуме и Пифагоре имела широкое хождение ко времени появления первых исторических сочинений в Риме.

Античные авторы рисуют нам следующую картину. Самые ранние свидетельства о находке книг Нумы, причем ближайšie по времени к самому событию, встречаются во фрагментах сочинений римских анналистов – Кассия Гемины, Кальпурния Пизона, Валерия Анциата. Отрывки из сочинений этих трех авторов сохранились в передаче Плиния

³⁹ *Aug. C.D.* 7.35: Quod genus divinationis idem Varro a Persis dicit allatum, quo et ipsum Numam et postea Pythagoram philosophum usum fuisse commemorat.

⁴⁰ С персидскими магами связывали искусство гидромантии также Страбон (16.2.39) и Плиний Старший (N.H. 37.192).

⁴¹ *Liv.* 1.18.2; *Dionys.* 2.59.1-2; *Plut.* Numa 1.2-4. Плутарх (Numa 22.4) указывает на ошибки тех, кто сблизает Нуму и Пифагора.

⁴² Можно предположить, что Ливий (1.18.2) и Дионисий (2.59.4) уже сталкивались с подобными попытками, но не упоминают их как не увенчавшиеся успехом. По одной из версий, приведенной Плутархом (Numa 1.3), Нуму наставлял в государственных делах некто Пифагор Спартанский.

Старшего⁴³, и при том, что повествуют они об одном и том же событии, имеют едва уловимые, но важные для нас, расхождения.

В приведенной Плинием прямой цитате из сочинения Кассия Гемины не говорится о том, что книги Нумы были пифагорейскими по содержанию. Это пояснение исходит от самого Плиния и не имеет никакого отношения к тексту Гемины⁴⁴. Далее Плиний констатирует, что Пизон рассказывает то же, что и Кассий Гемина, с той лишь разницей, что у него говорится о семи книгах, относящихся к понтификальному праву, и о стольких же книгах пифагорейского содержания⁴⁵. Пожалуй, Пизон был первым, кто конкретизировал содержание латинских книг Нумы как относящихся к понтификальному праву. Валерий Анциат, со слов Плиния, упоминает лишь о двенадцати, написанных на латинском языке, книгах, содержавших нормы понтификального права, и о таком же количестве написанных по-гречески книг философского содержания⁴⁶. Такую же информацию со ссылкой на Анциата приводит Плутарх⁴⁷. Очевидно, что в полном тексте сочинения Анциата присутствовала характеристика книг Нумы как пифагорейских по содержанию⁴⁸.

В рассказе о событиях 181 г. Тит Ливий использует в качестве своих источников сочинения и Пизона, и Анциата, но по имени упоминает лишь последнего. От Пизона он заимствует количество книг Нумы (семь латинских и семь греческих), правда содержание второй группы книг определяется им расплывчато как относящихся к «науке мудрости того времени»⁴⁹. Таким образом, можно говорить, во-первых, о том, что ан-

⁴³ *Cass. Hemina* Fr. 37 P. = *Plin.* N.H. 13.84-86; *Piso* Fr. 11 P. = *Plin.* N.H. 13.87; *Antias* Fr. 8 P. = *Plin.* N.H. 13.87.

⁴⁴ *Plin.* N.H. 13.86: in his libris scripta erant philosophiae Pythagoricae. *Rosen* 1985. S. 73.

⁴⁵ *Plin.* N.H. 13.87: hoc idem tradit Piso Censorius primo commentariorum, sed libros septem iuris pontificii, totidem Pythagoricos fuisse.

⁴⁶ *Plin.* N.H. 13.87: Antias secundo libros fuisse (trahit) XII pontificales Latinos, totidem Graecos praeseptra philosophiae continentes.

⁴⁷ *Antias* Fr. 7 P. = *Plut.* Numa 22.4.

⁴⁸ *Antias* Fr. 9 P. = *Liv.* 40.29.8: adicit Antias Valerius Pythagoricos fuisse... Валерий Анциат дважды обращался к этому предмету: во второй книге своего сочинения он упоминает о существовании книг Нумы (*Plin.* N.H. 13.87 = Fr. 8 P.), а об их находке и сожжении в 181 г., по подсчетам Г. Форсайта, должен был рассказывать в пятьдесят третьей книге (*Forsythe* 2002. P. 107).

⁴⁹ *Liv.* 40.29.7: septem Latini de iure pontificum errant, septem Graeci de disciplina sapientiae, quae illius etatis esse potuit. Следующие за этой фразой слова нового предложения (adicit Antias Valerius) позволяют говорить о том, что Ливий до этого момента пользовался сочинением какого-то другого автора, как мы предполагаем, Кальпурния Пизона. К. Розен считает, что Ливий использует здесь Пизона косвенно, заимствуя его сведения из сочинения Клавдия Квадригария, который был основным

налист Пизон, проявлявший особый интерес к личности царя⁵⁰, сделал Нуму пифагорейцем, а во-вторых, о нарастании на протяжении века (от 1-ой пол. II в. до сер. I в.) тенденции связывать книги Нумы с учением Пифагора, что ко времени Ливия всё ещё оставалось широко распространенным представлением, вызывавшим критику историка.

На вторую половину I в. до н.э. приходится кульминация творчества Цицерона и Варрона. Выше уже говорилось о неприятии Цицероном легенды об ученичестве римского царя у греческого философа, поэтому он избегает рассказывать о событии 181 г. Однако совсем игнорировать его он все-таки не может. Поэтому, с одной стороны, Цицерон допускает, бытование правового наследия Нумы в письменной форме⁵¹, с другой – признает его передачу в устной форме⁵². Тем самым, если Цицерон принимал существование книг Нумы, то, похоже, только латинских. Сведения Цицерона о Нуме следует оценивать в контексте взглядов римского оратора на историю⁵³, которые можно представить на основании его excursus в раннюю римскую историю во второй книге диалога «О государстве». Как следует из беседы участников диалога Публия Африканского и Манилия, правление Нумы относится не к области предания (*fabula*), а к исторической эпохе⁵⁴. Деление истории Рима на мифическую и историческую эпохи Цицерон заимствует у Варрона, который, правда, распространял подобную периодизацию на историю человечества в целом⁵⁵.

источником для Ливия, начиная с 38-ой книги (*Rosen* 1985. S. 69). Утверждение Розена повторяет ранее высказанную точку зрения А. Клотца (*Klotz*. 1964. S. 58).

⁵⁰ Кальпурний Пизон возводил свой род к Кальпу – одному из четырех сыновей Нумы (*Plut. Numa* 8.18-19, 21.2-3). Гней Геллий, анналист конца II в. до н.э., говорил о единственной дочери Нумы – Помпилии, от которой родился Анк Марций (*Cn.Gell. Fr.* 17 P. = *Dionys.* 2.76.5; *Plut. Numa* 21.1). Впоследствии многочисленное потомство Нумы ставил под сомнение Клавдий Квадригарий (*Plut. Numa* 1.2).

⁵¹ *Cic. De rep.* 2.26: et animos propositis legibus his quas in monumentis habemus...mitigavit. *Cic. De rep.* 5.3: illa autem diuturna pax Numae mater huic urbi iuris et religionis fuit, qui legum etiam scriptor fuit quas scitis extare...

⁵² *Cic. De rep.* 2.27: nam quae perdiscenda quaeque observanda essent, multa constituit...

⁵³ Подробнее об этом см.: *Emperors and Historiography*. 2010. P. 15-26.

⁵⁴ *Cic. De rep.* 2.28-29. Выше Цицерон отметил, что для древности характерны сказания, а для современной эпохи – достоверные рассказы (*Cic. De rep.* 2.19: antiquitas enim geseit fabulas fictas...). Водоразделом между сказаниями и историческими событиями для Цицерона был захват Ромулом Альба-Лонги и убийство Амулия (*Cic. De rep.* 2.4: iam a fabulis ad facta veniamus). При этом предания не содержат никакой достоверной информации (*Cic. De leg.* 1.4: Nihil sane, nisi ne nimis diligenter inquiras in ea quae isto modo memoriae sint prodita).

⁵⁵ *Censor. De die nat.* 21.1. Границей между мифическим и историческим временем для Варрона является 776 год – год первой олимпиады, который стал точкой

Поэтому существование книг Нумы, относящихся к области понтификального права, воспринимается Цицероном как исторический факт.

Подобные, идущие от Цицерона, установки были реализованы Ливием при описании царствования Нумы в 1-ой книге «Истории Рима» и одновременно Дионисием Галикарнасским. Рассказывая об учреждении Нумой должности понтифика, Ливий (1.20.6) оставляет читателю возможность предположить, что в ведении понтифика находились составленные царем книги, в которых «чужим» обрядам и культам было придано положение наравне с исконно римскими религиозными практиками, т.е. можно предположить, что книги Нумы относились исключительно к области понтификального права. Дионисий в большей мере зависел от конкретных формулировок латиноязычных авторов и потому почти дословно переложил на греческий язык рассуждения Цицерона⁵⁶, принимая, очевидно, распространенное среди части римских интеллектуалов представление о записи Нумой норм понтификального права.

Откуда возникла идея, связавшая Нуму с понтификальным правом, сделавшая его автором последнего, идея, которая, как представляется, легла в основу традиции о находке его книг религиозного содержания? Ведь в данном случае он выступает не просто как создатель религиозной системы Рима, но и как родоначальник правовой науки. Отвечая на поставленный вопрос, мы должны обратить внимание на следующий факт. Создание канонической версии «национальной» истории в Риме шло рука об руку с формированием правовой традиции в сочинениях, авторами которых были такие же государственные деятели республики, как и первые историки. Превращение права в понятное и общедоступное началось с обнародования в 304 г. до н.э. эдиклом Гнеем Флавием исковых формул и календаря⁵⁷. Позже в Риме стали появляться сочинения, посвященные толкованию различных правовых норм. Первым в этом ряду Помпоний (II в. н.э.) назвал Тиберия Корункания, который не только занимался преподаванием гражданского права, но и писал сочинения по этим вопросам⁵⁸.

отсчета «олимпийской эры». Для изложения истории римского народа Варрон пользовался иной периодизацией, о чем свидетельствует Августин (C.D. 18.2) со ссылкой на сочинение Варрона *De gente populi Romani*. Об интересе Варрона к вопросам хронологии римской истории см.: *Heilen*. 2007. V. 1-2. P. 43-68.

⁵⁶ *Dionys.* 2.73.4 -74.1: τὰ <...> βοηθηθέντα ὑπὸ τοῦ Νόμα <...> τὰ μὲν ἐγγράφοις περιληφθέντα νόμοις <...> τὰ δ' ἕξω γραφῆς εἰς ἐπιτηδεύσεις ἀχθέντα καὶ συνασκήσεις χρόνιους.

⁵⁷ *Liv.* 9.46.5; *Cic.* *De orat.* 1.186.

⁵⁸ *Dig.* 1.2.2.35: ...ex omnibus, qui scientiam nacti sunt, ante Tiberium Coruncanium publice professum neminem traditur; *Dig.* 1.2.2.38: cuius tamen scriptum nullum extat, sed response complura et memorabilia eius fuerunt.

Возможно, что его имя как первого понтифика из плебеев можно связать со становлением понтификального права как отрасли гражданского права⁵⁹. Впоследствии в этом направлении работали Публий Корнелий Сципион Назика – великий понтифик 150 г. до н.э., Квинт Фабий Максим Сервилиан, консул 142 г. до н.э., Публий Муций Сцевола. Интерес к этой области права не ослабевал и в I в. до н.э., когда появилось сочинение под названием *De Iure Sacro*, авторство которого приписывается некоему Манилию. Важный вклад в этот жанр сакрально-правовых сочинений внес друг Цицерона Гай Требатий Теста, написав девять или десять книг по религиозным вопросам (*De Religionibus*). Именно к таким сочинениям обращался Цицерон, когда, по его словам, «дело касалось религии»⁶⁰. Не будет преувеличением предположить, что авторы этих сочинений (возможно, следуя Тиберию Корунканию) отнесли запись понтификального права к деятельности Нумы подобно тому, как историки-анналисты приписали Ромулу основание Города, а Сервию Туллию – создание гражданской организации. В свою очередь анналисты использовали информацию сакрально-правового содержания, что подтверждается отрывком из сочинения Пизона (2-я пол. II в. до н.э.), где, как мы видели, он охарактеризовал лагинские книги Нумы как относящиеся к понтификальному праву.

Впоследствии Плутарх (Numa 22.2) соединил все бытовавшие на то время версии в один рассказ о существовании священных книг Нумы, содержание которых устно было передано жрецам, а сами книги захоронены вместе с телом царя. Ход на самом деле очень удачный, так как позволил, с одной стороны, вслед за канонической версией исторической традиции, отмежеваться от признания пифагореизма Нумы, а с другой – как бы молчаливо согласиться с ней, приняв во внимание общеизвестный факт о том, что пифагорейцы не записывали своего учения. Вероятно, в существовании этих версий отразилась коллизия, которая происходила от двух ветвей формировавшейся традиции: правовой, сложившейся в специальных сочинениях понтификов и магистратов-правоведов, и исторической, представленной анналистами. Для первой важно было найти истоки письменной формы понтификального права, для второй – отречься от пифагореизма Нумы.

Сохранившийся из логисторика Варрона *Curio de cultu deorum* отрывок о находке книг Нумы и их дальнейшей судьбе⁶¹ отличается от

⁵⁹ Выше мы уже отмечали, что от него может идти представление о Нуме как реформаторе религии.

⁶⁰ Cic. N.D. 3.5.

⁶¹ Varro ap. Aug. C.D. 7.34: Terentium quidam cum haberet ad Ianiculum fundum et bubulcus eius iuxta sepulcrum Numae Pompilii traiciens aratrum eruisset ex terra libros

того, что писал его современник Цицерон. Варрон не отрицает достоверности книг Нумы, но ничего не говорит о его пифагореизме, принимая, очевидно, во внимание хронологические проблемы этого сюжета. Содержание всех книг Нумы ограничивается у него причинами установления культов (*sacrorum institutorum causae*), которые, однако, оказались несовместимы с существовавшими в римской религии традиционными формами почитания богов. Поэтому отцы-сенаторы как люди «религиозные» (*religiosi*) постановили сжечь эти книги. В тексте Варрона обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, указание на то, что книги раскрывали причины установлений культов, т.е. в данном случае речь очевидно идет о том, что книги содержали профессиональные знания. Во-вторых, эти профессиональные знания по какой-то причине не устроили сенаторов, поведение которых было мотивировано их «религиозностью». Какое содержание заключает в себе данное определение, охарактеризовавшее сенаторское поведение?

Помимо Варрона антикварные штудии тоже были предметом интереса со стороны Цицерона⁶², который в трактате «О природе богов» (2.72) остановился на содержании важных для его современников понятий «религиозный – суеверный». Анализируя различие между суеверием и религией, он пишет: «те, которые целыми днями молились и приносили жертвы... были названы суеверными (*superstitiosi*), а те, которые над всем, что относится к почитанию богов, усердно размышляли и как бы перечитывали (*relegerunt*), были названы религиозными (*religiosi*)» (пер. М.И. Рижского). Тем самым Цицерон предлагает следующую этимологию: *religio* от *relegere* (перечитывать), которая прямо указывает на существование книг религиозного содержания. Но что должно быть зафиксировано в книгах, которые можно было назвать «религиозными»? Книги эти должны были сохранять установления предков и священные обряды, которые и составляли для римского гражданина содержание религиозной практики. Поэтому религия у Цицерона равнозначна мудрости (*De div.* 2.149), она помогает человеку избавиться от заблуждений, которые сопутствуют суеверию. Суеверие же, по Цицерону (*N.D.* 1.117), происходит от избытка чувств, порожденного пустым страхом перед богами. Поэтому религиозный экстаз и суеверие были для него равнозначными понятиями⁶³.

eius, ubi sacrorum institutorum scriptae errant causae, in Urbem pertulit ad praetorem. At ille cum inspexisset principia, rem yantam detulit ad senatum. Ubi cum primores quasdam causas legissent, cur quidque in sacris fuerint institutum, Numae mortuo senatus adsensus est, eosque libros tamquam religiosi patres conscripti, praetor ut combureret, censuerunt.

⁶² Rawson. 1972. V. 62.

⁶³ Muth. 1978. Bd. II. 16.1. S. 352.

С этих позиций религиозность сенаторов, отправивших на костер книги Нумы, может означать только одно – их приверженность традициям предков, которым, по их мнению, грозила опасность. Эту опасность несли в себе профессиональные знания⁶⁴. Исследование причин культов было несовместимо с «традициями предков», которые не нуждались в их объяснении. Хранителями этих традиций в римском обществе были аристократические кланы, для которых знание религиозных обрядов превратилось в интеллектуальную собственность⁶⁵. Их власть основывалась на моральном авторитете и была сосредоточена в сенате – политическом и религиозном центре жизни римского гражданского коллектива.

Учение Нумы, хотя и не было предано огласке, образовывало, в представлении Варрона, фундамент римской веры, поскольку открывало физические причины происхождения обрядов. А свою «ученость» Нума заимствовал от персов, овладев искусством гидромантии и с его помощью получив необходимые ему знания о религии. Этот факт отличает в вопросе заимствований иноземных практик позицию Варрона от установки Цицерона на следование своему, «дедовскому», опыту в вопросах государственного строительства⁶⁶.

В научной литературе существуют различные варианты осмысления эпизода 181 г. Он рассматривался, например, как ранняя ступень в «национализации» Нумы. Правда, Э. Грюэн считает эту идею ошибочной⁶⁷. Он признает, что рассказ о существовании книг Нумы бесспорно устанавливал связь между Нумой и Пифагором, но судьба, которая их постигла, символизировала освобождение религиозных институтов Рима от греческого влияния, как это было представлено в греческой историографии⁶⁸. С точки зрения исследователя, это был акт подтверждения правящим классом Римской республики своей независимости от греческой культуры. Иногда книги Нумы увязывают с деятельностью в Риме адептов культа Вакха, которых считают ответственными за их подделку. Таким способом вакханты пытались узаконить свою религиозную литературу, связав её с понтификальным правом римского благочестия

⁶⁴ Переход от традиционного дискурса к научному особенно заметен в дивинации, которая была глубоко затронута проникновением научной системы. О росте числа ученых исследований, сопровождавшихся усложнением знания, как о явлении, подготовившем культурную революцию Августова века, которая характеризовалась изменениями в структуре знания, см.: *Wallace-Hadrill* 2008. P. 231-239, 248-256.

⁶⁵ О доминировании кланов в римской религии см.: *Smith* 1996. P. 86.

⁶⁶ Об изображении царского периода в сохранившихся фрагментах сочинений Варрона см.: *Fox* 1996. P. 236-256 (об образе Нумы: P. 249-252).

⁶⁷ *Gruen*. 1990. P. 166.

⁶⁸ *Gruen*. 1990. P. 191.

вого царя⁶⁹. Поэтому обнаружение подделки потребовало от государства столь же решительных действий, как и в случае преследования поклоняющихся Вакху жителей Рима и Италии.

Решение сената относительно книг Нумы скорее всего можно объяснить в свете поведения Катона Старшего, который стремился ограничить влияние греческой культуры и просвещения на умы римских граждан. Предпринятые им в этом направлении шаги распространялись и на общественную, и на частную сферы. Он изгнал из Рима греческих философов, а своего сына учил грамоте на записанных им самим примерах из истории Рима⁷⁰, продемонстрировав тем самым, что в подготовке подрастающего поколения римлян государство должно опираться на свои силы, а не доверять это дело греческим педагогам. Его поведение в данном случае находится в полном соответствии с традициями римской аристократии, для которой «мудрость предков» как основа власти всегда была предпочтительней профессионализма, который во II в. до н.э. становился особенно заметным в таких областях знаний, как религия и право. Взамен древнего учения, основанного на *mos maiorum*, культурное пространство республики все более наполнялось «новым знанием», добытым опытными профессионалами – грамматиками, правоведами и антикварами, которые в своих работах пользовались методикой греческих академических изысканий⁷¹. Достаточно вспомнить, как век спустя Цицерон (*Acad. Post.* 1.9) высоко оценил труды Варрона. Знания о прошлом перестали быть привилегией знати, став достоянием всех римлян. С этой точки зрения существование книг Нумы очевидно стало рассматриваться как первый пример перехода от ненаучного, традиционного знания к научному, что не могло не вызвать беспокойства политической элиты Рима как хранительницы устной традиции. Сожжение книг Нумы явилось актом самосознания римской политической элиты, которой нужно было четко очертить границы своего мира перед лицом наполнявших Рим иноземных культов и в преддверии широкомасштабных завоеваний в Средиземноморье. В этом культурно-историческом контексте, когда повышалась роль «автохтонной» матрицы в созидании «национальной» истории, образ Нумы становился воплощением римской культурной идентичности, основанной на «нравах предков». Таким образом, легенда о Нуме, которая начала складываться в лоне греческой культурной традиции, призна-

⁶⁹ Forsythe. *Op. cit.* P. 106-107.

⁷⁰ *Plut.* Cato Mai. 20.5-7; 22.5.

⁷¹ Работы такого рода должны были не только упорядочить мир, но и ассимилировать традиции и культуры других народов. Они, с одной стороны, формировали прошлое, с другой – возводили фундамент будущего. См.: Glinister 2007. P. 27-32.

вавшей влияние греков на Рим с отдаленного прошлого, окончательно оформилась под влиянием римских (точнее – понтификальных) представлений о нем как о создателе римской религии и права.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kontev A.B.* Формирование списка царей раннего Рима // Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. 2006. № 3.
- Kontev A.B.* Tribuni militum consulari potestate – кто они? // Вестник древней истории. 2007. № 2.
- Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н.э. М., 2005.
- Суриков И.Е.* Пифагор. М., 2013.
- Brown T.S.* Timaeus of Tauromenium. Los Angeles (Berkeley), 1958.
- Cloud J.D.* The Date of Valerius Antias // Liverpool Classical Monthly. 1977. V. 2.
- Dillery J.* Quintus Fabius Pictor and Greco-Roman Historiography at Rome // Vertis in usum. Studies in Honor of Ed. Courtney / Eds. J.F. Miller, C. Damon, K.S. Myers. München, Lpz., 2002.
- Dyer Th. H.* The History of the Kings of Rome. Philadelphia, 1868.
- Enmann A.* Die ältesten Redaktion der Pontifikalannalen // Reinisches Museum für Philologie. 1902. Bd. 57.
- Emperors and Historiography. Collected Essays on the Literature of the Roman Empire by Daniel den Hengst / Eds. D.W.P. Burgersdijk, J.A. van Maarden. Leiden, Boston, 2010.
- Feeney D.* Literature and Religion at Rome. Cambr., 1998.
- Fleck M.* Cicero als Historiker. Stuttgart, 1993.
- Forsythe G.* Dating and Arranging the Roman History of Valerius Antias // OIKISTES. Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in Ancient World. Offered in Honor of A.J. Graham / Eds. V.B. Gorman, E.W. Robinson. Leiden, Boston, 2002.
- Fox M.* Roman Historical Myths. The Regal Period in Augustan Literature. Oxford, 1996.
- Gabba E.* Considerazioni sulla tradizione letteraria sulle origini della repubblica // Les origines de la republique romaine. Geneva, 1967.
- Glinister F.* Constructing the Past // Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship, and Society / Eds. F. Glinister, C. Woods. L., 2007.
- Gruen E.S.* Studies in Greek Culture and Roman Policy. Leiden, N-Y, Koln, 1990.
- Heilen St.* Ancient Scholars on the Horoscope of Rome // Culture and Cosmos. 2007. V. 11. No. 1 and 2.
- Humm M.* Numa and Pythagoras: The Life and Death of a Myth // The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome / Eds. J.H. Richardson, F. Santangelo. Oxf., 2014.
- Kaibel G.* Epicharmos (2) // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1907. Bd. 6.1.
- Klotz A.* Livius und seine Vorgänger. Amsterdam, 1964.
- Lewis G.C.* An Inquiry into the Credibility of the Early Roman History. L., 1855. V. 1.
- Muth R.* Vom Wesen römischer 'religio' // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B., N-Y, 1978. Bd. II. 16.1.
- Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxf., 1965.
- Pais E.* Storia di Roma. Turin, 1898. V. 1.
- Pascucci G.* Le component linguistiche del latino secondo la dottrina varroniana // Studi su Varrone sulla retorica storiografia e poesia Latina. Rieti, 1979. V. 2.

- Rawson E.* Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // *Journal of Roman Studies*. 1972. V. 62.
- Rosen K.* Die falschen Numabücher. Politik, Religion und Literatur in Rom 181 v. Chr. // *Chiron*. 1985. Bd.15.
- Schwegler A.* Römische Geschichte. Tübingen, 1884. Bd. 1.
- Smith Ch.* Dead Dogs and Rattles. Time, Space, and Ritual Sacrifice in Iron Age // *Approaches to the Study of Ritual* / Ed. J.B. Wilkins. L., 1996.
- Thomsen R.* King Servius Tullius. A Historical Synthesis. Copenhagen, 1980.
- Wallace-Hadrill A.* Rome's Cultural Revolution. Cambr., 2008.

REFERENCES

- Koptev A.V. Formirovanie spiska tsarei rannego Rima // *Kentavr / Centaurus*. *Studia classica et mediaevalia*. 2006. № 3.
- Koptev A.V. Tribuni militum consulari potestate – kto oni? // *Vestnik drevnei istorii*. 2007. № 2.
- Sidorovich O.V. Annalisty i antikvary: rimskaya istoriografiya kontsa III – I v. do n.e. M., 2005.
- Surikov I.E. Pifagor. M., 2013.
- Brown T.S. *Timaeus of Tauromenium*. Los Angeles (Berkeley), 1958.
- Cloud J.D. The Date of Valerius Antias // *Liverpool Classical Monthly*. 1977. V. 2.
- Dillery J. Quintus Fabius Pictor and Greco-Roman Historiography at Rome // *Vertis in usum*. *Studies in Honor of Ed. Courtney* / Eds. J.F. Miller, C. Damon, K.S. Myers. München, Lpz., 2002.
- Dyer Th. H. *The History of the Kings of Rome*. Philadelphia, 1868.
- Enmann A. Die ältesten Redaktion der Pontifikalannalen // *Reinisches Museum für Philo-logie*. 1902. Bd. 57.
- Emperors and Historiography*. *Collected Essays on the Literature of the Roman Empire by Daniel den Hengst* / Eds. D.W.P. Burgersdijk, J.A. van Maarden. Leiden, Boston, 2010.
- Feeney D. *Literature and Religion at Rome*. Cambr., 1998.
- Fleck M. Cicero als Historiker. Stuttgart, 1993.
- Forsythe G. Dating and Arranging the Roman History of Valerius Antias // *OIKISTES*. *Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in Ancient World*. Offered in Honor of A.J. Graham / Eds. V.B. Gorman, E.W. Robinson. Leiden, Boston, 2002.
- Fox M. *Roman Historical Myths*. The Regal Period in Augustan Literature. Oxford, 1996.
- Gabba E. Considerazioni sulla tradizione letteraria sulle origini della repubblica // *Les origins de la republique romaine*. Geneva, 1967.
- Glinister F. *Constructing the Past* // *Verrius, Festus and Paul*. *Lexicography, Scholarship, and Society* / Eds. F. Glinister, C. Woods. L., 2007.
- Gruen E.S. *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Leiden, N-Y, Köln, 1990.
- Heilen St. *Ancient Scholars on the Horoscope of Rome* // *Culture and Cosmos*. 2007. V. 11. No. 1 and 2.
- Humm M. Numa and Pythagoras: The Life and Death of a Myth // *The Roman Historical Tradition*. *Regal and Republican Rome* / Eds. J.H. Richardson, F. Santangelo. Oxf., 2014.
- Kaibel G. *Epicharmos (2)* // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1907. Bd. 6.1.
- Klotz A. *Livius und seine Vorgänger*. Amsterdam, 1964.
- Lewis G.C. *An Inquiry into the Credibility of the Early Roman History*. L., 1855. V. 1.

- Muth R. Vom Wesen römischer 'religio' // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B., N-Y, 1978. Bd. II. 16.1.
- Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxf., 1965.
- Pais E. Storia di Roma. Turin, 1898. V. 1.
- Pascucci G. Le component linguistiche del latino secondo la dottrina varroniana // Studi su Varrone sulla retorica storiografia e poesia Latina. Rieti, 1979. V. 2.
- Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // Journal of Toman Studies. 1972. V. 62.
- Rosen K. Die falschen Numabücher. Politik, Religion und Literatur in Rom 181 v. Chr. // Chiron. 1985. Bd.15.
- Swegler A. Römische Geschichte. Tübingen, 1884. Bd. 1.
- Smith Ch. Dead Dogs and Rattles. Time, Space, and Ritual Sacrifice in Iron Age // Approaches to the Study of Ritual / Ed. J.B. Wilkins. L., 1996.
- Thomsen R. King Servius Tullius. A Historical Synthesis. Copenhagen, 1980.
- Wallace-Hadrill A. Rome's Cultural Revolution. Cambr., 2008.

Сидорович Ольга Витольдовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; varro52@mail.ru

Numa and Pythagoras: cultural and historical context of the Roman historiography

The paper analyses two aspects of the legend of the Pythagoreanism of King Numa Pompilius. The one aspect considers Numa as a disciple of Pythagoras of Samos, the other deals with the episode of the discovery of Numa's Books in Rome in 181 B.C., and burning them in accordance with the resolution of the Roman Senate. According to information received from Greek and Roman authors it is possible to fix the date of origin of this myth, to trace back the stages in its development and to point out different forms of its existence in the Republican Rome. The author stresses the decisive role of the pontiffs in making Numa the founder of Roman religious and legal institutions.

Keywords: Ancient Rome, Numa, Pythagoras, Tiberius Coruncanus, Pythagoreanism, Roman historical tradition, the annalists, the antiquarians, M. Terentius Varro, pontiffs, the Numa's Books, Roman religion.

Sidorovich Olga, Dr Sc. (History), Professor, Department of Ancient History, Institute of Oriental Cultures and Antiquity, Russian State University for Humanities; varro52@mail.ru

М.С. ПЕТРОВА

ТЕКСТЫ АРИСТОТЕЛЯ В ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ*

В настоящей статье на примере «Сатурналий» Макробия (V в.) изучаются характерные черты рецепции естественнонаучных концепций Аристотеля в латинской традиции Поздней Античности. Обсуждаются особенности использования Макробием текстов греческого автора; выявляются текстуальные и содержательные параллели между ними; показывается, насколько точно Макробий следует концепциям Аристотеля и насколько тщательно их передает. Делается вывод об опосредованном использовании Макробием текстов Аристотеля.

Ключевые слова: латинская традиция, Аристотель, восприятие, влияние, текст.

То, что философское и научное наследие Аристотеля является основой развития науки как на Западе (греческая и латинская традиции), так и на Востоке (сирийская и арабская), является общепризнанным и неоспоримым фактом. В трудах Стагирита впервые были дифференцированы и дисциплинарно оформлены физика, этика, учение о первых началах (метафизика), биология, медицина¹. Как происходило становление такого знания; как оно воспринималось, трансформировалось и усваивалось последующими авторами, принадлежащими самым разным интеллектуальным традициям, – это важнейшие вопросы истории науки, ответы на которые возможно получить лишь посредством тщательного анализа их текстов². В нашем исследовании обсуждаются особенности использования позднеантичным латинским платоником Макробием³ естественнонаучных концепций Аристотеля. Мы попытаемся понять, насколько глубоко

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта (№ 15–18–30005) «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе».

¹ Общая направленность аристотелизма на изучение природы, общества и человека заложила основы развития естественных и гуманитарных дисциплин, составляющих отличительную черту европейской рациональности. Всё последующее развитие европейской мысли характеризуется усвоением, трансформацией и развитием этого наследия, будь то Античность, Средние века или Новое время.

² О последователе Аристотеля Галене и его представлениях о микроструктуре живой материи, см.: *Балалыкин*. 2015. С. 119–134; о рецепции аристотелевской концепции о теле и телесности в христианской традиции, см.: *Петрова*. 2015. С. 394–403; об истоках психологического учения Аристотеля (на примере Дикеарха), см.: *Афонсин*. 2015. С. 226–243.

³ О Макробии и его текстах см.: См. *Linke*. 1888. P. 240–256; *Mras*. 1933. P. 232–286; *Courcelle*. 1943. P. 20–36; *Idem*. 1969. P. 13–47; *Flamant*. 1977. P. 148–171, 305–350, 382–484, 485–680, 628–636; *Stahl*. 1952. P. 3–65; *Gersh*. 1986. P. 502–522; *Armisen-Marchetti*. 2001. P. vii–xc; *Уколова*. 1992. Гл. 4; *Петрова*. 2007. С. 7–41.

ким было усвоение Макробием теорий греческого мыслителя и каким могло быть отраженное им в «Сатурналиях»⁴ знание текстов Стагирита – прямым или опосредованным.

В «Сатурналиях» Макробий весьма часто упоминает имя Аристотеля⁵. В его сочинении встречаются и прямые параллели с текстами греческого философа, большая часть которых связана с физическими вопросами. При их рассмотрении мы, следуя античной традиции, не будем отделять сочинения самого Аристотеля от тех работ, которые ему приписывались, поскольку в текстах греческих и латинских авторов, на которые опирался Макробий, псевдоэпиграфы атрибутируются самому Стагириту.

Первая отсылка к Аристотелю встречается в том месте «Сатурналий», где заходит речь об Аполлоне и отце-Либере, которые трактуются как манифестации одного и того же бога Солнца⁶ (Sat. I, 18, 1)⁷. Здесь же приведено и название сочинения – «Теологумены» (“Theologumena”). Вероятно, оно было хорошо известно в эпоху Макробия, поскольку похожая цитата встречается у других латинских авторов IV–V веков – Арнобия (Adv. nat. III, 33), Сервия (In Georg. I, 5, 5-6) и Августина (De civ. Dei VII, 16)⁸.

Еще раз Макробий упоминает Аристотеля, называя его славным и значительным мужем, в связи с рассуждением на темы этики (Sat. II, 8, 10-16), а именно, говоря о наслаждениях и удовольствиях. Макробий сначала перечисляет пять чувств (αἰσθησεις) – *осязание, вкус, обоняние, зрение, слух*, замечая, что именно через них удовольствие достигает души или тела. Затем он переходит к тому, что считается постыдным и негодным, то есть к получению *неумеренного удовольствия* посредством «вкуса» и «осязания», и указывает, что тех, кто более всего предавался этим двум порочным наслаждениям, получаемым от питания и дел Венеры (общим у людей с животными), греки называли ἄκρᾱτῆς (несдержанными) или ἀκολούτους (распутными).

⁴ См. Willis (ed.). 1963. Подробнее о «Сатурналиях» см.: Уколова. 1988. С. 50-56. Петрова. 2013А. С. v-lxx. Другое сочинение Макробия, «Комментарий на ‘Сон Сципиона’» требует отдельного исследования в рамках поставленной проблемы (вкратце об этом см.: Петрова. 2015. С. 60-62). Еще одна работа Макробия, «О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов», не содержит упоминаний об Аристотеле и параллелей с его текстами.

⁵ См.: Macr. Sat. (Willis) I, 18, 1; II, 8, 10; II, 8, 13; II, 18, ²19 и 21; VII, 3, 24; VII, 6, 15 и 16; VII, 12, 25; VII, 13, 19; 21 и 23; VII, 16, 34.

⁶ О солнечном монотеизме по Макробию см.: Петрова 2013Б. С. 226-239.

⁷ Об атрибуции этой фразы пс.-Аристотелю см.: Willis (ed.). 1963. P. 100.

⁸ Здесь и ниже, кроме случаев оговоренных особо, оригинальные тексты см. в электронных базах данных: TLG, BTL, PHI 5, PL.

Далее Макробий почти точно (если сравнить с изданием Беккера [1831; repr. De Gruyter 1960]) приводит по-гречески цитаты из Аристотелевых «Проблем» (949b 37 – 950a 12). Здесь можно было бы говорить о прямом следовании Макробия Аристотелю, если бы тот же самый текст не содержался в «Аттических ночах» (XIX, 2, 1-8) Авла Геллия. Учитывая компиляторский метод составления Макробием своих сочинений⁹, здесь, как очевидно, он обращается к Аристотелю через посредство других авторов, хронологически ему более близких. В данном случае таким посредником мог быть Авл Геллий, который приводит фрагмент из Аристотеля на греческом языке (с небольшими изменениями). Однако более вероятно, что и Макробий, и Авл Геллий независимо друг от друга использовали некий общий промежуточный текст. Ниже мы приводим тексты Аристотеля, Макробия и Авла Геллия. У Макробия эту цитату предваряет фраза о том, что думает Аристотель, «достолавный и выдающийся муж об этих недостойных удовольствиях» (Sat. II, 8, 13).

Macr. Sat. II, 8, 14

Διὰ τί κατὰ τὴν τῆς ἀφῆς ἢ γεύσεως ἡδονὴν **ἐγγινομένην ἐὰν** ὑπερβάλλωσιν, ἀκρατεῖς λέγονται, οἱ τε γὰρ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκόλαστοι **τοιοῦτοι**, οἱ τε περὶ τὰς τῆς τροφῆς ἀπολαύσεις, τῶν δὲ κατὰ τὴν τροφήν ἀπ' ἐνίων μὲν ἐν τῇ γλώττῃ τὸ ἡδύ, ἀπ' ἐνίων δὲ ἐν τῷ λάρυγγι, διὸ καὶ Φιλόξενος γεράνου λάρυγγα εὐχετο ἔχειν ἢ διὰ τὸ τὰς ἀπὸ τούτων γιγνομένης ἡδονᾶς κοινὰς εἶναι ἡμῖν καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις, ἅτε **δὲ οὐσῶν κοινῶν αἰσχροῦν εἶναι τὴν ὑποταγὴν, αὐτίκα** τὸν ὑπὸ τούτων ἠττώμενον ψέγομεν καὶ ἀκρατῆ καὶ ἀκόλαστον λέγομεν διὰ τὸ ὑπὸ τῶν χειρίστων ἡδονῶν

Arist. Probl. (ed. Bekker)

Διὰ τί **οἱ** κατὰ τὴν τῆς ἀφῆς ἢ γεύσεως ἡδονὴν, **οὐ ἂν** ὑπερβάλλωσιν, ἀκρατεῖς λέγονται; οἱ τε γὰρ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκόλαστοι, οἱ τε περὶ τὰς τῆς τροφῆς ἀπολαύσεις. τῶν δὲ κατὰ τὴν τροφήν ἀπ' ἐνίων μὲν ἐν τῇ γλώττῃ τὸ ἡδύ, ἀπ' ἐνίων δὲ ἐν τῷ λάρυγγι, διὸ καὶ Φιλόξενος γεράνου λάρυγγα εὐχετο ἔχειν. **οἱ δὲ κατὰ τὴν ὄψιν καὶ τὴν ἀκοὴν οὐκέτι.** ἢ διὰ τὸ τὰς ἀπὸ τούτων γιγνομένης ἡδονᾶς κοινὰς εἶναι ἡμῖν καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις; ἅτε **οὐσα κοινὰ ἀτιμώτατα εἰσι καὶ μάλιστα ἢ μόνα ἐπονείδιστοι, ὥστε** τὸν ὑπὸ τούτων ἠττώμενον ψέγομεν καὶ ἀκρατῆ καὶ

Gell. Noct. Att. XIX, 2, 1-8

Διὰ τί **οἱ** κατὰ τὴν τῆς ἀφῆς ἢ γεύσεως ἡδονὴν **γιγνομένην, ἂν** ὑπερβάλλωσιν, ἀκρατεῖς λέγονται; οἱ τε γὰρ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκόλαστοι **τοιοῦτοι**, οἱ τε περὶ τὰς τῆς τροφῆς ἀπολαύσεις· τῶν δὲ κατὰ τὴν τροφήν ἀπ' ἐνίων μὲν ἐν τῇ γλώττῃ τὸ ἡδύ, ἀπ' ἐνίων δὲ ἐν τῷ λάρυγγι, διὸ καὶ Φιλόξενος γεράνου λάρυγγα εὐχετο ἔχειν. ἢ διὰ τὸ τὰς ἀπὸ τούτων γιγνομένης ἡδονᾶς κοινὰς εἶναι ἡμῖν καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις; ἅτε **οὐσῶν κοινῶν ἀτιμώτατα εἰσι καὶ μάλιστα ἢ μόνα ἐπονείδιστοι, ὥς** τὸν ὑπὸ τούτων ἠττώμενον ψέγομεν καὶ ἀκρατῆ καὶ ἀκόλαστον λέγομεν διὰ τὸ ὑπὸ τῶν χειρίστων

⁹ См. Петрова. 2007. С. 42-45.

ἤττασθαι; οὐσῶν δὲ τῶν
αἰσθήσεων πέντε τὰ ἄλλα
ζῶα ἀπὸ δύο μόνον
ἦδεται, κατὰ δὲ τὰς ἄλλας
ἢ ὅλως οὐχ ἦδεται ἢ κατὰ
συμβεβηκὸς τοῦτο πάσχει.

ἀκόλαστον λέγομεν διὰ τὸ
ὑπὸ τῶν χειρίστων
ἡδονῶν ἤττασθαι. οὐσῶν
δὲ τῶν αἰσθήσεων πέντε,
τὰ τε ἄλλα ζῶα ἀπὸ δύο
μόνον τῶν προειρημένων
ἦδεται, κατὰ δὲ τὰς ἄλλας
ἢ ὅλως οὐχ ἦδεται ἢ κατὰ
συμβεβηκὸς τοῦτο πάσχει.

ἡδονῶν ἤττασθαι. Οὐσῶν
δὲ τῶν αἰσθήσεων πέντε
τὰ ἄλλα ζῶα ἀπὸ τῶν δύο
μόνον τῶν <προειρημέ-
νων> ἦδεται, κατὰ δὲ τὰς
ἄλλας ἢ ὅλως οὐχ ἦδεται
ἢ κατὰ συμβεβηκὸς τοῦτο
πάσχει.

Не потому ли они называются необузданными, что переходят [меру] во врожденном удовольствии от осязания или вкуса? Кто [переходит границу] в любовных утехах, [тех называют] распутными. Кто же в пище – обжорами. Из этих [наслаждений] пищей у одних – удовольствие на языке, у других же – в горле. Поэтому-то Филоксен и хвастал, будто имеет журавлиное горло. И потому, что врожденные удовольствия от этих чувств являются общими у нас с другими животными, подчинение [им] является [самым] постыдным из всех существующих. Не потому ли плененного этими [наслаждениями] мы порицаем и называем необузданным и распутным, что его подчиняют [себе] эти наихудшие удовольствия? Впрочем, из существующих пяти ощущений другие животные наслаждаются только двумя. Остальными же [ощущениями] они либо совсем не наслаждаются, либо изведывают [от них удовольствие] каким-то случайным [образом]¹⁰.

Что касается текстуальных отличий между Авлом Геллием и Макробием, то они имеют лексический характер (в нашем тексте они выделены полужирным шрифтом). Их можно объяснить тем, что в эпоху Макробия в обращении находилось достаточно большое количество списков одного и того же известного сочинения, между которыми зачастую имелись разночтения¹¹.

Макробий (Sat. V, 18, 19-20) вновь обращается к Аристотелю при разборе строки из вергилиевой «Энеиды» (VII, 689-690). В ней говорится об этолийцах, которые, отправляясь на войну, оставляли одну (зд. – левую) ногу босой. Упрекая Вергилия за то, что в своем описании он следует Еврипиду, Макробий цитирует сохранившийся фрагмент из Аристотеля, где тот критикует Еврипида за незнание обычаев этолийцев. Макробий приводит слова Аристотеля по-гречески, упоминая его имя и название сочинения – «Poetica» («О поэтах»)¹²:

¹⁰ Звиревич (пер.). 2013. С. 360-361.

¹¹ Работа по сравнению «Сатурналий» с текстами Гомера, Лукреция и Вергилия по современным критическим изданиям уже была проведена. См. Davies. 1969. P. 522-528; Петрова 2013В. С. 687-695.

¹² См. Arist. Fr. var. (Poetica) 74, 13 (Rose [ed.]). Cp. Jan (ed.). 1848. P. 460; Laurenti (ed.). 1987. Fr. 7. P. 220.

...τοὺς δὲ Θεστίου κόρους τὸν μὲν ἀριστερὸν πόδα φησὶν Εὐριπίδην
ἐλθεῖν ἔχοντας ἀνυπόδετον· λέγει γοῦν ὅτι

τὸ λαῖον ἶχνος ἦσαν ἀνάρβυλοι ποδός,
τὸ δ' ἐν πεδίλοις, ὡς ἐλαφρίζον γόνυ
ἔχουεν,

ὡς δὴ πᾶν τοῦναντίον ἔθος τοῖς Αἰτωλοῖς. τὸν μὲν γὰρ ἀριστερὸν
ὑποδέδενται, τὸν δὲ δεξιὸν ἀνυποδετοῦσιν· δεῖ γὰρ οἶμαι τὸν ἠγούμενον
ἔχειν ἐλαφρόν, ἀλλ' οὐ τὸν ἐμμένοντα

Сказывают, что Еврипид вывел сыновей Фестия, имеющими необутой
левую ногу. Ведь он говорит, что:

Они – без обуви на левой ноге,
На другой же – подошва, колено легко
Чтоб поднять...

И это является обычаем, всецело чуждым этолийцам. Ибо левую ногу
они обували, а правую разували. Нужно ведь иметь облегченной начи-
нающую [шаг ногу], а не идущую вслед¹³.

Определить насколько точно Макробий следует Аристотелю не
представляется возможным, т.к. именно по тексту «Сатурналий» издате-
ли (Rose [1886], Laurenti [1987]) реконструировали фрагмент «О поэтах».

Еще один «аристотелизм» относится к физиологии человека (Sat.
VII, 6, 15). Макробий ссылается на Аристотеля, когда говорит, что мо-
лодые женщины реже впадают в пьянство, чем старые:

...читал я у греческого философа – если не ошибаюсь, это был Аристо-
тель – в книге «Об опьянении», которую тот сочинил, что [молодые]
женщины редко впадают в пьянство, часто – старухи; но о причине этих
частоты и редкости он [ничего] не прибавил¹⁴.

Текст, который следует ниже (Sat. VII, 6, 16-21), не вошел в из-
вестные нам издания сочинений Аристотеля (Rose [1886], Page [1962],
West [1972], Laurenti [1987]), в связи с чем мы предлагаем рассматри-
вать его как один из неучтенных фрагментов, относящихся к разделу
«Об опьянении» (достаточно важных, поскольку он вложен Макробием
в уста одного из главных действующих лиц «Сатурналий»):

(16) Recte et hoc Aristoteles, ut cetera... Mulieres, inquit, raro ebriantur, cre-
bro senes... Nam cum didicerimus quid mulieres ab ebrietate defendat, iam
tenemus quid senes ad hoc frequenter inpellat: contrariam enim sortita
naturam sunt muliebre corpus et corpus senile. (17) Mulier humectissimo est
corpore. Docet hoc et levitas cutis et splendor, docent praecipue adsiduae pur-
gationes superfluo exonerantes corpus humore. Cum ergo epotum vinum in
tam largum ceciderit humorem, vim suam perdit et fit dilutius, nec facile cre-

¹³ Зевревич (пер.). 2013. С. 149.

¹⁴ *Ibidem*. С. 484.

bri sedem ferit fortitudine eius extincta. (18) Sed et haec ratio iuvat sententiae veritatem: Quod muliebre corpus crebris purgationibus deputatum pluribus consertum est foraminibus, ut pateat in meatus et vias praebeat humori in egestionis exitum confluenti, per haec foramina vapor vini celeriter evanescit. (19) Contra senibus siccum corpus est, quod probat asperitas et squalor cutis. Unde et haec aetas ad flexum fit difficilior, quod est indicium siccitatis. Intra hos vinum nec patitur contrarietatem repugnantis humoris, et integra vi sua adhaeret corpori arido, et mox loca tenet quae sapere homini ministrant. (20) Dura quoque esse senum corpora nulla dubitatio est: et ideo ipsi etiam naturales meatus in membris durioribus obserantur, et hausto vino exhalatio nulla contingit, sed totum ad ipsam sedem mentis ascendit. (21) Hinc fit ut et sani senes malis ebriorum laborent, tremore membrorum, linguae titubantia, abundantia loquendi, iracundiae concitatione: quibus tam subiacent iuvenes ebrii quam senes sobrii. Si ergo levem pertulerint inpulsum vini, non accipiunt haec mala, sed incitant quibus aetatis ratione iam capti sunt.

(16) Правильно об этом [пишет] Аристотель... [Молодые] женщины, говорит он, редко пьянствуют, часто – старухи... Ведь тело [молодой] женщины и тело старушечье наделены противоположной природой. (17) У [молодой] женщины очень влажное тело. Это подтверждает и нежность кожи, и [ее] гладкость, особенно – постоянные очищения благодаря истечению, избавляющему тело от влаги. Поэтому выпитое вино, попадая в столь обильную влажность, теряет свою силу и становится разбавленным; оно с трудом поражает обиталище ума, потому что его крепость ослабела. (18) Но [еще] и то суждение помогает истине, что тело [молодой] женщины, подверженное частым очищениям, пронизано многими отверстиями, чтобы быть открытым для прохода влаги и предоставлять [ей] пути, когда та истекает при выходе выделений. Через эти отверстия быстро происходит испарение вина. (19) Напротив, у старух тело сухое, что показывает грубость и морщинистость кожи. Посему в этом возрасте очень затруднительны наклоны, что [также] является признаком сухости [тела]. Внутри них вино не испытывает противодействия враждебной влаги; во [всей] своей нетронутой силе оно закрепляется в сухом теле и вскоре овладевает областями, которые позволяют человеку быть рассудительным. (20) Нет никакого сомнения [и в том], что тела старух являются плотными, и потому в очень плотных членах [тела] даже сами естественные проходы закрываются, и когда вино поглощено, [его уже] не затрагивает никакое испарение, оно [все] целиком поднимается к самому обиталищу ума. (21) Тут случается [то], что и здоровые старики страдают бедами пьяных: дрожанием членов [тела], косноязычием, болтливостью, вспышками гнева, – [всему], чему столь подвержены пьяные юноши, подвержены и трезвые старики. Итак, если они испытывают легкое воздействие вина, [то] не получают эти беды [вновь], но лишь усиливают те, которыми они уже были охвачены с учетом [их] возраста.

Скорее всего, этот текст Макробий тоже заимствует у Аристотеля не напрямую. Во всяком случае, схожие рассуждения имеются у Плу-

тарха (Quaest. conv. III, 3, 1 [650AF]) и Афиней (Deipn. X, 34 [429cd]), хотя их изложения не столь развернуты.

В «Сатурналиях» также имеются места, в которых приводится авторитетное мнение Аристотеля, но названия сочинений при этом не указываются. Все они содержатся в седьмой книге «Сатурналий» и относятся к рассуждениям о свойствах воды и меди.

О свойствах воды. В первом из них Макробий пишет о том, что было выяснено Аристотелем в отношении свойств морской и пресной воды, а именно, что морская вода плотнее в сравнении с пресной, поскольку морская – мутная, а пресная – чистая и прозрачная. По этой причине «море легко держит даже неумелых пловцов, тогда как речная вода, как слабая и ничем не усиленная, тотчас расступается и пропускает вниз принятую тяжесть» (Sat. VII, 13, 19). В следующем абзаце «Сатурналий» (Ib. 20) говорится о том, что «пресная вода, как легкая по природе, очень быстро проникает в то, что нужно смыть, и когда она испаряется, то уносит с собой пятна грязи. Морская же, как более плотная, нелегко проникает [в ткань] при чистке, и поскольку с трудом испаряется, уносит с собой мало пятен». Это изложение восходит к Аристотелевым «Проблемам» (23, 13-14 [933a 9-16]), хотя о свойствах пресной и морской воды пишет и Плутарх в «Застольных беседах» (I, 9, 2, 627B).

Чуть ниже (Sat. VII, 13, 23-24) Макробий, вновь ссылаясь на Аристотеля, говорит о том, что «морская вода содержит в себе нечто жирное: когда ею брызгают на пламя, оно не столько гасится, сколько тотчас вспыхивает, так как жирная вода предоставляет питание огню». Это место также восходит к «Проблемам» (23, 14 [933a 17-20]) Аристотеля.

В последнем месте, относящемся к свойствам воды (Sat. VII, 8, 12), Макробий вообще не упоминает имени Аристотеля. Однако в нем также прослеживается параллель с «Проблемами» (24, 12 [937a 20-24]). Речь там идет о том, что «человек, вошедший в горячую воду, меньше обжигается, если остается неподвижным, но если он приводит воду в движение своими действиями, то ощущает весьма сильный жар, и чем больше он ее возмущает, тем сильнее она его жжет».

О свойствах меди. Согласно Макробию (Sat. VII, 16, 34), Аристотель свидетельствует о том, что «раны от медного лезвия менее вредны, чем от железного, и легче залечиваются, потому что... у меди имеется некая лечащая и сушащая сила, которую она направляет в рану». Эта фраза вновь восходит к Аристотелевым «Проблемам» (I, 35 [863a 25-30]).

Таким образом, можно заключить, что «Сатурналии» обнаруживают параллели с такими сочинениями Аристотеля как «Проблемы»,

«О поэтах» и «Об опьянении». Как представляется, заимствования Макробия были большей частью опосредованными, поскольку схожие рассуждения встречаются в сочинениях авторов (как греческих, так и латинских) более близких Макробию по времени (Плутарх, Афиней, Авл Гелий, Арнобий, Сервий, Августин). Скорее всего в эпоху жизни Макробия подобные сведения были общими местами и не ассоциировались с именем Аристотеля¹⁵. Вероятно Макробий, делая свои заимствования, пользовался не только трудами своих предшественников, но и тематическими подборками фрагментов из сочинений Аристотеля¹⁶.

СОКРАЩЕНИЯ

Аристотель. Фрагменты

Fr.

– *Aristotele. I Frammenti del Dialoghi* / A cura di Renato Laurenti. T. I – II. Napoli, 1987. – *Laurenti* (ed.). 1987.

Макробий. Сатурналии

Saturn.

– *Macrobius. Opera quae supersunt* / Ed. L. von Jan. 1 vol. Leipzig – Quedlinburg, 1848–1852. – *Jan* (ed.). 1848–1852.

– *Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalii* / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963. – Willis (ed.). 1963

Русский перевод

– *Макробий*. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Изд. подг. М.С. Петровой // *Макробий Феодосий*. Сатурналии. М.: Круг, 2013. – *Звиревич* (пер.). 2013.

ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ

BTL

– Bibliotheca Teubneriana Latina (2002).

PHI 5

– Packard Humanities Institute (version 5) (1991).

PL

– Patrologia Latina (1993–1995).

TLG

– Thesaurus Linguae Graecae (1999).

БИБЛИОГРАФИЯ

Armisen-Marshetti, M. Introduction // *Macrobie*. Commentaire au songe de Scipion / Texte établi, traduit et commenté par M. Armisen-Marchetti. Paris, 2001. – *Armisen-Marshetti*. 2001.

Courcelle, P. Les lettres grecques en occident de Macrobie a Cassiodore. P., 1943. – *Courcelle*. 1943.

Courcelle, P. Late Latin Writers and their Greek Sources / Trans. by H.E. Wedeck. Cambridge, MA, 1969. – *Courcelle*. 1969.

Davies, P.V. Introduction // *Macrobius*. The Saturnalia. N.Y. – L., 1969. – *Davies*. 1969.

¹⁵ Эти предположения подтверждают и анализ макробиева «Комментария на ‘Сон Сципиона’» – см.: *Петрова*. 2015. С. 60-62.

¹⁶ О существовании таких текстов см.: *Шичалин*. 1995. С. 3-6.

- Flamant, J.* Macrobe et le néoplatonisme latin à la fin du IVe siècle. Leiden, 1977. – *Flamant.* 1977.
- Gersh, S.* Middle platonism and neoplatonism, the latin tradition. V. II. Notre Dame, 1986. – *Gersh.* 1986.
- Linke, H.* Über Macrobius' Kommentar zu 'Ciceros Somnium Scipionis' // Philologische Abhandlungen. M. Hertz zum 70. Geburtstag. Berlin, 1888. – *Linke.* 1888.
- Mras, K.* Macrobius' Kommentar zu 'Ciceros Somnium' / Ein Beitrag zur Geistesgeschichte des 5. Jahrhunderts N. Chr., Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse 6. Berlin, 1933. – *Mras.* 1933.
- Stahl, W.* Introduction // *Macrobius.* Commentary on the 'Dream of Scipio'. N.Y. – L., 1952. – *Stahl.* 1952.
- Афонасин Е.В.* Дикеарх о душе. Интерпретация // Платоновские исследования II / I М. – СПб., 2015. – *Афонасин.* 2015.
- Балалыкин Д.А.* Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть I // Философия науки 2/65 (2015).
- Петров В.В.* Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем // ΣΧΟΛΗ (Schole) 9/2 (2015). – *Петров.* 2015.
- Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М., 2007. – *Петрова.* 2007.
- Петрова М.С.* Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // *Макробий Феодосий.* Сатурналии / Пер. В.Т. Звиревича. Общ. ред. М.С. Петровой. М., 2013. – *Петрова.* 2013А.
- Петрова М.С.* Солнечный монотеизм у Макробия // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М., 2013. – *Петрова.* 2013Б.
- Петрова М.С.* Фрагменты Гомера, Лукреция и Вергилия в изложении Макробия // *Макробий Феодосий.* Сатурналии / Пер. В.Т. Звиревича. Общ. ред. М.С. Петровой. М., 2013. – *Петрова.* 2013В.
- Петрова М.С.* Круг чтения Макробия // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М., 2015. – *Петрова.* 2015.
- Уколова В.И.* Макробий и его «Сатурналии» // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. – *Уколова.* 1988.
- Уколова В.И.* Поздний Рим. Пять портретов. М., 1992. – *Уколова.* 1992.
- Шичалин Ю.А.* От составителя // Учебники платоновской философии. М. – Томск, 1995. – *Шичалин.* 1995.

REFERENCES

- Armisen-Marshetti, M.* Introduction // *Macrobe.* Commentaire au songe de Scipion / Texte établi, traduit et commenté par M. Armisen-Marchetti. Paris, 2001. – *Armisen-Marshetti.* 2001.
- Courcelle, P.* Les lettres grecques en occident de Macrobe a Cassiodore. P., 1943. – *Courcelle.* 1943.
- Courcelle, P.* Late Latin Writers and their Greek Sources / Trans. by H.E. Wedeck. Cambridge, MA, 1969. – *Courcelle.* 1969.
- Davies, P.V.* Introduction // *Macrobius.* The Saturnalia. N.Y. – L., 1969. – *Davies.* 1969.
- Flamant, J.* Macrobe et le néoplatonisme latin à la fin du IVe siècle. Leiden, 1977. – *Flamant.* 1977.

- Gersh, S. Middle platonism and neoplatonism, the latin tradition. V. II. Notre Dame, 1986. – Gersh. 1986.
- Linke, H. Über Macrobius' Kommentar zu 'Ciceros Somnium Scipionis' // Philologische Abhandlungen. M. Hertz zum 70. Geburtstag. Berlin, 1888. – Linke. 1888.
- Mras, K. Macrobius' Kommentar zu 'Ciceros Somnium' / Ein Beitrag zur Geistesgeschichte des 5. Jahrhunderts N. Chr., Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse 6. Berlin, 1933. – Mras. 1933.
- Stahl, W. Introduction // *Macrobius*. Commentary on the 'Dream of Scipio'. N.Y. – L., 1952. – Stahl. 1952.
- Afonasin E.V. Dikearh o dushe. Interpretacija // Platonovskie issledovanija II / 1 M. – SPb., 2015. – Afonasin. 2015.
- Balalykin D.A. Mikrostruktura zhivoi materii v naturfilosofskoi sisteme Ga-lena. Chast' I // *Filosofiya nauki* 2/65 (2015). – Balalykin. 2015.
- Petroff V.V. Aristotel' i Aleksandr Afrodisijskij o roste i rastushhem // *ΣΧΟΛΗ* (Schole) 9/2 (2015). – Petroff. 2015.
- Petrova M.S. Makrobij Feodosij i predstavljenija o dushe i o mirozdanii v Pozdnej Antichnosti. M., 2007. – Petrova. 2007.
- Petrova M.S. Makrobij Feodosij i ego «Saturnalii» // Makrobij Feodosij. Saturnalii / Per. V.T. Zvirevicha. Obshh. red. M.S. Petrovoj. M., 2013. – Petrova. 2013A.
- Petrova M.S. Solnechnyj monoteizm u Makrobija // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovanija po istorii platonizma / Pod obshh. red. V.V. Petrova. M., 2013. – Petrova. 2013B.
- Petrova M.S. Fragmenty Gomera, Lukrecija i Vergilija v izlozhenii Makrobija // Makrobij Feodosij. Saturnalii / Per. V.T. Zvirevicha. Obshh. red. M.S. Petrovoj. M., 2013. – Petrova. 2013V.
- Petrova M.S. Krug chtenija Makrobija // Mera veshhej. Chelovek v istorii evropejskoj mysli / Pod obshh. red. G.V. Vdovinoj. M., 2015. – Petrova. 2015.
- Ukolova V.I. Makrobij i ego «Saturnalii» // *Kultura i obshhestvennaja mysl': Antichnost'. Srednie veka. Jepoha Vozrozhdenija*. M., 1988. – Ukolova. 1988.
- Ukolova V.I. Pozdnij Rim. Pjat' portretov. M., 1992. – Ukolova. 1992.
- Shichalin Ju.A. Ot sostavitelja // *Uchebniki platonovskoj filosofii*. M. – Tomsk, 1995. – Shichalin. 1995.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru.

The texts of Aristotle in the Latin tradition of Late Antiquity

The paper examines the details of reception of Aristotle's natural philosophical concepts in Macrobius's "Saturnalia" (V c. CE). The ways Macrobius treats Aristotelian concepts are under consideration. Textual parallels between the "Saturnalia" and Aristotelian fragments are investigated. It is concluded that Macrobius used texts of Aristotle indirectly.

Keywords: the Latin tradition, Aristotle, perception, influence, text.

Maya Petrova, Dr.Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, beionyt@mail.ru.

В.В. ПЕТРОВ

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ТЕКУЧЕСТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЕЧНО ИЗМЕНЧИВЫХ ЖИВЫХ ТЕЛ ИНДИВИДОВ*

В статье рассматриваются апории и сложности, обсуждавшиеся в аристотелевской традиции применительно к учению о живом изменяющемся теле индивида. Анализируются дефиниции и различения, которые последовательно вводятся Аристотелем, Александром Афродисийским и Иоанном Филопоном. Рассматриваются характерные для аристотелевской парадигмы сложности обеспечения преемственности материального тела. Анализ доводов Александра Афродисийского в пользу частичного сохранения в процессе роста не только эйдоса, но и материи. Концепция постепенности замещения материи, как залог преемственности материи на протяжении всей жизни индивида. Старение как эйдоса, так и материи индивида. Аргументы аристотеликов против стоического учения о вечном возвращении. «Тождество» и «неотличимость» в учении стоиков о вечном возвращении в изложении Александра и Оригена.

Ключевые слова: Аристотель, Александр Афродисийский, Иоанн Филопон, Ориген, стоики, вечное возвращение, тождество, неотличимость, материя.

Основоположителем философско-научного подхода к проблемам и апориям, возникающим при изучении меняющегося живого тела, можно по праву назвать Аристотеля. До Аристотеля вопросом об идентичности тела и сознания индивида задавались Эпихарм и Платон. В общем виде эти темы затрагивались Гераклитом и Кратилом. Однако именно Аристотель в рамках своего понимания живого тела, как совокупности эйдоса (формы) и материи, вводит эту проблематику в поле биологических и медицинских рассуждений о пище и питании, подбочастных и неподбочастных, задействуя категории количества и качества, эйдоса и материи, смешения и пр.¹.

История обсуждения этой тематики у самого Аристотеля, а также у таких последующих комментаторов, как Александр Афродисийский и Иоанн Филопон, показывает, что авторам приходилось вводить все более тонкие дефиниции и различения, позволявшие разрешать одни трудности (но неизбежно создававшие другие апории)².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе» (проект № 15–18–30005).

¹ См. Петров. 2015. По поводу взглядов на соотношение души и эйдоса тела в медицине, а именно у Галена, см. Петров. 2005В. С. 594 и 630-631; см. также: Балалькин. 2015. С. 119-134.

² Подробно этот вопрос исследован в работе: Kupreeva. 2004. Р. 297-334, на которую мы опираемся в этой публикации. Относительно мнений аристотеликов по

Если Аристотель в трактате «О возникновении и уничтожении» (1, 5) говорит о текучести без уточнений, Александр вводит более тонкое различие, разделяя то, что говорится в отношении эйдоса, и то, что говорится в отношении материи:

Когда мы говорим, что плоть течет и находится в непрерывном (συνεχεῖ) отложении и приложении, мы говорим, что плоть претерпевает это по материи (κατὰ τὴν ὕλην), когда же, напротив, мы говорим, что плоть пребывает той же, то утверждая это о ней, мы берем «плоть» от эйдоса (ἀπὸ τοῦ εἶδους) и в отношении эйдоса³.

Применительно к всегда изменяющемуся чувственно-воспринимаемому миру Аристотель полагает, что неправы те, кто постулирует его абсолютную текучесть. Он имеет в виду Эпихарма, спорившего с Ксенофаном, и последователей Гераклита, в числе которых был Кратил, считавший, что в одну и ту же реку нельзя войти даже единожды:

Изменяющееся (τὸ μεταβάλλον), пока оно изменяется, дает, правда, этим людям некоторое основание считать его несуществующим (μὴ εἶναι), однако это во всяком случае спорно; в самом деле, то, что утрачивает (τὸ ἀποβάλλον) что-нибудь, имеет [еще] что-то из утрачиваемого, и что-то из возникающего уже должно быть. И вообще, если что-то уничтожается (φθειρεται), должно наличествовать нечто сущее (ὕπαρξει τι ὄν), а если что-то возникает (γίγνεται), то должно существовать то, из чего оно возникает, и то, чем оно порождается (ἐξ οὗ γίγνεται καὶ ὅφ' οὗ γεννᾶται), и это не может идти в бесконечность. Но и помимо этого укажем, что изменение в количестве и изменение в качестве⁴ не одно и то же (οὐ ταῦτ' ἐστὶ τὸ μεταβάλλειν κατὰ τὸ ποσὸν καὶ κατὰ τὸ ποιόν). Пусть по количеству вещи не будут постоянными (κατὰ τὸ ποσὸν μὴ μένον), однако же мы познаем их все по их эйдосу (κατὰ τὸ εἶδος ἅπαντα γινώσκομεν)⁵.

Хотя Аристотель относил рост и преемственность только к эйдосу, в последующей традиции подчёркивалось, что в процессе роста сохраняться должен не только эйдос тела, но в некоторой части и его материя. Это объяснялось тем, что поскольку эйдос тела неотделим от материи и при этом бестелесен, нечто сохраняющее идентичность должно наличествовать и у материи. Наиболее отчётливо формулирует это Иоанн Филопон в своем комментарии на «Возникновение и уничтожение» Аристотеля:

поводу природы души и отношения её к телу см. *Афонасин*. 2015. С. 231-232; *Петрова*. 2015. С. 61-62.

³ *Alexander*. De mixtione 16, 235, 21-5 (*Bruns*). Оригинальные тексты см. в электронной базе данных (TLG). Здесь и далее первоисточники цитируются в переводе В.В. Петрова (если не указано иначе).

⁴ То есть по эйдосу.

⁵ *Aristoteles*. *Metaphysica* IV, 5, 1010a 16-25.

Может возникнуть вопрос, что, возможно, не только материя растущих не остаётся всегда той же самой из-за притока и оттока, но также и сам эйдос. Ведь если эйдос имеет бытие в материи, как в подлежащем, и невозможно, чтобы при исчезновении подлежащего сохранялось то, что имеет в нем бытие (поскольку тогда оно было бы скорее отделимым от материи, чем неотделимым), то с необходимостью и эйдос растущего не сохранится тем же⁶.

Таким образом, материя должна замещаться не сразу и целиком, но часть за частью, так чтобы нечто в ней оставалось тем же самым. Александр Афродисийский полагал, что нечто из материи должно оставаться неизменным и называл это «сохранением при передаче» (τῆ κατὰ διάδοσιν μονῆ):

И хотя одно из подлежащей (ὀλοβεβλημένης) материи убывает, а другое прибывает, до тех пор, пока нечто в ней остаётся неизменным (μένον ἐν αὐτῷ), сохраняется эйдос плоти (φυλάσσει τὸ τῆς σαρκὸς εἶδος), посредством сохранения при передаче препятствующий ей совершенно исчезнуть. Ибо бытие (τὸ εἶναι) плоти состоит не в такой-то величине, которая не остаётся той же самой из-за течения (ῥύσιν) материи, а в таком-то эйдосе (ἐν τῷ εἶδει τῷ τοιῷδε), который остаётся тем же (ταυτὸν μένει), пока сохраняется хоть что-то от плоти...⁷.

Иоанн Филопон подчёркивает, что, рассуждая о плоти, должно различать, идёт ли речь о собственно материи или же об эйдосе материи:

О всякой внутриматериальной вещи (ἕκαστον τῶν ἐνύλων πραγμάτων) говорится в двух смыслах: то применительно к их материи, то применительно к их эйдосу (κατὰ τὸ εἶδος). Иногда мы называем «плотью» эйдос плоти, а иногда материю, а иногда и то и другое (последнее мы опустим, как известное и не добавляющее ничего к настоящему рассуждению). Когда говорится, что плоть текуча (ῥευστήν) и имеет бытие в притоке и оттоке (ἐν ἐπιροῇ καὶ ἀποροῇ), или что она есть состав из четырех элементов (σύνθετον ἐκ τῶν τεσσάρων), мы именуем «плотью» материю плоти (τῆς σαρκὸς ὕλην). А когда говорят, что плоть находится в расцвете (ἀκμάζειν) или же в плохом смешении (δυσκράτως), что она нежная или закосневшая (μαλακὴν ἢ σκληράν), «плотью» именуется эйдос плоти. Когда же говорят, что она делима или простерта в трех измерениях (τριχῆ διαστατήν), велика или мала [по количеству], речь идет об обоих⁸.

У Александра Афродисийского имеется представление о частичном сохранении не только эйдоса, но и материи:

Если растёт подлежащее того, что именуется растущим (а сохраняется и материя, а не только эйдос, ибо не вся она заменяется), то почему рост

⁶ *Philoponus*. In Aristotelis libros de generatione et corruptione commentaria (далее – In GC) 106, 3-8 (*Vitelli*).

⁷ *Alexander*. De mixtione 235, 21-33.

⁸ *Philoponus*. In GC 103, 26-34 (*Vitelli*).

происходит только по эйдосу, но также не по материи? Ведь в растущих заменяется не вся материя, но иное прибывает, тогда как нечто из неё сохраняется. В противном случае, не осталось бы сохраняющегося начала, и не сохранился бы эйдос материи, которая существовала до этого. Ведь бытие материи заключается не в том, что она есть такое-то количество материи, как не в этом и бытие плоти⁹.

Согласно Александру, считается, что материя не сохраняется, поскольку материя относится к количеству, а эйдос – к качеству. Количество растущего постоянно меняется, а значит нельзя говорить о его сохранении. Поэтому нельзя утверждать, что и материя сохраняется в текучести, хотя на деле часть её остаётся той же.

Следует заметить, что необходимость предполагать некую резистентность материи к изменениям возникла именно в аристотелевской парадигме. В отличие от активного начала у стоиков аристотелевский эйдос бестелесен и не может существовать отдельно ни как вещь, ни как причинный телесный фактор, действующий в разнообразных индивидах. У стоиков источником связности служила пневма, как единое телесное активное начало, пронизывающее материю¹⁰. У Александра же всеобщей причиной преемственности материи является безостановочное движение небесных сфер¹¹.

Концепция постепенности замещения позволяла аристотеликам обосновать преемственность материи на протяжении всякого периода времени. Кроме того, существовало ещё одно соображение, побуждавшее признавать за материей определённую устойчивость. При отсутствии каких-либо ограничений на её текучесть материальные сущности могли бы существовать вечно: у них имелся бы устойчивый к изменениям эйдос и практически неограниченный, постоянно обновляемый приток всё новой, «свежей» материи. У Платона это соответствует примеру с душой, которая, как ткач, постоянно ткёт себе всё новые тела¹². Напротив, у Александра внутриматериальный эйдос существует лишь как конститутивная часть одного единственного тела, которое является частью состава из эйдоса и материи. При распадении состава эйдос не сохраняется. Поэтому Александр вводит ещё один постулат: некоторая часть материи индивида должна сохраняться на протяжении всей жизни индивида. Об этом пишет Филопон:

⁹ Alexander. *Quaestiones* 1, 5, 13, 11-16 (Bruns).

¹⁰ В «О смешении» Александр в ряде случаев даёт понять, что рассматривает аристотелевское учение об эйдосе и материи как альтернативу стоической теории пневмы. Cf. Alexander. *De mixtione* 9, 223. 6-13 (Bruns).

¹¹ Alexander. *De mixtione* 10, 223, 6-17 (Bruns).

¹² Plato. *Phaedo* 86e – 88 c.

Но не следует думать, что вся материя целиком (ὅλην καθ' ὅλην) заменяется с течением времени, утекая часть за частью, так что в старости у нас не останется того тела, которое было у нас подлежащим (τοῦ ὑποκειμένου ἐν ἡμῖν) при первой составленности (συντήξεως). В противном случае, живые существа были бы бессмертны, ибо их материя всегда пребывала бы в расцвете (ἀεὶ τῆς ὕλης ἀκμαζούσης). Теперь же, по причине изнурения со временем, материя не может целиком сохранять (δι' ὅλου σώζειν) эйдос, ибо находившиеся в гармонии части под действием противоположных сил не могут всецело сохранить гармонию и смешение (τὴν ἁρμονίαν καὶ σύγκρασιν δι' ὅλου σώζειν). Поэтому следует полагать, что материя расточается (διαφορεῖσθαι) не вся, но наиболее твердые её части всегда остаются нумерически теми же (τὰ αὐτὰ καθ' ἀριθμὸν). Вследствие чего мы видим, что рубцы от ранений, которые случились, может быть, в юности, сохраняются на плоти и в костях до самой смерти. Так что и вследствие этого, эйдос тоже с необходимостью остается нумерически тем же (τὸ αὐτὸ καθ' ἀριθμὸν μένειν)¹³.

Впоследствии Аверроэс в «Коротком комментарии на 'О возникновении и уничтожении'» тоже будет писать, что некоторая часть материи должна сохраняться, поскольку иначе эйдос мог бы существовать отдельно от материи:

Эта [текучесть] невозможна применительно ко всем частям материи, иначе получилось бы, что внутриматериальный эйдос может существовать отдельно. Возможно это только применительно к отдельным частям. Александр приводит свидетельства того, что в живом существе есть части, которые сохраняются от возникновения до уничтожения, например, следы ранений, остающихся на протяжении всего протяжения жизни¹⁴.

Совпадение комментариев Филопона и Аверроэса означает, что оба они отправляются от соответствующей работы Александра Афродисийского, не дошедшей до нас. Таким образом, мысль о том, что если материя не будет устойчива к изменениям, эйдос сможет существовать без материи и живое станет бессмертным, скорее всего, восходит к Александру.

Характерно, что сам Аристотель говорил о старении также и внутриматериального эйдоса. Эйдос является активным началом, и представлен Аристотелем как действующая в материи сила¹⁵. При этом Аристотель сравнивает эйдос с эластичной трубкой, которая оформляет протекающую через него воду. В зависимости от количества протекающей воды трубка может растягиваться и сжиматься, но сохраняет отличительные признаки своей формы, обеспечивающие идентичность:

¹³ *Philoponus // In GC 107. 3-14 (Vitelli).*

¹⁴ *Averroes. Epitome 13, 10-12 (Puig).*

¹⁵ Об эйдосе тела в традиции, зависящей от Аристотеля см. *Петров. 2004; Он же. 2005А; Он же. 2005Б; Он же. 2005В; Petroff. 2002; Idem. 2013.*

Эйдос без материи (τὸ εἶδος ἄνευ ὕλης) есть некая сила, которая находится в материи (δύναμις τις ἐν ὕλῃ), подобно [какой-то] трубке (αὐλός). Когда же присоединяется какая-либо материя, которая в возможности есть [такая] трубка и при этом обладает в возможности количеством (τὸ ποσόν), то эти трубки станут больше (οὗτοι ἔσσονται μείζους αὐλοί)¹⁶.

Далее Аристотель, похоже, подразумевает усыхание тела при старении, замечая, что эйдос природного тела со временем утрачивает свою силу (непрерывно текущая через него вода как бы размывает его силу и формообразующую способность). Хотя эйдос сохраняет узнаваемость, он уменьшается в размерах:

Если же [эйдос] больше уже не способен к действию (μῆκέτι ποιεῖν δύνηται), то (подобно воде, которая, будучи смешиваема с вином, делает его водянистым и в конце концов превращает в воду) происходит уменьшение количества (φθίσιν ποιεῖται τοῦ ποσοῦ), хотя эйдос сохраняется (τὸ εἶδος μένει)¹⁷.

При этом Аристотель полагает, что уменьшение силы эйдоса компенсируется уменьшением количества материи, которую он контролирует и оформляет.

Для Александра преемственность и устойчивость характеризуют ближайшую материю, для стоиков они относятся к телесной качественной структуре. И для Александра, и для стоиков один единичный эйдос (особая качественность) формирует уникальный материальный объект. Но для Александра, нумерическое единство и тождество объекта как «этого» основаны на преемственности и устойчивости конкретного материального подлежащего, тогда как у стоиков «сущность», как стоический эквивалент «материи» перипатетиков, это такой аспект индивида, который находится в постоянном изменении¹⁸. Применительно к учению о смешении для Александра отсутствие преемственности в материальном подлежащем ответственно за нумерическое различие компонентов смеси, имеющих идентичные качественные характеристики. Для стоиков, нумерическое тождество компонента до и после смешения в достаточной мере определено его качественным тождеством. На том же принципе материальной преемственности и устойчивости Александр строит свою аргументацию применительно к росту. И тот же принцип он задействует, критикуя стоическое учение о вечном возвращении¹⁹.

¹⁶ Aristoteles. De generat. et corrupt. 322a 28-31.

¹⁷ Aristoteles. De generat. et corrupt. 322a 31-33.

¹⁸ Два индивидуально определенных (τὸ ἰδίως ποίον) не могут занимать ту же сущность, см. *Plutarchus*. De communibus notitiis adversus Stoicos 1077 C–E; *Philo*. De aeternitate mundi 47-51. Cf. *Sedley*. 1982. P. 265-270.

¹⁹ Об учении стоиков см.: *Mansfeld*. 1979. P. 129-188; *Barnes*. 1978. P. 3-20. Cf. *Long*. 1985. P. 13-38.

Иоанн Филопон (видимо, цитируя Александра) приводит мнение, согласно которому вечное возвращение индивидов является следствием одновременного тождества действующей причины и материи в подлунных циклах:

По словам Александра, против Аристотеля могут выдвинуть следующую трудность. Если материя всегда пребывает той же, и действующая причина (τὸ ποιητικὸν αἴτιον) тоже всегда та же, отчего по этой причине (διὰ τοιαύτα αἴτια) не возникнут после некоего продолжительного периода времени (κατὰ περίοδόν τινα πλείονος χρόνου) из той же материи снова нумерически те же самые вещи (τὰ αὐτὰ πάλιν κατ' ἀριθμὸν), произведённые от тех же причин? Некоторые говорят, что это случается применительно к возрождению и Великому году (κατὰ τὴν παλιγγενεσίαν καὶ τὸν μέγαν ἐνιαυτὸν), в который происходит восстановление всего как того же самого (πάντων τῶν αὐτῶν ἀποκατάστασις). В этом случае может происходить возрождение и нумерическое возвращение (παλιγγενεσία καὶ κατ' ἀριθμὸν ἀνάκαψις) индивидов (τῶν καθ' ἕκαστα), чья сущность уничтожима (φθαρτὴ ἢ οὐσία).

На это следует ответить, что даже при условии, что опять (πάλιν) появится Сократ, Сократ возникший следующим не будет в отношении Сократа бывшего первым (τῷ πρώτῳ γενομένῳ) нумерически одним и тем же (τῷ ἀριθμῷ ὁ αὐτὸς καὶ εἷς). Ибо нумерически единое и тождественное (ἓν καὶ ταῦτό κατ' ἀριθμὸν) не может иметь промежутков (διαλείπειν). Нумерически единое возникает не вследствие бытия от тех же причин (τῷ ἐκ τῶν αὐτῶν εἶναι), но вследствие сохранения тем же самым (τῷ τὸ αὐτὸ διαμένειν) в своем бытии прежним и следующим (πρότερον καὶ ὕστερον ὄν). Поэтому Солнце нумерически то же, а Сократ, как он [Александр] говорил, не то же нумерически. Ибо индивидуальный эйдос не сохраняется (τὸ ἄτομον εἶδος), даже если сохраняется материя²⁰.

Таким образом, Александр считает, что даже возникновение индивидов с точно такими же свойствами не может считаться возвращением нумерически тождественных индивидов. Это возникновение индивидов тождественных по типу, даже если они во всём похожи на своих двойников в прошлом²¹. Александр утверждает, что «одна и та же вещь не может быть разделена промежутком». В другом месте он приводит дополнительную информацию относительно понимания индивида у стоиков:

Стоики полагают, что после обогневания все в космосе снова возникает нумерически тем же самым (πάλιν πάντα ταῦτα ἐν τῷ κόσμῳ γίνεσθαι κατ' ἀριθμὸν), так что тот же самый индивидуально определённый (τὸν ἰδίως ποιοῦν) снова как прежде существует и возникает в этом мире (πάλιν τὸν

²⁰ Philoponus // In GC 314, 9-22 (Vitelli).

²¹ Барнс (см. Barnes. 1978. P. 10) и Лонг (см. Long. 1985. P. 27-28) считают это смягченным вариантом теории «возвращения», когда соответствующие двойники в черед «миров» не тождественны, но только неотличимы.

αὐτὸν τῷ πρόσθεν εἶναι τε καὶ γίνεσθαι), как говорит Хрисипп в книгах «О мире»... И говорят, что отличия индивидуально определённых, возникших после, от возникших прежде, касаются только некоторых внешних привходящих (κατὰ τινα τῶν ἔξωθεν συμβεβηκότων). Эти отличия (παράλλαται) применительно к Диону, сохраняющемуся и живущему, как тот же самый, не изменяют (οὐκ ἀλλάσσουσιν) его. Ведь он не становится иным, если прежде имел на лице родинки (φακοὺς), а после не имеет. Именно такие отличия, говорят они, возникают между индивидуально определёнными из одного мира по отношению к таковым из другого (τὰς ἐν τοῖς ἰδίως ποιοῖς τοῖς ἐν ἄλλῳ κόσμῳ παρὰ τοὺς ἐν ἄλλῳ γίνεσθαι)²².

Схожее учение излагал Ориген, указывавший на введённое стоиками терминологическое отличие, заменившее строгое «тождество» находящихся в разных мировых циклах индивидов на их «неотличимость» друг от друга:

Кельс стал писать против нас... что цикл смертных природ (ἢ τῶν θνητῶν περίοδος) от начала до конца остаётся одинаковым (ὁμοία) и что применительно к установленному числу обращений (κατὰ τὰς τεταγμένας ἀνακυκλήσεις) с необходимостью следует то, что один и те же всегда были, есть и будут (τὰ αὐτὰ ἀεὶ καὶ γεγόνενα καὶ εἶναι καὶ ἔσεσθαι). Если же это так, то упраздняется то, что зависит от нас (τὸ ἐφ' ἡμῖν)... Ведь тогда... с необходимостью Сократ всегда будет философствовать и обвиняться во введении новых богов (καινοῖς δαιμονίοις) и растлении юношества, Анит и Мелет всегда будут его обвинителями, а совет на холме Ареса всегда будет приговаривать его к смерти от цыкуты... С необходимостью всегда через установленное число обращений (κατὰ τὰς τεταγμένας περιόδους) Моисей с иудейским народом будет выходить из Египта, а Иисус будет снова приходить в жизнь, совершая то же (πάλιν ἐπιδημησαι τῷ βίῳ τὰ αὐτὰ ποιήσοντα), что уже не однажды, но бесконечное число раз совершил в [разных] циклах (κατὰ περίοδους). И через установленное число обращений будут те же христиане, и Кельс снова будет писать [против них] эту книгу, которую бесконечное число раз писал прежде.

Сей Кельс говорит, что только в цикле смертных по установленному числу обращений всегда с необходимостью те же были, есть и будут. Но большинство стоиков считает, что таковое (τοιαύτην) происходит не только в цикле смертных, но и в цикле бессмертных и тех, кого они считают богами. После обогенения (ἐκτύρωσιν) вселенной, а это случилось бесконечное число раз и бесконечное число раз произойдёт вновь, был и будет тот же порядок (ἢ αὐτῇ τάξιν) всего от начала и до конца.

Правда стоики стараются сгладить несуразности своего учения. Они говорят, что [существа] в других циклах (κατὰ περίοδον), не знаю, правда, как, будут совершенно неотличимы (ἀπαράλλακτους πάντας) от таковых в прежних циклах. Так что снова возникнет не Сократ, но некто неотличимый от Сократа (ἀπαράλλακτός τις τῷ Σωκράτει), он женится на женщине,

²² Alexander. In Aristotelis analyticorum priorum librum 180, 33-6; 181, 25-31 (Wallies = SVF 2, 624).

неотличимой от Ксантипы, и будет обвинён судьями, неотличимыми от Анита и Мелета. Я не могу понять, как мир всегда остаётся тем же и неотличимым один от другого (ὁ μὲν κόσμος αἰεὶ ὁ αὐτός ἐστι καὶ οὐκ ἀπαράλλακτος ἕτερος ἐτέρῳ), когда те, кто находится в нём, не те же самые, но лишь неотличимые (τὰ δ' ἐν αὐτῷ οὐ τὰ αὐτὰ ἀλλὰ ἀπαράλλακτα)²³.

Последователи стоиков говорят, что по прошествии цикла (κατὰ περίοδον) происходит обогвение вселенной (τοῦ παντός), а потом [очередное] устройство мира (διακόσμησιν), в котором все будет неотличимым (ἀπαράλλακτα) от прежнего мироустройства. Те из них, коим неловко от такого учения (ὅσοι δ' αὐτῶν ἠδέσθησαν τὸ δόγμα), утверждали, что по прошествии цикла будет небольшое и чрезвычайно малое отличие (ὀλίγην παραλλαγὴν καὶ σφόδρα βραχεῖαν) от того, что было в прежнем цикле (τοῖς ἐπὶ τῆς πρὸ αὐτῆς περιόδου)²⁴.

Таким образом, у стоиков речь идёт не о тождественности, а о неотличимости. Более того, в некоторых интерпретациях предполагается даже наличие отличий, но столь малых, что они не могут фиксироваться. Это более или менее соответствует принципу повторяемости по типу, но отсутствию нумерического тождества, о котором говорит Александр.

Важно отметить, что рассуждения о тождестве, неотличимости, не фиксируемых измерениями малых отличиях объектов, принадлежащих разным мирам, вновь начнут обсуждаться в философии Лейбница и Ницше. При этом у Ницше учение о вечном возвращении станет важнейшей компонентой его мировосприятия. Таким образом, философские апории и сложности, возникавшие и рассматривавшиеся аристотелевской традицией применительно к живому меняющемуся телу индивида, вновь попадут в поле внимания уже новой и новейшей философии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barnes, J. La doctrine de retour eternel // In: *Les Stoiciens et leur logique* / Ed. J. Brunschwig. Paris, 1978. – Barnes. 1978.
- Kupreeva, I. Alexander of Aphrodisias on Mixture and Growth // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 27 (2004). P. 297-334. – Kupreeva. 2004.
- Long, A.A. The Stoics on World-Conflagration and Everlasting Recurrence // *Southern Journal of Philosophy* 23, Suppl. (1985). – Long. 1985.
- Mansfeld, J. Providence and the Destruction of the Universe in Early Stoic Thought. With Some Remarks on the 'Mysteries of Philosophy' // In: *Studies in Hellenistic Religions* / Ed. M.J. Vermaseren. Leiden, 1979. – Mansfeld. 1979.
- Sedley, D. The Stoic Criterion of Identity // *Phronesis* 27 / 3 (1982). – Sedley. 1982.
- Афонасин Е.В. Дикеарх о душе. Интерпретация // *Платоновские исследования II / 1 М.* – СПб., 2015. – Афонасин. 2015.
- Балалькин Д.А. Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть I // *Философия науки* 2/65 (2015). – Балалькин. 2015.

²³ *Origenes. Contra Celsum* 4, 67, 1- 68, 16 (Borret).

²⁴ *Origenes. Contra Celsum* 5, 20, 14-19 (Borret = SVF 2, 626).

- Петров В.В.* Учение Оригена о теле воскресения и его влияние на богословие Григория Нисского и Иоанна Эриугены // IX Рождественские Образовательные Чтения. Богословие и философия: аспекты диалога / Сборник докладов конференции (25.01. 2001, Институт философии РАН) / Под ред. В.К. Шохина. М., 2004. – *Петров.* 2004.
- Петров В.В.* Ориген и Дидим Александрийский о тонком теле души // Диалог со временем 15 (2005). – *Петров.* 2005А.
- Петров В.В.* Тело и телесность в эсхатологии Иоанна Скотта // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П.П. Гайденко и В.В. Петров. М., 2005. – *Петров.* 2005Б.
- Петров В.В.* Учение Оригена о теле воскресения в контексте современной ему интеллектуальной традиции // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П.П. Гайденко и В.В. Петров. М., 2005. – *Петров.* 2005В.
- Петров В.В.* Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем // СХОΛΗ 9/2 (2015). – *Петров.* 2015.
- Петрова М.С.* Круг чтения Макробия // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли. М. 2015. – *Петрова.* 2015.
- Petroff V.* Bede's Eschatology and the Natural Philosophy of His Time // Czech and Slovak Journal of Humanities. Philosophica (Palacký University, Olomouc) 2 (2013). – *Petroff.* 2013.
- Petroff V.* *Theoriae* of the Return in John Scottus' Eschatology // History and Eschatology in John Scottus Eriugena and His Time. Proceedings of the 10th Conference of the SPES, Maynooth and Dublin, August 16-20, 2000 / Eds. James McEvoy and Michael Dunne. Leuven: University Press, 2002. – *Petroff.* 2002.

REFERENCES

- Barnes, J.* La doctrine de retour eternal // In: *Les Stoiciens et leur logique* / Ed. J. Brunschwig. Paris, 1978. – *Barnes.* 1978.
- Kupreeva, I.* Alexander of Aphrodisias on Mixture and Growth // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 27 (2004). P. 297-334. – *Kupreeva.* 2004.
- Long, A.A.* The Stoics on World-Conflagration and Everlasting Recurrence // *Southern Journal of Philosophy* 23, Suppl. (1985). – *Long.* 1985.
- Mansfeld, J.* Providence and the Destruction of the Universe in Early Stoic Thought. With Some Remarks on the 'Mysteries of Philosophy' // In: *Studies in Hellenistic Religions* / Ed. M.J. Vermaseren. Leiden, 1979. – *Mansfeld.* 1979.
- Sedley, D.* The Stoic Criterion of Identity // *Phronesis* 27 / 3 (1982). – *Sedley.* 1982.
- Afonasin E.V.* Dikearh o dushe. Interpretacija // *Platonovskie issledovanija* II / 1 М. – СПб., 2015. – *Afonasin.* 2015.
- Balalykin D.A.* Mikrostruktura zhivoi materii v naturfilosofskoi sisteme Ga-lena. Chast' I // *Filosofiya nauki* 2/65 (2015). – *Balalykin.* 2015.
- Petroff V.V.* Uchenie Origena o tele voskresenija i ego vlijanie na bogoslovie Grigorija Nisskogo i Ioanna Jeriugeny // IX Rozhdestvenskie Obrazovatel'nye Chtenija. Bogoslovie i filosofija: aspekty dialoga / Sbornik dokladov konferencii (25.01. 2001, Institut filosofii RAN) / Pod red. V.K. Shohina. M., 2004. – *Petroff.* 2004.
- Petroff V.V.* Origen i Didim Aleksandrijskij o tonkom tele dushi // *Dialog so vremenem* 15 (2005). – *Petroff.* 2005А.

- Petrov V.V.* Telo i telesnost' v jeshatologii Ioanna Skotta // Kosmos i dusha. Uchenija o vselennoj i cheloveke v Antichnosti i v Srednie veka (issledovanija i perevody) / Obshh. red. P.P. Gajdenko i V.V. Petroff. M., 2005. – *Petroff*. 2005B.
- Petrov V.V.* Uchenie Origena o tele voskresenija v kontekste sovremennoj emu intelektual'noj tradicii // Kosmos i dusha. Uchenija o vselennoj i cheloveke v Antichnosti i v Srednie veka (issledovanija i perevody) / Obshh. red. P.P. Gajdenko i V.V. Petroff. M., 2005. – *Petroff*. 2005V.
- Petroff V.V.* Aristotel' i Aleksandr Afrodisijskij o roste i rastushhem // ΣΧΟΛΗ 9/2 (2015). – *Petroff*. 2015.
- Petrova M.S.* Krug chtenija Makrobija // Mera veshhej. Chelovek v istorii evropejskoj mysli. M. 2015. – *Petrova*. 2015.
- Petroff V.* Bede's Eschatology and the Natural Philosophy of His Time // Czech and Slovak Journal of Humanities. Philosophica (Palacký University, Olomouc) 2 (2013). – *Petroff*. 2013.
- Petroff V.* *Theoriae of the Return in John Scottus' Eschatology* // History and Eschatology in John Scottus Eriugena and His Time. Proceedings of the 10th Conference of the SPES, Maynooth and Dublin, August 16-20, 2000 / Eds. James McEvoy and Michael Dunne. Leuven: University Press, 2002. – *Petroff*. 2002.

Петров Валерий Валентинович, доктор философских наук, Директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, *campas.iph@gmail.com*.

Aristotelian Tradition on Flow and Continuity in the Ever-Changing Living Bodies of Individuals

The article treats the aporia and difficulties discussed in the Aristotelian tradition concerning the teachings on the ever-changing living body of the individual. The definitions and distinctions are analyzed, which were sequentially introduced by Aristotle, Alexander of Aphrodisias and John Philoponus. The problems inherent in the Aristotelian paradigm that concern explanations of the continuity of the material body are considered, including Alexander's arguments for partial preservation during the growth not only of eidos, but also of some matter. The concept of gradual replacement of matter, as a guarantee of the continuity of matter throughout the life of the individual. Aging both of the eidos and matter of an individual. Aristotelians' arguments against the Stoic doctrine of the eternal recurrence. "Identity" and "indistinguishability" in the Stoic doctrine of the eternal recurrence as presented by Alexander and Origen.

Key words: Aristotle, Alexander of Aphrodisias, John Philoponus, Origen, the Stoics, eternal recurrence, identity, indistinguishability, matter.

Valery Petroff, Dr.Sc. (History of Philosophy), Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. *campas.iph@gmail.com*.

И.Г. КОНОВАЛОВА

**О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОГРАФИИ:
АРАБСКИЕ ГЕОГРАФЫ XII–XIV ВЕКОВ
О ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ***

В статье исследуется вопрос о преемственности в развитии средневековой арабской географии на примере анализа сведений о Восточной Европе в сочинениях крупнейших арабских географов XII–XIV вв. ал-Идриси, Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды. Рассматриваются различные способы отбора сведений, применявшиеся указанными географами, методы их инкорпорации в новое сочинение, выявляются основные линии заимствований. Сравнение материалов ал-Идриси, Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды о Восточной Европе показывает, что, несмотря на очевидную связь этих сочинений, к вопросу об их соотношении, вопреки распространенному в историографии мнению, не следует применять категорию прогресса. Ибн Са'ид не ставил перед собой задачи приращения знаний о Восточной Европе по сравнению с ал-Идриси; то же самое относится и к Абу ал-Фиде, который не стремился углубить представления Ибн Са'ида об этом регионе. Каждый автор «осваивал» это пространство заново, заимствуя из сочинений предшественников лишь ту информацию, которая отвечала целям и задачам его собственного труда.

Ключевые слова: *средневековая исламская география, ал-Идриси, Ибн Са'ид, Абу ал-Фиды, Восточная Европа, традиция, преемственность.*

Вопрос о роли преемственности в рамках научной или культурной традиции является одним из важнейших в изучении интеллектуальной истории. Его разработка позволяет понять природу трансформаций предметного поля, проблемного репертуара и методологических основ той или иной области интеллектуальной деятельности, постичь внутреннюю логику развития науки и культуры как универсальных форм освоения окружающего мира. Выяснение характера преемственности имеет большое значение также и для других областей исторического знания, в частности, для источниковедения и – если речь идет о научных традициях в географической науке – для исторической географии.

Одной из наиболее содержательных и интересных средневековых традиций землеописания по праву считается исламская география и картография. Мусульманские географы сумели собрать колоссальный объем информации о населявших землю народах. Географический горизонт арабо-персидских ученых обнимал не только собственно исламские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Ки-

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-02121.

тай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание Центральной Африки оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX в.¹ Значение средневековой мусульманской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их презентации в виде астрономических таблиц, «книг путей и государств», страноведческих сборников, всемирных географий, космографий, историко-географических энциклопедий, «книг чудес». Несмотря на то, что средневековая исламская география – в зависимости от времени, места и социально-политических обстоятельств – развивалась в различных интеллектуальных контекстах, ей были присущи общие методологические установки, обеспечивавшие ее внутреннюю когерентность и преемственное развитие.

Практика исследования исламских географических сочинений позволила установить, что многие из них по своему составу были более или менее тесно связаны друг с другом – вплоть до включения обширных фрагментов из трудов предшественников и сосуществования в рамках одного произведения нескольких версий описания одного и того же объекта. Соответственно текстуальные заимствования рассматривались исследователями как одна из главнейших форм преемственности в исламской географической литературе.

Детальное рассмотрение сообщений арабо-персидских авторов IX–XVII вв. о Восточной Европе привело к выделению традиционных сюжетов, общих для целого ряда сочинений. Например, было выявлено, что рассказы об «острове русов», о «трех группах русов», о каспийских походах русов повторялись с различными вариациями многими арабо-персидскими авторами X–XVII вв.² При этом иногда в поздних по времени произведениях можно было обнаружить пространные выписки из более ранних трудов, которые либо совсем не дошли до нас, либо сохранились в сокращенных редакциях. В результате сравнительного анализа арабо-персидских источников о Восточной Европе Б.Н. Заходером была сформулирована идея о том, что в IX–X вв. в исламских странах, связанных с Восточной Европой посредством Волжско-Каспийского пути, сложился более или менее устойчивый комплекс сведений о данном регионе. Этот гипотетический свод известий Б.Н. Заходер назвал «Каспийским сводом»³. Дальнейшее изучение этого круга известий поз-

¹ Крачковский 1957.

² Бартольд 1963; Новосельцев 2000; Коновалова 2013.

³ Заходер 1962, 1967.

волило определить его первоисточник – несохранившееся сочинение арабского ученого первой четверти X в. ал-Джайхани (вазира при дворе Саманидов)⁴, и дало возможность говорить о существовании географической традиции или даже «школы», связанной с его именем⁵. Еще одна исламская традиция землеописания X в. сформировалась на основе не дошедшего до нас труда арабского географа ал-Балхи (ум. в 934 г.), продолжателями которого были ученые середины – второй половины X в. ал-Истахри и Ибн Хаукал. Их сочинения, очень близкие по своему содержанию, получили в европейской историографии наименование «классической школы арабских географов», или «школы ал-Балхи»⁶.

Выявление заимствований из более ранних сочинений, а также установление общего круга сведений о Восточной Европе, несомненно, важно для фиксации самого факта преемственности в средневековой исламской географической литературе. Однако само по себе это мало что дает для понимания характера преемственности и ее роли в развитии той или иной географической традиции. Достаточно сказать, что заимствование всегда было выборочным и очень часто не буквальным, и это ставит вопрос о «фильтрах», через которые автор пропускал заимствованную информацию, и о месте последней в авторском замысле реципиента. О том, каким образом заимствованные данные могли инкорпорироваться в состав нового сочинения, можно судить, рассмотрев географические трактаты трех крупнейших арабских географов XII–XIV вв. ал-Идриси, Ибн Са‘ида и Абу ал-Фиды.

Сочинение ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муитайк фи ихтирайк ал-афайк*, 1154 г.) оказало значительное влияние на последующую арабскую географическую литературу. Оно явилось одним из важных источников сочинения Ибн Са‘ида «Книга географии о семи климатах» (*Китаб джуррафийй фи-л-ақллим ас-саб‘а*, вторая половина XIII в.), которое, в свою очередь, послужило основой для многих сообщений «Книги упорядочения стран» (*Китаб тақвйм ал-булдан*) Абу ал-Фиды (1321–1331 гг.)⁷.

Исследователи сочинений Ибн Са‘ида и Абу ал-Фиды отмечают, что наряду с обильным заимствованием фактических данных у ал-Идриси, географы XIII–XIV вв. развили принципы землеописания, ис-

⁴ Новосельцев 2000. С. 280–313.

⁵ Göскеҗан, Zimoҗу 2001.

⁶ Крачковский 1957. С. 194–218.

⁷ Об этих сочинениях и содержащихся в них сведениях о Восточной Европе см.: Крачковский 1957. С. 281–299, 352–358, 386–394; Коновалова 1999, 2006, 2009.

пользовавшиеся ал-Идриси, вводя в свои сочинения указание широт и долгот для каждого крупного пункта. Географические координаты, приводимые Ибн Са'идом и Абу ал-Фидой, рассматриваются в историографии как «дополнение» этих авторов к текстовой информации ал-Идриси, своего рода «усовершенствование» последних, позволившее сделать географам XIII–XIV вв. «шаг вперед по сравнению с трудом ал-Идриси»⁸.

Однако сравнительный анализ восточноевропейских материалов в сочинениях ал-Идриси, Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды позволяет прийти к иным выводам о характере преемственности этих сочинений. В трудах трех географов выделяется комплекс общих, «базовых» сведений, переходящих из сочинения в сочинение. Эти сведения восходят к известиям ранних арабских географов, опиравшихся, в свою очередь, на птолемеевскую традицию, и относятся, главным образом, к элементам оро- и гидрографии региона (в ряде случаев удастся проследить и картографическую основу этой информации)⁹. Элементы рельефа и – в меньшей степени – гидрографии служили опорными деталями, помогавшими географам располагать в пространстве сведения о населенных пунктах, странах и народах или же структурировать пространство для тех областей (как правило, северных), о которых иная информация в исламском мире просто отсутствовала. Лишь для немногих районов Восточной Европы географы XII–XIV вв. располагали «самодостаточными» сведениями, которые сами по себе позволяли составить развернутые описания ряда объектов (такой материал предоставляли, как правило, черноморские лоции, использованные ал-Идриси и Абу ал-Фидой¹⁰). В большинстве же случаев фрагментарные современные данные помещались географами в традиционный контекст, который придавал им связность и целостность.

Соотношение новой и традиционной информации во всех рассматриваемых сочинениях имеет свои особенности. У каждого автора более или менее отчетливо выделяется комплекс новой информации о тех или иных объектах, которая выполняет структурообразующие функции, деформирует традиционный контекст или – в отдельных случаях – даже полностью вытесняет его.

Для ал-Идриси такой новой информацией являются полученные от купцов и путешественников маршрутные данные; их использование позволило географу либо составить описания ряда областей Восточной

⁸ Бартольд 1973; Крачковский 1957. С. 355–356; Толмачева. С. 16.

⁹ См. сопоставительные топонимические таблицы в: Коновалова 2009. С. 167–169, 176.

¹⁰ Коновалова 1999. С. 152–179; Коновалова 2003.

Европы, совершенно неизвестных более ранним арабским авторам (Поднепровье, Поднестровье, Половецкая земля, Восточная Прибалтика), либо полностью обновить топонимическую номенклатуру региона, в той или иной мере уже знакомого его предшественникам (Северное Причерноморье)¹¹.

Новая информация в тексте Ибн Са'ида присутствует в куда менее концентрированном виде, чем в сочинении ал-Идриси. Тем не менее Ибн Са'иду удалось создать свою собственную картину физической и этнополитической географии отдельных областей Восточной Европы – Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Нижнего и Среднего Поволжья, отразив новые этнополитические реалии этих регионов при монгольском владычестве¹².

Абу ал-Фида в силу своего высокого положения¹³ имел доступ к современной ему информации, связанной с дипломатическими, экономическими и религиозными контактами мамлюкского Египта и Золотой Орды. Тем самым он получил возможность составить свои, оригинальные описания Черного и Азовского морей и впадающих в них с севера рек Днестра и Дона, а также дать развернутые характеристики золотоордынских городов Северного Причерноморья, Нижнего и Среднего Поволжья¹⁴.

Анализ новой информации в сочинениях арабских географов XII–XIV вв. позволяет сделать вывод о перемещении центров информации о Восточной Европе в рассматриваемый период. Если для исламских географов домонгольского времени (ал-Идриси) значительная часть сведений о народах Восточной Европы поступала в страны Халифата через Булгар на Волге, то уже во времена Ибн Са'ида эта информационная роль Булгара перешла к политическим и экономическим центрам Золотой Орды, в первую очередь к портовым городам Северного Причерноморья, участвовавшим в международной торговле, а также к золотоордынской столице городу Сараю и – в меньшей степени – к стоявшему в низовьях Волги Саксину.

Приемы совмещения новых и традиционных сведений могли быть самыми разными. Если основу рассказа Абу ал-Фиды о северных странах составляют обширные выдержки из сочинения Ибн Са'ида, то последний, обращаясь к книжной информации, не только избегает прямо-

¹¹ Коновалова 1999. С. 123–189, 193–198.

¹² Коновалова 2009. С. 30–33.

¹³ Абу ал-Фида был сирийским эмиром, сумевшим сохранить и расширить свои владения после завоевания Сирии мамлюками и пользовавшимся расположением мамлюкского султана ан-Насира.

¹⁴ Коновалова 2009. С. 108–111, 113–114, 119–125.

го цитирования фрагментов из сочинений своих предшественников, но подвергает их сообщения основательной переработке. Об этом свидетельствует тот факт, что в тексте «Географии» почти совершенно отсутствуют маршрутные данные с указанием расстояний между пунктами. В тех немногочисленных случаях, когда Ибн Са'ид указывает расстояния между теми или иными объектами, он опирается, главным образом, на книжную информацию, источник которой, как правило, нетрудно установить. При этом объем заимствованного материала у Ибн Са'ида очень невелик сравнительно с теми возможностями, которые предоставляло ему, скажем, сочинение ал-Идриси. К примеру, Ибн Са'ид совершенно не воспользовался богатыми сведениями ал-Идриси о городах Нижнего Подунавья, Поднестровья, Поднепровья и Северного Причерноморья при составлении своего описания всех этих регионов.

Таким образом, говоря о характере заимствования Ибн Са'идом данных из его главного источника – сочинения ал-Идриси, – следует иметь в виду, что почерпнутые им из *Нузхат ал-муштак* сведения были поставлены испанским географом в иную, чем у его предшественника, систему связей.

Что касается астрономических данных, которыми оперировали Ибн Са'ид и Абу ал-Фиды, то исследование их материалов не оставляет сомнений в том, что соединение астрономических и описательных данных в сочинениях авторов XIII–XIV вв. следует считать чисто механическим. Там, где можно сравнить текстовую информацию о местонахождении тех или иных объектов и указанные Ибн Са'идом их координатные данные, они противоречат друг другу. О формальном соединении тех и других сведений говорят и материалы Абу ал-Фиды, который не заботился о выяснении достоверности приводимых им координатных данных и довольно часто без каких-либо комментариев приводил несколько вариантов астрономической локализации, взятых им из различных источников. Попытка перенести на карту те географические объекты, для которых Ибн Са'идом и Абу ал-Фидой указаны широта и долгота (это в основном города), показывает, что на основании их координатных данных вычертить карту, сколько-нибудь соответствующую реальному положению вещей, невозможно, ибо города расположены бессистемно: так, почти все пункты Северного Кавказа оказываются к югу от Трапезунда; Сарир (царство в горном Дагестане), напротив, лежит много севернее, почти на одной широте с Тмутараканью, а Саксин почти на той же широте, что и Булгар¹⁵.

¹⁵ См. таблицы: Коновалова 2009. С. 172–173.

Кроме того, последовательное использование Ибн Са'идом и Абу ал-Фидой координатного принципа оказалось несовместимо с основным способом локализации, практикуемым ал-Идриси, – определением местоположения одного пункта относительно каких-либо других в рамках определенного маршрута. Тем самым для географов XIII–XIV вв. исключалась возможность прямого заимствования сообщений ал-Идриси, без нарушения их внутренней структуры, основу которой составляли именно дорожники. Не случайно в исследованных мною частях сочинения Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды, при всей очевидной зависимости их текстов от материалов ал-Идриси, тем не менее не встречается сколько-нибудь пространных цитат из трактата последнего.

Сравнение материалов ал-Идриси, Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды о Восточной Европе убеждает в том, что, несмотря на очевидную связь этих сочинений, к вопросу об их соотношении, вопреки распространенному в историографии мнению, не следует применять категорию «прогресса» и рассматривать сочинения этих ученых как вехи в поступательном движении средневековой науки. Ибн Са'ид не ставил перед собой задачи приращения знаний о Восточной Европе по сравнению с ал-Идриси; то же самое относится и к Абу ал-Фиде, который не стремился углубить представления Ибн Са'ида об этом регионе. Каждый автор «осваивал» это пространство заново, пренебрегая многими сведениями своих предшественников – не случайно, этнополитическая картина Восточной Европы у Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды практически исчерпывается пределами Золотой Орды, несмотря на наличие богатого материала о Руси и Прибалтике в сочинении ал-Идриси. Интерес к тем или иным сведениям ал-Идриси со стороны Ибн Са'ида или к материалам последнего у Абу ал-Фиды диктовался, главным образом, задачами их собственных сочинений, а также содержанием той информации о Восточной Европе, которая поступала в мусульманский мир по современным для них каналам, которые для второй половины XIII – первой трети XIV в. были почти целиком связаны с контактами Золотой Орды и мамлюкского Египта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Восточная литература, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 810–858.
- Бартольд В.В.* География Ибн Са'ида // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Восточная литература, 1973. Т. VIII. С. 103–113.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1962. Т. I: Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Наука, 1967. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне.

- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Восточная литература, 1999.
- Коновалова И.Г. Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник РИО. М.: Русская панорама, 2003. Т. 7 (155): Россия и мусульманский мир. С. 51–57.
- Коновалова И.Г. Северное Причерноморье в арабской географии XIII–XIV вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 93–104.
- Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2006.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2009.
- Коновалова И.Г. Восточные источники о восточных славянах и Руси // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: РФСОИ, 2013. С. 160–248.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. IV.
- Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: РФСОИ, 2000. С. 264–323.
- Толмачева М.А. Введение // Арабские источники XIII–XIV веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Отв. ред. В.А. Попов. М.; Восточная литература, 2002. С. 12–24.
- Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-‘Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001.

REFERENCES

- Bartol'd V.V. Arabskie izvestiya o rusah // Bartol'd V.V. Sochineniya. M.: Vostochnaya literatura, 1963. T. II. CH. 1. S. 810–858.
- Bartol'd V.V. Geografiya Ibn Sa'ida // Bartol'd V.V. Sochineniya. M.: Vostochnaya literatura, 1973. T. VIII. S. 103–113.
- Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-‘Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001.
- Konovvalova I.G. Vostochnaya Evropa v sochinenii al-Idrisi. M.: Vostochnaya literatura, 1999.
- Konovvalova I.G. Chernoe more v opisanii Abu-l-Fidy // Sbornik RIO. M.: Russkaya panorama, 2003. T. 7 (155): Rossiya i musul'manskij mir. S. 51–57.
- Konovvalova I.G. Severnoe Prichernomor'e v arabskoj geografii XIII–XIV vv. // Voprosy istorii. 2005. № 1. S. 93–104.
- Konovvalova I.G. Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy: Tekst, perevod, kommentarij. M.: Vostochnaya literatura, 2006.
- Konovvalova I.G. Vostochnaya Evropa v sochineniyah arabskih geografov XIII–XIV vv.: Tekst, perevod, kommentarij. M.: Vostochnaya literatura, 2009.
- Konovvalova I.G. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov / Pod red. E.A. Mel'nikovoj. M.: RFSON, 2013. S. 160–248.
- Krachkovskij I.Yu. Izbrannye sochineniya. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. T. IV.
- Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI–IX vv. //

- Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 1998 g. M.: RFSON, 2000. S. 264–323.
- Tolmacheva M.A. Vvedenie // Arabskie istochniki XIII–XIV vekov po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sahary / Otv. red. V.A. Popov. M.: Vostochnaya literatura, 2002. S. 12–24.
- Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostočnoj Evrope. M.: Nauka, 1962. T. I: Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. M.: Nauka, 1967. T. II: Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane.

Коновалова Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН; irina_konovalova@mail.ru

On Continuity in Medieval Geography: Arab Geographers of the 12th–14th Centuries about Eastern Europe

The paper examines the features of continuity in the development of medieval Arab geography on an example of the information on Eastern Europe in the writings of the most prominent Arab geographers of the 12th–14th centuries al-Idrisi, Ibn Sa'id and Abu al-Fida. Various methods of data selection, applied by the above mentioned geographers, their methods of incorporation of the borrowed material into their writings, the main lines of borrowing are discussed. Comparison of materials of al-Idrisi, Ibn Sa'id and Abu al-Fida on Eastern Europe shows that, despite the obvious connection between these works, the question of their relationship, contrary to popular opinion in historiography, should not be considered with the help of the category of “progress”. Ibn Sa'id did not set himself the task of the increment of knowledge about Eastern Europe compared to al-Idrisi; the same applies to the Abu al-Fida, who did not intend to deepen Ibn Sa'id's knowledge of this region. Each author “mastered” this space personally, borrowing from the works of his predecessors only that information that met the goals and objectives of his own treatise.

Keywords: *medieval Islamic geography, al-Idrisi, Ibn Sa'id, Abu al-Fida, Eastern Europe, tradition, continuity.*

Konovalova Irina Gennadievna – Dr. Sc. (History), deputy director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; irina_konovalova@mail.ru

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

О. И. ХОРУЖЕНКО

РОДОСЛОВНЫЕ РОСПИСИ В ИЗУЧЕНИИ РОДОВОЙ ПАМЯТИ

В статье исследуется понимание родовой памяти в работах отечественных генеалогов конца XIX – начала XXI в., способы выявления ими в родословных росписях сведений, восходящих к устной традиции.

Ключевые слова: *родовая память, родословные росписи, текстология, генеалогия.*

Родословные росписи XVI–XVII вв. представляют собой, как правило, краткие сведения о происхождении того или иного дворянского рода (родословная легенда) и перечисление лиц, принадлежащих к этому роду (собственно роспись рода). Как сами родословные росписи, так и сборники, в которые они объединены (родословные книги), давно стали объектом текстологического изучения¹, позволяющего реконструировать историю текста, объяснить те или иные разночтения в сопоставляемых источниках. Для актуальных исследовательских практик, направленных на изучение родовой памяти, из всех возможных факторов, приводящих к изменению текста, интерес представляют преимущественно мнемонические свойства автора. Возникает вопрос: не выступает ли здесь объяснение изменений текста провалами или озарениями в памяти автора «легкой» альтернативой текстологии?

Для историков особый интерес представляет ретроспективная информация родословных росписей – сведения о событиях до XVI в. В условиях определенного дефицита средневековых письменных источников ее ценность вполне очевидна. Часто в исследованиях, не связанных с источниковедением родословных росписей, содержащаяся в них ретроспективная информация воспринимается некритично, с полным доверием; ее уникальность как будто уводит на второй план вопрос о достоверности. Достоверность же родословных росписей в тех редких работах, в которых она исследуется специально, получает различные оценки: от вполне положительных² до крайне скептических³. Вряд ли правомерен тезис о принципиальных различиях между родословными росписями

¹ Лихачев 1888; 1897; 1901; Бычкова 1975.

² Копанев 1951. С. 24–32.

³ Савелов 1908. С. 34–35, 129–134; Веселовский 1969. С. 17–20; Каменский 1993. С. 169; Беспалов 2011.

XVI в., которым якобы присуща высокая достоверность, и росписями XVII–XVIII вв., содержащими мифические подробности⁴. Очевидно, что единой, общей оценки достоверности родословных росписей, как и иных разновидностей исторических источников, быть не может⁵.

В первую очередь родословные росписи использовались для потребностей генеалогии в ее практической ипостаси: они служили главным источником для составления генеалогических справочников. Как отмечала М.Е. Бычкова, «при составлении родословных таблиц и для выявления необходимых биографических сведений большинство... исследователей брало отдельные, часто случайные списки, не стремясь установить связь между ними, определить историю их создания, источники, достоверность их известий»⁶. С развитием источниковедения генеалогическая методика совершенствовалась: для составления «научной родословной» привлекались дополнительные списки родословных росписей, иные источники, позволяющие проверить и дополнить данные родословных росписей⁷, а иногда и значительно их переработать, предложив новую по сравнению с росписью версию родства тех или иных лиц⁸. Но в целом родословные росписи для генеалогии имеют утилитарное значение, более того, как отметили Н.А. Соболева и А.И. Аксенов, «генеалогия окончательно отрывается от источниковедческих проблем, приобретая право самостоятельного исторического построения». Авторы видят в этом положительную тенденцию, базирующуюся на «учении об информативности источника». Тем самым генеалогия и иные вспомогательные исторические дисциплины превращаются, по их мнению, «из “знания” в научные дисциплины»⁹.

Продуктивность текстологического подхода к изучению родословных книг и росписей показали исследования Н.П. Лихачева¹⁰: «в них впервые был разработан метод сравнительного изучения списков, определена и изучена самостоятельная редакция родословных книг, и намечены основные этапы истории их создания»¹¹. Продолжила текстологическое изучение родословных книг и росписей М.Е. Бычкова. На основе изучения 131 списка родословных книг, состава и последовательности

⁴ Бычкова 1975. С. 136.

⁵ Каишанов 1988. С. 223.

⁶ Бычкова 1975. С. 5.

⁷ Веселовский 1969.

⁸ Кузьмин 2002. С. 19; 2004. С. 119–120; Пудалов 2004.

⁹ Соболева, Аксенов 1993. С. 231.

¹⁰ Лихачев 1888; 1897; 1901.

¹¹ Бычкова 1975. С. 8.

включенных в них родословных росписей она предложила целостную картину бытования этих источников, определила основные редакции и изводы, предложила методику их датировки¹².

Текстологический подход к изучению родословий развивался параллельно с текстологией летописей, литературных произведений. Представления о надлежащих исследовательских процедурах текстологии наиболее полно обобщены в работах Д.С. Лихачева; О.В. Творогов предложил пошагово детализированную последовательность текстологических исследований¹³. В их работах постулирована необходимость исследования соотношения конкретных списков произведений (но не изводов или редакций)¹⁴. Предметом текстологического исследования Д.С. Лихачев считал историю текста памятника, куда «входит его литературная история и внелитературная, творческая история памятника и все те нетворческие моменты, которые привели к изменению текста (случайные утраты и искажения, изменения под давлением цензуры, требований политических организаций, гонимых соображений и пр.)¹⁵. Предлагаемый Д.С. Лихачевым список причин изменений текста, очевидно, не окончателен и может быть расширен, как и круг вопросов, которые исследователь вправе обращать к источнику.

Одним из таких вопросов в последнее время стал вопрос о родовой (родословной) памяти и возможностях родословных книг для ее исследования¹⁶. Проблематика социальной или исторической памяти, истории как памяти, стала в конце XX в. знаковой не только для исторической науки: «проблематика памяти выдвинулась на передовые позиции в общественном сознании и захватила разные области социогуманитарного знания»¹⁷. Соотношение понятий историческое знание, историческая наука, историческая память сложное и неоднозначное. Как правило, его понимание зависит от позиции того или иного автора в отношении проблемы взаимовлияния (противопоставления) историографии и знаний о прошлом традиционных сообществ (так «историческая память» изначально понималась П. Нора), либо историографии и массового сознания.

¹² Бычкова 1961; 1963; 1968; 1975.

¹³ Творогов 2009. С. 160–174.

¹⁴ Лихачев 2006. С. 35; Творогов 2009. С. 160–171. Здесь уместно процитировать вполне справедливое суждение М.Е. Бычковой о методе исследования С.Б. Веселовского: «В работах С.Б. Веселовского часто приводится конкретный анализ различных редакций родословных росписей боярских и княжеских родов, правда без сопоставления родословных книг, которые их содержат» (Бычкова 1975. С. 9).

¹⁵ Лихачев 2006. С. 10.

¹⁶ Кузьмин 2001; 2006; Хоруженко 2012; 2014.

¹⁷ Репина 2007. С. 7.

Понятие *родовая память* выступает как частное по отношению к основному концепту *memory studies* – исторической памяти: это память представителей того или иного рода о прошлом этого рода. В качестве гипотезы существование коллективной памяти о прошлом у представителей той или иной родовой корпорации не должно вызывать возражений. Однако представления исследователей о формах ее фиксации в источниках, способах ее познания, а в первую очередь об объеме самого понятия *родовая, родословная память* заметно разнятся¹⁸. В ряде случаев эта неопределенность заставляет поставить вопрос о самой предметности таких исследований.

В первую очередь следует, очевидно, различать *родословную память* и *родовую память*. Первая – наименование документа, наряду с наказными, местническими и отказными и т.п. *памятями*, аналог позднейшей промемории¹⁹. Далее, как представляется, было бы продуктивным различать индивидуальную память о прошлом своего рода (как частного проявления свойства индивидуального сознания сохранять и воспроизводить информацию) от собственно родовой памяти.

Н.П. Лихачев, заложивший основы текстологического подхода к изучению родословных росписей, не был склонен объяснять свойствами индивидуальной памяти составителя текстологические расхождения в родословных росписях. Исключение он сделал лишь однажды, причем для своего собственного рода: «Неродословность фамилии [Лихачевых – О. Х.] в XVI веке была причиной, что роспись пришлось составлять на память, поэтому в ней найдутся значительные пропуски в угасших ветвях... Составители росписи показали удивительную память родственных связей»²⁰. Допущение Н.П. Лихачева о составлении родословной росписи по *памяти*, т.е. без обращения к иным письменным источникам, – крайне редкое для его работ.

В исследованиях С.Б. Веселовского *память*, в первую очередь, относится к психическим функциям человека; это способность сохранять, накапливать и воспроизводить информацию, в данном случае – информацию о происхождении рода. *Память* (а в работах С.Б. Веселовского это, прежде всего, индивидуальная память составителя собственного

¹⁸ В этом смысле показательны как название, так и содержание сборника 2001 г. «Генеалогия как форма исторической памяти».

¹⁹ Лихачев 1888. С. 373, 376, 414; Шмидт 1973. С. 97; ср.: Кузьмин 2001. Вряд ли можно признать удачным наименование *родовой памятью* списка имен родственных, поданный для их поминания в церковь (Рыков 1995); встречающееся в источниках самоназвание *родопомынный список* более адекватно.

²⁰ Лихачев 1888. С. 144.

родословия) «хранит, но подводит», воспоминания могут становиться «смутными» («сбивчивыми», «спутанными»), либо исчезать до полного «беспамятства» («забвения») ²¹. Как это и свойственно *памяти*-психофункции, в ряде случаев она характеризуется частичным или полным забыванием, по всей вероятности – и парамнезией ²².

В работах М.Е. Бычковой *память* также фигурирует как психическая функция и относится к личности автора родословной росписи, причем этот автор, как и у С.Б. Веселовского, а *ргіогі* принадлежит к тому самому роду, роспись которого он составил. Его памяти свойственна некоторая избирательность: «естественно, что запоминались лишь лица, оставившие потомство, дожившее до XVI в. и которое к тому же служило при великокняжеском дворе». Поскольку «самые подробные сведения содержатся в памяти о его [автора – О. Х.] непосредственных предках – отце, дяде и братьях, а биографические записи есть только о лицах двух последних поколений; все это может говорить <о том>, что в основе росписи лежит человеческая память» ²³.

Способ выявления индивидуальной памяти, продемонстрированный М.Е. Бычковой на примере родословной росписи дьяка Троице-Сергиева монастыря Вороны ²⁴, не представляется достаточно убедительным. По ее наблюдениям, «показания Вороны о родстве членов его рода нигде не расходятся с показаниями актов... к которым, кстати, Ворона как монастырский дьяк имел доступ». Казалось бы, это не дает оснований исключить акты Троице-Сергиева монастыря из числа источников родословной росписи Вороны, более того – заставляет признать их основным ее источником и оставить за индивидуальной памятью, в лучшем случае, лишь второстепенную роль. Но вывод, к которому пришла исследовательница, обратен ожидаемому: «сравнение росписи дьяка Вороны с актами приводит к выводу, что в основе ее лежали не документы, а знания человека об истории своей семьи».

Для родословной росписи Вороны можно было бы предложить иные основания для признания ее проявлением *памяти*. За дьяком Вороной, как и за любым человеком прошлого или настоящего, следует признать наличие *индивидуальной памяти* о ближайших к нему представителях рода. Такая ограниченность продиктована общедемографиче-

²¹ Веселовский 1969. С. 16, 17, 267, 287, 290, 360.

²² Наиболее яркий и известный пример этого – показания князя Т.В. Кропоткина, потомка смоленских князей, о своем происхождении от касимовского татарина (Лихачев 1897. С. 12).

²³ Бычкова 1975. С. 126–127.

²⁴ Там же. С. 128–129.

ской (генеалогической) закономерностью и продолжительностью человеческой жизни – три поколения на 100 лет. Человек помнит своего отца, может помнить деда, иногда – прадеда. Опираясь на построение именной формулы, он может назвать последовательно имена своих предков в трех-четыре поколениях. Именно на четыре поколения и распространилось родословие Вороны. Более древнее прошлое рода становится доступным при обращении к неким (письменным или устным) источникам, которые дополняют или формируют родовую память.

Согласно А.В. Кузьмину, служилых людей XVI века и потомков князей, утративших титул, отличала такая *память*, которая обладала свойствами «хранить былые воспоминания», либо «отказывать». Здесь память понимается автором, вероятно, как признак индивидуального человеческого сознания²⁵.

Бытование сведений родословных росписей в произведениях князя А.М. Курбского было исследовано К.Ю. Ерусалимским, поставившим их в контекст *исторической памяти* этого деятеля²⁶. Вопрос об исторической памяти индивида, вероятно, правомерен при допущении, что данный индивид знаком с устной традицией, обладает познаниями, восходящими к ней. В противном случае мы имеем дело с признанием тождественности индивидуальной исторической памяти и индивидуальных исторических познаний (либо памяти индивида о тех или иных исторических событиях, свидетелем которых он был). Очевидно, что такая тождественность не может быть принята без существенных оговорок. Насколько можно понять, под *исторической памятью* Курбского автор понимает собственно индивидуальные исторические познания князя и его индивидуальную память о содержании ряда упоминаемых им текстов: летописей, родословцев, сочинений современников. Эти наблюдения сами по себе весьма ценны, но необходимо учесть, что «сосредоточивая внимание на индивидуальной или на коллективной памяти, мы на самом деле исследуем два различных предмета»²⁷.

Исследователь апеллирует к памяти Курбского в тех случаях, когда источник его сведений остается неясным. По мнению К.Ю. Ерусалимского, «недостатками памяти автора» можно объяснить сведения о происхождении тверских великих князей от князя Андрея Суздальского. Этот пример требует оговорки: сочинитель в этом вопросе пересказывал по памяти («от него же, памятамысь, и великие княжата тверские изыдо-

²⁵ Кузьмин 1998. С. 141–143; 2013. С. 248.

²⁶ Ерусалимский 2005.

²⁷ Хальбвасс 2005.

ша») некую «летописную книгу рускую»²⁸, т.е. письменный источник. При повествовании о происхождении своих родственников по материнской линии Курбский, по мнению Ерусалимского, опирался «не на письменные родословцы, а скорее всего, на личные представления о значении рода и на родовую память». Речь идет о версии происхождения Морозовых, не встречающейся в известных родословцах. В изложении Курбского, Морозовы «вышли от Немец вкупе с Рюриком, прародителем русских княжат, семь мужей храбрых и благородных. Тои-то был Мисса Морозов»²⁹. В родословцах Миша Прушанин также «приехал из Немец», но не во времена Рюрика, а позднее – к Александру Невскому – и был с ним «на Неве во шти мужех храбрых». Как видно, расхождения с родословцами у Курбского невелики, и вызваны ли они желанием удревить историю Морозовых или неточностью при цитировании по памяти – они не позволяют исключить книжную основу его сведений.

Тексты Курбского предоставляют довольно широкие возможности для суждений о том, какие сведения из родословцев, иных письменных источников князь-беглец сохранял в своей памяти: «Сих, еликих памятью могл обяти, написах о княжецких родех»; «о великих же панов родех, а по их о боярских, аще ми елико Господь памяти подаст, покушусь написати» и т.д. Однако такие наблюдения могут в большей степени характеризовать *индивидуальную память* Курбского, чем индивидуальные проявления *исторической, социальной или родовой памяти*.

Формы собственно *родовой памяти*, присущие представителям той или иной родовой корпорации и относящиеся к ее истории – родовые предания (легенды). Следует предположить, что они по-разному могут соотноситься с книжной традицией. Существовавшие как устный источник, родовые предания могли фиксироваться в письменных источниках, но могли к ним и восходить. В последнем случае письменный источник (его автором может быть и посторонний для рода исполнитель) конструирует родовую память следующих поколений.

Н.П. Лихачев, судя по всему, относил родовые предания к устной традиции, зафиксированной *post factum*: «В исходе XVII столетия нашлись люди, которые помогли наиболее рискованному семейным преданиям облечься в определенные формы. Самым пышным цветком в этом направлении было генеалогическое сочинение о происхождении Корсаковых от Юпитера»³⁰. Тезис о бытовании в дворянской среде устных

²⁸ Князя А.М. Курбского история. 1913. Стб. 121.

²⁹ Там же. Стб. 143.

³⁰ Лихачев 1897. С. 61.

семейных преданий в качестве допущения принять можно, но «Генеалогия» Корсаковых определенно не является примером их письменной фиксации. Ее сочинитель, подчеркивая «научный» характер своего трактата, открывает свое повествование «Сочислением творцов по алфавиту, от них же собрана книга сия», т.е. тех авторитетных авторов, на работы которых он опирался при возведении родословия Корсаковых к Юпитеру³¹. Никаких устных источников «Генеалогии» Римских-Корсаковых, потомков полоцких бояр³², в ее тексте не обнаруживается. Более ранние источники также не фиксируют претензии рода Корсаковых на божественное происхождение. «Генеалогия» была написана в конце 1670-х – начале 1680-х гг. для обоснования претензий Корсаковых на двойную фамилию Римские-Корсаковы³³.

В исследованиях С.Б. Веселовского родовая память – набор передаваемых в устной форме из поколения в поколение сведений о прошлом дворянского рода. Согласно Веселовскому, объем их небольшой – это «имя родоначальника, действительного или вымышленного, и два три факта, традиционно связываемые с каким-либо крупным общеизвестным историческим лицом или событием»; они «передаются от отца к сыну», переходят «из уст в уста»³⁴, и именно процесс передачи этих сведений от старшего поколения к младшему приводит к их деформации. Искажения включают «хронологическое смешение фактов, контаминацию фактов разного времени, деформацию представлений об отдаленном прошлом и т.п.»³⁵.

Предлагаемые С.Б. Веселовским основания для констатации родовой памяти явно недостаточны. Они сводятся к соответствию (и в этом случае память должна быть охарактеризована как крепкая), либо несоответствию (тогда память «подводит») сведений родословных росписей сведениям иных источников. Сопоставление данных ряда источников – обязательная исследовательская процедура в классическом источниковедении, задачей которой выступает проверка достоверности («критика») исторического источника, в данном случае – родословной росписи. Вывод о недостоверности исторического источника влечет за собой изучение в первую очередь осознанных, целенаправленных мотивов его автора³⁶. В историографии достаточно примеров продуктивности такого

³¹ *Римский-Корсаков* 1994. С. 24–26, 205–245.

³² *Хорошкевич* 1972.

³³ *Римский-Корсаков* 1994. С. 14.

³⁴ *Веселовский* 1969. С. 41.

³⁵ Там же. С. 264.

³⁶ *Усманов* 1991. С. 5.

подхода. Объяснять же недостоверность источника свойствами памяти автора, не попытавшись изучить его цели, информированность, идейные установки, – значит упрощать и обеднять исследовательскую работу источниковеда. Из этого же исходит и текстология: «Ошибкой изменение текста признается только тогда, когда нет никаких веских оснований признать это изменение намеренной правкой одного из творцов текста», «когда исчерпаны все возможности объяснить изменение в тексте сознательными, целенаправленными намерениями автора, редактора или переписчика»³⁷. Апелляция к ошибкам родовой или индивидуальной памяти заменяет исследователю источниковедческий анализ источника³⁸.

Апелляция к свойствам памяти предполагаемого автора как способ внеисточниковедческого и внетекстологического объяснения расхождений между показаниями родословных росписей и иных источников широко применяется также А.В. Кузьминым. Исследователь осознает, что разночтения могут объясняться небрежностью переписчика, дефектом протографа³⁹, но возможности текстологического объяснения таких расхождений его, как будто, не увлекают. Расхождения в источниках, появление или исчезновение уникальных сведений и т.д. объясняются свойствами индивидуальной или коллективной памяти. Когда наблюдаются расхождения, это должно свидетельствовать о том, что «память авторам росписи явно изменила». Последующее приведение переписчиками или редакторами данных родословной росписи в соответствие с данными других источников, в т.ч. с предлагаемой ими хронологией, называется А.В. Кузьминым «механизмом восстановления “памяти”». Автор явно понимает *историческую / родовую / фамильную память*, свойственную индивидуальному или коллективному сознанию, как существующую в устной традиции; исторические источники ее не формируют, а лишь фиксируют на том или ином этапе ее развития. Родословные росписи, в частности, являются «формой письменной фиксации коллективной и индивидуальной памяти людей эпохи Средневековья о предках»⁴⁰.

М.Е. Бычкова предложила различать *родовое предание* и *родословную легенду*. Под *родословной легендой* она понимает часть формуляра родословия: «Родословия состоят из двух самостоятельных частей: рассказ (иногда короткий, из двух-трех фраз) о происхождении предка, от

³⁷ Лихачев 2006. С. 39.

³⁸ «Не в этой ли сбивчивости семейных преданий лежит причина того, что поминание синодика пропустило Федора, а Бархатная книга поставила вместо него Юрия?» (Веселовский. 1969. С. 451).

³⁹ Кузьмин 2001. С. 75–77; 2013. С. 249, 479.

⁴⁰ Кузьмин 2013. С. 27, 31.

которого ведет начало семья – это родословная легенда; и перечень всех мужских потомков этого предка вплоть до того времени, когда составлялось родословие – это роспись рода». Содержательно родословная легенда – «повествование с элементами вымысла»⁴¹. Соответственно, равно допустимы предположения об устном или книжном происхождении легенды, либо комбинации в родословной легенде обоих компонентов.

Установление устной традиции, когда «легенда составлена по семейному преданию», демонстрирует исследование М.Е. Бычковой родословной росписи Нащокиных. Предположение исследовательницы о том, «что в ее основе лежит семейное предание», основано на двух обстоятельствах – «красочности рассказа» и отсутствии видимой связи текста родословной легенды с летописями⁴². Не вполне ясно, какая степень «красочности рассказа» должна свидетельствовать о связи легенды именно с устной традицией, семейным преданием, но из приведенной М.Е. Бычковой параллели ясно, что Нащокины, вопреки сомнениям автора, все-таки были вполне знакомы с летописным рассказом.

Воскресенская летопись

а Щелкан побеже на сени
князь же Александр зажже сени
и згоре Щелкан и с прочими татары

Родословная Нащокиных

Щолкан же утече... и заперся в сенех...
тверичи... сожгли сени
и Щелкан с людьми своими... сгорел.

В летописное известие Нащокины искусственно ввели фигуру своего предка, предложив одновременно наивную этимологию своего родового прозвания: «И Дмитрия Нащоку тут у сеней ранили по щеке, на великого князя дворе». Прозвище Дмитрия Нащоки, вероятно, было вполне мирным и само по себе не свидетельствовало о военных подвигах и боевых шрамах: нащока – «род накладного украшения на металлическом изделии»⁴³.

М.Е. Бычкова поставила перед собой задачу выявить связи родословных легенд с источниками различных видов: летописями, разрядами, писцовыми книгами, актами. Эти связи были ею продемонстрированы вполне убедительно. Что же касается устной традиции, то опознание ее по уникальным известиям, т.е. по тем подробностям, которые выступают в иных известных на сегодня письменных источниках «фигурами умолчания», не представляется пока достаточно продуктивным.

Проблема критериев выявления устных источников в летописании заинтересовала А.С. Щавелева. Он предложил ряд признаков бытования

⁴¹ Бычкова 1997. С. 3–4; Бычкова, Смирнов. 2004. С. 94.

⁴² Бычкова 1975. С. 142–143.

⁴³ Словарь. Вып. 10. С. 324.

того или иного известия летописей в устной традиции. Это, в первую очередь, прямые указания на обращения к фольклору и к свидетельствам очевидцев, затем – конкурирующие версии событий, малые виды фольклора (пословицы, поговорки, загадки), славянские лексемы в иноязычных текстах, мифологические имена (топонимы, артефакты), речи и диалоги, устные формулы⁴⁴. Оставляя в стороне вопрос о достаточности и бесспорности этих критериев для летописных источников⁴⁵, следует обозначить проблему выработки аналогичных критериев и для родословных росписей. Ранее мной было высказано предположение о наличии фольклорного пласта в родословной легенде о происхождении князей Волконских⁴⁶. Однако эта легенда была явно выработана вне рода; она скорее унижала Волконских, чем возвышала.

Н.А. Подгорбунских считает легенды о выезде родоначальников, присутствующие в родословных росписях, «следованием традициям народного творчества». Другое проявление устной (народной) традиции он видит в обычае имянаречения по первопредку. По родословной таблице Морозовых из монографии М.Е. Бычковой⁴⁷ автор подсчитал, что самым распространенным именем в этом роду было Михаил, как и у родоначальника – Михаила Прушанина⁴⁸. В вопросе о происхождении легенд о выездах Н.А. Подгорбунский расходится с мнением М.Е. Бычковой: она датировала их возникновение первой половиной XVI в. и убедительно связала с распространением (в книжной традиции) версии о происхождении родоначальника русских князей от Августа⁴⁹. Что же касается Морозовых, то их родословная легенда сложилась в 1540-е гг., достоверное родословие начинается с последней четверти XIV в.⁵⁰ Книжную основу родословной легенды Морозовых следует считать вполне доказанной – ее источниками выступили Житие Александра Невского и, возможно, протограф синодика новгородской Вознесенской церкви, построенной Мишиничами-Онцифоровичами⁵¹. В родословной росписи Морозовых по Летописной и Румянцевской редакциям за период с последней четверти XIV в. до 1540-х гг. встречаем такие имена

⁴⁴ *Шавелев* 2007. С. 89–104.

⁴⁵ Ср.: «Временами в... рассказах источника ощущается живая интонация очевидца, а то и участника происходившего... чувствуются непосредственные впечатления и ощущения видевших эти события людей» (*Котляр*. 2006. С. 103–104).

⁴⁶ *Хоруженко* 2012. С. 206.

⁴⁷ *Бычкова* 1975. С. 138.

⁴⁸ *Подгорбунских* 2000.

⁴⁹ *Бычкова* 1975. С. 135; 1997. С. 16–26.

⁵⁰ *Бычкова* 1975. С. 137.

⁵¹ *Янин* 1973. С. 70–72.

(Лет./Рум.): Иван (20/20), Василий (11/16), Михаил (9/11), Семен (9/7), Федор (9/6), Григорий (6/7), Дмитрий (4/4)⁵². Если некий культ имени предка и существовал, то выявить его по родовому ономастикону Морозовых затруднительно. Попробовав проследить декларируемую Подгорбунским закономерность в отношении Воронцовых, потомков Семена-Симана, отмечаем следующие имена в их родословной росписи в порядке убывания частоты: Иван (19/15), Василий (10/9), Федор (9/6), Семен (4/3), Дмитрий (3/3), Михаил (2/1), Григорий (1/1)⁵³. Совершенно ясно, что остроумная идея Н.А. Подгорбунских не верифицируема.

Не вполне ясно, что понимается под родовой памятью С.Ю. Шокаревым. Не давая определения понятия, автор отмечает, что родовая память – это «не одно и то же, что и знание собственной родословной». Вероятно, это действительно так, поскольку такого рода знание выступает как свойство индивидуальной памяти. Между тем, «свидетельством хорошо развитой родовой памяти» С.Ю. Шокарев считает «деятельность А.И. Полева по увековечению памяти о своих предках»⁵⁴. Речь идет о формировании А.И. Полевым в 1657–1658 гг. фальсифицированного родового некрополя, призванного подтвердить его претензии на мнимое происхождение от князя Федора Юрьевича Фоминского, никогда не существовавшего правнука Александра Невского. Здесь мы имеем дело с искусственным конструированием прошлого рода, проявлением организационных способностей А.И. Полева и его готовности идти на существенные материальные издержки ради легализации вновь сформулированного мифа. Но является ли это признаками родовой памяти, тем более «хорошо развитой»? Так или иначе, к 1686 г. эта память Полевым «изменила» и была «восстановлена» в новом варианте – их предком стал теперь Федор Юрьевич Смоленский, правнук Глеба Ростиславича.

* * *

Возвращаясь к вопросам, поставленным выше, следует в первую очередь констатировать наблюдаемую в историографии некоторую неуверенность в определении самого понятия *родовая память*. Исходя из того, что она очевидно является одним из проявлений коллективной памяти, известной осторожности требует включение в объем этого понятия свойств и проявлений индивидуальной памяти.

Та же неопределенность усматривается и в понимании субъектности *родовой памяти*. Родословные росписи и родословные книги отно-

⁵² Новые родословные книги. С. 59–63, 120–123.

⁵³ Там же. С. 65–66, 135–136.

⁵⁴ Шокарев 2001. С. 22.

сят к делопроизводственным источникам⁵⁵. Идея Н.П. Лихачева о существовании частных редакций родословных книг к настоящему времени значительно скорректирована: хотя большинство сохранившихся до наших дней списков родословных книг и можно считать частными, все они восходят к протографам официального происхождения⁵⁶. С другой стороны, родословные росписи, сведенные в официальные родословные книги, изначально подавались, вероятно, представителями соответствующих родов. Здесь исследователь сталкивается с отмеченной Д.С. Лихачевым спецификой проблемы авторства для текстов средневековья: «в литературе древней и средневековой функции создателя текста часто распространяются и на переписчика-редактора»⁵⁷. Таким образом, вопрос об авторе – предполагаемом обладателе *родовой* (и очевидном – *индивидуальной*) памяти и ее трансляторе – может быть убедительно решен лишь при корректной реконструкции истории текста и определении конкретной роли составителя протографа рукописи, ее редактора, переписчика, заказчика/владельца списка⁵⁸.

Исследовательские процедуры, позволяющие опознать проявления *родовой памяти* в исторических источниках, к настоящему времени нельзя считать выработанными. Исходя из сущностных особенностей исторической памяти вообще, следует ожидать достаточно убедительных признаков бытования тех или иных сведений, представлений о прошлом рода в устной традиции. Предлагаемые на сегодня в историографии в качестве таковых признаков «уникальность сведений» (кажущаяся объективность этого критерия может быть разрушена неизвестными нам на сегодня источниками), «красочность повествования», «чувство ощущения» и т.п. таковыми признать трудно.

Вероятно, интерпретация родословных росписей на основании выверенных текстологических процедур вполне допускает исследование проблемы родовой памяти. Как и любой иной исторический источник, родословная роспись представляет собой реализованный продукт психической жизни ее создателя, в лице которого допустимо предположить носителя, в частности, и родовой памяти. Однако в представленных на сегодня исследованиях родословных росписей их интерпретация не просто не следует за текстологическим анализом, но часто подменяет его.

⁵⁵ Шмидт 1973. С. 103; Бычкова 1975. С. 5, 15–17.

⁵⁶ Бычкова 1975. С. 16.

⁵⁷ Лихачев 2006. С. 14; ср.: Гришунин 1998. С. 65.

⁵⁸ «Все редакции [родословных книг – О. Х.] представляют продукт деятельности определенной социальной группы лиц и даже единой правительственной канцелярии» (Бычкова 1974. С. 14).

Наблюдается обратная корреляция между текстологическими объяснениями особенностей текста и апелляцией к памяти – индивидуальной (непосредственного составителя) или родовой. Как исследовательский инструмент понятие родовой памяти часто допускает известный произвол: она может либо сохранить некий факт прошлого или представление о нем, либо утратить – таково свойство памяти. С другой стороны, прямое или опосредованное влияние родословных росписей на формирование родовой памяти (и, шире – на историческую память, массовое сознание) в следующих поколениях отрицать, по всей видимости, не приходится, что, впрочем, выводит нас на иную проблему – бытования этих источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63–97.
- Бычкова М.Е.* Легенды московских бояр. М., 1997. 51 с.
- Бычкова М.Е.* Обзор родословных книг XVI–XVII вв. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 254–275.
- Бычкова М.Е.* Редакция родословных книг второй половины XVI века // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 126–133.
- Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. 215 с.
- Бычкова М.Е.* Родословные книги середины XVI века // Труды МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 475–480.
- Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. 280 с.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.
- Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конф. Москва, 11–13 апр. 2001 г. М., 2001. [Вып. XIII]: Восточная Европа в древности и средневековье. С. 104–122.
- Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. 416 с.
- Ерусалимский К.* Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // Соцум: альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вып. 5. С. 225–248.
- Каменский А.Б.* Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. М., 1993. С. 168–179.
- Каиштанов С.М.* Русская дипломатика: учеб. пособие. М., 1988. 231 с.
- Князя А.М. Курбского история о великом князе Московском: (извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб., 1913. 8 с., 194 стб.
- Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.-Л., 1951. 255 с.
- Котляр Н.Ф.* Устные источники Галицко-Волынской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 103–111.
- Кузьмин А.В.* К истории московского боярства конца XIV – начала XVI в.: самосознание и «память» // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщ. науч. конф. / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998. С. 141–143.

- Кузьмин А.В.* Князя Можайска и судьба их владений в XIII–XIV в. Из истории смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 107–122.
- Кузьмин А.В.* Крещеные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 5–23.
- Кузьмин А.В.* Происхождение и эволюция родовой памяти старомосковской боярской фамилии Серкизовых и Старковых по данным родословных книг XVI–XVII вв. // Памяти [М. П.] Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению / ред.-сост. Ю.М. Эскин. М., 2006. С. 752–764.
- Кузьмин А.В.* Титулованная и нетитулованная знать Северо-Восточной Руси XIII – первой четверти XV века: дис... канд. ист. наук. М., 2013.
- Кузьмин А.В.* Эволюция родословной «памяти» боярства Твери: (род Борисовых-Бороздиных) // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2001. С. 75–77.
- Лихачев Д.С.* Текстология. Краткий очерк. М., 2006. 175 с.
- Лихачев Н.П.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1901. 18 с.
- Лихачев Н.П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. 89 с.
- Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. 754 с.
- Новые родословные книги XVI века / подгот. к печ. М.Е. Бычкова, З.И. Бочкарева // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 3–186.
- Подгорбунских Н.А.* К вопросу о генезисе жанра семейных преданий // Зауральская генеалогия: сб. науч. тр. Курган, 2000. С. 171–187.
- Пудалов Б.М.* К вопросу о происхождении суздальских князей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 46–53.
- Репина Л.П.* Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. М., 2007. № 21. С. 5–21.
- Римский-Корсаков И.* Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских / сост. А.П. Богданов. М., 1994. 249 с.
- Рыков Ю.Д.* Малоизвестный рукописный синодик московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 497–505.
- Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1908. 119 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10; М., 1988. Вып. 14.
- Соболева Н.А., Аксенов А.И.* Вспомогательные исторические дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М., 1993. С. 220–234.
- Творогов О.В.* Археография и текстология древнерусской литературы: курс лекций. М.; СПб., 2009. 277 с.
- Усманов М.А.* Некоторые вопросы источниковедческой критики документальных памятников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 3–24.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
- Хорошкевич А.Л.* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 128–146.

- Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 219–240.
- Хоруженко О.И.* Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203–234.
- Шмидт С.О.* Материалы делопроизводства государственных учреждений // Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 93–106.
- Шокарев С.Ю.* К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец: альманах. 2001. [Вып. 1.] С. 15–24.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. 270 с.
- Янин В.Л.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестник Академии наук СССР. 1973. № 8. С. 65–75.

REFERENCES

- Bespalov R.A. «Novoe potomstvo» knyazya Mikhaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) // Problemy slavyanovedeniya: sb. nauch. st. i materialov. Bryansk, 2011. Vyp. 13. S. 63–97.
- Bychkova M.E. Legendy moskovskikh boyar. M., 1997. 51 s.
- Bychkova M.E. Obzor rodoslovnykh knig XVI–XVII vv. // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1966 god. M., 1968. S. 254–275.
- Bychkova M.E. Redaktsiya rodoslovnykh knig vtoroi poloviny XVI veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 god. M., 1963. S. 126–133.
- Bychkova M.E. Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik. M., 1975. 215 s.
- Bychkova M.E. Rodoslovnye knigi serediny XVI veka // Trudy MGIAI. M., 1961. T. 16. S. 475–480.
- Bychkova M.E., Smirnov M.I. Genealogiya v Rossii: istoriya i perspektivy. M., 2004. 280 s.
- Veselovskii S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev. M., 1969. 583 s.
- Genealogiya kak forma istoricheskoi pamyati. XIII Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto: materialy konf. Moskva, 11–13 apr. 2001 g. M., 2001. [Vyp. XIII]: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. S. 104–122.
- Grishunin A.L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii. M., 1998. 416 s.
- Erusalimskii K. Istoricheskaya pamyat' i sotsial'noe samosoznanie knyazya Andreyia Kurbskogo // Sotsium: al'manakh sotsial'noi istorii. Kiïv, 2005. Vip. 5. S. 225–248.
- Kamenskii A.B. Novye dannye o sud'be rodoslovnykh rospisei kontsa XVII v. // Genealogicheskie issledovaniya: sb. nauch. tr. M., 1993. S. 168–179.
- Kashtanov S.M. Russkaya diplomatika: ucheb. posobie. M., 1988. 231 s.
- Knyazya A.M. Kurbskogo istoriya o velikom knyaze Moskovskom: (izvlecheno iz «Sochinenii knyazya Kurbskago»). SPb., 1913. 8 s., 194 stb.
- Kopanev A.I. Istoriya zemlevladieniya Belozerskogo kraia XV–XVI vv. M.; L., 1951. 255 s.
- Kotlyar N.F. Ustnye istochniki Galitsko-Volynskoi letopisi // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2006. T. 57. S. 103–111.
- Kuz'min A.V. K istorii moskovskogo boyarstva kontsa XIV – nachala XVI v.: samosoznanie i «pamyat'» // Istoricheskaya antropologiya: mesto v sisteme sotsial'nykh nauk, istochniki i metody interpretatsii: tez. dokl. i soobshch. nauch. konf. / otv. red. O.M. Medushevskaya. M., 1998. S. 141–143.

- Kuz'min A.V. Knyaz'ya Mozhaiska i sud'ba ikh vladenii v XIII–XIV v. Iz istorii smolenskoi zemli // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2004. № 4 (18). S. 107–122.
- Kuz'min A.V. Kreshchenye tatory na sluzhbe v Moskve: k istorii Telebuginykh i Myachkovykh v XIV – pervoi polovine XV veka // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. № 3 (9). S. 5–23.
- Kuz'min A.V. Proiskhozhdenie i evolyutsiya rodovoi pamyati staromoskovskoi boyarskoi familii Serkizovykh i Starkovykh po dannym rodoslovnykh knig XVI–XVII vv. // *Pamyati* [M. P.] Lukicheva: sb. st. po istorii i istochnikovedeniyu / red.-sost. Yu.M. Eskin. M., 2006. S. 752–764.
- Kuz'min A.V. Titulovannaya i netitulovannaya znat' Severo-Vostochnoi Rusi XIII – pervoi chetverti XV veka: dis... kand. ist. nauk. M., 2013.
- Kuz'min A.V. Evolyutsiya rodoslovnoi «pamyati» boyarstva Tveri: (rod Borisovykh-Borozdinykh) // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: spetsial'nye funktsii i gumanitarnye perspektivy: tez. dokl. i soobshch. XIII nauch. konf. / otv. red. V.A. Murav'ev. M., 2001. S. 75–77.*
- Likhachev D.S. *Tekstologiya*. Kratkii ocherk. M., 2006. 175 s.
- Likhachev N.P. *Gosudarev rodoslovet* i *Barkhatnaya kniga*. SPb., 1901. 18 s.
- Likhachev N.P. «Gosudarev rodoslovet» i rod Adashevykh. SPb., 1897. 89 s.
- Likhachev N.P. *Razryadnye d'yaki XVI v. Opyt istoricheskogo issledovaniya*. SPb., 1888. 754 s.
- Novye rodoslovnye knigi XVI veka / podgot. k pech. M.E. Bychkova, Z.I. Bochkareva // *Redkie istochniki po istorii Rossii*. M., 1977. Vyp. 2. S. 3–186.
- Podgorbunskikh N.A. K voprosu o genezise zhanra semeinykh predanii // *Zaural'skaya genealogiya: sb. nauch. tr. Kurgan, 2000. S. 171–187.*
- Pudalov B.M. K voprosu o proiskhozhdenii suzdal'skikh knyazei // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2004. № 4 (18). S. 46–53.
- Repina L.P. Pamyat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti // *Dialog so vremenem*. M., 2007. № 21. S. 5–21.
- Rimskii-Korsakov I. *Genealogia yavlennoi ot Sotvoreniya mira familii... Korsakov-Rimskikh / sost. A.P. Bogdanov. M., 1994. 249 s.*
- Rykov Yu.D. *Maloizvestnyi rukopisnyi sinodik moskovskogo kremlevskogo Arkhangel'skogo sobora nachala KhVII v. s pozdneishimi dopolneniyami // Rossiya v X–XVIII vv. Problemy istorii i istochnikovedeniya. M., 1995. S. 497–505.*
- Savelov L.M. *Lektsii po russkoi genealogii, chitannye v Moskovskom arkheologicheskome institute. M., 1908. 119 s.*
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1983. Vyp. 10; M., 1988. Vyp. 14.*
- Soboleva N.A., Aksenov A.I. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: sovremennoe sostoyanie i struktura vzaimootnoshenii // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sb. st. M., 1993. S. 220–234.*
- Tvorogov O.V. *Arkheografiya i tekstologiya drevnerusskoi literatury: kurs lektsii. M.; SPb., 2009. 277 s.*
- Usmanov M.A. *Nekotorye voprosy istochnikovedcheskoi kritiki dokumental'nykh pamyatnikov // O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika. Kazan', 1991. S. 3–24.*
- Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3.*
- Khoroshkevich A.L. *Pechati polotskikh gramot XIV–KhV vv. // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. L., 1972. T. 4. S. 128–146.*

- Khoruzhenko O.I. Plita Skhorosmira: pominal'nyi obychai v konstruirovanii ro-dovoi pamyati // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 219–240.
- Khoruzhenko O.I. Rodoslovie kak konstruktivnaya rodovoi pamyati: tekstologiya rodoslovnnykh respisei knyazei Volkonskikh XVI–XVII vv. // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 41. S. 203–234.
- Shmidt S.O. Materialy deloproizvodstva gosudarstvennykh uchrezhdenii // Istochnikovedenie istorii SSSR: uchebnyk / pod red. I.D. Koval'chenko. M., 1973. S. 93–106.
- Shokarev S.Yu. K probleme issledovaniya rodoslovnoi potomkov smolenskikh knyazei // Russkii rodoslovs: al'manakh. 2001. [Vyp. 1.] S. 15–24.
- Shchhavelev A.S. Slavyanskie legendy o pervykh knyaz'yakh. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelei vlasti u slavyan. M., 2007. 270 s.
- Yanin V.L. Vozmozhnosti arkheologii v izuchenii drevnego Novgoroda // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1973. № 8. S. 65–75.

Хоруженко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; khoruzhenko1@yandex.ru

Descent Lists in Ancestral Memory Studies

In this article, the author analyses the interpretations of ancestral memory in the publications of Russian genealogists in the late 19th and early 21st centuries, their methods of acquiring information from descent lists, which were based on oral tradition.

Keywords: ancestral memory, descent lists, textual analysis, genealogy.

Oleg Khoruzhenko, PhD, Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; khoruzhenko1@yandex.ru.

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ПАМЯТЬ КАК УДАЧНАЯ ИНВЕСТИЦИЯ СОЦИУМ И КУЛЬТ В ИТАЛИИ ПЕРИОДА ТРЕЧЕНТО И КВАТРОЧЕНТО

В статье сделана попытка сопоставить различные пласты и практики коммемораций (на уровне индивидуально-семейного, группового и самого широкого коллективного почитания). На уровне индивидуального и бытового поминовения и в грандиозной коммеморативной программе христианских юбилеев можно отметить общие черты, особые приметы чаяний людей эпохи Треченто и Кватроченто. Культ памяти соединялся с культом искупления, с поисками индивидуального и коллективного спасения. Римский Юбилей стал наиболее выгодным вложением в истории идей – с 1300 года юбилейная традиция не прерывается, следующий год (вопреки всякой логике дат) объявлен новым папой юбилейным.

Ключевые слова: Рим, средневековье, Возрождение, рецепция античности, историческая память, коммеморации, надгробные памятники, Бонифаций VIII, юбилейный год.

Основной темой данной работы является изучение истории коммеморативных практик, ранних проектов и механизмов формирования т.н. исторической памяти¹. Эта тема является ярким примером взаимосвязи мирского и сакрального. Совершение социально значимых актов, имеющих твердую материальную, т.е. имущественную основу, но при этом и еще более значимые символические основания – особенность дискурса средневековья. Средневековые миряне, как и клирики, члены новых братств и орденов искали способы позаботиться о загробной участи.

Одним из путей спасения, стяжания небесных благ и одновременно приобретения доброй памяти среди живущих, были пожертвования имущества и денежных средств на «помин» души, на поддержку культа тех или иных святых покровителей и украшение храмов. Это общее и традиционное стремление в определенные периоды приобретало специфические черты и становилось инновацией, приобретая ряд дополнительных смыслов и проекций в социальной и даже политической сфере.

Период Треченто с его политическими кризисами и эпидемиями, был полон эсхатологических ожиданий. На рубеже веков, в начале XIV в. в церковной истории происходит первый Римский юбилей, отречение одного папы и война другого с собственными кардиналами, а затем и Авиньонское пленение пап.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы сетевой Лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» ИВИ РАН.

Италия вступила в полосу кризисов на рубеже XII–XIII вв. и как будто разучилась жить вне кризиса². Период Треченто начинался с эсхатологических ожиданий, социум развивался, проходя сквозь ряд стихийных бедствий и болезней, при высокой смертности. В историографии истории города и общин Италии Треченто и Кватроченто традиционно фигурируют как время кризисов и перемен, религиозных исканий, революционного переустройства городского самоуправления и перестройки сеньориальной системы³. Формируются и новые религиозные чаяния, проявления благочестия, возникают новые религиозные объединения; некоторые из них признавались неканоническими и вредными, другие же включались в общее развитие латинской церкви, в жизнь христианского мира всего запада Европы, и, конкретно, Италии.

В данной статье я попытаюсь сопоставить различные пласты и практики коммемораций (на уровне индивидуально-семейного, группового и самого широкого коллективного почитания). Поскольку я соглашаюсь с теми выводами современных историков, которые постулируют, что «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями»⁴, то и в этом случае, в первую очередь, следует изучать именно представления и образы, укоренившиеся в сознании людей на излете средневековья. Эти образы, по всей видимости, руководили все усложнявшейся и шире распространявшейся практикой благочестивых дарений, которые свершались в итальянских землях, прежде всего, в городских центрах. У этого обмена материальных благ на символический капитал, разумеется, были не только побудительные причины, но и мобилизующие формы и образы.

Процесс перетекания благ мирских в чаяния загробного блаженства можно назвать, по меткому выражению одного из современных исследователей Микеле Баччи, «инвестициями в потустороннее» (*investimenti per l'aldilà*)⁵. Благочестивые инвестиции становятся почти столь же зна-

² Подходы к пониманию проблемы кризиса многообразны: см., например: Kotowski 1984. Некоторые аспекты понимания кризиса в социальной истории разбирались специально также и мной в работе: Селунская 2011.

³ Не рискуя употреблять нередко фигурирующий в европейской историографии, но излишне политизированный в России термин «революции» применительно к кризисным периодам, ограничимся ссылкой на интереснейшую монографию, разбирающую практически все оттенки смысла, мобилизуемые историками и социологами Европы и Северной Америки в связи с использованием термина «революция» при анализе социальной истории в моменты резких перемен: Kotowski 1984.

⁴ Duby 1974. P. 148.

⁵ Bacci 2003.

чимыми, что и знаменитое строительство пирамид. Интерес к загробной жизни в целом в древнеегипетской цивилизации, однако, имел иную побудительную причину и иную цель: перемену неотвратимой участи, а не посмертного комфорта и почета, предназначенных усопшему. То, что в Древнем мире являлось побудителем заблаговременной заботы живущего о своей иной жизни, видимо, исключало идею посмертной помощи со стороны живущих тем, кто уже оставил сей мир. В средневековом же сознании первостепенной была идея передачи какому-то поручителю и наследнику заботы о душе завещателя и дарителя (это мог быть и формальный прокуратор, и любое светское лицо, вместе с наследством принявшее обязательство молиться за упокой души своего благодетеля, и конкретная приходская или орденская церковь).

Даже сами по себе причудливые надгробные памятники или изображения почившего (обычно на фреске, запечатлевшей заказчика в молитвенной позе перед святыми покровителями) должны были способствовать благочестивому поминовению, континуитету памяти. Они могли задержать внимание проходящих мимо, ближних и дальних, дабы заставить их сотворить приличествующую случаю молитву или хотя бы кратко помянуть покойного, оставившего по себе такую память.

Что касается нижнего и бытового уровня практик коммеморации, то, среди традиционных приношений в пользу церкви выделяются попытки не просто жертвовать, оплачивая художественные работы в храмовом пространстве, но именно увековечить собственную персону дарителя в изображениях: в мозаиках, фресках, надгробных памятниках. Память во спасение, память, побуждающая к молитве – это совершенно ясная для средневекового человека логическая связка. Приобретение памяти – это важная инвестиция, но еще и инвестиция благочестивая.

Примечательно это с новой силой вспыхнувшее в людях средневековья стремление оставить для будущего портретный образ покинувшего мир. Еще любопытнее, что этого стремления не избегали ни рыцари, ни клирики, даже собственно, смиреннейшие члены религиозных братств.

Одним из побуждающих к действию образцов для подражания являлась в период Треченто новая религиозная практика, связанная с движением нищенствующих. Эта религиозная новая программа (которая вырабатывала специфическую образность) может рассматриваться и как коммеморативная практика особого рода, куда следует включить и традицию благоговейного отношения к Fioretti – Цветочкам Франциска Ассизского, и изображения святого и его первых последователей. При этом в памяти последователей Франциска акцентировались не только моменты чудес и страданий, но и самые бытовые биографические черты. Образы

Франциска и его сподвижников, основателей братства миноритов, часто использовались в иконографических программах, заказанных приверженцами миноритов. При этом сложилась и традиционная композиция при изображении почившего дарителя – заказчика росписей в церкви. Эта программа включала момент предстояния Господу благочестивого жертвования, препоручение души небесному покровителю и избранным святым, круг которых определялся заказчиком программы.

Великодушный и изначально совершенно иррациональный жест молодого св. Франциска из Ассизи, буквально расточившего богатство рачительного отца, благодаря распространению влияния миноритов (не только францисканцев, но и вообще всех нищенствующих религиозных объединений), оказался захватывающим воображение примером, затем стал казаться целенаправленным способом действия, и, наконец, предстал как институт и стратегия дарений. При всем том, цепь дарений теперь осуществлялась в пользу собственно нищенствующих орденов, т.е. тех, кто отказался от обладания ценностями. Нищенствующие, «малые братья», эволюционировали от благочестивых, полуофициально признаваемых общин в ордена со сложной структурой и не менее сложными социальными и политическими функциями⁶.

В этом новом движении, происходившем вне всех традиционных систем, вне иерархии, находилось место мирянам, при том молодым. Но, конечно, более озабоченными небесными благами, приобретаемыми за материальные средства, были не юнцы, но люди почтенного возраста – те, кто заранее готовился к тому, чтобы облегчить свою душу ввиду скорого перехода в загробный мир, не просто дарители *inter vivos*, а завещатели на пороге смерти или родственники покойных, желавших отметить себя благами пожертвованиями.

В духе благочестивого пожертвования развивалась и визуализация памяти, которая, кстати, весьма способствовала развитию искусства того периода, который называется Предвозрождением и собственно Возрождением. В храмовом пространстве или подле изображаются клирики, занимавшие высокие посты в иерархии и простолюдины-купцы, тираны и приверженцы городской демократии, рыцари и наемники-кондотьеры⁷. Все равным образом желали оставить по себе память. Надо сказать, что Рим Треченто и Кватроченто не был в этой области монументальной скульптуры и погребальных монументов ни первопро-

⁶ I francescani e la politica. 2007; Burr 2001; Lambert 1995. P. 164; 1961; Miccoli 1999; Merlo 2003; Potesta 1990.

⁷ La memoria dei 'milites'. 2014.

ходцем, ни единственным владельцем наиболее внушительных памятников. Примечательны, например, монументы в Бергамо (ц. Санта Мария Маджоре) и в Вероне – гробницы Скалигеров.

Мастер Арнольфо ди Камбио, чье творчество олицетворяет начало эпохи «юбилеев Рима», создал ряд примечательных монументальных произведений, причем его работы не обязательно находились в Риме. Так, например, значительная статуя Бонифация VIII была выполнена мастером во Флоренции. Именно этот римский папа еще при жизни в знак оммажа со стороны гвельфских городов получил изображения в виде статуй (в т.ч. в родном городе Ананьи), что затем вызвало обвинения в идолопоклонстве. Властный и гордый понтифик Бонифаций, несомненно, задумывался над возможностью сохранить в истории память о себе, создать для потомков образ собственных деяний и величия.

Дань уважения знаменитым францисканцам, надгробные памятники иерархов, глав Ордена – монументальные, причудливые, красноречивые, – появились в главных храмовых комплексах Италии, в самых важных для городской жизни сакральных пространствах: так, в церкви Санта Мария Арачели, в средневековье заменившей собой для римской цивитас древний Форум, находится памятник-гробница кардинала д'Акваспарта (Matteo d'Acquasparta 1240–1302) генерала Ордена Миноритов и сторонника послаблений в его Уставе. Папа, провозгласивший первый римский Юбилей и францисканец были современниками, и, надо сказать, что этот памятник впечатляет гораздо сильнее, чем гробница самого понтифика Бонифация, (которую можно увидеть в Ватикане).

Одна из выдающихся новаций Кватроченто – грандиозный проект посмертного возвеличивания земного правителя, воплощенный в строительстве т.н. «храма Малатесты» в Римини. Церковь, которая была посвящена Св. Франциску (произошла смена посвящения, т.к. более ранний храм был построен во имя Девы Марии), представляет собой исключительно яркое свидетельство осмысленной программы коммеморации. Правитель, не отличавшийся благочестием, и просто сльвшийся безбожником, не жалея времени и сил сооружает и украшает этот памятник, в котором, разумеется, нет и следа изначального францисканского духа служения Святой Бедности, но есть роскошь величия правителя. При этом в Римини мы находим свидетельства заимствования и переосмысления античного наследия – мотива триумфальной арки (не абстрактного символа Рима, но конкретной арки, стоящей тут же в городе, рядом с церковью, построенной по заказу правителя). Фресковый нарратив во внутреннем пространстве храма в Римини обозначает момент встречи земного правителя с образом высшей власти, момент, когда бывший властитель

судеб передает себя под покровительство святого, который будет его ходоцем. Этот изобразительный ряд, имел символическую ценность, но одновременно являл собой дорогой заказ – пример «инвестиций в загробный мир», ставших неперенным актом последней воли представителей элит. Однако, не ограничиваясь этой возможностью случайного благочестивого поминовения, средневековый итальянец стремился обеспечить себе гарантированную посмертную заботу о душе.

Средневековый горожанин, а тем более лица высокого статуса не просто старались сделать так, «чтобы помнили», но желали добиться закрепления будто бы спонтанной эмоциональной реакции в качестве просчитанного и бесспорного результата сделки, который можно и нужно обеспечить соблюдением всех формальностей. Завещания и вопросы прижизненного распоряжения имуществом получают в этой связи особую роль, далеко выходящую за рамки экономической истории или истории права, перетекая в сферу истории ментальности или истории религиозных институтов: например, под таким углом зрения в новом свете предстает развитие церковного прихода и новых братств и орденов, которым адресовались различные пожертвования.

Связывая не с традиционной приходской религиозностью, но с новой формой её выражения и новым религиозным центром, например, францисканским, свои загробные чаяния, жертвователю передавал на попечение миноритам и душу, и тело. Именно это право и связанные с ним имущественные пожертвования, нередко весьма обильные, а иногда совершенно символические, тем не менее, становились почвой для глобального религиозного конфликта между приходскими структурами и францисканцами и их новыми приверженцами. Францисканцы, вначале предпочитавшие обосноваться у городских ворот, оказывая помощь отверженным или изгнанным за пределы города больным, постепенно стали одной из самых заметных явлений городской жизни, силой, переустроившей социальный ландшафт города.

Это переустройство осуществлялось болезненно, как показывает ряд исследований, в частности, мое собственное, посвященное конфликту прихода, его бывшего члена и миноритов тосканского города Лукка. По мере развития этого конфликта происходили отлучения приверженцев францисканского благочестия от причастия в ответ на завещание, и процессы мирян против клириков за право самостоятельно выбирать себе святых покровителей и место последнего упокоения, и даже нападения на похоронные процессии, но, главное, конституировались нормы взаимоотношений мирянина и церкви и утверждалось право выбора индивида – осуществлять заботу о своей посмертной памяти тем образом,

который этот индивид найдет достойным и наилучшим. Церковь миноритов при этом виделась мирянам как зона большей концентрации сакрального, более благочестивое и достойное место, которое надежнее гарантирует спасение и искупление грехов. Любопытно, что мирянин Бонаджунта, купец и гражданин коммуны Лукки, который на протяжении многих лет отстаивал свое право стать прихожанином миноритов, желал в последней воле упокоиться в миноритской церкви, а также оставил после себя посмертное фресковое изображение⁸.

Известны многочисленные источники: папские буллы, различные апелляции, материалы судебных разбирательств, сопровождавших те или иные конфликты, постоянно вспыхивавшие в течение этого процесса интеграции и инновации⁹. Существует обширное поле исследований ранней истории миноритов¹⁰, несколько меньше, но все же разработана такая тема, как взаимодействие новых братств, затем превратившихся в ордена, с городской средой, со светскими элитами города, а также и с другими церковными структурами и другими орденами и сосуществующими в городском пространстве (тема эта настолько многопланова, что, несомненно, требует новых углубленных исследований).

В данном случае, нас интересует только один аспект, то, как складывалась францисканская концепция памяти. Существует особая образность, связываемая именно с францисканской религиозностью, которая включает как словесные выражения, литературные топосы, так и иконографию, зрительные образы. У францисканцев появились свои культовые места и центры, места памяти основателей ордена.

Визуализация основных отличительных моментов религиозности нищенствующих проявилась достаточно быстро, самым наглядным образом были подчеркнуты моменты памяти, и даже памяти сентиментальной, о родоначальниках движения, а также нашел особое художественное выражение культ Христа-младенца. Францисканцам, благодаря особо тесному взаимодействию с горожанами, удавалось вовлечь в свой эмоциональный дискурс, свой культ памяти о страданиях Христа и со-

⁸ Селунская 2003.

⁹ История францисканцев хорошо документирована, основные источники классифицированы, комментированы, опубликованы по рубрикам (см. Библиографию).

¹⁰ Важнейшие вехи исследования истории францисканцев применительно к проблеме изучения исторических особенностей памяти и религиозности в итальянской историографии: Merlo 1991; *Gli studi francescani...* 1993 (особенно разделы Dalla «fraternitas» all'ordine: impressioni di lettura di un «non francescanista» и Francescanesimo e movimenti religiosi del Duecento e Trecento. Osservazioni sulla continuità e il cambiamento di un problema storiografico); Petrocchi 1957; Branca 1939; Garavani 1905.

¹⁰ Vacci 2003.

страдания, значительный слой мирян, рядовых членов социума, а не клириков. Главной составляющей движения нищенствующих, при этом, думается, являлось распространение идеи о возможности активного пути спасения для благочестивых светских лиц.

Можно сказать, что в тот же период, церковь на Западе и в особенности в Италии начинает новую систему отношений с памятью, папство стало проводить особую политику заботы о памяти, включилось в производство тех образов, которые иначе называются исторической памятью. Папство, в лице образованных представителей итальянской элиты, прежде всего, римского нобилитета, занимало весьма активную позицию в деле освоения античного наследия и использования римского мифа для собственного политического усиления и морального авторитета. Поэтому вполне закономерно, что на переломе столетий папа из рода Каэтани, рожденный в Римской округе, опираясь на кардиналов также римского происхождения, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния паломнических толп и запрос власти «на величие», прошлое и будущее Вечного города.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов, сыграла свою роль и историческая память о традиции, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием в "*Carmen Saeculare*". Так или иначе, понтифик и римские кардиналы решились на спорный шаг провозглашения юбилейного года. Появилась специальная папская булла *Antiquorum fida relati*, подводящая основание под нововведение. Сразу же увидели свет трактовки идеи римских христианских юбилейных лет. В названии сочинения кардинала Якопо Стефанески, современника и идеолога нововведения 1300 года (что особенно важно – отпрыска исконно римских знатных семейств Stefaneschi и Orsini) содержатся оба ключевых слова – «юбилей» и «столетие»: *De Centesimo seu Jubileo anno liber*. Таким образом, для влиятельного римлянина явно существовала некая символическая связь между столетними играми и столетними юбилеями.

Юбилейные Святые годы, как и вековые игры, должны были отмечаться каждые сто лет, в начале нового столетия, или, в лучшем случае также и в середине века, если исходить из ветхозаветной логики семикратного цикла семилетий. Однако поскольку идея юбилейного поминовения и отпущения оказалась удивительно востребованной, неоднократно принималось решение отмечать юбилей чаще: например, как это было объявлено на излете Треченто, в 1390 г., (всего за 10 лет до ожидаемого срока) – раз в 33 года (в честь земной жизни Христа). В 1470 г. понтифик Павел II принял новое постановление: юбилейные годы

должны отмечаться раз в четверть века, чтобы каждое поколение христиан могло принять участие в юбилее. Римские папы несколько раз пользовались своим правом объявлять внеочередной юбилейный год.

Само папство было не просто особой влиятельной политической силой, но силой, обладавшей особым символическим капиталом, как сакрального характера, так и мирского влияния¹¹. К началу периода Юбилеев папы были в основном итальянцами и нередко ассоциировались с наиболее влиятельными светскими аристократическими семействами Рима, либо прямо принадлежали к этим семействам. И, разумеется, культ Рима, представление о Риме, как о сакральном пространстве, должны были составить черту менталитета, присущего этой среде. В исторический момент, когда Святая Земля оказалась потерянной для латинского Запада, идея возвеличивания священного Вечного Города должна была стать образующей. В 1300 г. Бонифаций VIII, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев прошлое и будущее Вечного города, а образ Святого Года сделать побудительным мотивом новых и все растущих пожертвований в пользу Церкви.

Эта церковная программа торжественного признания массового полного искупления грехов, имела своим основанием народное чаяние, даже требование от Церкви указать возможности спасения здесь и сейчас. Результатом стал сложный компромисс особого юбилейного отпущения и прощения грехов, (естественно, при условии не только покаяния, но и жертвования, отказа от части земных даров в пользу и на благо Церкви). В какой-то мере ожидание юбилейного искупления явилось началом конца далеко заведшей практики систематических индульгенций с компенсациями в чисто денежной форме. С другой стороны, можно и нужно рассматривать эту новацию как попытку создания противовеса мирской суетности, создания самой достойной и благой цели жертвования путем украшения Церкви. Создавалась антитеза роскоши, которая парадоксальным образом могла быть осуществима только с помощью больших материальных затрат. Эта «жертвенная роскошь» шла рука об руку с поклонением Святой Бедности, поэтому темы борьбы с роскошью в общине, празднования искупительного римского юбилея и история миноритов также сопутствуют друг другу.

Несмотря на сложность взаимоотношений францисканства и римской курии, рассматривая ряд сюжетов, связанных с историей минори-

¹¹ Это блестяще показано в недавних работах: [Paravicini Bagliani](#) 2013; 2014.

тов, с успехом их проповеди в городах и основными последствиями этого проникновения в жизнь членов приходских и городских общин, невольно принимаешь версию о том, что идея искупительного христианского юбилея родилась в этой мирской среде, насыщенной новыми религиозными чаяниями, а не только лишь была продиктована с высоты папского престола. Ведь, невзирая на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея юбилея в Риме была востребована вновь.

Юбилей раз от раза становился все более зрелищным и роскошным. Почувствовав веяние времени, к новшеству проявили интерес и сторонники, и противники светской власти понтификов, к юбилейному Риму обратили взоры гениальные художники Возрождения. Эта «монументальная пропаганда» поражала и привлекала современников не менее, чем желание получить отпущение грехов. В Рим юбилейных «святых лет» устремлялись все выдающиеся творцы Ренессанса (из которых почти никто не являлся его уроженцами), чтобы навеки запечатлеть, переосмыслить или сотворить заново образ торжествующего Вечного города. Рим огромных статуй, которые не только извлекали из античных руин, но и снова научились высекать италийцы, Рим возрожденного сената, снова, как во времена древней республики, подчинивший себе Лаций, Рим новых церквей и монастырей, выстроенных в подражание раннехристианским постройкам (наивно принимаемым за древнеримские) – такую переключку образов Города эпохи юбилеев нельзя не заметить, занимаясь историей латинской Церкви времени провозглашения Юбилея.

Созданные усилиями пап и римской элиты образы Вечного Города, запечатлевались в представлениях верных, прежде всего, благодаря рассказам пилигримов¹². Именно памятные образы Святого Года и Вечного города, осмысление городского пространства как пространства сакрального, а рубежа веков – как сакрального момента играли большую роль в грандиозном праздновании юбилеев. Для историка интересны не столько канонические аспекты обоснования юбилея, сколько детали и цели поощряемого в юбилейный год паломничества в связи с темой Вечного города. Примечательно, что речь шла именно о «посещении» древнейших центров христианского культа, своего рода культа римских святых достопримечательностей и памяти о многовековом величии Рима.

В предписании отложить в юбилейный год все дела ради длительного путешествия к ним можно увидеть намеренный или невольный парафраз библейского повеления «соединиться со своим племенем», т.е. оказаться в Риме, духовной отчизне всех западных христиан. При этом

¹² Frugoni 1999; Palumbo 1999; Il mondo dei pellegrinaggi... 1999.

устанавливалась специальная «норма» для двух категорий христиан, которые были поделены не на клириков и мирян, и не на мужчин и женщин, но на римлян и не-римлян. В этом культе – почитании юбилея рождения Христа Спасителя было достаточно мало или не было вовсе акцента на земной жизни Христа, который не родился в Риме, не пострадал здесь, просто никогда не был и не мог быть в Риме. Но, в то же время, эти юбилейные торжества, разумеется, были культом памяти. Той памяти, которая могла быть понятна средневековому человеку – паломнику из дальних стран или римскому обывателю.

Римский юбилей сам стал объектом воспоминаний. Среди них – художественный образ шествия паломников в юбилейный год, созданный великим Данте, идейным противником папства и поклонником идей францисканства, современником первого Христианского Римского Юбилея. Данте не был историком-летописцем, но в его творениях довольно большое место занимали деятели современной ему истории, по их делам и суждениям о них он предрекал их посмертную судьбу. Понтифик Бонифаций, ключевая фигура первого римского юбилея, также обсуждался Данте, как известно, с крайне негативной оценкой: Данте помещает понтифика в Ад. Есть в Божественной комедии (Ад, 18 песнь) и строки, детально описывающие то, как было организовано движение паломников по мосту через Тибр у замка Св. Ангела на пути к базилике Св. Петра. Собственно, с отсылкой на эту картину движения пилигримов, описывается положение грешников в адском круге.

Nel fondo erano ignudi i peccatori;
dal mezzo in qua ci venien verso 'l
volto,
di là con noi, ma con passi maggiori,
come i Roman per l'essercito molto,
l'anno del giubileo, su per lo ponte
hanno a passar la gente modo colto,
che da l'un lato tutti hanno la fronte
verso 'l castello e vanno a Santo Pietro
da l'altra sponda vanno verso 'l monte.

Там в два ряда текла толпа нагая;
Ближайший ряд к нам направлял стопы,
2 А дальний – с нами, но крупней шагая.
Так римляне, чтобы наплыв толпы,
В год юбилея, не привел к затору,
3 Разгородили мост на две тропы,
И по одной народ идет к собору,
Взгляд обращая к замковой стене,
3 А по другой идут навстречу, в гору.

Именно это место заставляет думать, что Данте видел юбилей лично, настолько подробно описана техника обеспечения движения большой толпы порядка двухсот тысяч человек по единственному прочному мосту через Тибр: ряды, следовавшие в противоположных направлениях, были отделены большим помостом из дерева, что должно было предотвратить столкновения и давку. (Идея оказалась весьма успешной, однако позже, в юбилей 1450 г., трагедии избежать не удалось).

Кажется, что в 1300 г. Бонифаций, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния пилигримов и римлян с риторикой власти, слить в едином образе прошлое и будущее Вечного города. Несмотря на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея нового возвеличения Рима была воплощена. Традиции юбилеев была продолжена в эпоху Ренессанса, начиная с Кватроченто, с усилением папства в Италии.

В традиции христианских юбилейных лет христианского было намного больше, чем языческого, никак не связанного с земной жизнью Христа, при этом именно языческое начало должно было первым делом бросаться в глаза – например, массовые зрелища, шествия, возрождение монументальных статуй, тех или иных художественных форм античного наследия. Таким образом, в проекте празднования юбилеев воплощалось не только воспоминание о Спасителе, его рождении и земной жизни, но и память об античной славе Рима, когда Город был центром многоязыкой и разноликой великой Империи, центром мира.

Хотя паломничества в Риме не только для поклонения святыням, но именно за отпущением грехов, за индульгенциями практиковались ранее, особенно в столетие, предшествовавшее провозглашению первого юбилея, но именно после 1300 г. Рим, ставший за несколько столетий средневековья довольно заурядным и провинциальным городским центром, возродил свою славу столицы мира, став постоянным центром контакта представителей разных народностей латинского запада. Да, Рим и до начала юбилеев, как центр христианских святынь привлекал представителей разных племен и краев земли, однако именно на излете средневековья не только многократно усилился поток пилигримов, но и расширились общины постоянно проживающих в Городе иноземцев, иноземцами же считались не только пришельцы из дальних стран, но и, говоря современным языком, иногородние. Напомним, что в разобщенной, полицентричной Италии каждый город считался основателем особой нации, их выходцы, проживавшие в других городах и областях Италии и Европы, например, обучавшиеся в университетах на чужбине, формировали общины, которые именовались именно нацией. В Рим устремились не только итальянцы, но и христиане из самых дальних стран, построили особые церкви своих общин в Вечном городе, изменили саму городскую структуру и оживили систему дорог, ведущих в Рим.

Юбилеи как идея появились в тот период, когда идеи национальных государств не развились, и возможно было говорить об особой общности, о едином христианском народе и его едином духовном цен-

тре – апостольской столице, Риме. В свете идей Возрождения усиливалась античная составляющая образа Рима как символического центра мира. Было вложено немало сил и средств в этот римский проект, но велика была и отдача. Если в начале работы мы использовали как наиболее значимый образ понятие «инвестиции в загробный мир», то к концу изложения, развивая отправное определение, мы должны, скорее, говорить об инвестициях в память – вполне посюстороннюю и действительную силу, мощную объединяющую практику.

Юбилей 1300 года в Риме как событие европейской и мировой истории длится до сих пор, порождая новые практики коммеморации и единения. Сохранилась и память об основателях традиции, несмотря на противоречивость такой фигуры как понтифик Бонифаций, его предсмертное поражение и унижение, попытки посмертного суда над ним. Эту память сохранили, между прочим, и свидетельства идейных противников понтифика, каким был, например, его великий современник Данте. Если взять более узко, территорию профессиональных исследований, дисциплинарные рамки, то в историографии истории Италии существует традиция изучения первого христианского юбилея, проблема новизны которого по своему задевала и либеральную мысль, и творчество историков, сформировавшихся в годы фашистского режима, и современных ученых¹³.

На уровне индивидуально-бытового поминовения и в грандиозной коммеморативной программе христианских юбилеев можно отметить общие черты, особые приметы чаяний людей эпохи Треченто и Кватроченто. Культ памяти соединялся с культом искупления, с поисками индивидуального и коллективного спасения. Римский Юбилей, подготовленный историей проект коллективной практики коммеморации (причем проект весьма затратный), стал наиболее выгодным вложением в историю идей – с 1300 г. юбилейная традиция не прерывается, длится до сих пор, следующий год (вопреки всякой логике дат) объявлен новым папой юбилейным. Это одна из самых масштабных существующих коммеморативных практик, осуществляющаяся в едином центре.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum editio taurinensis / Ed. F. Gaudé. T. I–XXII. Augustae Taurinorum, 1857–1872.
 Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum, Constitutiones, Epistolas ac Diplomata continens Tribus Ordinibus S.P.N. Francisci spectantia. (BF) Vol. I–IV / Ed. H. Sbaralea. Romae, 1759–1768; Vol. V–VII / Ed. C. Eubel. Romae, 1898–1904.
 Conciliorum Oecumeniorum Decreta (COD). Bologna, 1962.
 San Bonaventura. Opuscoli francescani. Roma, 1993.

¹³ Morghen 1975; Frugoni 1999; 2000; Paravicini Bagliani 2000.

- Statuta Generalis Ordinis edita in Capitulis Generalibus celebratis Narbonae an. 1260, Assisii an. 1279 atque Parisiis an. 1292 (Editio critica et synoptica) / Ed. M. Bihl. Archivum Franciscanum Historicum (AFH), XXXIV, 1941. P. 13–94; 284–358.
- Селунская Н.А. Свидетельства кризиса и жажда спасения: запрещенная роскошь, святая бедность, искупительный юбилей в средневековой Италии // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 290-310.
- Селунская Н.А. Тяжба нищенствующих братьев: история миноритов и проблема микроисторического анализа / От Средних веков к Возрождению. Алетейя. 2003.
- Bacci M. Investimenti per l'aldila. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo. Bari. Laterza. 2003.
- Branca V. Note sulla letteratura religiosa del Trecento Firenze, 1939.
- Burr D. The Spiritual Franciscans. From Protest to Persecution in the Century After Saint Francis. Pennsylvania, 2001.
- Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (ed.) Faire de l'histoire. T.1: Nouveaux problèmes. P., 1974.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine //«Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II, 1905.
- Gli studi francescani dal dopoguerra ad oggi. Atti del convegno di studio (Firenze, 5–7 novembre 1990) / cura di Francesco Santi. Spoleto 1993.
- I francescani e la politica / Atti del convegno internazionale di studio, Palermo, 3–7 dicembre, 2002. Officina di Studi Medievali, 2007.
- Frugoni A. Pellegrini a Roma nel 1300. Cronache del primo giubileo, Piemme, Milano 1999.
- Frugoni A. Il giubileo di Bonifacio VIII Laterza. 1999.
- Frugoni Ch. Due Papi per un Giubileo. Celestino V, Bonifacio VIII e il primo Anno Santo. Rizzoli, Milano, 2000.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine //«Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II, 1905.
- Kotowski C.M. Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis / a cura di Giovanni Sartori, Beverly Hills 1984.
- Lambert M.D. Poverta` francescana. La dottrina dell'assoluta poverta` di Cristo e degli apostoli nell'ordine francescano (1210–1323). Milano, 1995.
- Lambert M.D. Franciscan Poverty. The Doctrine of the absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order 1210–1323. L., 1961.
- La memoria dei 'milites' / I comuni di Jean-Claude Maire Vigueur. Percorsi storiografici / a cura di M. T. Caciorgna, S. Carocci, A. Zorzi, Roma, Viella, 2014. P. 113-133.
- Merlo G.G. Nel nome di san Francesco. Storia dei frati Minori e del francescanesimo sino agli inizi del XVI secolo. Padova, 2003.
- Merlo G.G. La storiografia francescana dal dopoguerra ad oggi / Studi Storici Anno 32, 1991. No. 2. 1991. P. 287–307. URL: <http://www.jstor.org/stable/20565448>.
- Miccoli G. Francesco d'Assisi e l'Ordine dei Minori. Milano, 1999.
- Il mondo dei pellegrinaggi. Roma, Santiago, Gerusalemme/ a cura di Paolo Caucci von Saucken P. Jaca Book, Milano 1999.
- Morghen R. Bonifacio VIII e il Giubileo del 1300 nella storiografia moderna. Roma. 1975
- Palumbo G. Giubileo giubilee, Rai-Eri, Roma 1999.
- Paravicini Bagliani A. Il papato e altre invenzioni. Frammenti di cronaca dal Medioevo a papa Francesco, Firenze, Sismel 2014 (MediEvi, 5).
- Paravicini Bagliani A. Morte e elezione dei papi. Norme, riti e conflitti. Il Medioevo, Roma, Viella 2013.

- Paravicini Bagliani A. Bonifacio VIII, l'affresco di Giotto e i processi contro i nemici della chiesa. Postilla al giubileo del 1300 // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age. Année 2000*. Vol. 112. Numéro 112-1. P. 459-483.
- Petrocchi G. *Ascesi e mistica trecentesca*. Firenze, 1957;
- Potesta G.L. Angelo Clareno. *Dai poveri eremiti ai fraticelli*. Roma, 1990.

BIBLIOGRAFIJA

- Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum editio taurinensis / Ed. F. Gaude. T. I–XXII. Augustae Taurinorum, 1857–1872.
- Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum, Constitutiones, Epistolae ac Diplomata continens Tribus Ordinibus S.P.N. Francisci spectantia. (BF) Vol. I–IV / Ed. H. Sbaralea. Romae, 1759–1768; Vol. V–VII / Ed. C. Eubel. Romae, 1898–1904.
- Conciliarum Oecumeniorum Decreta (COD). Bologna, 1962.
- San Bonaventura. *Opuscoli francescani*. Roma, 1993.
- Statuta Generalis Ordinis edita in Capitulis Generalibus celebratis Narbonae an. 1260, Assisii an. 1279 atque Parisiis an. 1292 (Editio critica et synoptica) / Ed. M. Bihl. Archivum Franciscanum Historicum (AFH), XXXIV, 1941. R. 13–94; 284–358.
- Selunskaya N.A. Svidetel'stva krizisa i zhazhda spaseniya: zapreshchennaya roskosh', svyataya bednost', iskupitel'nyi yubilei v srednevekovoi Italii // *Dialog so vremenem*. 2011. Vyp. 34. S. 290-310.
- Selunskaya N.A. Tyazhba nishchenstvuyushchikh brat'ev: istoriya minoritov i problema mikroistoricheskogo analiza / *Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu. Aleteiya*. 2003.
- Bacci M. *Investimenti per l'aldila. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo*. Bari. Laterza. 2003.
- Branca V. *Note sulla letteratura religiosa del Trecento* Firenze, 1939.
- Burr D. *The Spiritual Franciscans. From Protest to Persecution in the Century After Saint Francis*. Pennsylvania, 2001.
- Duby G. *Histoire sociale et idéologie des sociétés* / J. Le Goff, P. Nora (ed.) *Faire de l'histoire*. T.1: *Nouveaux problèmes*. P., 1974.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine // «*Rivista storico-critica delle scienze teologiche*», II, 1905.
- Gli studi francescani dal dopoguerra ad oggi. *Atti del convegno di studio* (Firenze, 5–7 novembre 1990) / cura di Francesco Santi. Spoleto 1993.
- I francescani e la politica / *Atti del convegno internazionale di studio*, Palermo, 3–7 dicembre, 2002. *Officina di Studi Medievali*, 2007.
- Frugoni A. *Pellegrini a Roma nel 1300. Cronache del primo giubileo*, Piemme, Milano 1999.
- Frugoni A. *Il giubileo di Bonifacio VIII* Laterza. 1999.
- Frugoni Ch. *Due Papi per un Giubileo. Celestino V, Bonifacio VIII e il primo Anno Santo*. Rizzoli, Milano, 2000.
- Garavani G. La questione storica dei Fioretti di s.Francesco e il loro posto nella storia dell'Ordine // «*Rivista storico-critica delle scienze teologiche*», II, 1905.
- Kotowski C.M. *Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis* / a cura di Giovanni Sartori, Beverly Hills 1984.
- Lambert M.D. *Poverta' francescana. La dottrina dell'assoluta poverta' di Cristo e degli apostoli nell'ordine francescano (1210–1323)*. Milano, 1995.
- Lambert M.D. *Franciscan Poverty. The Doctrine of the absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order 1210–1323*. L., 1961.
- La memoria dei 'milites' / I comuni di Jean-Claude Maire Vigueur. *Percorsi storiografici* / a

- cura di M. T. Caciorgna, S. Carocci, A. Zorzi, Roma, Viella, 2014. P. 113-133.
- Merlo G.G. Nel nome di san Francesco. Storia dei frati Minori e del francescanesimo sino agli inizi del XVI secolo. Padova, 2003.
- Merlo G.G. La storiografia francescana dal dopoguerra ad oggi / Studi Storici Anno 32, 1991. No. 2. 1991. P. 287–307. URL: <http://www.jstor.org/stable/20565448>.
- Miccoli G. Francesco d'Assisi e l'Ordine dei Minori. Milano, 1999.
- Il mondo dei pellegrinaggi. Roma, Santiago, Gerusalemme/ a cura di Paolo Caucci von Saucken P. Jaca Book, Milano 1999.
- Morghen R. Bonifacio VIII e il Giubileo del 1300 nella storiografia moderna. Roma. 1975
- Palumbo G. Giubileo giubilee, Rai-Eri, Roma 1999.
- Paravicini Bagliani A. Il papato e altre invenzioni. Frammenti di cronaca dal Medioevo a papa Francesco, Firenze, Sismel 2014 (MediEvi, 5).
- Paravicini Bagliani A. Morte e elezione dei papi. Norme, riti e conflitti. Il Medioevo, Roma, Viella 2013.
- Paravicini Bagliani A. Bonifacio VIII, l'affresco di Giotto e i processi contro i nemici della chiesa. Postilla al giubileo del 1300 // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age. Année 2000. Vol. 112. Numéro 112-1. R. 459-483.
- Petrocchi G. Ascesi e mistica trecentesca. Firenze, 1957;
- Potesta G.L. Angelo Clareno. Dai poveri eremiti ai fraticelli. Roma, 1990.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

Memory as profitable investment: society and cult in Italy of Trecento and Quattrocento

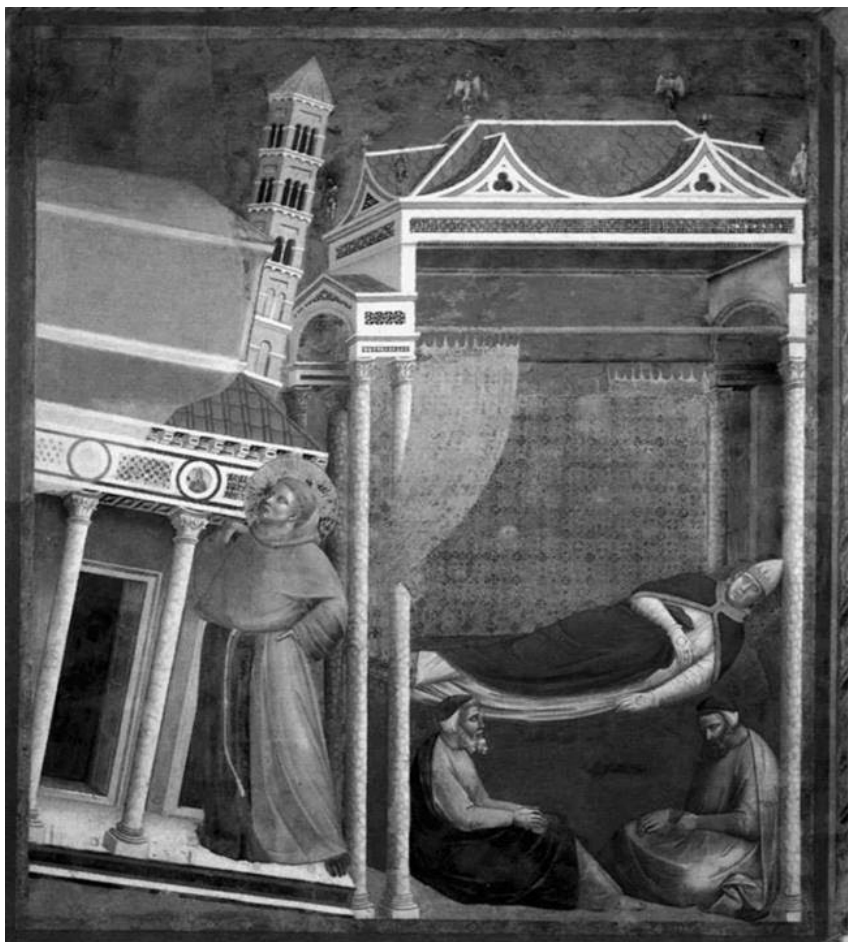
The articles presents an attempt to compare various layers and practices of commemoration (individual, family, group and collective commemoration). Shared features can be found in individual, everyday commemoration, and in grandiose commemorative programme of Christian Jubilees. Memory was connected to redemption, to the search for individual and collective salvation. The Roman Jubilee was the most profitable investment in the history of ideas – since 1300 the tradition of Jubilees remained unbroken, and the next year is proclaimed a Jubilee by the new Pope.

Keywords: Rome, Middle Ages, Renaissance, reception of the Antiquity, historical memory, tombs, Boniface VIII, Jubilee year.

Nadezhda Selunskaya, Ph.D. (History), senior researcher, Centre for Intellectual History at the Institute of Word History, RAS; liquidmodernity@gmail.com

Франциск. Отказ от владения имуществом.

Сон папы Иннокентия III. Франциск и Церковь.

Статуя папы Бонифация VIII в Ананьи.

Арнольфо ди Камбио. Гробница папы Бонифация VIII.

Храм Малатесты. Церковь св. Франциска в Римини.

Малатеста перед св. Сигизмундом, своим покровителем.

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Ю. С. ОБИДИНА

ГРЕЧЕСКИЙ МИР И ХРИСТИАНСТВО, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О РЕЛИГИОЗНОСТИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Автор статьи обращается к традиционной религии древних греков как предтече христианских представлений. Рассматривая наиболее показательные в данном плане исторические феномены, автор предлагает пересмотреть традиционную полярность в отношении греческой телесности и христианской духовности, акцентируя внимание на нетипичности античных и христианских ментальных установок в данном вопросе. Показано, что современные подходы к изучению взаимовлияния античности и христианства носят однонаправленный характер и не затрагивают сути самого явления.

Ключевые слова: *греческая религия, христианство, мистицизм, тело, мировоззрение, ментальность, душа.*

Сегодня в исторической науке сложилась противоречивая ситуация, истоки которой можно обнаружить еще в глубокой древности, а ее суть сводится к трактовке соотношения античной полисной религии и христианства. Одна версия предполагает резкую враждебность двух направлений духовной жизни греков. Вторая называет греческую религию и философию истоками христианства и настаивает на их безусловной преемственности¹. В данной статье предпринята попытка еще раз взвесить все аргументы за и против.

Действительно, сложно игнорировать близость целого ряда основополагающих характеристик этих двух феноменов древнегреческой духовной культуры. Значение обоих слишком велико для всей европейской культуры, чтобы полностью избегать эмоций и оценочных суждений. Примером может служить идея Ф.Ф. Зелинского, который был убежден, «что только религиозно настроенный человек может понять античную религию»². В античных религиозных идеях мы встречаем много, казалось бы, исконно христианских понятий: понятия Богочеловека-Логоса, идея о троичности божества, однако утверждение Зелинского о том, что христианство – это та же античная религия, долгое время неверно трактовалось, поскольку акценты данного суждения были смещены, ибо для Зелинского отнесение христианства к античной религии было «не унижением христианства, а, наоборот, возвышением античной религии»³.

¹ Андреев 1998. С. 127.

² Зелинский 1995. С. 350.

³ Там же. С. 352.

С другой стороны, осмыслить античную цивилизацию категориями современными, особенно с позиций религиозности / не религиозности, духовности / светскости, сакрального / профанного, вряд ли представляется возможным. Во-первых, по утверждению многочисленных исследователей, в древнегреческом языке не было слова, которое можно было бы использовать для объяснения понятия «религия». Точнее, существовал целый ряд терминов, которые по смыслу близки современному значению данного понятия. Да и сама концепция религии древних греков, имеющая в своей основе полисную систему, далека от наших представлений о религиозности. Хотя бы по той причине, что «строгое разграничение сакрального и “светского” было вообще немислимо»⁴.

Греческая религия никогда не существовала обособленно, она была тесно вплетена в общественную жизнь греческих полисов. Отсутствие духовенства как отдельного социального слоя позволило религии греков оставаться живой и развиваться вместе с обществом, с его культурной и политической жизнью, и не превратиться в религию догматическую. Мало того, эволюция религиозных взглядов привела к зарождению философии и науки как абсолютно новых, рациональных форм познания окружающей действительности.

Яркий пример отсутствия догматизма у греков – культ Диониса. Орфики, занявшись ценностно-эпистемологической разработкой этого культа и создав свои сообщества, так и не стали народными религиозными учреждениями, в чем состоит их существенное отличие от Элевсинских мистерий. Как отмечает И. Чистович, «если Элевсинские мистерии были охраняемы народом и законодательством, как народная святыня, орфические нигде, ни в Аттике, ни в других областях, не пользовались покровительством законов, а только были терпимы правительством, как религиозные учреждения. Кроме того, Элевсинские мистерии были религиозным институтом, который имел вид замкнутого общества, святыня которого – литургические формы, священные обряды, песни и молитвы – не была открыта непосвященным. Напротив, культ орфических мистерий был доступен и для непосвященных в эти таинства, и проникал в массу непосвященных различными способами»⁶. Кроме того, благодаря обширной литературе, не только религиозного, но и теокосмогонического характера, которая появлялась в кругу орфических мистерий, в Греции развилось мировоззрение, которое в теоретическом отношении имело дуалистический, а в нравственно-религиозном – аскетический характер.

⁴ Суриков 2007. С. 97.

⁶ Чистович 1871. С. 88.

Примечательно, что в греческой религиозной практике не сложилось понятия греха в религиозно-этическом смысле, а бытовало представление о нечистоте, скверне, (*miasma, agos, mysos*). Это понятие было детально разработано в книге Р. Паркера «*Miasma*»: Осквернение и очищение в раннегреческой религии»⁸. Чаще всего, представление о скверне проявлялось в связи с обрядами перехода (рождение, свадьба, смерть). Р. Гарлан даже считает, что «это была навязчивая идея греческой культуры»⁹. Согласно многим традиционным верованиям, осквернение представлялось чем-то материальным и вполне осязаемым, что проявилось в стремлении отделить мир мертвых от мира живых. Однако четкое разграничение жизненного пространства живых и умерших прослеживается в греческой культуре только с VI в. до н.э. Именно орфики вносят в древнегреческую ментальность понятие «греха» в христианском понимании. Им же принадлежит и концепция страдающего бога, теперь не только в космологическом смысле, но также и в этическом, орфики разрабатывают и учение о бессмертии и переселении душ, о нравственных устоях мироздания, о боготождестве человеческого духа.

Таким образом, до орфического учения этические и религиозные ценности лежали как бы в разных плоскостях. Нужна была некая сила, которая смогла бы органично соединить эти два направления духовной жизни греков. Такой силой, по мнению М. Нильссона, стало сразу два религиозных течения архаического периода – «легализм» и «мистицизм»¹⁰. Легализм был обусловлен практикой религиозных очищений и развивался преимущественно под патронатом Дельф и культа Аполлона Пифийского. Второе течение было представлено, главным образом, орфиками и пифагорейцами, которые свели воедино учения о наказаниях за гробом с идеей воздаяния и учением о переселении душ. Слившись воедино, легализм и мистицизм составили платформу для разработки дальнейших представлений о посмертном воздаянии и воскресении.

Распространенность орфической концепции – вопрос дискуссионный¹¹. Безусловно, в древних обществах воздаяние за гробом было обусловлено не столько моральными, сколько ритуальными принципами. Серьезных изменений в раздаче наказаний и поощрений не приносило даже вмешательство богов. Однако уже поэты (в особенности Орфей и

⁸ Parker 1985.

⁹ Garlan 1985. P. 41.

¹⁰ Nilsson 1948.

¹¹ В частности, И.Е. Суриков не поддерживает идею М. Нильссона. Он отмечает, что не стоит считать данное явление широко распространенным за пределами элиты греческого общества. Суриков. 2007. С. 108.

Мусей) в своей эсхатологии (учении о конечных судьбах человеческого существования) привносят иные представления в идею посмертного воздаяния. Несмотря на то, что любая душа бессмертна, обрести счастье за гробом уготовано не каждому, его нужно заслужить. Еще при жизни человек должен очистить себя от скверны, освободиться от привязанностей и соблазнов, изжить из себя греховную природу¹². Способ очищения видели в образе жизни, который предписывался сторонникам данного учения: участие в посвящениях и таинствах, символических жертвоприношениях, приверженность аскезе – вот лишь то немногое, что наставляло их на праведный путь. Итогом этого пути становилась обещанная блаженная жизнь после смерти.

Напомним, что Элевсин также обещал своим поклонникам благоприятную посмертную судьбу, довольно рано, насколько это возможно проследить, уже с VII в. до н.э. Е.Р. Доддз подчеркивает, что вопреки распространенному мнению, «великие грешники» в «Одиссее» появились не под влиянием орфизма и не являются «орфической интерполяцией», а Элевсинские мистерии не были следствием «орфической реформы»¹³. Кроме того, у Эхила¹⁴ посмертное наказание за некоторые преступления столь тесно смыкаются с традиционным древним «неписанным законом» и традиционными представлениями о функциях Эриний, что Доддз «не ощущает никакой необходимости даже пытаться отыскивать в них некий “орфический” элемент»¹⁵. То, что в классическую эпоху страх посмертного наказания не ограничивался только представлениями, распространенными в орфических или пифагорейских кругах, а зависел от общего чувства вины, распространенного в данную эпоху, по мнению Доддза, подтверждает Демокрит¹⁶ и Платон¹⁷.

Безусловно, религия эллинов была религией «мира посюстороннего», а не «мира потустороннего». Греки жили «здесь и сейчас», а не «там и потом». Но это не дает оснований принять точку зрения И.Е. Сурикова о том, что «вопросы, связанные с посмертным существованием, ...отнюдь не так волновали греков, как, скажем, древних египтян или индийцев, не говоря уже о христианах. Конечно, сказать, что греки совсем об этом не задумывались, было бы грубым преувеличением»¹⁸.

¹² Семушкин 1996. С. 113.

¹³ Доддз 2000. С. 142.

¹⁴ Эхил. Эвмениды, 267 сл., 339 сл.

¹⁵ Доддз 2000. С. 143.

¹⁶ Демокрит. Фр. 199, 297.

¹⁷ Платон. Государство, 330 d.

¹⁸ Суриков 2007. С. 89.

Традиционным представлениям о существовании в Аиде противостоят чрезвычайно распространенные в античной ментальности мотивы безотчетного страха перед смертью. Они пронизывают не только религиозные и философские учения, но также проникают в литературу и искусство. Истерию усиливали не только стоики и эпикурейцы, но и поэты, как греческие, так и римские. При этом любопытна и показательна эволюция их взглядов на вопросы посмертного существования. Действительно, греки боялись смерти не всегда. В «Илиаде» люди подобны листьям дуба, каждый год они опадают, а дерево продолжает расти. Для Тиртея смерть в бою, защищая Родину, является лучшей долей¹⁹. Пока ты – частичка коллектива, и без этого коллектива твоя самость не является таковой по определению, смерть для тебя действительно не кажется чем-то ужасным. Вспомним слова К. Юнга: пока человек не ощущает своей индивидуальности, инаковости, у него нет собственной души, она ему просто без надобности. Как только человек осознает свое «Я», душа уже не обходится привычными методами²¹. Как только грек осознал, что смерть – это его собственное, а не чье-то небытие, ситуация изменилась коренным образом. Размышление о смерти вывело древнегреческую мысль на почву рациональности, заставило ее философствовать. Именно страх смерти стал гением-вдохновителем, мусagetом древнегреческой философии. К. Ламонт считает, что античная философия «родилась как размышление о смерти и бессмертии»²³. Вспомним слова Сократа в «Федоне», где он называет философию размышлением о смерти.

Проблема заключается в другом. Во-первых, определенности в представлениях о посмертном существовании не было не только в греческих религиозных представлениях, но и в философских. Вопрос о том, что душа переживает тело, решился как-то сразу и практически сам собой, а вот дальше вопросов было гораздо больше, чем ответов. Ф. Зелинский указывал, что одновременно в греческом сознании уживались представления о душе как незримом духе, витающем в доме потомков, о душе, живущей рядом с могилой или гробницей, о душе, которая требует пищи и жертвоприношений, и о душе, которая обитает вместе с другими душами в обители Аида²⁴. И это все одна душа. То есть говорить о каких-то устоявшихся верованиях, а тем более о стройной разработанной концепции, в данном случае вряд ли приходится²⁵.

¹⁹ Цит по: Античная литература. 1989. С. 93.

²¹ Юнг 1991. С. 203.

²³ Ламонт 1984. С. 13.

²⁴ Зелинский 1993. С. 83.

²⁵ Обидина 2001.

Сложно говорить о взглядах на посмертное существование даже у одного автора. Гомеровские «Илиада» и «Одиссея» для греков – это, по сути, как Библия для христиан. Но ведь даже у Гомера, у которого герои «Илиады» только и знают, что убивают друг друга, нет стройной картины посмертного существования²⁶. Многие исследователи считают, что причина тому – ужас перед смертью, который свойственен как гомеровским героям, так и автору (или авторам) поэм. Не случайно говорится об особой роли света в эпическом мировосприятии²⁷. Данная точка зрения действительно находит подтверждение при обращении к тексту поэм. Гомер предвзято относится к Аиду, не жалея для него самых нелюбимых эпитетов, хотя именно из текстов Гомера видно, что Аид – такой же бог, как Зевс, Гермес или Афродита. Законы эпического повествования не могли быть независимыми от общего мировоззрения, которое воспринимало владыку подземного царства как царя ужаса. Эпическое мировоззрение выработало даже определенную градацию смерти – гомеровским героям было совсем не безразлично, какой смертью умереть. Умереть, пораженным стрелой или копьем на поле битвы, заслужив посмертную славу, или тихо скончаться от старости или длительной болезни – но итог все равно один: вход в обитель мертвых представляется столь страшным, что самые отважные герои теряют всякое мужество. Самым ярким примером тому является всем известное знаменитое изречение Ахилла, обращенное к сошедшему в преисподнюю Одиссею:

«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся.
 Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
 Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
 Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый»²⁸.

В чем же причина столь тягостных раздумий о посмертной участи? Ведь со смертью не прекращается бытие, не прекращается сознание, но... прекращается *жизнь* (курсив мой. – Ю.О.), а она в гомеровском мировоззрении тесно связана с телесным, чувственно-осязаемым. Это показано уже в первых стихах Илиады, где говорится, что гнев Ахиллеса послал души героев в Аид, но сами они стали добычей хищных птиц и зверей. Следовательно, то, что составляет самих героев, есть их телесность, и ее-то и разрушает смерть. «Лучшая сторона человека – тело – мгновенно и невозвратно исчезает в смерти; какие же надежды могут оставаться для слабой части его – души»²⁹?

²⁶ Обидина 2007; 2010.

²⁷ См., например, Лосев 1960. С. 127; Семушкин 1996. С. 65.

²⁸ Гомер. Од., XI, 172; 488-491.

²⁹ Чистович. 1871.

Освобождение личности от родовых традиций и складывание индивидуальных представлений изменило и отношение к посмертному существованию. Продолжение рода и вечной жизни в сменяемых поколениях не удовлетворяло ищущей бессмертия творческой греческой личности. Она жаждала личного, своего собственного бессмертия. И именно такое бессмертие предложили ей мистерии.

Некоторые исследователи игнорируют роль иррациональных элементов в древнегреческой религии, подчеркивая рациональные элементы. Так, Ю.В. Андреев считает, что «и орфизм, и пифагорейство, и даже грандиозная система платоновского объективного идеализма воспринимаются на фоне магистрального пути развития греческой культуры скорее как маргинальные и нетипичные явления, как некие отклонения от общепринятых норм религиозного сознания»³⁰. Возможно, такая точка зрения сложилась под воздействием представлений о религиях мистического толка как сугубо авторитарных, в первую очередь, в духовном плане. Действительно, духовный авторитаризм был чужд грекам, как и всякого рода догматизм, в силу специфики античной цивилизации, о чем уже упоминалось выше. Однако в реальности рациональные и мистические элементы органично уживались в греческом сознании, свидетельством чему может служить «сожителство» в пантеоне греков Аполлона и Диониса. При этом культ того же Диониса трудно назвать авторитарным, его можно назвать скорее «бродячим», поскольку отправлялся он там, где для этого складывались благоприятные условия. Сосуществование мистики и рационализма, «двуединство» Аполлона и Диониса, стало основным принципом космоса у Пифагора, что позволило ему соединить несоединимое: день и ночь, иррациональное и разум, Олимп и Хтонос³¹.

Ю.В. Андреев считает, что христианство и прочие спиритуалистические религии, в отличие от религии греков, имевшей стихийно-материалистический характер, недостаточно внимания уделяют телесной стороне личности и считают тело «темницей или могилой» души»³³. С этим нельзя в полной мере согласиться. Так, А. Кураев неоднократно подчеркивал, что и в Ветхом, и в Новом Завете материальный мир освящен изначально как творение Божье³⁴. В той же мере это можно отнести к человеческому телу, не случайно, все христианские авторы говорят именно о воскресении тела. И для греков-язычников слова христианских проповедников о телесном воскресении мертвых были не просто непо-

³⁰ Андреев 1998. С. 128.

³¹ Обидина 2008; 2013.

³³ Андреев 1998. С. 128.

³⁴ Кураев. 1998.

няты, а выступали в качестве отталкивающего фактора, ярким примером чему может служить проповедь апостола Павла в Ареопаге. Начало этой проповеди было следующим: «Афиняне! По всему вижу, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая то, что вы читаете, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу. Сего-то, которого вы не зная читаете, я проповедую вам»³⁵. Как метко заметил по этому поводу И.Е. Суриков: «Вот ведь как обернулась первая встреча греческой и христианской религий: в роли «материалистов» оказались как раз христиане, а в роли «спиритуалистов» – греки»³⁶.

Раннехристианские авторы дают многочисленные подтверждения предпочтениям телесной составляющей человеческой личности. Ведя полемику с гностиками, отрицавшими телесное воскресение, они утверждали: «...Спаситель во всем Евангелии показывает сохранение новой плоти... Это и прежде познания истины слышали мы от Пифагора и Платона... Если бы то же говорил Спаситель и возвещал спасение одной только души, что нового принес бы нам сверх Пифагора и Платона?»³⁷. Противопоставляя веру христиан в воскресение мертвых традиционным античным верованиям, Тертуллиан считал, что телесная составляющая личности не была чужда греческим авторам. Говоря о философии Эмпедокла и Платона, а также учении неоплатоников, он отмечал приближение античной мудрости к христианской истине, поскольку те объявляли именно телесное воскресение души, пусть пока еще не в том же самом, и даже не всегда в человеческом теле³⁸. Представление же о теле как могиле души и вовсе принадлежит орфикам, которые не только обыгрывали его в своих сочинениях, но и использовали в ритуальной практике. Греческий парадокс и здесь сыграл свою роль. Греки со свойственной им телесностью и пластичностью одухотворили религию Христа. Христиане, возвестив миру благовест, духовностью «опредметили» человеческую душу. Орфическое выражение «тело – темница души» было доведено до логического завершения уже совсем на других основаниях.

Таким образом, не следует отрицать историческую преемственность греческой религии и религиозной философии с христианскими идеями. На сегодняшний день необходим объективный, непредвзятый анализ исторических феноменов, который позволит добиться новых, интересных результатов, проливающих свет на ментальные установки европейской цивилизации.

³⁵ Деяния апостолов. 17. 31-32.

³⁶ Суриков 2007. С. 93.

³⁷ Тертуллиан. О воскресении плоти, 10.

³⁸ Тертуллиан. О воскресении плоти, 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Античная литература. Греция. Антология / Сост. Н.А. Федоров. М.: Высшая школа, 1989. 899 с.
- Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского; под ред. И. М. Тронского. М.: Правда, 1985. 350 с.
- Деяния апостолов // Мецгер Б. Текстология Нового Завета. М.: ББИ, 1999. 405 с.
- Платон. Диалоги / пер. с древнегр. С.Я. Шейнман-Топштейн; под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1986. 605 с.
- Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подг. А. В. Лебедев. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
- Тертуллиан. Избр. соч. / пер. с лат. и общ. ред. А.А. Столярова. М.: Прогресс-культура, 1994. 443 с.
- Эсхил. Трагедии; пер. с древнегреч. С. Апта; вступит. статья Н. Сахарного; коммент. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Художественная литература, 1971. 383 с.

Литература

- Андреев Ю. В. Апология язычества, или о религиозности древних греков // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 127-135.
- Доддз Е.Р. Греки и иррациональное. М-СПб.: Университетская книга, 2000. 316 с.
- Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: В 4 т. М.: Ладомир, 1995. Т. 1-2. 897 с.
- Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая религия. Общий очерк. Киев: Синто, 1993. 128 с.
- Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М.: Б. и., 1998. 336 с.
- Ламонт К. Иллюзия бессмертия. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. 286 с.
- Лосев А.Ф. Гомер. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
- Мецгер Б. Текстология Нового Завета. М.: ББИ, 1999. 405 с.
- Обидина Ю.С. Мир смерти в культурных представлениях греков эпохи архаики и классики. Дисс... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001.
- Обидина Ю.С. Представления о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2007. 288 с.
- Обидина Ю.С. Пифагор и его школа: соотношение религиозной мистики и математического рационализма // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 5-6. С. 353-459.
- Обидина Ю.С. Феномен Номо Immortalis в системе культуры. Дисс... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2010.
- Обидина Ю.С. Культ Диониса в социокультурном пространстве античного полиса: воображаемое, символическое и реальное // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 280-295.
- Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.: КДУ, 2007. 236 с.
- Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности. Начало древнегреческой философии. М.: Интерпракс, 1996. 192 с.
- Чистович И. Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. СПб.: Б. и., 1871. 211 с.
- Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Логос, 1991. 632 с.

- Garland R. The Greek way of death. N. Y.: Cornell University Press, 1985. 192 p.
 Nilsson M. P. Greek Piety. Oxford: Clarendon Press, 1948. 200 p.
 Parker R. Miasma: Pollution and purification in early Greek religion. Oxford: Clarendon Press, 1985. 413 p.

REFERENCES

Istochniki

- Antichnaya literatura. Gretsiya. Antologiya / Sost. N.A. Fedorov. M.: Vysshaya shkola, 1989. 899 s.
 Gomer. Odissey / per. V. A. Zhukovskogo; pod red. I. M. Tronskogo. M.: Pravda, 1985. 350 s.
 Deyaniya apostolov // Metsger B. Tekstologiya Novogo Zaveta. M.: BBI, 1999. 405 s.
 Platon. Dialogi / per. s drevnegr. S.Ya. Sheinman-Topshtein; pod red. A.F. Loseva. M.: Mysl', 1986. 605 s.
 Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov / Izd. podg. A. V. Lebedev. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniya atomistiki. M.: Nauka, 1989. 576 s.
 Tertullian. Izbr. soch. / per. s lat. i obshch. red. A.A. Stolyarova. M.: Progress-kul'tura, 1994. 443 s.
 Eshkil. Tragedii; per. s drevnegrech. S. Apta; vstupit. stat'ya N. Sakharnogo; komment. N. Sakharnogo i S. Apta. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1971. 383 s.

Literatura

- Andreev Yu. V. Apologiya yazychestva, ili o religioznosti drevnikh grekov // Vestnik drevnei istorii. 1998. № 1. S. 127-135.
 Doddz E.R. Greki i irratsional'noe. M–SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 316 s.
 Zelinskii F. F. Iz zhizni idei: V 4 t. M.: Ladimir, 1995. T. 1–2. 897 s.
 Zelinskii F.F. Drevnegrecheskaya religiya. Obshchii ocherk. Kiev: Sinto, 1993. 128 s.
 Kurayev A. Rannee khristianstvo i pereselenie dush. M.: B. i., 1998. 336 s.
 Lamont K. Illyuziya bessmertiya. 2–e izd. M.: Politizdat, 1984. 286 s.
 Losev A.F. Gomer. 2–e izd., ispr. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 400 s.
 Metsger B. Tekstologiya Novogo Zaveta. M.: BBI, 1999. 405 s.
 Obidina Yu.S. Mir smerti v kul'turnykh predstavleniyakh grekov epokhi arkhaiskoi i klassiki. Diss... kand. filos. nauk. Nizhnii Novgorod, 2001.
 Obidina Yu.S. Predstavleniya o bessmertii dushi v kul'ture drevnei Gretsii: sta-novlenie, evolyutsiya, transformatsiya v khristianskoe voskresenie. Ioshkar–Ola: Izd-vo MarGU, 2007. 288 s.
 Obidina Yu.S. Pifagor i ego shkola: sootnoshenie religioznoi mistiki i matema-ticheskogo ratsionalizma // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2008. T. 10. № 5–6. S. 353–459.
 Obidina Yu.S. Fenomen Homo Imortalis v sisteme kul'tury. Diss... dokt. filos. nauk. Nizhnii Novgorod, 2010.
 Obidina Yu.S. Kul't Dionisa v sotsiokul'turnom prostranstve antichnogo polisa: voobra-zhaemoe, simvolicheskoe i real'noe // Dialog so vremenem. 2013. № 44. S. 280–295.
 Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. M.: Krug, 2011. 560 s.
 Surikov I.E. Arkhaicheskaya i klassicheskaya Gretsiya: problemy istorii i istochniko-vedeniya. M.: KDU, 2007. 236 s.
 Semushkin A.V. U istokov evropeiskoi ratsional'nosti. Nachalo drevnegrecheskoi filosofii. M.: Interpraks, 1996. 192 s.
 Chistovich I. Drevnegrecheskii mir i khristianstvo v otnoshenii k voprosu o bes-smertii i budushchei zhizni cheloveka. SPb.: B. i., 1871. 211 s.

- Yung K.G. Ob arkhetypakh kollektivnogo bessoznatel'nogo // Arkhetip i simbol. M.: Logos, 1991. 632 s.
- Garland R. The Greek way of death. N. Y.: Cornell University Press, 1985. 192 p.
- Nilsson M. P. Greek Piety. Oxford: Clarendon Press, 1948. 200 r.
- Parker R. Miasma: Pollution and purification in early Greek religion. Oxford: Clarendon Press, 1985. 413 r.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета; basiley@mail.ru

Greek world and Christianity, or Once again on the religion of the ancient Greeks

The author appeals to the traditional religion of the ancient Greeks as a forerunner of Christian ideas. By considering the historical phenomena, most revealing in this respect, the author proposes to revise the traditional polarity of Greek physicality and Christian spirituality, focusing on the atypical ancient and Christian mental attitudes to this issue. It is shown that modern approaches to the study of the mutual influence of antiquity and Christianity are too limited and do not address the essence of the phenomenon.

Keywords: Greek religion, Christianity, mysticism, body, worldview, mentality, soul.

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Department of World History, Mari State University, basiley@mail.ru

С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

ГОРЫ И ГОРЦЫ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И В ВОСПРИЯТИИ Г.Д. ГАЧЕВА

В статье исследуется роль гор и горной среды в жизнедеятельности человека, формировании менталитета горцев, представления о мироустройстве и его миропонимания, «образа мира» горцев. Автор рассматривает оригинальную систему взглядов российского ученого Г.Д. Гачева и его методологию прочтения книги бытия народов Азербайджана, Армении, Грузии и Болгарии, его представления об исламе. Освещение этих проблем дополняет материал по Дагестану.

Ключевые слова: горы, горцы, менталитет, Кавказ, Болгария, ислам, Г.Д. Гачев.

Последние десятилетия свидетельствуют о всё возрастающем значении гор как глобальной экосистемы – источника экономических, культурных и экологических ресурсов мирового сообщества. По данным Центра ООН по изучению общего будущего землян (Center for our common Future, 1993), горные экосистемы занимают более 25% поверхности земли и являются местом обитания 12% мирового населения, из миллиарда бедного населения планеты 800 млн. людей живет в горах. Горы обеспечивают пресной водой почти половину человечества¹, являются уникальными центрами этнического, культурного и биологического разнообразия, кладовыми гидроэнергетических и минеральных ресурсов. Горы в XXI в. будут напрямую определять качество жизни более чем половины населения Земли, что, несомненно, отразится на темпах и качестве развития человечества в целом. Горы – источник возобновляемых энергетических ресурсов и сырья, представляющих интерес для экономики в целом. Их основные потребители отнюдь не жители гор, а равнинные экономически развитые регионы.

Не случайно с 2003 г. по распоряжению ЮНЕСКО весь мир ежегодно 11 декабря отмечает Международный день гор. Многие горные вершины занесены в список всемирного наследия ЮНЕСКО и находятся под защитой этой организации, так как горные системы одновременно и сложны, и хрупки. По определению «Европейской Хартии горных регионов», утвержденной Советом Европы в 1995 г. (ст. 2), горы являются домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций.

¹ России нужна государственная политика развития горных регионов (см. <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (дата обращения: 25.08.2015).

Соотношение в триаде природа–человек–социум (общество) начали рассматривать в полном объеме совсем недавно. До этого был популярен лозунг «Человек – царь природы» и фраза-лозунг И.В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё – наша задача!», ставшая символом потребительского отношения человечества к природе, в нашем случае – к горам, которые на сегодняшний день входят в список 25 самых уязвимых регионов на всей территории Земли.

Приведенные данные весьма красноречиво указывают на актуальность фактически любой проблемы, связанной с горами и горским населением. Образно говоря, количество больших и малых проблем у коренных жителей высокогорья сопоставимо с численностью горных пиков-многотысячников. Причем некоторые проблемы горцев «застыли» как вечные ледники и требуют скорейшей «разморозки», что, разумеется, весьма нежелательно для настоящих ледников горных систем.

Горы – величественные и прекрасные создания природы – осваивались человеком, начиная примерно с эпохи палеолита. Несмотря на экстремальные условия проживания и хозяйственной деятельности, люди издревле стремились овладеть богатейшими дарами природных исполинов. В процессе жизнедеятельности у каждого народа сложилась своя картина мира и шкала ценностей, которыми человек руководствуется в своем поведении. Среда обитания сформировала образ жизни, ряд особых черт характера, присущих всем горцам, независимо от их географического местонахождения - будь то Кавказские горы или Гималаи, Пиренейские или Апеннинские горы, Памир, Анды и т.д. Вместе с тем история дисперсного заселения и этнокультурное разнообразие высокогорных районов дают чрезвычайно широкий диапазон различий и контрастов, обусловленных различиями природно-климатических зон. От этого зависела история непрерывного освоения и расселения в горах, обеспеченность необходимыми для жизни ресурсами и способ управления ими, а в конечном итоге – культура, традиции и менталитет народа.

Очеловечивая горы, люди приписывают им хорошее и плохое настроение – они, как и люди, бывают молодые и старые, добрые и хмурые, приветливые и грозные. Древние, как сама вечность, прекрасные и загадочные, завораживающие разум и сердце, горы не оставляют равнодушным ни одного человека. Возможно, в этом заключается одна из самых притягательных сил гор. Существуют гипотезы, согласно которым мы все – «люди с гор»², что горы — прародина человека. На земном шаре есть такие параллели и меридианы, где особенно интенсивно

² Мы все «люди с гор»? // Вокруг Света №1 (2556) / Январь 1972.

проявляются деформации земной коры. К тем же районам обращен и пристальный взгляд антропологов. За право называться родиной человека «спорят» горы Кавказа, Центральной и Южной Азии, горы и плоскогорья Центральной Африки. Учеными давно подмечено совпадение во времени фаз горообразования с периодами массового вымирания прежних и возникновения новых флор и фаун.

В картине мироздания землян горы занимают особое место. Мифологичность сознания древнего человека определила мифологичность пространственных образов. Мир видимый становится и миром образным. Наши далекие предки считали, что громады, подпирающие облака, созданы богами или духами. Люди чтили горы и даже боялись их, считая жилищем богов, поклонялись им, верили, что боги создали горы для того, чтобы поддерживать небесный свод. В легендах, сказаниях и мифах (один из познавательных механизмов сознания) многих народов горы считались вместилищем тайного царства мертвых или местом, где в таинственных пещерах спят таким же таинственным сном короли, цари и герои, чтобы однажды проснуться и восстановить на земле справедливость или освободить отечество от врагов. Среди многих гор, обретших в течение веков святость и определенный священный ореол, назовем только Эверест/Джомолунгму в Гималаях, именуемую еще как «божественная мать Мира» (местные народы называют его Сагарматха, что значит «макушка мира») и Кавказ, где на вершине горы Эльбрус, согласно легенде, был прикован богами Прометей за то, что похитил для людей огонь с Олимпа. Кавказ упоминается в Библии и как место спасения человечества от потопа (в частности, гора Арарат).

У многих народов «Гора Небесная» (как противопоставление подземному Аду) – это свод (арка) небес, над которым высится трон Господа, Творца всего сущего. У античных греков гора – это обитель богов, прежде всего тех, которые покровительствуют плодородию; место вечной любви, но также и место для погребения погибших героев. Гора в различных древних верованиях была символом – как плодородия и плодovitости, так и бесплодия. Эти и подобные им противоречия во многом объясняются иным миропониманием равнинно-земледельческих народов, которых ошеломляло скопление грандиозных скалистых массивов, создававших впечатление, будто земля хочет достать до неба...

Объяснение этому Г.Д. Гачев видит в том, что на Кавказе в миропонимании вроде бы «не должна действовать модель Мирового дерева», т.к. «Небо умалено здесь – заслонено горными пиками... Небо уступает часть своей власти и мощи и смысла – ГОРАМ». Вместо мякоти Дерева «здесь жесткость Горы-камня». Но поскольку «Человек – срединен

между Небом и Землей, то и Горы – тоже таковы: братья человеку. Так же и Дерево – брат ему, и мудрость равнинно-земледельческих народов с ним соотносится. Дерево – растет, модель изменений: сезоны, времена года, тоска и надежда, обновление, возрождение... Горы же – неизменность и твердь. И единственно мягкое в этом космосе камня – это сам человек...»³. Гора – это некое Дерево Космоса, Дерево Жизни с корнями, как бы вросшими в небо, листвой, покрывающей Землю; Дерево, опрокинутое своей кроной вниз, к почве.

Построения Гачева подтверждаются артефактами, свидетельствующими, что жизнедеятельность среди вздымающихся каменных громад и глубоких ущелий наложила отпечаток на мировоззрение горцев.

Реликты прежних домонотеистических верований обнаруживаются, к примеру, в материальной и духовной культуре табасаранского народа Республики Дагестан (РД). К таковым, по мнению, Р.И. Сефербекова, «можно отнести типологически и генетически однородные культовые сооружения, расположенные в окрестностях ряда... селений, называемые местными жителями «Праздничные камни»⁴, у которых дагестанские горцы проводили различные религиозные обряды⁴. Все эти памятники расположены в урочищах – на возвышенностях, на вершинах гор, краях плоскогорий, заканчивающихся обрывами. Вплоть до настоящего времени «Праздничные камни» используются жителями дагестанских селений Ничрас и Тураг в обрядах вызывания дождя и солнца. М.И. Исрапилов считает, что «Праздничные камни» близ села Ничрас служили древней солнечно-лунной обсерваторией, что это «типичные древние солнечные и лунные часы-календарь – почти аналог «Стоунхендж-1» с «алтарем» в центре»⁵. В табасаранском селении Тураг до недавнего времени использовали «Праздничный камень» (высота 2 м, ширина – 92 см, толщина – 20 см) как солнечный ориентир, а в прошлом у этого камня проводились и метеорологические обряды. Помимо «Праздничных камней» и антропоморфного памятника в этой местности имеются и другие объекты культа: в двух километрах к северу – семь почитаемых местными жителями священных дубов.

В одном километре от селения Вертиль (Хивский район РД) в культовом сооружении, условно именуемом «мечеть праздничной молитвы» (в процессе исламизации языческие святилища были преобразованы в так называемые «открытые мечети») есть плиты, украшенные орнаментальными сюжетами «дерево жизни» (у Гачева – «Дерево–

³ Гачев 2002. С. 38-39, 133-134.

⁴ Руслан Сефербеков. «Праздничные камни»...; Лятиров-Скобло 1989. С. 76.

⁵ Исрапилов 2003. С. 271-272, 277.

брат»). Здесь же у «мечети» рассматривались внутрисельские и межсельские конфликты, и заключались примирения («маслааът») враждующих сторон. Местонахождение этих камней до сих пор табуировано: нельзя трогать плиты, косить траву и пасти скот. Люди, построившие храм-святилище под открытым небом, предположительно, считали его «микрокосмом», «духовным центром мира», «местом пребывания божества на земле», «местом встречи трех миров», а имеющий фаллическую семантику центральный столб – одновременно axis mundi и Космическим Древом. Впрочем, в прошлом он мог быть и тотемным столбом, изображать божество-патрон, дух или силу природы. На некоторые камни уже «после принятия ислама были нанесены надписи арабским шрифтом почерками куфи и насх». Объяснение этому факту Г.П. Снесарев видит в том, что для новообращенного мусульманина «Бог Корана был непонятен». Даже прочитав Коран с первой суры до последней, верующий мусульманин «не мог реально ощутить этот образ, особенно на ранних этапах исламизации, когда новообращенный еще не отвык зримо представлять свое божество»⁶. Р.И. Сефербеков считает, что антропоморфный столб в «мечети праздничной молитвы» у села Вертиль и антропоморфное изображение на каменной плите в «молитвенном доме» у села Сертиль можно отнести к зримым объемным и плоскостным изображениям божества на ранних этапах исламизации табасаранцев. В.Н. Басилов напоминает, что «наиболее отчетливо связь почитания святых с прежними религиями проступает в тех случаях, когда мусульманская (и христианская. – С.М.) святыня находится на месте известного языческого капища»⁷. Подобная практика замещения, как известно, позволяла новым религиям быстрее упрочить свои позиции.

В селениях Вертиль и Ничрас культовые сооружения «включали в себя также и каменные ступенчатые минбары. Такую же форму имел и антропоморфный памятник (менгир)» – компонент «Праздничных камней» в с. Межгюль. На минбарах восседали имамы (заменившие жрецов) «во время коллективных молений и обращений с проповедями». По форме минбары напоминают каменную лестницу, в ней Р.И. Сефербеков, вслед за В.Н. Топоровым и Дж. Купером, усматривает аналогию с мифопоэтической традицией, имеющей глубокую символику: лестница «является образом связи верха и низа, разных космических зон, коммуникации между мирами богов, людей и умерших»⁸. Соответственно, лестница имеет значение мировой оси, что, в свою очередь, связывает ее

⁶ Купер 1995. С. 126, 331, 353; Снесарев 1983. С. 32.

⁷ Басилов 1970. С. 9.

⁸ Руслан Сефербеков: «Праздничные камни»...; Топоров 1988. Т. 2. С. 50-51.

с Космическим Древом и столбом. Кроме того, лестница олицетворяет доступ к “реальности”, абсолюту, к трансцендентному, переходя от “нереального” к реальному, от тьмы к свету, от смерти к бессмертию⁹. Сохранившиеся у табасаранцев культовые сооружения имеют аналоги на Северном Кавказе: у ингушей (с. Фуртууг) и у вайнахов¹⁰.

Жизнь горцев во всем мире определяется большой изолированностью и обособленностью родов и общин, свободолюбием и воинственностью. Не случайно горцы считаются самыми свободолюбивыми людьми. Отсюда и поговорка: «Станешь свободным, как горный ветер!». Рабство и крепостничество в его классических формах не могли привиться в горных общинах, где каждый мужчина – воин. Одна из аварских и даргинских пословиц народов Дагестана гласит: «Пусть мать лучше умрет, чем родит труса!». Горцы известны своей воинственностью, храбростью в бою, самодостаточностью и гордым нравом, физической силой и выносливостью, гостеприимством. Горцы неприязнательны, спокойно относятся к лишениям и недостаточности удобств. В XIX в. А.Л. Зиссерман писал, что кавказский горец – «своего рода пуританин: трезвый, приличный, не допускающий никакого безобразия, горделиво и с достоинством всегда себя держащий, он презрительно относится к некоторой распущенности наших (российских. – С.М.) нравов»¹¹. Суровая и в то же самое время величественная среда обитания формировала характер горцев (доброжелательность, но без азиатской слащавости, серьезность, прямота и простота...) и специфику «традиционного права» – понятие «закон гор» носит не только расхожую бытовую нагрузку, но и реально отражает многовековой свод правил и норм жизни, отношение к природе и т.д. Отмечая особые черты характера горца, знаменитый дагестанский поэт Расул Гамзатов писал:

«О горные орлы, что вас влечет
Сюда, где снег в любое время года?...»
«Мы ни тепла не ищем, ни щедрот,
Здесь высоту дарует нам свобода!»
«О, земляки мои, что вас влекло
Сюда, где трудно обуздать природу?»
«Нас привели не блага, ни тепло –
Нам высота сулила здесь свободу!»¹².

⁹ Купер 1995. С. 179.

¹⁰ Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. 2005. С. 273; Далгат 1893; Яковлев 1925. С. 80; Семенов 1928. С. 212.

¹¹ Зиссерман 1879. Ч. 2. С. 81.

¹² Гамзатов 1972. С. 344.

О духовном величии кавказских народов (кавказионцах) Гегель писал: «Только в кавказской расе, дух приходит к абсолютному единству с самим собой, только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю»¹³.

В «Энциклопедии символов» читаем: Гора символизирует уверенность, устойчивость, неизменность, нерушимость; праздник; гора – «пуп» Земли; трон богов, обитель гномов, ведьм; путь в небо, в рай, в чистилище, ад... Гора также символ воскресения из мертвых; алтарь религиозного культа; цель для пилигримов, для паломничества; мистики, одиночества, мудрости, высоких мыслей. Это место для медитации; мир, свобода, озарение, верховенство; место приношения жертвы; молодость; чистота... Громада, нерушимость и величие горы как бы окружают ее ореолом абсолютного постоянства, неуязвимости...¹⁴

Древнейшая и богатейшая история гор свидетельствует, что эти исполины были местом столкновения и взаимодействия разных цивилизаций, что определило специфику горского населения, которая заметна по сей день. В этой связи уместно напомнить, что в современной макрокомпаративистике северокавказская семья включается в гипотетическую сино-кавказскую макросемью, объединяющую несколько языковых семей и изолированных языков Евразии и Северной Америки¹⁵.

Не вдаваясь в рассмотрение данной проблемы, как и проблем возникновения мифов и формирования «образа мира» (это большие самостоятельные темы), заметим, что на определенном этапе бытия у человека формируется представление о собственном назначении во взаимосвязи с семьей, обществом, Вселенной на основе представлений о себе и о мире. Современные ученые давно используют понятия «модель мира», «образ мира», «картина мира» в разных аспектах исследования, вместе с этим этимологически не разделяя их¹⁶. Следуя по их стопам, констатируем, что человек не может существовать без образов и картин, составляющих модель мира. Однако представитель каждого народа за одними и теми же названиями видит что-то свое, характерное и значимое исключительно для него. Именно в этом кроется одна из причин то-

¹³ Гегель 1977. Т. 3. С. 408.

¹⁴ http://darklibrary.ru/mifyi_na_bukvu_g/833-gora.html Гора [Электронный ресурс] // Мифы – полное собрание мифов и легенд (дата обращения: 28.08.2015).

¹⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Сино-тибетские_языки.

¹⁶ Санжеева 2010. С. 11-12.

го, что общепринятого определения понятия «горы» или «горные районы» до сих пор нет. И вряд ли это возможно, поскольку в разных географических условиях и странах веками сложившееся целостное представление о горах варьируется в широких пределах, хотя ряд критериев, отличающих «горную» территорию от «не горной» существует.

Как показано в исследовании А.М. Мартынец значимое для нас слово «гора», у разных народов имеет свое наполнение. Автор приводит убедительную подборку из разных словарей¹⁷. Словарь русского языка, например, предлагает следующую формулировку: «Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью». В «Большом толковом словаре современного украинского языка» дается такое объяснение: «Значительное повышение над окружающей местностью или среди других повышений // только мн. Гористая местность, страна». В словаре английского языка указано: «Очень высокий холм, обычно голая или покрытая скала: он посмотрел с горы на долину вниз» и т.д. А.М. Мартынец приходит к выводу, что описательные толкования значения понятия «горы» практически тождественны: «Таковыми они являются почти во всех толковых словарях национальных языков. Но, несмотря на такой унифицированный подход к пониманию конкретного слова, украинец, россиянин, шотландец, американец, чех, грузин и т.д., произнося слово “гора”, видит свои горы, то есть такие, которые он знает, которые близки ему на ментальном уровне. Соответственно, возвышенность для представителей разных национальностей, обозначаемая словом “гора”, будет совсем разной». «Мир (флора и фауна), который наполняет их, тоже будет разным, как и музыка, и совсем разными будут люди, проживающие в этой местности, несмотря на то, что всех их можно назвать одним словом – горцы, то есть жители гор»¹⁸. Каждый язык по-своему описывает окружающий мир, определяет особенности его восприятия, и для представителя того или иного народа слово «гора» отвечает его миропониманию, его образу мира.

Настало время для кавказоведов (и не только для них) приступить к проведению широкомасштабных специальных исследований с целью выявления в фольклорных и литературных произведениях, в словарях, как слова «горы» и «горцы» трактуют коренные жители гор, а также население низменных территорий для их сопоставления. Самое активное участие в этой работе могут принять лингвисты, историки, работающие с историческими текстами, психологи, философы, имагологи и представи-

¹⁷ Мартынец 2013. С. 266-269.

¹⁸ Там же. С. 267-268.

тели других научных дисциплин. Желательно проследить и вероятную временную и иную ретроспекцию изменения этих понятий. Назрела необходимость создания многотомной *Энциклопедии гор и горцев* (на начальном этапе работы могут быть подготовлены отдельные словари), где будут учтены этно-национальные представления о горцах, горах и мире (философские, лингвистические, природные, гендерные, бытовые и пр.). В своих исследованиях Гачев обращает внимание на то, что именно природа является основой создания той или иной модели мира, и утверждает, что национальный образ мира базируется на трех материально-духовных основах: природе (Космосе); составе души народа (Психеи); логике его ума (Логос), которые не статичны, а подвижны. «В каждом космосе складывается и особый логос – национальное миропонимание, логика»¹⁹. Хочется думать, что мое предложение о создании «Энциклопедии гор и горцев» (ранее озвученное на международной конференции в г. Грозном) не останется идеей-фикс. Тем более, что определенные наработки уже имеются благодаря исследованиям отечественных и зарубежных ученых, изучавших своеобразие символов окружающего мира, место и роль этих представлений в современной жизни и т.д.

Для воспроизведения более полной картины следует учитывать не только позитивные, но и негативные проявления (когда таковые имеются) характера горцев, многие из которых проживают в экономически депрессивных районах в обстановке социальной напряженности. Не секрет, что из-за постоянной угрозы нищеты и стихийных бедствий горные территории всегда были традиционным местом политической нестабильности, борьбы за ресурсы и формирования очагов международного терроризма. В 1995 г. из 35 войн и 13 вооруженных конфликтов в 43 странах 19 войн и 7 вооруженных конфликтов произошли в горных районах. Почти 2/3 мировых вооруженных конфликтов зафиксировано в горах: Афганистан, Балканы, Кашмир, Непал, Перу, Филиппины, Эфиопия и др. Не остался в стороне и Кавказ. Вместе с тем следует помнить: «История любой нации – это не только история ее противостояния другим нациям, но и история ее солидарности с ними. Это не только история отчуждения от других наций, но и история контактов с ними»²⁰.

Сегодня, когда постепенно утрачиваются многие обычаи и представления, составление таких Словарей (в итоге – Энциклопедии), учитывающих сосуществование разных национальных образов, может стать хорошим подспорьем для излечения от национального беспамят-

¹⁹ Гачев 1999. С. 10.

²⁰ России нужна государственная политика развития горных регионов ...

ства, будет способствовать формированию уважительного отношения к морально-духовному наследию конкретных народов и т.д.

Возвращаясь к образу мира горцев, напомним о том, что общечеловеческим в сложном цикле человеческого бытия является стремление двигаться от негативного к позитивному, от зла к добру, от белого к черному. Для горца характерно движение снизу вверх, от земли к небу, от черного к белому (светлому). Особенности его мышления доказывают, что злые силы ада и всякой нечисти, живут в темноте, под землей. Отсюда стремление к свету, движение, направленное вверх: от земли к небу. В «пространстве-поведении» горцев существовала оппозиция «верх – низ» и «выше – ниже», которая отражала вертикаль пространственной структуры. Не случайно у адыгов человек, идущий в сторону гор, при всех прочих равных условиях, пользовался предпочтением перед тем, кто спускался в сторону долины, и встречные были обязаны приветствовать его, а он – только принимать приветствия²¹.

Для киргизов, по утверждению Гачева, характерным является движение сверху вниз, из гор в долину, от черного к светлому (желтому), что отвечает их системе мировосприятия. Для этого народа все темные силы находятся наверху, в горах, а все ясное, светлое, животворящее – внизу, в степи. В таком случае абсолютно логичным для представителей этого народа является стремление двигаться вниз, держаться как можно дальше от гор и спрятанных в них темных сил²².

В данном случае уместно процитировать Ф. Энгельса, писавшего: «Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин»²³.

В этом плане большой интерес представляют исследования Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), автора многотомной серии «Национальные образы мира», посвященной сравнительным описаниям культур и миропониманию разных народов. Философ, искусствовед, культуролог, он создал собственную оригинальную систему и методологию исследования, в которой каждая национальная целостность рассматривается как своеобразный Космо-Психо-Логос, т.е. как единство местной природы, характера народа и склада его мышления²⁴.

²¹ Асанов 1972. С. 155-156.

²² Гачев 1999. С. 268.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 104.

²⁴ Гачев 2002. С. 12.

Изучая кочевой, земледельческий и горский образы жизни, которые «излучают особые мировоззрения, отмечены своей шкалой ценностей и понятий», Гачев исходит из предположения, что «всё имеет смысл с Целым, каждая вещь и обычай излучает некие идеи, понятия. И задача ума – выдоить их из обитания в вымени матери(и)-вещества, перегнать из одной формы бытия — вещественной в иную — интеллектуальную». Увлечшись «истолкованием», ученый характеризует себя как переводчика «с языка вещей на язык идей» и как «перевозчика: с берега быта на берег бытия — на пароме умозрения»²⁵. Занимаясь этой, как он сам пишет, «увлекательной работёнкой», Гачев замечает, что «надо научиться читать книгу бытия каждого народа, которая написана на его земле: в горах или равнинах», отдавая предпочтение не горизонтально-глобальному подходу, а «вертикальному» (понизовому, эмпирическому, эвристическому). Восстанавливая «в правах древний жанр умозрения», автор утверждает, что «вершине истины все равно, как мы до нее добиремся: по уступам и стенкам горы, научно двигаясь и видя только эту гору или на вертолете умозрения взлетая и имея возможность обозреть контекст этого утеса среди долины ровных или горы в системе Тянь-Шаня». Но чтобы постичь национальный космологос (предмет исследования) изучение надо начинать «с рассмотрения и толкования нижних этажей национальных космологосов... Это – земля, поверхность, ее склад, воды, реки, леса или степи, горы и к какому направлению умов такой склад бытия предрасполагает», и только затем переходить к верхним духовным этажам национального космологоса²⁶.

Исследуя национальную систему ценностей, логику и психику каждого народа, ученый совершает путешествия в Грузию, Азербайджан и Армению, обращая внимание на ландшафт, язык, быт, танец, песню, прозу и поэзию, культуру застолья... Описывая образы мира этих кавказских народов в «жанре интеллектуального детектива», автор просит читателя о снисхождении (и правильно делает. – *С.М.*), т.к. «никто не застрахован от неточностей (об этом будет сказано ниже. – *С.М.*), но есть свой смысл в свежести первых удивлений, в напряженном поиске мысли, в дознании до знания»²⁷, – вот в этом ученому нельзя отказать.

Горы занимают особое место в картине мироздания Гачева: «Горы – каменный костер, остановившийся и увековеченный». Однако горы и горцы, при кажущемся сходстве, имеют существенные отличия: «Горы

²⁵ Гачев 1999. С. 2, 3.

²⁶ Гачев 1999. С. 3, 8, 9-10.

²⁷ Гачев Г.Д. 2002. С. 12, 13.

Грузии – костисты. Горы Армении – мясисты». А в Азербайджане «словно произошло на их веку вздыбливание равнины и образование гор и стискивание субстанции в напряженность постоянную, что в готовности пружинно распрямиться – в каждом азербайджанце». Отличие «Азербайджанства» заключается в том, «что они тюрки и входят в Космос Ислама». Каждый азербайджанец как «камень: налит плотию, сбит. И, как жилы-прожилки в породе, – чувства, страсти, что грозят, сдавленные...». Люди как «кипяильники, по реакциям-то вспльчивым мгновенно. Даже женщина такова». У азербайджанок «Брови – как сакля. Глаз из-под брови – родник из-под скалы». Азербайджанец ради папахы готов «жертвовать своим лицом (т.е. своим я и его суждением частным)». Пребывая в Баку, Гачев задается вопросом: «Куда ж уходит животнов-жизненная вспльчивость первичного азербайджанца» – в человеке воспитанном? Не в хитрость ли, уклончивость, коварство и лицемерие – на первых порах культуры, когда духовно-нравственные ценности не видятся самоцельно, а как способ поймать для себя материальные блага?...»²⁸. В отличие от азербайджанцев «грузины в крови и субстанции и в гене своем не имеют памяти о некогдашнем раздолном житьи-бытии на просторах, так что существование среди горных складчатостей для них первично и естественно и не так напряженно стискивает натуру и Психею. Армяне тоже — среди плоскогорий и гор...».

У грузин легкая душа «хотя жизнь может быть и тяжелой, и бедной, и трудной», ибо «так расположился их Космос: поверх земли, средь гор – и даже не средь, “в” горах, а на горах, на вершинах, по-птичьи, небо и высь чужа и легко ею дыша...». Поскольку горы – это «неизменность и твердь», то «единственно мягкое в этом космосе камня – ...сам человек». Отсюда, согласно Гачеву, проистекает «хрупкость и чувствительность души (грузина. – С.М.) и необходимость ей защититься... в своей башне, – препоясаться строгим обычаем и ритуалом; и не подпускает он в святая святых себя, не откровенничает – и не только с чужеземцем, но и между собой не склонны выворачивать душу наизнанку – в исповеди друг другу». Тут держится сам собой «Быт-обычай, завет предков нравственный», а «меру труда тут горы и роды долин определяют: больше не возьмешь, чем соблаговоляют, но и меньше нельзя, ибо помрешь... Да и знают свои дела люди тут от века...»²⁹. Оторванный от корней космоса своего, на чужбине грузин становится воином. За пределами Грузии он «особенно лют и динамичен: не имея сдерживания и меры космоса во-

²⁸ Гачев 2002. С. 226-232-233, 242, 328, 394.

²⁹ Там же. С. 17, 39, 180, 226.

круг себя, как на родине, где – ориентировка на людей, друзей, народ вокруг. Одинокий, он становится страшно активен, развивается в личность, но – недобрую. Ибо импульс его основной – отмстительный, а не любовный, как когда он на родине при себе, при сути. Так что там грузин может становиться чудовищем, монстром: Сталин, Берия...»³⁰.

Горы есть и в Армении, «но их соотношение с небом и воздухом иное: горы суть не проходы неба в землю (как долины и ущелья в Грузии), а, напротив, – плацдармы и форпосты завоевания неба землей, поход вздыбившейся матери(и) земли, отелеснение воздуха и уплотнение неба». В природе Армении ученый усматривает некое монофизитство: «...монолит Армянского плоскогорья, плато, которое есть выпуклость Земли, вспучившейся из вулканических недр в небо. ...Плато есть живот Земли, утроба, вспучившаяся в небо, тело Великой Матери»³¹.

Специфика обнаруживается и в архитектурно-домостроительной культуре горских народов Кавказа, в традиционном жилище которых обязательно имелся опорный столб – символ «древа жизни» и пространства мироздания. В старинных саклях дагестанских аварцев опорный столб, находившийся ближе всего к очагу, носил выразительное наименование «столб корня». Позднее патриархальный центральный столб становится символом рода, родового жилища, благополучия семьи, символом дома. Отсюда проистекал обычай переносить из старого дома в новый «столб корня»³² (у балкарцев – «столб-отец»), который передавался по наследству из поколения в поколение. В традиционном жилище горцев Дагестана столб имел развитое завершение в форме капители-подбалки, украшенной орнаментальной резьбой, включающей в себя такие символические украшения, как розетка или косой крест. А. Голан³³ трактует эти изображения как символы неолитической Великой богини – женщины, богини неба, которая могла быть представлена также и в образе дерева, растущего до самого небосвода. В горном Дагестане, в селе Тлярата, в традиционном аварском жилище был обнаружен столб уникального типа³⁴, форма которого представляет собой стилизованное изображение женской фигуры с руками, поднятыми вверх. Эта семантика сохранилась в грузинском названии центрального столба, которое в переводе означает «мать-столб»³⁵.

³⁰ Там же. С. 93-94.

³¹ Там же. С. 17-19, 22.

³² *Исламмагомедов* 1966. С. 12.

³³ *Голан* 1993. С. 156-159.

³⁴ *Абаев* 1960. С. 11.

³⁵ *Сулименко* 1997.

Горцы живут там, где «земля и так уже человеческой вертикалью поднята». Если на равнине «город начинается с двухэтажности» где «человек не на земле, а на голове человека стоит» (второй этаж, третий и т.д. – С.М.) и город «городится над землей», то в горах город в утробе земли. В данном случае речь у автора идет о том, что в каменистую плоть/твердь гор в седой древности вгрызались люди, чтобы найти кров (укрыться) в пещерах и пещерных городах³⁶. Это наблюдение Гачева стоит дополнить архитектурикой многих высокогорных аулов Дагестана, где крыша одного дома могла частично служить полом (основанием), а зачастую и двориком для другого. Вгрызаясь в гору и «щепляясь» друг за друга (как звенья одной цепи), надстраиваясь по склону горы уступами, как бы поднимаясь по ступеням лестницы, жилища аульцев возносились к вершинам гор, создавая уникальную архитектуру горных небоскребов, среди шума камнепадов и рокота рек – «музыки горного космоса».

Наше дополнение/наблюдение не литературный изыск. В условиях малоземелья и из соображений разумных мер безопасности (башни высокогорных районов заслуживают специального изучения и здесь не рассматриваются) селения горцев действительно карабкались на крутые склоны гор и вершины хребтов, непригодных для хозяйственного использования. Путешествовавший по Дагестану в середине XX в. архитектор А.Ф. Гольдштейн так описывал высокогорные аулы: «Вот на голлом склоне горы – поселение. Рожденные из камня этих гор, каменные коробки с плоскими крышами теснятся друг к другу». Так же и другое «селение прилепилось к крутому склону горы, как гнездо. На фоне титанических громад оно кажется игрушкой, выглядит как макет. В то же время оно не инородно в этой среде, а как бы органично присуще своему окружению. (Замечу, что и сегодня многие аулы, например, Цахур в Рутульском районе, подходят под это описание. – С.М.). Горное дагестанское селение имеет вид цельной компактной массы, коричнево-серой, как эти горы. Для человека, привыкшего к тому, что населенный пункт распластан на земле, по горизонтали, странно видеть поселение, дома которого расположены по вертикали, возвышаясь ярусами друг над другом, в виде как бы многоэтажного сооружения, усеянного, словно соты, темными впадинами лоджий. Как будто стоит один огромный многоэтажный дом с глазами нерегулярно разбросанных окон; как будто видишь фасад огромного сооружения, впаянного в скалу. Селение вписано в пейзаж как часть этих гор – оно и есть их часть, из этого же камня и с таким же лаконично-суровым обликом»³⁷.

³⁶ Там же. С. 11-12, 75.

³⁷ Гольдштейн 1977. С. 61, 70.

Аул Гамсутль, или седьмое чудо Дагестана

Аул Кахиб

Характеризуя основную особенность архитектурного языка народных мастеров Дагестана, Г.Я. Мовчан отмечает его предельную простоту и непосредственность, прямоту выражения мысли: «Здесь каждая форма целиком и полностью продиктована прямым ее смыслом, прямым назначением, для которого она создана в действительности»³⁸. Перечисленные качества самобытного зодчества горцев делают его в чем-то созвучным современной архитектуре.

Развивая тему символики лестницы применительно к типу жилищ в аулах Дагестана и следуя построениям Гачева, невольно можно прийти к мысли о вероятности реального вклада древних горцев в создание сотен микро-мировых осей на скалах гор, вершины-антенны которых устремлены в Космос, связывая Землю с Космическим Древом. А устойчивость постоянной связи с Небом обеспечивалась сооружением храма под открытым небом (см. выше) – вот надежное комплексное решение вопроса при отсутствии нанотехнологий, Кремниевых Долин и Сколково!

Складчатость гор, по наблюдениям Гачева, вливает в людей «страстно-эросные судороги Земли, вулканичное кипение ее недр при зачатии ее покрова» влияет на горцев и южан, характер которых «вспыльчив и нетерпелив-тороплив-поспешен, языком пламени воспламеняется – подобно как и горы вокруг: такими же всполохами природы стоят, страстно-нетерпеливыми, торопливыми...»³⁹. «Энергии стекают в людей: с неба и по стокам-спускам гор: каждый человек – как котловина и ущелье, слив огня солнечного». Добро и зло в горных аулах никуда не исчезают, «действуют их накапливаемые энергии». Гачев задается вопросом: «Как с таким жить?.. Начать с начала нельзя, что есть главная мечта и шанс человеку на Руси: уехать на край света, куда глаза глядят – и начать жизнь сначала!». Но в горах все иначе и «требуется жесткий закон, обычай, – но и милость, прощение», поскольку «в космосе гор убийство врага ничего не разрешает, а готовит отмщение (кровная месть. – С.М.) ...Так что проблемы тут нельзя разрешить, но с ними нужно жить (как в свое время мудро говаривал Шарль де Голль о политике мировой...). Этот принцип действует и в малой политике отношений между людьми: такт и этикет и снятие напряжений через юмор...»⁴⁰.

У горцев «разные континуумы бытия и логики: в доме, у очага – один закон, а на дороге, в открытом пространстве – другой... Ибо именно благодаря соблюдению этого «рыцарского» императива, среди

³⁸ Мовчан 1945-1950. Т. 2. С. 133-135.

³⁹ Гачев 1999. С. 185.

⁴⁰ Гачев 2002. С. 38-39, 40.

всех непрерывных войн междоусобных между народами мелкими и селами... Грузии, – они не вырезали друг друга, как если бы кто взял верх и объединил государство; но сумели так, на протяжении тысячелетий, сохраниться и выжить – в разнообразии своих составляющих: областей, нравов и народов. Ибо не поддавались до конца прагматике и физике и политике минуты, но памятовали категорические запреты и императивы высшего порядка»⁴¹. Справедливости ради заметим, что «рыцарский императив» присущ всем кавказским горцам, а не только грузинам.

Горы дают и «модель отношений между ОБЩИНОЙ и ИНДИВИДОМ (выделено Гачевым. – С.М.): на одном хребте (= символ единого тела общины) высятся пики-вершины (= индивиды). Но они не самостоятельны – именно: не сверху донизу самодержатся, как такие выродки-титаны-вулканы, как Эльбрус». Наделение Эльбруса нелестным эпитетом («выродок») объясняется у автора теснейшей взаимосвязью людей (в данном случае грузин) и гор и «вскипевшей прагматикой национального вопроса» в конце XX века, взболтавшего и замутнившего «национальные субстанции», а прежде «их моря были спокойны и воды прозрачны», и Гачев «мог долго и на большую глубину вглядываться...» в изучаемые народы. Ныне, лишенный этой возможности, и, разумеется, не без влияния политической ситуации рубежа XX–XXI вв., автор приходит к выводу, что Эльбрус недаром «вынесен космосом Кавказа на север Главного хребта: вне Грузии титан этот сослан, как Амиран-Прометей, Сверхчеловек-Гора, и глядит он в сторону России: ей он более адекватен, а Грузии таковой не нужен. Ей по душе более такая гора, как Казбек: первый среди почти равных вершин рядом». Впрочем, досталось от Гачева и Тереку и Казбеку, который «на выходе из Грузии, на полпути к России: на Крестовом перевале стоит, страж Кавказа, как и Эльбрус... Но не доглядел и Казбек: змею (именно!) пригрел (именно!) на своей груди. С Казбека-то как раз и стек Терек = сей предатель Кавказа», поскольку выдал и его и Грузию «северянам (царской России. – С.М.): проложил на север лазущелье, по которому и пролегла основная трасса завоевания: от Владикавказу рука Военно-Грузинской дороги до Тифлиса дотянулась...»⁴². Однако Гачев признает, что присоединение Грузии именно к России было наименьшим для нее злом, «раз уж не выстоять ей независимым государством рядом с Турцией и Ираном, монголами... Это им не повезло со Сталиным, Джугашвили – своим, отмстителем»⁴³.

⁴¹ Там же. С. 123.

⁴² Гачев Г.Д. 2002. С. 8, 134.

⁴³ Там же. С. 42-43.

Принимая во внимание присутствие мусульманского населения в Армении и Грузии и распространенность последователей ислама в Азербайджане и республиках Северного Кавказа, особый интерес представляют суждения Гачева об исламе. Приведем без комментариев (это отдельная тема) только некоторые из них. «Строгий ислам скорее видит мир как Космос камня: Аллах – гравер по камню»⁴⁴. Твердыня камня ассоциируется у него с горой и с Космосом Ислама, его «неземности, надземности... Небесность... человека ислама в том, что он так же почивает на земле, как и небо – вечно ясное и покойное, чистое, не взволнованное: кейфует, как и Аллах». «Ислам – это космос драгоценного камня, он тут в Психее, им мыслят, к нему приводят все реалии... Два таких камня сохранились до сих пор в священной ограде мекканского храма: “черный камень” и “макам Ибрагим”... И если сначала Мухаммед выступил против камней-бетиллов как идолов и выкинул их 300 из Каабы, – то затем принял камень в культ» и «все мечети стали ориентировать по “кыбле”: в сторону черного камня Мекки. ...по камню = сердцу Исламского Космоса ориентируют здесь свой дух люди»⁴⁵.

С точки зрения ислама, по мнению ученого, человек «совсем лишен божьей искры и самости, компаса в себе, «я», т.е. совершенно в нем монофизитство, только земно-человеческая природа, и потому должен беспрекословно повиноваться Корану и пророку». Возникновение суфизма-одухотворения и суфийской поэзии Гачев связывает с вином, которое в поэзии «символ Истины, возвышенного духа, красоты. Зато, напротив, телесная чувственность вполне предписана человеку = как только природному существу и плоти...»⁴⁶.

Подводя предварительные итоги, особо следует сказать о сильном влиянии на построения Гачева субъективных факторов в восприятии и отображении грузинского, армянского и азербайджанского Космоса, «мастера»⁴⁷ который ученый во многом, точнее – в первую очередь, опирается на художественные кинофильмы кавказских режиссеров, прозаические и поэтические произведения XIX–XX вв. местных и российских авторов и такие источники как, например, «Витязь в тигровой шкуре», а также шедевры народного эпоса. Таким образом, визуальные наблюдения самого автора преломляются/домысливаются через призму произведений, созданных не просто другими людьми, но даже в иных временных рамках (тогда как, к примеру, в патриархальную эпоху про-

⁴⁴ Там же. С. 221.

⁴⁵ Гачев 1999. С. 161-163, 167.

⁴⁶ Гачев 2002. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 112.

странственные представления были качественно иными по сравнению с современными), т.е. опосредованно – через видение/отображение других акторов (также не лишенных субъективности, идеализации и т.п.) и только потом они дополняются (наполняются, «мастерятся») собственным его восприятием и описанием всего увиденного, прочитанного и лично услышанного применительно уже к современным реалиям. А в случае с Арменией (всего около 50 страниц кавказского тома из 412-ти) сыграла свою роль и усталость ученого (он сам сообщает об этом), христианского неопфита-марафонца (более 20 лет исследования проблемы⁴⁸), отвлекающегося на богословские размышления по пути к вожделенному финишу – завершению создания/написания национальных образов Кавказа. Все это позволяет нам говорить о том, что, реконструируя и создавая свои (именно свои) образы посредством воздействия литературно-киноэкранных и эпических образов горцев, Гачев («странствующий космограф-портретист») создает запоминающиеся портреты описываемых народов, их мироустройства и миропонимания, которые, однако, не лишены излишней идеализации, субъективности, неточности, а то и грубых ошибок, вероятность которых признает и сам автор. Эти же замечания относятся и к его сюжетам по исламу.

Желая прояснить для себя причины некоторых несуразиц, а то и надуманных черт характеров народов, описываемых Гачевым, я решил обратиться к изучению созданного им образа болгар и Болгарии, как страны – родины отца, которую автор должен был бы знать гораздо лучше, чем Грузию, Азербайджан и Армению – территории его краткосрочных (месяц и менее того) поездок на Кавказ. Кроме того, Гачев одно время занимался изучением истории болгарской литературы периода Возрождения – это второй фактор в пользу более глубокого знания автором рассматриваемого объекта и предмета исследования.

С этой целью я принялся за чтение тома по Америке⁴⁹, где ученый «рикошетом» воспроизводит свое видение образов болгар и Болгарии⁵⁰, которые, сразу замечу, разочаровали меня как человека, изучающего историю этой страны около 40 лет, ездившего туда более 10 раз, много общавшегося с болгарскими и наблюдавшего их в разных ситуациях, в т.ч. и вне пределов Болгарии. Кроме того, по ряду своих разногласий с автором я специально консультировался с болгарским историографом, доцентом, доктором Э.Д. Дросневой. Перепроверяя некоторые свои возра-

⁴⁸ Гачев 2002. С. 7.

⁴⁹ Гачев 1997.

⁵⁰ Там же. (Книга вторая, глава 2 «Болгарский образ Америки». С. 507-524).

жения и нестыковки с теми или иными утверждениями Гачева, я невольно вступил с ним в полемику, что не совсем этично по отношению к усопшему. Но поскольку произведения его читаются и изучаются, считаю своим долгом обратить внимание на некоторые огрехи.

Результаты моего расследования оказались неутешительными. Одна из причин этого заключается в том, что за редким исключением мы с Гачевым говорим на разных языках. К его космо-логостно-психейным витаниям я подхожу с позиций историка-реалиста (насколько это возможно), опирающегося на знание болгарской истории и конкретные артефакты, в свете которых отдельные оригинальные построения и тезисы Гачева не выдерживают критики. Некоторые из якобы присущих черт нарисованных им образов начинают лопаться как мыльные пузыри. Одна из причин этого кроется в избирательном выхватывании только тех фактов и явлений, которые вписываются в конструкции Гачева, остальное – не учитывается, замалчивается, отбрасывается. И если для большинства описываемых стран и народов Гачев, говоря его словами, выступал в роли «странствующего детектива», то для Болгарии, на наш взгляд, он должен был быть скорее «участковым инспектором», знающим местность, людей и детали⁵¹, будучи по отцу болгаринком и, к тому же, специалистом по болгарской возрожденческой литературе.

Дабы не быть голословным критиканом, обратимся к анализу нескольких сюжетов, посвященных Болгарии и болгарам, в свете представления нашего автора об этой стране. Так, в разделе «Космо-историко-софия Болгарии» Гачев предельно сжато обозначает свое видение страны, изображая ее (в т.ч. и графически) как чашу в Балканах «вниз и вверх дном: Чаша вниз дном – то котловины ее земель между гор: Фракийская, между Средней горой и Старой Планиной, Розова долина; Котел, Клисура (= ущелье)... А чаша вверх дном – «там, на Балкана», где гайдук и ветер свободы. В котловине же земля и труд, культура и «кыща» (дом), семейство, быт». Автор почему-то «запамятовал», что в горах у горцев те же самые приоритеты и обязанности(!), а не только ветер свободы. Далее Гачев пишет: «На Балкана «стара майка», «тежки чорбаджи» и «чорбаджийска дъщеря», и «тежки сватби». Жена ж юнаку – «самодива». «Там, на Балкана» – люди воздуха, и таковые и неслись в Россию: бессемейные, недомашние потянулись на север, ветер и снег, к свободе и культуре, прочь от любви – дома, семьи. «Хайдутин кыща не реди, майка не храни» («Гайдук дома не строит, мать не кормит»)⁵².

⁵¹ Гачев Г.Д. 1997. С. 5.

⁵² Гачев Г.Д. 1997. С. 507.

В данном случае следует подчеркнуть, во-первых, далеко не все были «бесемейными», и Россия привлекала многих болгар, прежде всего возможностью получения образования (это отмечает и сам автор) с целью дальнейшего служения на благо Болгарии, куда они и возвращались для строительства Нового Дома своей Родины. Так что сравнение с хайдуками не совсем уместно. Во-вторых, занимаясь Возрождением, автор должен был знать, что болгары переселялись целыми семьями, селами и кварталами, стремясь к лучшей жизни и надеясь сохранить свою жизнь вдали от Высокой Порты. В России они создавали новые поселения, в которых почти все были родственниками или односельчанами.

В представлении Гачева «призвание Болгарии – гармония между этими чашами: свой шар блюсти в своем геополитическом средостении между Турцией и Европой, между Россией и Средиземноморьем – Элладой. Сюда все стекает и переваривается, но миссия болгарства – сидеть на месте, «самозадовольване» (самоудовлетворение). Болгария – это приход, (как и дружины Аспаруха), а Русь-Россия – это вечный уход/расход: «от самой от себя у-бе-гу»...»⁵³. Россия не наша тема исследования, тогда как история Болгарии, в т.ч. и конца XIX – начала XXI в., опровергает «сидячий» вариант её существования. Достаточно вспомнить средневековое величие Первого и Второго Болгарского царства, в XIX в. – идею Великой Болгарии и противоборство с Сербией... На рубеже XX–XXI вв. – настойчивое стремление, а затем и вхождение в Евросоюз, НАТО и т.д.

Народная мудрость гласит – под лежащий камень вода не течет. Коли это так, то автор сам себе противоречит, говоря, что в Болгарию «избыточно натекло тюркского элемента: в быт, язык, нравы, в музыку, жест и танец (заметим, что Болгария не настолько герметична /если вообще есть такое государство/, чтобы «избыточно натёкшее» не затекло под основание и не проникло в отдельные поры тела. – С.М.). Слишком «налита» оказалась телесность и приземленность (не настолько сильная, чтобы говорить о якобы «сидячем» варианте. – С.М.). Греческий элемент помогал держать веру и самоотличаться от турок. (Поскольку речь идет о середине XIX в. автор забывает или не знает(?!), что именно в это самое время болгары активно боролись против засилья греческих фанариотов и за Болгарскую Экзархию. – С.М.). Но придавлен славянский элемент: Слово, Дух, Небо, Вертикаль сверху – ее надо подпитать. И вот Балкан и Север – зов в Россию». Тогда как «горизонталь геополитическая требует ориентировки на Запад: отсюда торговля, рынок, политика, демократия. И недаром, как только Россия освободила Болгарию, та

⁵³ Гачев Г.Д. 1997. С 507.

самосохранительно переориентировалась на Запад и германство; иначе бы залила Россия малую Болгарию своим равнинным добром: что хорошо ей – то горной Болгарии плохо...»⁵⁴. К слову, если принять во внимание кавказские, уральские и другие горы, значительно превышающие балканские, то Россия богата не только «равнинным добром».

Характеризуя образ Болгарии XIX в., Гачев обращается к истории Болгарского павильона на Всемирной выставке в Чикаго (1891). Здесь, как и в прочих многих случаях, он опирается на содержание произведений нескольких болгарских и зарубежных авторов, активно цитируя их, причем иногда сложно понять, где их текст, а где мысли и вставки самого Гачева. По этой причине мы опускаем отдельные ссылки на этих авторов, тем более что Гачев опирается на их мнение, разделяет их точку зрения.

В сюжете о павильоне Гачев замечает, что «похвалиться пред другими народами» Болгарии было нечем – это «не павильон, а лавочка («дюкянче»)), которую мало того, что найти трудно, так еще и трехцветное знамя похоже на мексиканское, и в этом автор усматривает «уже посрамление некое уникальности» страны, главным и чуть ли не единственным достоянием которой является «ГЮЛ (выделено автором. – С.М.), розовое масло... венец Природы» из Казанлыкской долины⁵⁵, которое американцы не оценили. В довершении всего, когда болгары предъявляли паспорта американцам, «никто не мог понять их страну и национальность: переспросили: «Болгария – это Венгрия?»; а когда им показали на карте место возле Турции, успокоенно записали их «турками»⁵⁶. Что не удивительно, так как почти до конца XIX века даже в Европе не было четких представлений о границах Болгарии.

Болгары «хорошо ограждены от мира, Бытия, болгары кругом за други, и потому даже один болгарин если путешествует, психически он все равно уютно себя чувствует окруженным родными и дружескими образами (или страждет от их отсутствия, как Найден Геров или Ботев на чужбине». Говоря о «МЫШЛЕНИИ» (здесь и далее выделено автором. – С.М.), характерном для болгарского Логоса, ученый отмечает, что в нем нет «я сам», как например в германском Логосе, болгарин «не представлен самому себе в своих ориентирах и оценках». У болгар «даже когда никого вокруг... нет, все равно... «не мога без хора» – «не могу без людей», как выразил это болгарский поэт Людмил Стоянов, ...особо мило предстает болгарская всюду родственность и болтливость, и влезает

⁵⁴ Там же. С 507.

⁵⁵ Гачев Г.Д. 1997. С 521-523.

⁵⁶ Там же. С 521.

ние каждого бесцеремонно в твои дела, расспросы и проч...»⁵⁷. В Болгарии другой человек познается посредством серии вопросов: «откуда ты? чей? кто родня? что делаешь? (то есть через предпосылки тебя лично)»⁵⁸. На мой взгляд, постановка подобных вопросов вполне закономерна, а как еще можно познать другого человека? Если ограничиться отстраненным, безучастным созерцанием со стороны, то истинный образ объекта наблюдения окажется весьма далек от реального.

Рисуя свои национальные образы, Гачев часто раскрывает их через противопоставление/сопоставление с иными национальностями. Этот прием используется и в отношении болгар. «ТЕЛО и его жизнь, отправления организма тут, во болгарстве, – в законе полном; тело мило, тогда как во российстве телесности стыдятся и спешат ее душевностью заместить. ...Понятно: Север, одетость, свитость-застенчивость тела. Болгария же ко Элладе близка: там нагое тело – в законе эстетического вкуса. Ну и внутренности его не так уж постыдны, напротив, – глагольны, логосны: по внутренностям птиц – всяческие гадания и мантика (магия, мистика. – С.М.)... И то еще в болгарстве, что к человечку тут – как к ребенку, как к чьему-то дитяти (даже когда он взросл и стар и хам...), относятся. А в ребенке все телесные отправления – милы (что естественно, то не безобразно. – С.М.). ...Раблезианство – во болгарстве есть. Только ограничено физиологичностью внутренней, не простираясь на зону эротическую: тут – табу!»⁵⁹. Странно, что Гачев, сам любивший крепкое словцо и Эрос (свидетельством тому его книги), не знает или отрешивается от хорошо известного в Болгарии «блажного фольклора» (т.е. непристойного), содержащего анекдоты, сказки и песни определенной тематики и направленности. Удивляет и следующий пассаж: «...если русский вдыхает и “дым отечества”, то есть из стихии воз-духа производное, то родина для болгарина – в детском теле и его производных. ... Вообще болгарская Психея симпатизирует маленькому: оно родно. Помню, как моя тетя Руска, приехав гостить в Россию, говорила: «У вас все БОЛШОЕ (выделено автором. – С.М.), а мы, Болгария, – маленькая» («мъничка» – так нежно-ласкательно и человечно, как к ребеночку, это слово произнесла, что ясно стало: с сим, с маленьким, в болгарине самоуподобление...»)⁶⁰. Обоснование вывода не убеждает, ибо, обратившись к русскому языку, обнаруживаешь столько уменьшительно-ласкательных слов и суффиксов, сколько вряд ли отыщется в болгарском языке.

⁵⁷ Гачев Г.Д. 1997. С 509.

⁵⁸ Там же. С. 511.

⁵⁹ Там же. С. 512.

⁶⁰ Там же. С. 512.

Характеризуя четыре главных натурфилософских стихии Космоса Болгарии Гачев пишет, что он «сложен прежде всего из ЗЕМЛИ, что избыточна (даже в небо полезла горами и его застила, отняв пространство от стихии ВОЗ-ДУХА и ее, соответственно, умалив в значении и вескости). Затем ОГОНЬ там почтенен – но не в той своей ипостаси, как он на Руси: СВЕТ, но как ЖАР. И человек = пламешек: Огнянов – символическое тут именование. А вот стихия ВОДЫ здесь в миниатюре родничка, «чешмы», колодца, при малых и пересыхающих реках. Хотя по краям Болгарии водные махины Черного моря и Дуная, но они именно по обочине, за скобкою болгарского Космоса, не входят в его состав как нечто фундаментально значимое. Болгары на побережье строят дома спиною к морю, а песня Вазова «Тих-бял Дунав се вълнува» его вводит как нечто именно запредельное, «заморское»⁶¹. Невольно напрашивается вопрос: если Дунай «за скобками», тогда отчего он один из самых популярных в фольклоре, в котором и Черное море не забыто? Не опровергает ли это тезис о «сидячей» модели Болгарии, население которой как оказывается не прочь расширить свои пределы? И второе – сооружая дома «спиной к морю» (т.е. глухая стена без окон) прибрежные болгары не отгораживались от мира, а исходили из элементарных соображений удобства и жизнедеятельности (сохранение тепла и уюта) – защиты своих жилищ от морских штормовых ветров особенно суровых поздней осенью и в зимний период времени.

Гачев сообщает, что непринужденные манеры американских женщин «шокируют евразийскую и особенно болгарскую (на этот счет еще полугаремно-турецкую) эстетику и этику»⁶². Думается, в данном случае автор в очередной раз увлекся ради «красного словца...», иначе следует признать, что чуть ли не все болгарки прошли через османские гаремы, и теперь уже в XX в. «полугаремность» в них чуть ли не на генетическом уровне. Скорее следовало бы говорить о традиционном народном этикете и сохранившемся от болгарского средневековья средстве сохранения идентичности в условиях османского владычества, к чему добавилось влияние пятивекового наследия исламско-османских норм поведения, а также православной церкви.

Выясняя чем отличается «болгарская модель от греческой, эллинской», Гачев предлагает следующую схему: «Для обоих миров – ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – всепринцип. Но для Эллады тело – на взгляд, на вид-идею; форма и образ внешние: пропорции, эстетика на ощупь, осязание

⁶¹ Там же. С. 513.

⁶² Там же. С. 519.

скульптуры и проч. - подход извне тела. А вот во болгарстве ТЕЛО ИЗНУТРИ, ТЕЛО-УТРОБА, ЖИВОТ = ЖИЗНЬ, из самочувствия внутренних органов критерий бытия берется (а жители Эллады вообще-то ели что-нибудь, как поддерживали жизненные силы? – С.М.). Потому и телом может быть неказист человек на вид и форму – от этого ни он, ни родные не страдают. А вот чтоб внутри все в порядке и уютно, и вкусно, и сладко... “Лаф” – персидско-турецкое слово во болгарстве, означает “разговор”, “беседу”, “молву”, “слух”, “сказку” – и есть одна из сладостей жизни: собраться на “лаф-моабет” (застолье. – С.М.) – и проговорить, потрепаться, обсудить, что попадет, – и так провести время, кейфуя в беседе дружеской, застольной»⁶³.

В продолжение темы и для характеристики болгар интересен и сюжет об отсутствии сидений, например, в пивных – это «ужас для болгарина, для которого первое слово «Сядай, бе!» и кто так об уюте задницы хлопочет». По этому поводу Гачев «как-то сострил, попав на конгресс по болгарскому дизайну: что это конгресс по болгарскому “гызайну” (от слова “гъз” – зад), ибо более всего там сидели за кофе и вершили “лаф-моабет” – и все интерьеры соответственно разрабатывали для радости посидения...»⁶⁴. Если принять, что умение создать атмосферу удовольствия в корчме от хорошего застолья в прекрасных интерьерах принадлежит исключительно болгарам, тогда следует признать и первенство болгар в ресторанном маркетинге, менеджменте и т.д. Во-первых, турки (и не только они) вряд ли согласятся с такой постановкой вопроса. Во-вторых, не следует забывать, что для «лаф-моабета» болгары (за исключением немногочисленной элиты) могли собираться преимущественно зимой, когда земледелие отдыхало от себя и от людей, а те от него.

Ученый считает, что для болгар и Болгарии естественны «кривые, – гонимые линии жизни и природы. А именно они – значащи в Болгарии: шары, круги, дуги, неправильности всякого рода. Города и села именуются: «Котел», «Широкая лука», свиться в округлость тела, живота, запахнуть в непрозрачность, невидаль и таинство склонен болгарин, а не распахнуть и разложиться-расправиться на ровной плоскости ясности». И чем перекрученнее – тем домашнее. И в поселениях – “махалла”, гроздь домов и дворов, Бог вещь как расположенных, – вот это тут живо и натурально и сердечно!..»⁶⁵. В данном случае следует отметить два момента. Первое – соглашаясь с Гачевым в том, что определенная за-

⁶³ Там же. С. 516-517.

⁶⁴ Там же. С. 521.

⁶⁵ Там же. С. 519.

мкнутость болгарам действительно присуща (в XIX в. это отмечали практически все российские собиратели фольклора), считаем нужным заметить, что подобная скрытность при общении с чужими людьми, а тем более с иностранцами вполне естественна и закономерна для всех других народов. Поэтому вряд ли стоило выделять эту черту характера как присущую исключительно болгарам. Второе – вызывает возражение и тезис автора относительно скрученности («свиться») и *нежелания* (выделено мною. – С.М.) «распахнуться на плоскости», что вряд ли отвечает реальному положению вещей. Именно природный ландшафт в первую очередь диктовал условия застройки местности, например, В.Тырново на склонах горы или Пловдив – на семи холмах, а «запахнутость» домостроений проистекала из традиций архитектуры, считающейся с нормами природы и из соображений обеспечения большей (или хоть какой-то) безопасности в условиях османского произвола. Читая произвольные построения Гачева, вспоминаются слова Уинстона Черчилля, который сказал примерно следующее: сначала мы строим, а потом уже в зависимости от ситуации объясняем, почему построили именно так, а не иначе. Болгары строили рационально – так, как им было удобно, а Гачев в очередной раз изложил нам свою версию, вписывающуюся в именно его образ, а не в реальный образ болгар и Болгарии.

Приведенных примеров, думается, достаточно, чтобы понять несовершенство предлагаемых нам, по признанию самого Гачева, «субъективных образов»⁶⁶. Сознвая это, он просит не осуждать его: «Воля у меня – совершенно добрая: понять каждый народ и его образ мира как равноценность и незаменимость и описать так, чтобы каждый возлюбил в другом – его непохожесть... Народы – как инструменты в симфоническом оркестре человечества: скрипка, фагот, арфа, труба – все разные, и все – музыка»⁶⁷.

Изучая значение гор в истории мировой цивилизации исследователи обращают внимание на то, что имеются различные гипотезы и предположения о роли вертикальной горной системы в выпрямлении человека, об особом социально-психологическом типе и взаимоотношениях людей, о формах правления в горных сообществах и многих иных аспектах горных регионов, но полностью они не изучены, как и целый ряд других проблем. Похожая ситуация наблюдается и в исследовании роли горной среды в историко-философском и культурологическом плане. Здесь также много лакун, или, если следовать горной тематике, недо-

⁶⁶ Там же. С. 486.

⁶⁷ Там же. С. 13.

статочны изученных ущелий, каньонов и вершин. Не исключено, что оригинальные исследования Г.Д. Гачева, при всех недоработках, могут приоткрыть завесу над одним из возможных путей дальнейшего развития науки монтологии (иначе – гороведение, орология), предметом которой являются все природные, социальные, политические, экономические, культурные и экологические проблемы горных территорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И.* Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. С. 11-15.
- Асанов Ю.Н.* Очаг балкарского жилища (XIX – начало XX в.) // Вестник Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБНИИ, 1972. Вып. 6. С. 155-156.
- Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: «Мысль», 1970. 144 с.
- Гамзатов Р.* Мой Дагестан: [повесть]. Кн. 1 и 2 / Р. Гамзатов; пер. с авар. В.А. Солоухина. М.: «Молодая гвардия», 1972. 423 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 369 с.
- Гачев Г.Д.* 1997. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М: Раритет, 1997. 680 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М.: Издательский сервис, 2002. 411 с.
- Гегель.* Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: «Мысль», 1977. Т. 3. 471 с.
- Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Гольдштейн А.Ф.* Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. 330 с.
- Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. Кн. 2. С. 94-113.
- Дэвет Е.Г., Дэвет М.А.* Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.
- Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2. 444 с.
- Исламмагомедов А.И.* Из истории материальной культуры аварцев. (Поселения и жилища). Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 18 с.
- Исрапилов М.И.* Наскальные рисунки Дагестана и изменения полюсов и наклона оси Земли в голоцене. Махачкала: «Юпитер», 2003. 430 с.
- Купер Дж.* Энциклопедия символов. М., 1995. 401 с.
- Ляпиров-Скобло М.С.* Культовые сооружения // Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М.: Наука, 1989. Вып. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 34.
- Мартынец А.М.* Национальный образ-персонаж и урок литературы // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 266-269.
- Мовчан Г.Я.* Жилище нагорного Дагестана в XIX-XX вв. // Дис. ... д-р ист. наук. М., 1945-1950.
- Мы все «люди с гор»? // Журнал «Вокруг Света» №1 (2556) / Январь 1972 [Электр. ресурс] <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4733/> (дата обращения: 25.08.2015).
- России нужна государственная политика развития горных регионов <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (дата обращения: 25.08.2015).

- Руслан Сефербеков: «Праздничные камни» и «мечеть праздничной молитвы» – культовые сооружения табасаранцев" http://portal21.ru/news/dagestan.php?ELEMENT_ID=8464 (дата обращения: 18.08.2015).
- Санжеева Л.В. Концепция модели мира в культуре (образ мира–картина мира – модель мира: соотношение понятий). Санкт-Петербург: Астерион, 2010. 45 с.
- Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т.1. С. 187-216.
- Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.
- Сулименко С.Д. Башни Северного Кавказа (символизация пространства в доместроительном творчестве горцев). Владикавказ: Проект-Пресс, 1997.
- Топоров В.Н. Лестница // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 50-51.
- Яковлев Н. Ингуши: Популярный очерк. М.; Л., 1925. 135 с.
- России нужна государственная политика развития горных регионов <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (дата обращения: 25.12.2014).
- http://darklibrary.ru/mifyi_na_bukvu_g/833-gora.html/Гора» [Электронный ресурс] // Мифы – полное собрание мифов и легенд (дата обращения: 28.11.2014).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Сино-тибетские_языки (дата обращения: 28.11.2014).

BIBLIOGRAFIJA

- Abaev V.I. Dohristianskaja religija alan // XXV Mezhdunarodnyj kongress vosto-kovedov. M., 1960. S. 11-15.
- Asanov Ju.N. Ochag balkarskogo zhilishha (XIX – nachalo XX v.) // Vestnik Kabardino-Balkarii. Nal'chik: KBNII, 1972. Vyp. 6. S. 155-156.
- Basilov V.N. Kul't svjatyh v islame. M.: «Mysl'», 1970. 144 s.
- Gamzatov R. Moj Dagestan: [povest']. Kn. 1 i 2 / R. Gamzatov; per. s avar. V.A. Solouhina. M.: «Molodaja gvardija», 1972. 423 s.
- Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Evrazija – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca. M.: Institut DIDIK, 1999. 369 s.
- Gachev G.D. 1997. Nacional'nye obrazy mira. Amerika v sravnenii s Rossiej i Slavjanstvom. M: Raritet, 1997. 680 s.
- Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Kavkaz. Intellektual'nye puteshestvija iz Rossii v Gruziju, Azerbajdžan i Armeniju. M.: Izdatel'skij servis, 2002. 411 с.
- Gegel'. Filosofija duha // Jenciklopedija filosofskih nauk: V 3 t. M.: «Mysl'», 1977. T. 3. 471 s.
- Golan A. Mif i simbol. M.: Russlit, 1993. 375 s.
- Gol'dshtejn A.F. Bashni v gorah. M.: Sovetskij hudožnik, 1977. 330 s.
- Dalgat B. Pervobytnaja religija chechencev // Terskij sbornik. Prilozhenie k Ter-skomu kalendarju na 1894 g. Vladikavkaz, 1893. Vyp. Kn. 2. S. 94-113.
- Djevlet E.G., Djevlet M.A. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. M.: Aleteja, 2005. 472 s.
- Zisserman A.L. Dvadcat' pjat' let na Kavkaze. SPb., 1879. Ch. 2. 444 s.
- Islammagomedov A.I. Iz istorii material'noj kul'tury avarcev. (Poselenija i zhilishha). Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Mahachkala, 1966. 18 s.
- Israpilov M.I. Naskal'nye risunki Dagestana i izmenenija poljusov i naklona osi Zemli v golocene. Mahachkala: «Jupiter», 2003. 430 s.

- Kuper Dzh. Jenciklopedija simbolov. M., 1995. 401 s.
- Ljapirov-Skoblo M.S. Kul'tovye sooruzhenija // Svod jetnograficheskikh ponjatij i terminov: Material'naja kul'tura. M.: Nauka, 1989. Vyp. 3.
- Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 34.
- Martyneč A.M. Nacional'nyj obraz-personažh i urok literatury // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2013. № 3. T. I (Gumanitarnye nauki). S. 266-269.
- Movčan G.Ja. Zhilishhe nagornogo Dagestana v XIX-XX vv. // Dis. ... d-r ist. nauk. M., 1945-1950.
- My vse «ljudi s gor»? // Zhurnal «Vokrug Sveta» №1 (2556) / Janvar' 1972 [Elektr. resurs] <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4733/> (data obrashhenija: 25.08.2015).
- Rossii nuzhna gosudarstvennaja politika razvitija gornyh regionov <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (data obrashhenija: 25.08.2015).
- Ruslan Seferbekov: «Prazdnicnye kamni» i «mechet' prazdnicnoj molitvy» – kul'tovye sooruzhenija tabasarancev" http://portal21.ru/news/dagestan.php?ELEMENT_ID=8464 (data obrashhenija: 18.08.2015).
- Sanzheeva L.V. Koncepcija modeli mira v kul'ture (obraz mira – kartina mira – model' mira: sootnošenie ponjatij). Sankt-Peterburg: Asterion, 2010. 45 s.
- Semenov L.P. Arheologičeskije i jetnografičeskije razyskanija v Ingusheții v 1925-1927 gg. // Izvestija Ingušskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevе-denija. Vladikavkaz, 1928. T. 1. S. 187-216.
- Snesarev G.P. Horezmskie legendy kak istočnik po istorii religioznych kul'tov Srednej Azii. M.: Nauka, 1983. 212 s.
- Sulimenko S.D. Bashni Severnogo Kavkaza (simvolizacija prostranstva v domo-stroitel'nom tvorchestve gorcev). Vladikavkaz: Proekt-Press, 1997.
- Toporov V.N. Lestnica // Mify narodov mira: Jenciklopedija. V 2-h t. 2-e izd. / Gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1988. T. 2. S. 50-51.
- Jakovlev N. Ingushi: Populjarnyj očerok. M.; L., 1925. 135 s.
- Rossii nuzhna gosudarstvennaja politika razvitija gornyh regionov <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (data obrashhenija: 25.12.2014).
- http://darklibrary.ru/mifyi_na_bukvu_g/833-gora.html/Gora [Elektronnyj resurs] // Mify – polnoe sobranie mifov i legend (data obrashhenija: 28.08.2015).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Sino-tibetskie_jazyki (data obrashhenija: 28.08.2015).

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; msihistory2000@yandex.ru

Mountains and mountaineers in the history of the world civilization, and as interpreted by G.D. Gachev

The author explores the role of mountains in the life of the human beings, the shaping of mountaineer mentality, views of the world, and its 'image' as seen by the mountaineers. The views of a Russian scholar G.D. Gachev are analysed, together with his methodology of studying the peoples of Azerbaijan, Armenia, Georgia and Bulgaria, his views of Islam. The discussion of these problems adds to the material on Dagestan.

Keywords: mountains, mountaineers, mentality, the Caucasus, Bulgaria, Islam, G.D. Gachev

Sergey Murtuzaliyev, Dr.Sc (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; msihistory2000@yandex.ru

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

К. А. СОЗИНОВА

РОМАНЫ О НАСЛЕДСТВЕ АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТРАДИЦИОННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ (на примере творчества Джейн Остен)

В статье рассматривается такая практика наследования реальной собственности в среде английского джентри как «ограниченный сеттлмент» на примере романов Джейн Остен. Исследуется само понятие ограниченного сеттлмента, его роль в жизни джентри, влияние на положение наследников мужского и женского пола.

Ключевые слова: *английское землевладение, наследство, джентри, ограниченный сеттлмент, доверительный собственник, Джейн Остен, реальная собственность, приданое, вдовья часть наследства, брачный контракт.*

В Англии на рубеже XVIII–XIX вв. земельная собственность, финансовая система, политическое влияние и брачные связи базировались на сложной системе наследования. В обыденном сознании наследование связывается со смертью, в то время как в английском обществе XVIII в. наследство было в большей степени связано с рождением, браком и совершеннолетием. Наследственная система, получившая название «ограниченный сеттлмент», или ограниченное родовое завещательное распоряжение (*англ.* strict settlement), с момента своего появления в XVII в. и вплоть до 1920-х гг. являлась важной составляющей культуры и жизни земельных собственников. В связи с широким распространением данной практики наследования она была легко узнаваема современниками и «прочитывается» в ранних реалистических романах – «Эвелина» Ф. Берни, «Кларисса» С. Ричардсона, «Гордость и предубеждение» Джейн Остен и др. В каждом из них судьба главной героини напрямую зависит от завещания или родового завещательного распоряжения (settlement). Эти документы оказывают влияние и на мотивацию поступков второстепенных персонажей романов. «Язык наследства» (inheritance language) прочно вошел в повседневный обиход английского общества XVIII–XIX вв. Наиболее показателен в этом отношении роман Дж. Остен «Гордость и предубеждение», его часто называют «романом о наследстве».

В западной историографии середины XX в. появилось множество работ, посвященных исследованию экономических и социальных аспектов семейной жизни английских землевладельцев раннего нового вре-

мени. Наибольшую известность получила работа Л. Стоуна «Семья, пол и брак в Англии, 1500–1800»¹, но задолго до этого исследование семей земельных собственников начал Джон Хэбэкук. Его статьи «Английское землевладение, 1680–1740»² и «Брачные контракты в XVIII в.»³ вызвали интерес у исследователей как экономической, так и социальной истории Англии. Исследователь показал, что такие факторы как преемственность передачи поместья в рамках одного рода, определенная доля наследника в наследстве, вдовья часть наследства, внутрисемейные отношения и сложная наследственная практика передачи поместья позволили создать «большие поместья» (*great estates*) в Англии.

Дальнейшие исследования развивались в двух направлениях. На микроуровне – историки сосредоточили внимание на одном из представленных Хэбэкуком аспектов: финансы семьи (К. Клей⁴, Дж. Беккет⁵), земельный рынок (Б.А. Холдернес⁶), «ограниченный сеттльмент» (Дж. Савиль и Б. Инглиш⁷, Л. Бонфилд⁸, Э. Спринг⁹). Другой подход представлен рядом исследований на основе всего спектра вопросов, поднятых сэром Джоном. Но именно тема «ограниченного сеттльмента» получила наибольшую популярность. Основная дискуссия развернулась на страницах журнала «Обозрение экономической истории» (*англ.* The Economic History Review) в 80-е гг. XX в. между такими авторами как Б. Инглиш, Дж. Савилем и Л. Бонфилдом, Э. Спринг и Л. Бонфилдом. Обсуждались, прежде всего, следующие вопросы: происхождение ограниченного сеттльмента, его характер и влияние данной наследственной практики на рост «больших поместий» в XVIII в. в Англии. В ходе полемики наметилось расхождение взглядов по ключевым вопросам, например, Бонфилд отождествляет *strict settlement* и *marriage settlement*, Инглиш, Савиль, Спринг, напротив, считают, что эти понятия не являются синонимичными. Хотя *marriage settlements* появились задолго до *strict settlement*, можно согласиться с точкой зрения Бонфилда, что уже в XVII–XVIII вв. брачные соглашения по своему содержанию значительно видоизменились и представляли не что иное как «ограниченный сеттльмент».

¹ Stone 1977.

² Habakkuk 1940. P. 2-17.

³ Habakkuk 1950. P. 15-30.

⁴ Clay 1968. P. 503-518.

⁵ Beckett 1977. P. 567-581.

⁶ Holderness 1974.

⁷ English, Saville 1980. P. 556-558.

⁸ Bonfield 1988. P. 461-466.

⁹ Spring 1988. P. 454-460.

С чем же связана неоднозначность понимания места и роли «ограниченного сэттльмента» в среде английского провинциального дворянства? В первой половине XVII в. перед юристами общего права встала проблема, как сохранить «большие поместья» богатых клиентов для будущих поколений и снизить риски их разорения и продажи будущими наследниками. Они разработали систему, при которой семейная собственность переходила по наследству строго по мужской линии и контролировалась доверительными собственниками, при этом также оговаривалась доля в имуществе жены, если она переживет мужа и приданое для детей при вступлении их в брак. Такая система и получила название – «ограниченный сэттльмент». Данная практика передачи недвижимого имущества повсеместно применялась английскими землевладельцами с момента ее появления, хотя и сохраняла в себе некоторые средневековые черты, такие как майорат, запрет на дробление родового имущества и исключение женщин из числа наследников. Благодаря сформировавшимся в раннее новое время легальным юридическим механизмам, можно было завещать поместье еще не рожденным наследникам, с уверенностью в том, что после смерти владельца оно не подвергнется каким-то неожиданным изменениям при владении им следующим наследником, а вдова будет обеспечена доходом или частью имущества. Запрет на дробление имения позволял сохранить шансы детей на приданое, что оговаривалось в данном распоряжении. Денежное содержание наследников при этом не было как-то специфически закреплено в правилах наследования. Хотя устанавливалась определенная сумма на карманные расходы жены (*pin money*, или «деньги на булавки»). Материальная зависимость наследников позволяла пожизненному владельцу оказывать финансовое давление на них, и определять их образ жизни, влиять на выбор партнера при заключении брачного союза и заставлять вступать в права наследования поместьем в свою очередь. Романы Джейн Остен (1775–1817) являются прекрасной иллюстрацией такой наследственной практики как «ограниченный сэттльмент», его влияния на жизнь провинциального джентри, и, в частности, на положение замужней женщины, наследника поместья, младших сыновей и дочерей.

Материальный достаток джентри основывался на традиционном источнике благосостояния – земельной собственности. Доверительная собственность, установленная посредством «ограниченного сэттльмента», как нельзя лучше в данный период отвечала задачам собственников земли (как аристократии, так и джентри) по сохранению и развитию «больших поместий». Современники Остен С. Кольбридж и Э. Бёрк, консерваторы и ярые противники Французской революции, представляли

земельную собственность как некую константу, на которой зиждется стабильность гражданского общества¹⁰. Владение земельной собственностью позволяло идентифицировать себя с нацией в большей степени, чем занятие коммерцией. Глубокое знание состояния дел в сельской местности, где проживала большая часть нации, делало землевладельцев «естественным» правящим классом. Бурное развитие коммерции приносило людям незнатного происхождения огромные доходы, которые, зачастую, превышали поступления с дворянских поместий старейших английских фамилий. Люди, занимающиеся торговлей, имели материальный достаток, но их происхождение закрывало им дорогу во властные структуры, в том числе и в парламент. Дворянское сословие, как могло, игнорировало их, стараясь подчеркнуть их низкое происхождение. Мисс Вудхаус (роман «Эмма»), чья семья принадлежала к уважаемому дворянскому роду, следующим образом характеризует семейство Коулов: «...дружелюбные, радушные, простые, но... низкого происхождения, из торговцев, так что причислить их к хорошему обществу можно было лишь с большой натяжкой»¹¹.

На рубеже XVIII–XIX вв. распоряжение «реальной» собственностью сопровождалось рядом определенных формальностей и ограничений. Во всех романах Дж. Остен мы встречаемся с такими понятиями как «наследование» (inheritance), «вдовья часть имущества» (jointure) и «приданое» или «доля наследника в наследстве» (portion). Ее современники и читатели с полуслова понимали, о чем идет речь, и были отлично знакомы с процедурой передачи имущества при «ограниченном сеттльменте».

Имущество супругов в браке было общим. Хотя собственность невесты переходила мужу, семейные юристы заботились о будущей безопасности как ее, так и ее детей. Распоряжение имуществом по правилам «ограниченного сеттльмента» было достаточно противоречивым и распространялось на несколько поколений вперед. Однажды достигнутая договоренность по поводу наследования не подлежала изменению, пока на свет не появится наследник мужского пола и ему не исполнится двадцать один год. Тогда, если пожизненный владелец будет еще жив,

¹⁰ См.: Coleridge 1972; Burk 1993. На рубеже XVIII–XIX вв. в Англии такой важнейший институт общего права как право собственности очевидно сохранял, унаследованное со времен средневековья, деление имущества на «реальную» и «личную» собственность (Право Англии 1998. С. 553). К «реальной» собственности относилась земля, родовая недвижимость и титулы. В отличие от «реальной» собственности «личная» собственность, к которой относили деньги, движимое имущество, акции и облигации, была слишком непостоянна и обладала лишь эфемерной ценностью.

¹¹ Остин 2001. С. 187.

можно будет изменить распоряжение (resettlement). Даже маленький Генри Дэшвуд связан с поместьем Норлэнд (роман «Чувство и чувствительность»). С момента его рождения воля владельца имения вступает в силу, хотя Генри может наследовать и другую собственность.

Одним из способов контроля за сохранением собственности в рамках «ограниченного сэттльмента» было назначение доверительного собственника (trustee), который выступал номинальным собственником «доверительной собственности», но реальным ее собственником являлся «бенефициар» (выгодоприобретатель). Управление в пользу другого лица, в рамках учреждения «доверительной собственности», было распространенным явлением. Кроме того, доверительный собственник защищал имущественные права наследников, жены или вдовствующей матери. Отец Дж. Остен был доверительным собственником поместья на Антигуа, принадлежащего одному из его оксфордских сокурсников, Джеймсу Лэнгфорду Ниббсу (James Langford Nibbs)¹². Доверительные собственники имели право принять меры в случае, если наследственные обязательства или выплаты по закладной не соблюдались ввиду расточительной жизни наследника. Они могли конфисковать часть поместья и организовать отдельное управление им. Пожизненный владелец (life tenant) обладал правом владения собственностью лишь на протяжении своей жизни. Он не являлся абсолютным собственником: он не мог ни продать, ни заложить землю, за исключением целей, предусмотренных ограниченным сэттльментом. Когда в романе речь идет о человеке, обладающем земельной собственностью, который имеет доход или наследует столько-то тысяч фунтов, под этим подразумевается годовой доход с поместья в виде пожизненной ренты (доход со своих земель).

В романе «Гордость и предубеждение» обнажаются все недостатки «ограниченного сэттльмента». Трагедия семьи Беннет заключалась в том, что наследовать их имение предстояло мистеру Коллинзу (двоюродному племяннику мистера Беннета), так как у мистера Беннета не было сына. О чем писательница сообщает своим читателям буквально на первых страницах романа: «Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносящем две тысячи фунтов годового дохода. На беду его дочерей, имение это наследовалось по мужской линии и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику»¹³. Система майората, положенная в основу «ограниченного сэттльмента», предполагала наследование по принци-

¹² См.: Duckworth 1995. P. 106.

¹³ Остен 1993. С. 26.

пу первородства и по мужской линии. Женщины в системе майората из наследования или вовсе исключаются, или уступают место мужчинам в одном и том же колене, линии или степени родства (такова ситуация в романе). Таким образом, главная героиня Элизабет, отвергая предложение мистера Коллинза, понимала на какой рискованный шаг она идет, ведь не имея никаких обязательств перед ее семьей, мистер Коллинз мог вполне оставить сестер Беннет на улице после смерти их отца. О чем мистер Беннет им открыто заявляет: «...мистер Коллинз, тот самый, который после моей смерти сможет вышвырнуть вас из этого дома, как только ему заблагорассудится»¹⁴. Отменить действие документа о наследовании можно было только специальным парламентским актом.

Этот и другие сюжеты во многом основаны на личном опыте самой писательницы. В конце 1800 г. ее отец Джордж Остен решает уйти на покой и передать свой Стивентонский приход своему старшему сыну Джеймсу и объявляет об этом родным. Осенью 1801 г. он с женой и двумя незамужними дочерьми переезжает в Бат. Джейн болезненно переживала переезд из Стивентона. В письмах к сестре Кассандре она высказывает явное неудовольствие по поводу того, что их брат с женой стараются как можно быстрее устроить переезд. Она даже отказалась приехать на годовщину их свадьбы 16 января 1801 г.: «Меня пригласили, но я отказалась»¹⁵. Кроме того, ввиду переезда, была распродана часть обстановки, пианино, нотные тетради Джейн и библиотека Джорджа Остена. Известно, что Джейн просила своего брата Джеймса выкупить книги из библиотеки отца по гинее за том (письмо от 14 января 1801 г. сестре Кассандре¹⁶), чтобы частично сохранить библиотеку отца. Часть из них он действительно у него купил, но не ясно по какой цене. В письме от 21 мая 1801 г. она с горечью пишет сестре, что с продажи книг удалось выручить мало денег и замечает, что «весь мир словно сговорился обогатить одну часть нашей семьи за счет другой»¹⁷. Хотя эти слова и были написаны по поводу неудачной распродажи книг, но в целом они отражают сложность материального положения писательницы и ее сестры, семьи Остенов. Будучи незамужними женщинами и не имея своего капитала, они во всем были зависимы от родственников.

Но на этом история со Стивентонским приходом не закончилась, в 1819 г. умирает Джеймс Остен и приход переходит к следующему по старшинству брату писательницы – Генри. Вдове Джеймса с детьми

¹⁴ Остен 1993. С. 54.

¹⁵ Цит. по: Томалин 2014. С. 264.

¹⁶ Brabourne 1884. URL: <http://www.pemberley.com/janeinfo/brablet4.html#letter27>

¹⁷ Цит. по: Томалин 2014. С. 420.

пришлось покинуть Стивентон – так же, как и Джейн двадцать лет назад. Исследовательница К. Томалин приводит воспоминания Каролины (дочери Джеймса): «он [Генри] оказывал маме должное внимание, но не мог сдержать собственных чувств, и было не слишком приятно видеть энтузиазм того, кто приобрел все, чем прежде владел ты»¹⁸.

Если поместье передавалось только по мужской линии, то отсутствие у старшего сына наследника мужского пола порождало поиски такового среди возможных наследников мужского пола, рожденных или еще нет. Часто вступление в право наследования представителей дальней ветви семейного древа сопровождалось сменой имени. Так в семье Остен дальние бездетные родственники Найты усыновили Эдварда Остена (третий сын Джорджа Остена). После смерти Томаса Найта в 1794 г. Эдвард и все его дети изменили свое имя с Остен на Найт, чтобы вступить в права наследования. В связи с этим, Эдвард Остен несколько лет вел судебное разбирательство со своими соседями Хинтонами (дальними родственниками). Они подали судебный иск, в котором утверждали, что «документ, относившийся к началу века и отменявший ограничительное наследование имуществом, был составлен неточно и на самом деле наследниками большого дома и всех земель являлись они»¹⁹. Впоследствии спор был урегулирован, но Эдвард выплатил соседям 15 тысяч фунтов²⁰.

Если человек умер без завещания (очень редкий случай), государственные власти приводили в исполнение право старшего сына на наследование, хотя, если остались наследники только женского пола, поместье могло быть разделено между ними. Не все семейства джентри устанавливали «ограниченный сеттльмент» на свое поместье. Оно могло наследоваться не только по мужской линии, но и по общей, включающей женщин или даже просто по женской линии. Например, имение Розингс наследовала единственная дочь леди Кэтрин де Бёр («Гордость и предубеждение»), об этом мы узнаем из разговора мистера Коллинза со своими кузинами:

- У нее всего одна дочь – наследница Розингса, весьма значительного имения...
- В таком случае она гораздо счастливее многих других барышень»²¹.

Хотя сама леди Кэтрин де Бёр критикует порядок наследования по мужской линии, она предназначает свое поместье и дочь для мистера

¹⁸ Цит. по: Томалин 2014. С. 420.

¹⁹ Томалин 2014. С. 375.

²⁰ См.: Томалин 2014. С. 375.

²¹ Остен 1993. С. 59.

Дарси. Она открыто заявляет: «Но вообще я не одобряю, когда женщин в семье лишают наследственных прав. В семействе сэра Льюиса де Бэра, слава богу, не сочли нужным заводить этот порядок»²².

Так как наследование по мужской линии не было законом, а только обычаем, такие же неписанные правила устанавливали и соотношение приданого (в денежном эквиваленте или собственности), которое должна иметь девушка на момент вступления в брак и того имущества, которое получит жена, если переживет своего мужа (в соотношении 10:1 в этот период)²³. Вдова больше не имела права на традиционную третью часть от земли своего мужа²⁴, даже если эта земля принадлежала ей до вступления в брак, и она финансировала ее разработку. Единственным остатком от вдовьей части наследства (*dowry*), полагающейся ей по той системе, которая существовала в предыдущем XVII в., было право на дом вдовы в поместье. Здесь вдова титулованного лица, сохраняющая прежний титул, могла провести остаток своих дней, если только она не предпочтет этому, как миссис Рашворд («Мэнсфилд-парк»), комфорт городской модной жизни.

Брак, на языке того времени, был сделкой. На рынке невест была большая конкуренция и нельзя отказать мистеру Коллинзу в справедливости его оценки относительно положения на нем Элизабет Беннет, которой на момент его предложения о браке было двадцать три года. Ее возраст действительно внушал подозрения о возможности ее семейного счастья: в романе часто встречаются суждения такого рода – «Джейн уже скоро будет у нас старой девой, ей уже почти двадцать три»²⁵. Приданое и вдовья часть наследства могли повлиять на дальнейшее развитие и сохранение поместья, т.к. любое изменение и усовершенствование в поместье было возможно для пожизненного владельца только помимо доходов с ренты или при реоформлении наследования в прямое.

В романах постоянно встречаются рассуждения о том, какую роль сыграет поместье при заключении брака или о том, что младших сыновей спасет только удачная женитьба. Младших сыновей, потенциаль-

²² Там же. С. 139.

²³ См.: Jones 2005. P. 271.

²⁴ В брачном контракте (*marriage settlement*) вдовья часть имущества обозначалась как *dowry*, но с распространением *strict settlement* она постепенно заменяется на *jointure*. При обозначении вдовьей части имущества в документе как *dowry*, подразумевалось, что вдова могла рассчитывать на одну треть поместья или получить эквивалентную стоимость земли в денежном выражении, при условии, что жена переживет своего мужа. *Jointures* обычно были меньше, чем одна треть поместья, но они обеспечивали стабильность и хороший доход.

²⁵ Остен 2003. С. 498.

ных наследников, часто обучали праву, покупали офицерские должности, помогали с капиталом в открытии дела, или искали покровителя для продвижения на государственной службе. Такие «Остеновские» семьи как Тилни и Брендоны обеспечивали армию офицерским составом, который приносил славу своему классу и стране. Благодаря различным семейным связям, смогли продвинуться по службе на флоте братья писательницы Фрэнк и Чарльз.

«Несмотря на ту важную роль, которую отводила Конституция церкви, только в XVIII в. она, через появление права обслуживания нескольких приходов, стала прибыльным местом, а священник – приемлемой профессией»²⁶, что было отлично известно мисс Остен (ее отец был приходским священником). Благодаря своему родственнику Томасу Найту из Годмершема, он получил приход Стивентон в Хэмпшире. Через два года дядюшка купил для него близлежащий приход Дин. Джеймс, а позднее и Генри Остен (хотя для последнего это было вынужденной мерой, к духовной карьере он не готовился) также стали приходскими священниками. Именно английское провинциальное дворянство закрепило связь государства и церкви, соединив дух религии и истинного джентльмена.

Наследственные права женщин вполне сравнимы с положением младших сыновей, которые зачастую были вынуждены самостоятельно искать себе источник доходов, выбирая государственное, военное или духовное поприще. Но тем самым они стали именно той движущей силой, которая сыграла важную роль в развитии британской нации. Проблема брака, тем не менее, для них также являлась проблемой в первую очередь имущественного плана. Показателен следующий застольный разговор относительно имущественного положения младших сыновей, по английским законам лишенных права наследования состояния своих отцов: «Младшие сыновья не могут жениться на тех, кто им нравится», – говорит один. Другой добавляет: «Если только они не делают предмет своего увлечения женщин с состоянием, что как я полагаю, случается довольно часто»²⁷. Полковник Фицуильям, младший брат мистера Дарси также отмечает, что «...привычка жить на широкую ногу делает нас зависимыми от денег. Между людьми моего круга мало смельчаков, позволяющих себе вступить в брак, не задумываясь о средствах, которые они смогут в дальнейшем располагать... младшие сыновья не могут жениться на девушке, которая пришлась им по душе»²⁸.

²⁶ Jones 2005. P. 272.

²⁷ Бельский 1968. С. 64.

²⁸ Остен 2003. С. 467.

«Ограниченный сеттлмент» сужал права пожизненного владельца, но только определенными способами, которые были зафиксированы юридически. Так, сэр Элиот не может исключить несимпатичного ему Уильяма Уолтера из числа наследников, т.к. у него нет наследников мужского пола («Доводы рассудка»). Мистер Беннет и мистер Дэшвуд не могут продать или заложить землю, чтобы обеспечить своим дочерям более солидное приданое. Джон Дэшвуд, однако, рубит деревья, огораживается и прикупает соседнюю ферму («Чувство и чувствительность»). Многие условия наследования нарушались, но только если в этом можно было усмотреть пользу и выгоду для будущего владельца. Например, даже если женитьба не принесла Джону Дэшвуду ожидаемого обогащения, как и наследство матери, для него оставалось возможным провести изменения в своем поместье, заложив его. Новые виды кредитов, ссуд под залог и страховки, которые появились в результате развития банковского дела в новое время, также стали доступными для использования в целях сохранения целостности и дальнейшего развития поместья.

Таким образом, благосостояние и самоидентификация английского провинциального джентри были напрямую связаны с владением земельной собственностью. Необходимость сохранить ее в целостности для будущих поколений, привела к формированию в XVII в. особой системы, получившей название «ограниченный сеттлмент», при которой семейная собственность переходила по наследству по мужской линии и контролировалась доверительными собственниками. Эта практика оказала влияние не только на сохранение «больших поместий», но подспудно воздействовала и на внутрисемейные отношения, оказывая психологическое и социальное давление на отдельных членов семьи.

Все романы Дж. Остен построены вокруг проблем наследственно-го статуса того или иного персонажа и заключения брачного союза, тем самым являясь источником, богато иллюстрирующим эпоху. Появление такого романа как «Гордость и предубеждение» показывает насколько «язык наследства» вошел в повседневный обиход английского общества, став неизменной составляющей речевой практики. «Новый реалистический роман» основывался, в первую очередь, на опыте повседневной жизни, и использовал ее язык, что и позволяло столь полно отразить действительность. Романы Джейн Остен наглядно демонстрируют, что такая наследственная система как «ограниченный сеттлмент» не просто лежала в основе экономического благосостояния дворянского поместья, но и была своеобразной осью, на которой основывалась стабильность всего английского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бельский А.А.* Английский роман 1800–1810 гг. Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. фак. Пермь, 1968.
- Остен Дж.* Гордость и предубеждение. Нортенгерское аббатство. Романы/ Пер. с англ. И. С. Маршака. Пермь: КАПИК, 1993. 512 с.
- Остен Дж.* Чувство и чувствительность; Гордость и предубеждение; Леди Сьюзен: Романы; Повесть/ Д. Остен; Пер. с англ. И. Гуровой, И. Маршака, А. Ливерганга; Вступ. ст. Е. Ю. Гениевой. М.: Пушкинская библиотека: АСТ, 2004. 709 с.
- Остен Дж.* Эмма. Доводы рассудка: Романы/ Д. Остен; Пер. с англ. М. Кан, Е. Суриц; Оформ. А. Яковлева. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 640 с.
- Право Англии/* История государства и права зарубежных стран. Под ред. Н.А. Крашенинниковой. Ч.2. М., 1998. 712 с.
- Томалин К.* Жизнь Джейн Остен: биография/ Пер. С англ. А. Дериглазовой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 448 с.
- Beckett J.V.* English landownership in the later seventeenth and eighteenth centuries: the debate and the problems// *The Economic History Review*, 2nd ser., Vol. 30, 1977. P. 567-581.
- Bonfield L.* Strict settlement and the family: A Differing View// *The Economic History Review*, New Series, Vol. 41, No.3 (Aug. 1988). P. 461-466.
- Brabourne E.* Letters of Jane Austen. London: Bentley, 1884. URL: <http://www.pemberley.com/janeinfo/brablet4.html#letter27>
- Burk E.* Reflections on the Revolution in France. Oxford, 1993.
- Clay C.* Marriage, inheritance and the rise of large estates in England, 1660-1850// *The Economic History Review*, 2nd ser. Vol. 11. 1968. P. 503-518.
- Coleridge S.T.* On the constitution of church and state. L., 1972.
- Duckworth A.M.* Reviewed work(s): Domestic Realities and Imperial Fictions: Jane Austen's Novels in Eighteenth-Century Contexts / Маaja A. Stewart Source // *Nineteenth-Century Literature*. 1995. Vol. 50. No. 1. P. 106. URL: <http://www.jstor.org/stable/2933877>.
- English B., Saville J.* Family settlement and the "Rise of Great Estates"// *The Economic History Review*, New Series, Vol. 33, No. 4 (Nov. 1980). P. 556-558.
- Jones C.* Landownership. Jane Austen in context. N.Y., 2005. P. 269-277.
- Habakkuk H.J.* English Landownership, 1680-1740// *Economic history review*. 1st ser. X, Feb. 1940. P. 2-17.
- Habakkuk H.J.* Marriage settlements in the Eighteenth century// *Transactions of the Royal Historical Society*, 4th ser. XXXII. 1950. P. 15-30.
- Holderness B.A.* The English land market in the eighteenth century: the case of Lincolnshire// *Economic history review*. 2nd ser. XXVII. 1974. P. 557-576.
- Spring E.* Strict settlement: its role in family history// *The Economic History Review*, New Series, Vol. 41, No. 3 (Aug. 1988). P. 454-460.
- Stone L.* The family, sex and marriage in England, 1500–1800. NY, 1977.

REFERENCES

- Bel'skii A.A. Angliiskii roman 1800-1810 gg. Ucheb. posobie po spetskursu dlya studentov filol. fak. Perm', 1968.
- Osten Dzh. Gordost' i predubezhdenie. Nortengerskoe abbatstvo. Romany/ Per. s angl. I. S. Marshaka. Perm': KAPIK, 1993. 512 s.
- Osten Dzh. Emma. Dovody rassudka: Romany/ D. Osten; Per. s angl. M. Kan, E. Surits; Oform. A. Yakovleva. M.: EKSMO-Press, 2001. 640 c.

- Osten Dzh. Chuvstvo i chuvstvitel'nost'; Gordost' i predubezhdenie; Ledi S'yuzen: Romany; Povest'/ D. Osten; Per. s angl. I. Gurovoi, I. Marshaka, A. Livergantа; Vstup. st. E. Yu. Genievой. M.: Pushkinskaya biblioteka: AST, 2004. 709 c.
- Pravo Anglii/ Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Pod. red. N.A. Kra-shennnikovой. Ch.2. M., 1998. 712 c.
- Tomalin K. Zhizn' Dzhhein Osten: biografiya / Per. S angl. A. Deriglazovoy. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 448 s.
- Beckett J.V. English landownership in the later seventeenth and eighteenth centuries: the debate and the problems// The Economic History Review, 2nd ser., Vol. 30, 1977. P. 567-581.
- Bonfield L. Strict settlement and the family: A Differing View// The Economic History Review, New Series, Vol. 41, No.3 (Aug. 1988). P. 461-466.
- Brabourne E. Letters of Jane Austen. London: Bentley, 1884.
- Burk E. Reflections on the Revolution in France. Oxford, 1993.
- Clay C. Marriage, inheritance and the rise of large estates in England, 1660-1850// The Economic History Review, 2nd ser. Vol. 11. 1968. P. 503-518.
- Coleridge S.T. On the constitution of church and state. L., 1972.
- Duckworth A.M. Reviewed work(s): Domestic Realities and Imperial Fictions: Jane Austen's Novels in Eighteenth-Century Contexts / Maaaja A. Stewart Source // Nineteenth-Century Literature. 1995. V. 50. No. 1.
- English B., Saville J. Family settlement and the "Rise of Great Estates"// The Economic History Review, New Series, Vol. 33, No. 4 (Nov. 1980). P. 556-558.
- Jones C. Landownership. Jane Austen in context. N.Y., 2005. P. 269-277.
- Habakkuk H.J. English Landownership, 1680-1740// Economic history review. 1st ser. X, Feb. 1940. P. 2-17.
- Habakkuk H.J. Marriage settlements in the Eighteenth century// Transactions of the Royal Historical Society, 4th ser. XXXII. 1950. R. 15-30.
- Holderness B.A. The English land market in the eighteenth century: the case of Lincolnshire// Economic history review. 2nd ser. XXVII. 1974. P. 557-576.
- Spring E. Strict settlement: its role in family history// The Economic History Review, New Series, Vol. 41, No. 3 (Aug. 1988). P. 454-460.
- Stone L. The family, sex and marriage in England, 1500-1800. NY, 1977.

Соziнова Ксения Андреевна, аспирант Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина; makrushina86@list.ru

Inheritance novels: English society and traditional English landownership in the late 18th – early 19th centuries (Jane Austen's novels)

The author discusses inheritance practices among the English gentry, in particular, the «strict settlement», using the example of Jane Austen's novels. The article studies the concept of the strict settlement, its role in the life of the gentry and its impact on the position of heirs male and female.

Keywords: English landownership, inheritance, gentry, strict settlement, trustee, Jane Austen, real property, portion, jointure, marriage settlement.

Ksenia Sozinova, Ural State Federal University (Yekaterinburg), postgraduate student, makrushina86@list.ru

В. П. БОГДАНОВ

КУПЕЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На основе образов предпринимателей в русской классической литературе автор опровергает утвердившееся в историографии мнение о негативном отношении к предпринимательской деятельности, якобы изначально сложившемся в русском этосе. Показано, что негативное отношение к предпринимательству утверждается только во второй половине XVIII – начале XIX в. При этом данный «негатив», проявившийся в произведениях русских писателей, относился только к бытовой стороне жизни предпринимателей, а вовсе не к их профессиональной деятельности. Кроме того, в дореволюционный период он так и не проник в толщу народного сознания, и даже после десятилетий советской власти в крестьянской среде ничего дурного в предпринимательстве не видят и сейчас.

Ключевые слова: купечество, предпринимательство, русская литература, социальная история.

Парадокс: купечество (а под этим словом часто понимается дореволюционное предпринимательство вообще) – сословие, которому, как считается, «не повезло» в русской классической литературе, при том, что тема «купеческие образы в русской литературе» – одна из самых разработанных: ни дворяне, ни крестьяне не подвергались столь детальному анализу со стороны писателей.

В историографии начало рассмотрению данной темы было положено книгой А.С. Ушакова, ее первый том открывается замечательной фразой К.С. Аксакова: «Купца тербят, а в душу его ещё не заглянули». Автор, подписавшийся «русский купец», констатировал: «купеческое общество вследствие многих исторических причин и невыгод своего положения, отлилось в оригинальную, своеобразную форму»¹. Ушаков первым указал на то, что купечество ведет большую и общественно значимую работу (как правило, «на свой страх и риск»), не имея общественной и политической поддержки, но фактически бесправно и нередко вынуждено заискивать перед начальством. В литературе же купец выведен как «или отребье общества, или плут»². Он пишет: «...много светлого, отрадного и, притом, чисто национального хранит в себе наше купеческое общество <...> даже намеки на хорошие стороны быта... завели бы нас довольно далеко; может быть, для этого не пришло ещё время, хотя оно уже близко. В будущем мы постараемся тронуть кое-что; теперь же покорные обстоятельства, мы настраиваемся на старый тон, и будем искать *опять-таки*

¹ Ушаков 1865. С. [I].

² Ушаков 1865. С. 5.

темных сторон этого быта»³. Тем самым автор, по сути, признает своего рода социальный заказ (некие «обстоятельства») образованного общества на рассмотрение купцов с негативной (!) стороны.

Тему, затронутую А.С. Ушаковым, в 1913 г. продолжил П.А. Берлин. Он пишет: «Русская буржуазия жила своей жизнью, не создавая цельного и стильного своего быта, не участвуя в вольном творчестве общественных форм. Создавая материальные ценности, она не участвует в создании духовных богатств <...> Русская дореформенная буржуазия не выдвигает своих художников и не привлекает художников, вышедших из дворянских и разночинских кругов. Долго ведет она серое существование, не имея над головою звездного неба идеологии, не отраженная в художественной литературе». К сожалению, он не отвечает на вопрос, почему так произошло: вина ли в этом буржуазии или самой общественной жизни (на этот вопрос мы попытаемся дать ответ в статье). Берлин замечает, что русская литература отражала только «дворянскую культуру и “народ”». При этом и «дворянскую культуру и “народ”» русская литература, создававшаяся дворянами, отражала также не полностью. Большинство писателей «дали “аннибалову клятву” борьбы с крепостным правом». Отсюда и обличительный характер русской литературы⁴. От себя добавим, что обличительный пафос затем был перенесен и на предпринимательский быт.

В отличие от А.С. Ушакова, другой представитель купечества, П.А. Бурьшкин, признавая существование некоего «общественного заказа» на негативное изображение предпринимательского мира, описывает последний совсем по-другому. Его воспоминания (1954), наряду с отсылками к источникам и научным трудам, содержат много размышлений над купеческими образами в литературе.

В советское время в России в этой области наступает некоторый перерыв (если не считать работы литературоведов), но в 1990-е и 2000-е гг. появляется целая волна публикаций. Так, например, предисловие М.К. Шацилло и Г.Н. Ульяновой, предвещающее уже классическое издание (1991) воспоминаний П.А. Бурьшкина, начинается с обширной цитаты из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого и рассуждений о купечестве.

– Однако как ты обходишься с ним! – сказал Облонский. – Ты и руки ему не подал. От чего же не подать руки?

– Оттого, что я лакею не подам руку, а лакей во сто раз лучше.

– Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно.

[Толстой Л.Н. Анна Каренина. I. Ч. 2, гл. 16]⁵

³ Ушаков 1865. С. 48.

⁴ Берлин 1913. С. 174, 175.

⁵ Шацилло, Ульянова 1991. С. 5.

К этому примечательному эпизоду, показывающему отношение дворянства к купечеству, мы ещё обратимся. Сейчас же скажем, что после Шацилло и Ульяновой тему отображения купечества в литературе освещали многие авторы. Многочисленные ссылки на художественную литературу (в том числе и при изображении купечества) мы встречаем в обобщающей монографии Б.Н. Миронова⁶. Одна из наиболее фундаментальных работ – статья М.В. Брянцева⁷ – интересна ещё и тем, что автор обращается к периоду, мало привлекавшему исследователей – XVIII – начала XIX в. Основное внимание историки уделяют периоду второй половины XIX – начала XX в.: именно ему посвящены статьи А.А. и А.А. Левандовских и В.В. Пименова⁸, а также работы Н.Н. Зарубиной⁹. Это и понятно: ведь конец XIX – начало XX в. – время бурного развития капиталистических отношений и постепенного выхода предпринимательского сословия на первые роли не только в экономической, но культурной и политической жизни. Параллельно заметим, что Н.Н. Зарубина (на основе терминологии В. Зомбарта) дает принципиально важное разделение «русского хозяина» на мещанина и собственно предпринимателя. При этом мещанское начало вовсе не обязательно связано с социальным слоем. Автор приводит в качестве примера гоголевских персонажей Собакевича и Коробочку – дворян по происхождению. Мещанское начало – *инертная основа хозяйствования*¹⁰. Изначальная установка Зарубиной состоит в том, что «позиция художественной литературы XIX – начала XX века по поводу того или иного явления может способствовать пониманию его характера и места в истории культуры»¹¹. Близок к работам Н.Н. Зарубиной и небольшой очерк Г.В. Чудиновой, в котором автор рассматривает образы старообрядцев в русской литературе, и, хотя автор не ставит перед собой задачу специального рассмотрения именно предпринимателей, тем не менее некоторые черты купеческого сословия (многие представители которого и в литературе, и в жизни придерживались «старой веры») в ней также отражены¹².

Последняя на сегодняшний день известная автору работа, где приводятся данные произведений художественной литературы как ис-

⁶ Миронов 1999.

⁷ Брянцев 2001. С. 181-196.

⁸ Левандовская, Левандовский 2002. В статье В.В. Пименова, посвящённой изображению Москвы в русской литературе, также много внимания уделено купеческим образам. См.: Пименов 2002.

⁹ Зарубина 2001; 2003; 2004 и др.

¹⁰ Зарубина 2003. С. 104.

¹¹ Зарубина 2003. С. 101.

¹² Чудинова 2007.

торических источников, посвящена раннему периоду истории предпринимательского сословия в России: в статье В.Б. Перхавко на основе былин и исторических песен рассматриваются средневековые торговые объединения¹³. Автор сформулировал две важные источниковедческие проблемы: «в какой степени образная картина, сложившаяся в фольклоре, соответствует письменным свидетельствам», и «можно ли использовать произведения устного народного творчества в качестве самостоятельного и полноценного источника»¹⁴. Для нас эти проблемы так же важны, с той лишь разницей, что источниками будут не фольклорные памятники, а авторские произведения.

Русская классическая литература – неисчерпаемый кладезь информации. Ориентироваться в нем достаточно трудно и тем важнее то, какие именно произведения, цитаты из них, приводятся исследователями, каждый из которых обладает не только своим багажом знаний и уровнем подготовки, но и собственным кругом любимых произведений и тех текстов, которые он лучше знает.

Объектом нашего исследования будут именно *предприниматели* (по классификации Н.Н. Зарубиной) недворянского происхождения, которых нередко даже в современной историографии и публицистике называют словом «купец»¹⁵. В данной статье предполагается выявить на материале художественной литературы конкретно-исторические черты,

¹³ Перхавко 2012.

¹⁴ Правда, автор приходит к неутешительному выводу: «древнерусские эпические произведения... нельзя использовать в качестве полноценного и самостоятельного источника по истории торговли и купечества средневековой Руси», тем более, что в них «не содержится никакой принципиально новой информации по данной теме». Они важны только «при изучении отражения и преломления в устном народном творчестве (а стало быть, и в памяти народа) исторических реалий эпохи Средневековья, в том числе и в рыночной сфере»: Перхавко. 2012. С. 46. Но это наблюдение можно отнести только к фольклорным памятникам. Связано это с тем, что они не содержат точных датировок и даже время появления их можно установить лишь с большей или меньшей степенью вероятности. При этом время записи этих произведений отделяют от описываемых в них реалий несколько столетий, т.е. к моменту фиксации памятники фольклора значительно утратили первоначальные сведения о той или иной эпохе, что приводит к смещениям временных пластов. Что касается авторских произведений, то описываемые в них реалии всегда легко датируются (во всяком случае имеют привязку к конкретным десятилетиям). Это позволяет изначально говорить о художественной литературе XVIII–XXI вв. как источниках.

¹⁵ В работах XIX в. нередко разделяются понятия «купец» (ведущий торговлю) и «промышленник» (владеющий каким-либо предприятием) – именно это мы видим в работах А.С. Ушакова середины XIX в. Однако и в это время часто слово купец становится синонимом предпринимателя вообще.

присущие предпринимательскому сословию, и ответить на вопрос, только ли негативными красками русские писатели изображали купцов.

Само по себе обращение историков к литературным произведениям далеко не ново. Ведь литература – это художественно-эстетический метод познания действительности, существующий наравне с практическо-эмпирическим и научно-теоретическим¹⁶. Тема отражения конкретно-исторических реалий в художественных произведениях неоднократно поднималась на страницах журнала «Диалог со временем». В одной из статей И.Ю. Николаева проанализировала зарубежные достижения в этой области¹⁷. Автор этих строк также неоднократно обращался к анализу изображения тех или иных социальных групп в художественной литературе (чиновников, военных, дворян).

В литературе нашло отражение много исторических (в своей статье В.В. Пименов называет их *этнографическими*) реалий.

Во-первых, в литературе ярко выражена социальная двойственность купеческого сословия. А.А. и А.А. Левандовские верно отмечают «постоянный «взаимообмен» между купечеством, с одной стороны, крестьянством и мещанством с другой»¹⁸, что определяет близость купечества к народу. Один из персонажей рассказа «Чертогон» (1879) Н.С. Лескова говорит о себе, что «*близок к народу*: мать моя была из купеческого звания (выделено нами – *В.Б.*)». Представители купечества в большинстве своём – крестьяне по происхождению. «...Деда нашего помещики драли...», – замечает представитель купеческого рода Лаптевых [Чехов А.П. Три года (1894). XV]. Крестьянский сын и Ермолай Лопухин, герой «Вишнёвого сада» (1903). Однако от крестьян купцов отличало одно важное обстоятельство: они не подвергались рекрутчине. В романе «В лесах» (1871–1874) П.И. Мельников-Печерский вкладывает в уста своих героев следующее рассуждение: «...Наш городок махонький, а в нём более сотни купцов наберётся... А много ль ли вы думаете, в самом деле торгует?.. Четверых не сыщешь, остальные столь великие торговцы, что перед новым годом бьются, бьются, сердечные, по миру даже собирают на гильдию. Кто в долги входит, кто последнюю одежонку с плеч долой, только б на срок записаться. – Зачем же это? – А от солдатчины-то ухорониться?». [Мельников-Печерский П.И. В лесах. II, 12].

¹⁶ Ковальченко 1987. С. 13.

¹⁷ Николаева 2013.

¹⁸ Левандовская, Левандовский 2002. С. 149.

«Промежуточность» предпринимательского сословия заключается и в том, что купеческий статус («чтобы от рекрутчины ухорониться») не был для него пределом. Для его представителей характерно и дальнейшее продвижение по социальной лестнице: они не только достигают купеческого звания, будучи крестьянами по происхождению, но и переходят в более привилегированный статус почетных граждан или дворян (получая ордена и звания). «Оноблированными» стали, например, Приваловы из «Приваловских миллионеров» (1883) Д.Н. Мамина-Сибиряка¹⁹. Кроме того, представители предпринимательского мира постоянно рождаются с благородным сословием. Героиня гоголевской «Женитьбы» (1833–35) Агафья Тихоновна («не штаб-офицерша, а купца третьей гильдии дочь») желает выйти замуж за дворянина-чиновника. Та же коллизия положена в основу картины П.А. Федотова «Сватовство майора» (1848). Жена К.В. Рукодеева (браки, видимо, относятся к середине 1860-х гг.) из «Гардениных» А.И. Эртеля – «из дворян, понимает обхождение» [Эртель А.И. Гарденины. I,7]. В «Пошехонской старине» (1887–89) Салтыкова-Щедрина описана семья, не раз менявшая социальный статус: «Дедушка происходил из купеческого рода, но в 1812 году сделал значительное пожертвование в пользу армии и за это получил чин коллежского асессора, а вместе с тем и право на потомственное дворянство [...] Он не любил вспоминать о своем происхождении и никогда не видался и даже не переписывался с родной сестрой, которая была замужем за купцом, впоследствии пришедшим в упадок и переписавшимся в мещане» [Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. III]. Видимо, купечество, как юридически оформленная группа, в XVIII–XIX вв. может по праву считаться лидером социальной мобильности²⁰.

Во-вторых, в литературе довольно точно передана история становления предпринимательских династий. Так Самсон Силыч Большов из пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» (1849) начинал с того, что торговал голицами (нагольными кожаными рукавицами), а жена

¹⁹ Статус купца не передавался по наследству и, соответственно, те привилегии, которые он давал, имели «временный характер». Получение же дворянства давало устойчивый статус: «мечта о дворянстве – типичное явление для русского купечества. Она вытекала одновременно из бесправного по сравнению с дворянами положения купцов и из общей неустойчивости, характерной для неразвитого капитализма (при господстве феодальных порядков), не обеспечивающей твердого положения предпринимателя» (Аксенов 1988. С. 143).

²⁰ Об этом же пишет Б.Н. Миронов: «Важная особенность стратификации городских обывателей состояла в том, что верхняя страта сословия постоянно обновлялась вследствие высокой внутрисословной вертикальной мобильности» (Миронов. 1999. Т. 2. С. 133).

его, Аграфена Кондратьевна, «чуть-чуть не панёвница» («панёва» – разновидность несшитой юбки, типичной для южновеликорусского крестьянского женского костюма)²¹. Причем нередко показывается не вполне честное становление первоначального капитала. Так, например, в 1877 г. описал первоначальное становление капитала Н.А. Некрасов:

Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак
Подстергать оказии,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.

[Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо.
Про холопа примерного –Якова Верного]

Примерно таким же образом разбогател и персонаж романа «Гарденины» Эртеля Коронат Антонов: «Двенадцать лет тому назад (т.е. ок. 1871 г.) явился наг и гладен в наши палестины. Фортушкой народ обманывал. На станции трактир держал и вдобавок известное заведение. Теперь богат, блажен и первой гильдии...» [Эртель А.И. Гарденины. II, 13]. «Герой “Приваловских миллионов” Игнатий Ляховский “свое состояние нажил в Сибири какими-то темными путями. Одни приписывали все краденому золоту, другие – водке, третьи просто счастью”. Да и наследственные богатства самого Привалова имеют сомнительные источники... Прохору Громову капитал достался от деда Данилы, который был настоящим разбойником и “не одну душу загубил”. Дед Марка Смолокурова из хроники Мельникова-Печерского “На Горах” промышлял фальшивомонетничеством. Таких примеров можно найти множество»²². Вот, например, рассуждения главного героя романа Горького «Фома Гордеев» (1899): «Вот Луп Резников – он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он задушил одного из своих гостей, богатого сибиряка...» [Горький М. Фома Гордеев. XIII]. Кстати, такая же легенда ходила и в отношении основателя знаменитой династии фарфоровых королей Якова Васильевича Кузнецова: «разбогател, ограбив заезжего купца»²³. Впрочем, Горький

²¹ Пименов 2002. С. 46.

²² Зарубина 2003. С. 106.

²³ Галкина, Мусина 2005. С. 14. Согласно другой легенде «в основе гуслицкого (а Кузнецовы происходили из подмосковных Гуслиц) благополучия лежало умение изготавливать фальшивые деньги» (как Марк Смолокуров Мельникова-Печерского!). Мол,

описывает и вполне законный и трудный путь накопления капитала: «Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился...» [Горький М. Фома Гордеев. XIII]. Наконец П.И. Мельников-Печерский описал действительный случай: «Выискался смыслённый человек с хорошим достатком... Коноваловым прозывался. Завёл небольшое ткацкое заведение, с лёгкой руки его дело пошло, да пошло. И разбогател народ, и живёт теперь лучше здешнего. Да мало ли таких мест по России. А везде доброе дело одним зачиналось. Побольше бы Коноваловых у нас было, хорошо бы народу жилось» [Мельников-Печерский. В лесах. II 10].²⁴ «Лишь принципиально положительные, “показательные” персонажи-предприниматели, вроде Чапурина и Кольшикина у Мельникова-Печерского, Костанжогло и Муразова у Гоголя, Осетрова у Боборыкина наживают состояния без мошенничества и явных преступлений, честным трудом, энергией и предприимчивостью»²⁵.

Перед нами просто несколько путей накопления богатства: постепенное, трудное, но абсолютно законное и всеми уважаемое (так началась династия Морозовых, Прохоровых, Рябушинских и многих других), и быстрое, вызывающее недоверие у окружающих (похожие легенды окружают начало «фарфоровой» династии Кузнецовых). Кстати, нельзя не вспомнить высказывание в отношении баснословного богатства купца Муразова во 2-м томе «Мертвых душ»:

- ...Позвольте спросить насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?..
- Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами.
- Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы...
- Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой дорогой так и ступай, всё бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников». [Гоголь Н.В. Мертвые души. II, 3].

даже яркие цвета первых изделий Кузнецовых местные жители объясняли «опытами с красками самодельных ассигнаций» (Агеева 2004. С. 487). Автор оставляет эту историю без комментария, «поскольку объяснение её коренится в области народной психологии». В.Б. Перхавко констатировал (к сожалению, не приведя достаточно примеров): «завидуя зажиточным купцам, поднявшимся из низов, народ нередко считал источником их богатств грабёж или случайную удачу...». *Перхавко* 2012. С. 45.

²⁴ П.А. Бурыйкин сообщает: «Этой цитатой профессор П.И. Новгородцев, как директор Московского коммерческого института, приветствуя председателя совета А.И. Коновалова, закончил, под шумные знаки одобрения», свою речь на столетнем юбилее Коноваловской мануфактуры: *Бурыйкин* 1991. С. 57.

²⁵ *Зарубина* 2003. С. 106.

В-третьих, в литературе показана эволюция общественного положения купечества в XIX в. Н.В. Гоголь в «Ревизоре» (1835) так описывает взаимоотношения городничего и купечества: «Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай... Схватит за бороду, говорит: “Ах ты, татарин!” Ей-Богу! Если бы, то есть чем-нибудь не уважили его; а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке – мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало. Ей-ей! Придёт в лавку и, что попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: “Э, милый, это хорошее суконце: снесика его ко мне”... Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? И на Онуфрия несёшь». (Ревизор. IV, 10). Однако вскоре купцы входят «в доверие» к городскому начальству. Тот же Сквозник-Дмухановский помогает купцам наживаться.

Описывая середину XIX в. А.С. Ушаков писал: «Возьмем недалее и недавнее прошлое – Москву и первые годы настоящего царствования, в переходное состояние которого многое было видно несравненно ярче: придирки и стеснения того, что себя разумело под именем начальства, давало знать себя на каждом шагу, промышленность и торговля и это время и долго, долго прежде и после должна протискиваться чрез все препятствия, чрез все затруднения, покупать каждый свой шаг, подкупать многое и многих, чтобы сколько-нибудь успешно вести свое дело; сколько анекдотов, преданий, поверий о столкновениях с губернаторами, полицмейстерами, правителями разных канцелярий, частными приставами, квартальным, даже хожалами, ходит до сих пор между нашими купцами и промышленниками, и ходят они недаром и не зря, а необходимо прямо и естественно дадут материал для будущего историка нашей торговли и промышленности»²⁶. Но проходит ещё время, и к концу 1870-х гг. даже в столичном городе купец занял уже все ниши городской жизни: «кто хозяйничает в городе? Кто распоряжается бюджетом целого немецкого герцогства? Купцы... Они занимают первые места в городском представительстве... Миллионные фирмы передаются из рода в род... Судьба населения в 5, 10, 30 тысяч рабочих зависит от одного человека. И человек этот – ни помещик, ни титулованный барин, а коммерции советник или просто купец первой гильдии, крестит лоб двумя перстами. А дети его проживают в Ницце, в Париже, в Тру-

²⁶ Ушаков 1865. С. 4.

вилле, кутят с наследными принцами, прикармливают разных упразднённых князьков» [Боборыкин П.Д. Китай-город (1882). III.14].

В-четвертых, купеческое сословие было неоднородным и претерпевало изменения в историческом развитии. Например, и в «Грозе» (1859), и в «Бесприданнице» (1878) А.Н. Островского действие разворачивается в приволжских торговых городах. Но если в первой пьесе местные предприниматели выглядят как деятели «регионального» масштаба, то во второй они уже едут на ярмарку в Париж и т.д., т.е. становятся дельцами международного уровня (эти пьесы разделяют 13 лет). Заметны большие различия между провинциальными «неторгующими» купцами Мельникова-Печерского и столичными миллионерами. Персонажи «Китай-города» Боборыкина – в основном, мануфактур- и коммерции-советники, почетные граждане. В романе А.И. Эртеля главный герой даже противопоставляет купцов и почетных граждан: «Что означает – купец, сударь мой, – сказал он. – Что ж означает? – грубо возразил Николай. – Во-первых, и не купец, – вы ведь сами писали расписку, – а “потомственный почетный гражданин и кавалер”». (Гарденины. I, 5).

Среди предпринимателей литераторы видят и благородных представителей, заботящихся не только о себе, но и о других, и рыцарей наживы. Так один из самых благородных литературных образов купцов пореформенной России, которому явно симпатизирует и сам автор, мы находим в романе П.Д. Боборыкина. Это Анна Серафимовна Станицина. Она не просто яркая личность (женщина, взявшая дело в свои руки), она искренний, добрый благотворитель. Фабрика – лишь одна из сторон ее деятельности. Вторая, не менее важная, это школа для рабочих. По свидетельству П.А. Бурьшкина, прототипом Станициной стала знаменитая Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова²⁷, дочь крупного текстильного фабриканта, московского купца 1-й гильдии Алексея Ивановича Хлудова, известная меценатка. председательница ряда благотворительных обществ, попечительница Рогожского 2-го Городского начального женского училища, Благотворительного общества при Психиатрической клинике им. А.А. Морозова и городского ремесленного училища (Покровская ул., 14), основанных на ее средства, а также обществ Вспомоществования нуждающимся студентам Московского Технического училища и Московского университета, член Попечительного Совета народного университета им. Шанявского, Городского Попечительства о бедных Рогожского 2-го и 3-го участков. Кроме того, она финансировала создание музея кустарных изделий в Москве, основала Го-

²⁷ Бурьшкин. 1991. С. 60.

родскую бесплатную читальню им. И.С. Тургенева. Её отец А.И. Хлудов тоже прославился не только предпринимательской деятельностью (он был директором правления Товарищества Тверской мануфактуры), но и своей коллекцией древних рукописей и старопечатных книг. Хотя мы практически не можем найти параллелей в жизни В.А. Хлудовой и героини «Китай-города», оснований не доверять П.А. Бурышкину нет. Ведь художник никогда не берет образ в чистом виде, он обязательно «приспосабливает» его к своему произведению.

Анна Серафимовна – полная противоположность Нетовой, купчихе, чьи действия рассчитаны на публику. Так, даже деньги на школу она собиралась завещать лишь потому, что «200000 на школу – это красиво». Да и муж Нетовой озабочен только карьерой и общественным мнением, а в конце концов сходит с ума. Он представитель той предпринимательской прослойки, которая слилась с системой государственного управления. Одним словом, купеческая элита Боборыкина – это уже вовсе не купцы Островского. Это деятели столичного, а то и всероссийского масштаба. Но мотивы их деятельности различны: Анна Серафимовна все делает для совести, ради своих детей, ради будущего, Нетовы и десятки других – для себя и общественного мнения. Нетрудно заметить, что Третьяковская галерея, Московский Художественный театр, Бахрушинский музей – то, что было рассчитано на благо людей, что было устроено «на совесть» – стоит до сих пор и приносит пользу людям. А какой-нибудь театр Солодовникова, построенный лишь для того, чтобы потешить самолюбие домовладельца («...И когда без хлеба воеет / Ряд Гамлетов, Клеопатр, / Солодовников наш строит / Сто пятнадцатый театр...»²⁸), и другие памятники тщеславия не пережили своих владельцев.

В-пятых, именно предприниматели в литературе выступают в качестве мощной преобразовательной силы. Это было подмечено ещё Боборыкиным: «От него кормилось целое население в тридцать тысяч прядильщиков, ткачей и прочего фабричного люда» [Боборыкин П.Д. Китай-город. II, 5], «Судьба населения в пять, десять, тридцать тысяч рабочих зависит от одного человека» [III, 24]. Даже в советское время, несмотря на классовый антагонизм, писатели подчеркивали преобразовательную силу предпринимательского сословия. В романе 1925 г. Горький вкладывает в уста своего героя такие слова: «Большое украшение хозяйства земли должно изойти от нас, от Артамоновых»²⁹. В самом начале устройства дела, он говорит: «Всё будет у нас: церковь, кладби-

²⁸ Фигаро из Сущева. 1894.

²⁹ Горький. 1976. С. 346.

ще, училище заведем, больницу»³⁰. Еще рельефнее такое же отношение формулирует Прохор Громов в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933): «Конечно, Прохор будет здесь работать, проложит широкие дороги, оживит этот мертвый край, разделает поля, а главное – схватит вот этими руками реку и выправит ее всю, как тугие кольца огромного удава. Обязательно, обязательно все будет так» [Шишков В.Я. Угрюм-река. I, 10] За этими литературными образами стоят фигуры Мальцовых, основателей Гуся-Хрустального, Баташовы, основатели Выксы... Предпринимателям Строгановым и Демидовым (правда, в XVIII в. получившим дворянство) Россия во многом обязана освоением Сибири и Урала.

Попробуем проследить, только ли негативными чертами русские писатели описывают купцов. Обратим внимание на очень интересный факт. В 1-м томе «Мертвых душ» Гоголь, стремившийся «показать, *хотя с одного боку* (курсив мой. – В.Б.), всю Русь», выделил наиболее негативные черты современной ему России. Помещики и чиновники выступают олицетворением этого негатива. Но среди них мы не видим купцов! Это означает, не считал их однозначным злом, т.е. в общей градации отрицательных занятий, по мнению Гоголя и его читателей, труд предпринимателя стоял, по крайней мере, на третьем месте. На первом – нерадивые помещики, среди них – Плюшкин и Ноздрев, вовсе не заботящиеся о своем хозяйстве, и, стало быть, о людях («душах») им переданных. Затем идут представители «мещанского типа» (Собакевич и Коробочка). Наименее безобидный – Манилов, который еще сохраняет смутные представления о дворянском долге перед обществом и государством. За помещиками идут чиновники. Причем здесь тоже намечается некоторая градация: чиновники высокого ранга (губернатор и др.) менее вредны (так как с ними мало сталкиваются в обычной жизни), чем разного рода «свиные рыла», выписывающие бумажки и заверяющие купчи. В целом купцы у Гоголя вообще не приносят какого-либо ощутимого зла. Однако (что показано в «Ревизоре») неразборчивость в средствах приводит к тому, что страдают общественно значимые объекты: не строятся мосты, церкви и т.д., хотя подряды на них регулярно купцы получают. Примечательно, что во 2-м томе, задуманном Гоголем как «Чистилище» (закончен в 1851 г.), наряду с безусловно отрицательными персонажами появляются безусловно положительные. Один из них – о купец (!) Муразов. Именно он способен наставить Чичикова на праведный путь. Он может выполнять деликатные поручения начальства по

³⁰ Горький. 1976. С. 351.

усмирению крестьянских волнений, так как пользуется всеобщим авторитетом³¹. Он олицетворяет лучшие черты «русского хозяина» (независимо от социального статуса), главной из которых следует назвать постоянную жажду деятельности³². Именно она у купца Муразова или дворянина Костанжогло противостоит инертности помещиков Манилова, Плюшкина и «мещанскому духу» Собакевича и Коробочки.

Даже в советский период писатели подчеркивали деятельностное начало в жизни предпринимателей. Герой романа В.Я. Шишкова (1933) мечтает: «Конечно, Прохор будет здесь работать, проложит широкие дороги, оживит этот мертвый край, разделает поля, а главное – схватит вот этими руками реку и выправит ее всю, как тугие кольца огромного удава. Обязательно, обязательно все будет так» [Шишков В.Я. Угрюм-река. I, 10]. Это не дворянские Маниловские мечтания «о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян» [Гоголь Н.В. Мертвые души. II]. Громов точно знает как этого достичь: «Он знает теперь, где кочуют тунгусы и куда выходят они зимой, чтоб обменять богатый зверовой улов на ничтожную подачку от русских торгашей-грабителей. Прохор приедет сюда и все устроит по-иному: пусть вздохнет свободно этот гостеприимный, ласковый народ. Или вот еще: та сопка, на вершине которой он был утром, оказывается, имеет в себе медь. В его руках кусок металла, найденного стариком в каменном обрыве сопки» [Угрюм-река. I, 10].

Успех предпринимательской деятельности – это следствие четкого представления того, чего следует добиться, рационализма и большой работоспособности. При этом самой работе предприниматели отдаются полностью. Игнат Гордеев «был просто человек, охваченный неукротимой страстью к работе. Эта страсть горела в нем дни и ночи, он всецело

³¹ Это противоречит тому, что сформулировали полтора столетия назад представители дворянства и интеллигенции: «Сознание неправды денег в русской душе невыправимо» (Цит. по: *Боханов*. 1989. С. 6). Сама фраза принадлежит М.И. Цветаевой. Но так ли было на самом деле? Материал, приводимый В.Б. Перхавко, свидетельствует, что в средневековом русском обществе купцы занимали почетное место: присутствовали на княжеских пирах, участвовали в дипломатических миссиях и т.д. Если бы «неправда денег» была исконной чертой русского сознания, то купцы бы никогда таким уважением не пользовались.

³² Я не согласен с тем, что образ Муразова получился искусственным и нежизненным (*Федосюк* 2001. С. 169). Спорным представляется и утверждение Берлина, что «Костанжогло у Гоголя и фигура из паноптикума – Штольц у Гончарова» – «мертворожденные типы», «говорящие восковые фигуры» (*Берлин*. 1913. С. 170).

поглощался ею... Он метался по Волге вверх и вниз, укрепляя и разбрасывая сети, которыми ловил золото... В периоды увлечения работой он к людям относился сурово и безжалостно, – он и себе покоя не давал, лова рубли» [Горький М. Фома Гордеев. I]. Илья Артамонов поучал сыновей: «Все делайте, ничем не брезгуйте! – поучал он и делал много такого, чего мог бы не делать, всюду обнаруживая звериную, зоркую ловкость, – она позволяла ему точно определять, где сопротивление силе упрямее и как легче преодолеть его»³³.

Работа предпринимателей резко контрастирует с инертностью и праздностью дворянства. Ещё в 1845 г. В.С. Филимонов в поэме «Москва. Три песни» писал: «Тогда в Москве, и праздною, и богатой, / Живали жизнью полосатой: / Арбат ложился спать – уж встали на Донской». Арбат – аристократический район, Донская – одна из улиц торгового Замоскворечья: когда дворянство ложилось спать, купечество уже начинало день. Герой чеховского «Вишневого сада» (1904) Лопухин прямо говорит: «Я встаю в пятом часу утра [явно не в пример Раневской или Гаеву – В.Б.], работаю с утра до вечера...» [Вишневы сад. II].

Другая черта настоящего русского предпринимателя – особое отношение не только к собственному делу, но и к людям, вовлеченным в него. Илья Артамонов «заносчивости богача не приобретал, с рабочими держался просто, пировал у них на свадьбах, крестил детей, любил по праздникам беседовать со старыми ткачами, старые ткачи восхищались податливым хозяином, видя в нем мужика, которому судьба милостиво улыбается»³⁴. Как представляется, и отца главного героя «Лета Господнего» (1944) И.С. Шмелева его рабочие любили бы меньше, если бы он лично не вылавливал оторвавшиеся с привязи на ледоходе барки³⁵. Справедливости ради заметим, что примерно такими же характеристиками Гоголь наделяет помещика Костанжогло (2-й том «Мертвых душ»), а Толстой в «Воине и мире» – графа Николая Ростова. Личное участие – это не сугубо купеческая черта, а черта подлинного «русского хозяина».

Именно за эти два качества: «жажда до дела» и личностное отношение к окружающим (будь то работники, служащие или члены семьи) – люди могут простить предпринимателям и грубость, и жестокость... Отец Стратонова из «Жизни Клима Самгина» (1927) «своей рукой рабочих бил, а они его уважали» [Горький М. Жизнь Клима Самгина. III]. Принципиально важно наблюдение Н.Н. Зарубиной: «Рус-

³³ Горький 1976. С. 348.

³⁴ Горький 1976. С. 354.

³⁵ Апогеем этой идиллии стал эпизод с поднесением отцу повествователя гигантского именинного калача с надписью «хозяину благому».

ская литература свидетельствует, что энергичный, удачливый, но при этом честный и справедливый хозяин не был враждебен народу, воспринимался с сочувствием и пользовался большим уважением»³⁶. Независимо от того, идет речь о дворянах Николае Ростове, Костанжогло или же о купцах Станицыной, Артамонове, Гордееве. Потапа Чапурина, организатора крупного кустарного производства (по сути, рассеянной мануфактуры), происходившего из государственных крестьян, «по Заволжью никто без поклона не миновал; окольные мужики, у которых Чапурин посуду скупал, в глаза и за глаза звали его “наш хозяин”. Доверие имел не в одном крестьянском обществе, но и в купеческом» [Мельников-Печерский П.И. В лесах. I. 1,1]. Более того, такого рода предприниматели в критические моменты получают поддержку простых людей: когда у Чапурина случилась экстренная нужда в деньгах и он обратился к народу, ему «получаса не прошло, семь тысяч в шапку накидали». Аналогичный эпизод есть у Н.А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо?», когда крестьяне всем миром выручают владельца мельницы Ермила Гирина³⁷. Семье Мирона Артамонова рабочие их фабрики вообще помогли пережить погромы крайних монархистов³⁸.

Главные отрицательные черты русского предпринимателя – склонность к обману (и вообще неразборчивость средств на пути к обогащению) и лицемерие (показная религиозность). Но нередко описания, относящиеся на самом деле к крестьянству или к другому сословию, выдают за купеческие характеристики. В том же произведении Филимонова, где можно встретить такое определение: «грабитель оптовый, пузатый откупщик», оно относится не только к купцу (значительную часть откупщиков составляли дворяне), но связывается с ним, поскольку дальше идёт характеристика, впрочем, довольно нейтральная, именно купцов:

Вот купчики-скороговорцы
И срывщик продувной Гостиного двора –
И ловят и кричат: «Здесь ситцы, коленкоры,
Батист, сукно, атлас, петлицы, галуны,
Перчатки, помочи, и галстуки, и шпоры...
Зайдите! Отдадим для вас за полцены!...»

(Филимонов. Москва. Три песни. I, 16)

³⁶ Зарубина. 2003. С. 110-111. Добавим: уважением у простого человека, а не дворянина или интеллигента. Можно вспомнить, как недоучившийся студент Петя Трофимов объяснял Лопахину: «вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает ему на пути, так и ты нужен».

³⁷ Об этом же: Чудинова. 2007.

³⁸ Горький. 1976. С. 492-493.

А вот совсем иная по звучанию цитата из басни И.А. Крылова «Купец» начала XIX в:

Обманут! Обманул купец: в том дива нет;
 Но если кто на свет
 Пovyше лавок взглянет, –
 Увидит, что и там на ту же стать идет;
 Почти у всех во всём один расчёт:
 Кого кто лучше подведёт,
 И кто кого хитрей обманет.

Нетрудно заметить, что в этой басне высмеивается плутовство не только купца, но и всего общества. В романе Л.Н. Толстого описывается и как Стива Облонский стал жертвой купца (с чего началась наша статья), и как Константин Левин чуть не стал жертвой плутовства крестьян. Мужики пытались выдать стога сена, наваленные тридцатью двумя возами, за стога, насыпанные якобы пятьюдесятью, при этом они ссылались на «пухлявость сена». [Анна Каренина. I. Ч. 3. гл. 11]³⁹.

Но в литературе мы можем найти и своего рода кодекс купеческой чести. Например, в «Китай-городе» П.Д. Боборыкин привёл любопытный разговор ввязавшегося в сомнительную сделку дворянина Палтусова с купцом Осетровым: «Но вам... разве не доверяли сотни тысяч без расписок?... – Совершенно верно, ...но я возвращал сейчас же, сейчас, всё, что у меня было, при первом требовании... Наживаться можно и должно, но только не так, как вы думали...» (Китай-город. IV, 14).

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» описано становление купца Ермила Ильича, который собирает у народа под честное слово деньги для покупки мельницы и отдаёт их через неделю (Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. I, 4). В «Бесприданнице» «честное купеческое слово» тоже связывает Вожеватова «кандалами»: «Вы купец, вы должны понимать, что значит слово», – говорит ему Кнуров (Островский. Бесприданница. IV, 6, 8). Другое дело, что само оно относится к мало пристойному делу. Герой «Китай-города» Палтусов прямо говорит: «Всё кругом хапает, ворует, производит растраты, теряет даже сознание того, что своё, что чужое... Только у некоторых купеческих фамилий и есть ещё хозяйская, хотя тоже кулачская честность...» [Боборыкин. Китай-

³⁹ Сам обман купца Рябинина не выглядит чем-то сверхбезнравственным. Правда, Левин, объясняя, почему он не подал купцу руки и не предложил тому отобедать, говорит, что тот в сто раз хуже лакея. Но сам Толстой всячески подчеркивает, что Левин был «очень не в духе» и «сердился теперь не на то, что расстроило его, а придирался ко всему, что представлялось ему» [Анна Каренина. I. Ч. 2., гл. 16]. Т.е. негодование Левина – это не неприятие купеческого труда как такового. Судя по всему, Левин больше недоволен поведением Стивы Облонского, а не Рябинина.

город. IV. 22]. Т.е. получается, что только купцам как сословию свойственна честность! Исходя из этого, можно предположить, что обман в деловых отношениях – это общая черта, характерная для капитализма. При этом предприниматели по рождению её лишены.

Описанные в литературе легендарные «купеческие загулы» тоже относятся не столько к купечеству, сколько вообще к русскому характеру. Левандовские и В.В. Пименов приводят описание «чертогона» – обряда, который, по словам Лескова, можно встретить только в Москве. В обеих статьях одноимённый рассказ Лескова используется как доказательство «двуличности» купечества. Но сам Лесков видит в этом обряде иное. В начале рассказа он говорит, что описанный эпизод может быть интересен любителям «серьёзного и величественного в национальном вкусе» [Лесков Н.С. Чертогон. Гл. 1]. Герой рассказа, уважаемый купец Илья Федосеевич, приглашает несколько десятков купцов «своего уровня», снимает «Яр» и устраивает там настоящий разгул. Наутро он оплачивает с лихвой все издержки и поломки и... отправляется в монастырь, вкладчиком которого является, припасть к иконе. Процесс раскаяния происходит так: «Дядя не упал, а рухнул на колени, потом ударил лбом об пол ниц, всхлипнул и точно замер». В ногах у купца происходило борение, которое объяснила монашенка: «...он духом к небу горит, а ножками-то ещё к аду перебирает». Потом купец провозгласил: «Не подымусь, пока не простишь меня! Ты бо один свят, а мы все черти окаянные! – и зарыдал. Да ведь так зарыдал, что все мы трое с ним навзрыд плакать начали: Господи, сотвори ему по его молению». После этого какая-то сила Илью Федосеевича взяла за волосы и «из-под кумпола» на ноги поставила. Заканчивает Лесков рассказ так: «И вот он и отвержен и счастлив; он щедро одарил обитель, где вымолил себе это чудо, и опять почувствовал “жисть”... а меня ввёл в добрую веру народную. С этих пор я вкус народный познал в падении и восстании...» [Чертогон. Гл. 5]. Для Лескова чертогон – проявление народной веры. Героиня комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) Машенька Турусина говорит: «Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить, и буду каяться...». Тот же посыл мы встречаем и в диалоге Игната Гордеева с женой Натальей: «Погодила бы! успеешь еще грехи-то замолить, – сперва нагреси. Знаешь: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься... Ты вот грехи, пока молода» [Горький М. Фома Гордеев. I]; и в «Деле Артамоновых»: «Не согрешив – не покаешься, не покаешься – не спасешься»⁴⁰.

⁴⁰ Горький 1976. С. 454.

Но не характерная ли это черта вообще русского бытового православия, где грех становится неизбежным, а порой и желательным, элементом бытия?⁴¹ Ведь в русской культуре сочетание греха и раскаяния имеет очень давнюю традицию. Так, например, основателем знаменитой Оптиной пустыни считается легендарный разбойник Опта, а рядом расположенных монастырей, Доброго Покровского Лихвинского и Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова (не восстановленных после революции) – его два «дружки» Добрый и Лютый. Не следует забывать и про Кудеяра-атамана, который затем стал иноком Питиримом и увековечен Н.А. Некрасовым и Ф.И. Шалапиным.

В мемуарной литературе есть несколько описаний того, как веселится купечество. «Московский городской голова Михаил Леонтьевич Королёв, Алексей Иванович Хлудов, Павел и Дмитрий Сорокоумовские, Иван Иванович Рогожин, Василий Гаврилович Куликов и Николай Иванович Каулин ходили обыкновенно пить шампанское в винный погребок Богатырёва, близ Биржи, на Карунинской площади. Прежде всего, Королёв ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить, и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского; тогда только кончали и расходились»⁴². Всё чинно. Первое лицо города и не мог вести себя по-другому. Но был в Москве герой гораздо примечательнее любого литературного персонажа. Это Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885), столь красочно описанный в «Москве и москвичах» (1926) Гиляровского, послуживший, по словам писателя, прототипом купца Хлынова из пьесы А.Н. Островского «Горячее сердце» (1868)⁴³. Его пиры и разгульная жизнь были притчами во языцех у всей Москвы, но этот же кутила и гуляка принимал участие в покорении Средней Азии и в войне Сербии против Турции в 1870-х гг., и за беспримерную храбрость и отвагу был награждён георгиевским крестом и сербским орденом за храбрость. С этой точки зрения, и пиры Хлудова, и его участие в двух войнах – проявление русской удачи.

Характеристика всего общества зачастую воспринимается как характеристика лишь предпринимательского сословия, о чем свидетель-

⁴¹ Христианство. 1994. С. 110-111.

⁴² Щукин 1997. С. 159. Этот же рассказ в своих воспоминаниях приводит и П.А. Бурыйшкин. См. *Бурыйшкин* 1991. С. 82-83.

⁴³ *Гиляровский* 1988. С. 85-87. Указание: «Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове» (т.е. относится к концу 1830-х гг.) он вынужден был сделать по требованию цензуры, которую особенно смутила крайне «непочтительная» характеристика городничего Градобоева. Видимо, перенеся действие во времена «Ревизора» Н.В. Гоголя, А.Н. Островский показал, что такой тип городничих, как Градобоев, встречался в эпоху Николая I (Сквозник-Дмухановский).

стует пример, который в статье Левандовских выдан за описание купечества. Герой А.П. Чехова Алексей Лаптев, вспоминая детство, говорит: «Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было ещё и пяти лет. Он сёк меня розгами, драл за уши, бил по голове»⁴⁴. Но воспоминания его относятся к детству, т.е. к «крестьянскому периоду». То же можно сказать и о знаменитом монологе Кулигина в «Грозе»: «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие». Слова эти относятся не к одному купечеству, а вообще к уездному приволжскому городу. Купцы – лишь часть айсберга. «Тёмное царство» – не купеческий мир, а мир целого города. Ведь Кулигин говорит не о купечестве, а о мещанстве: «В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбраться из этой норы!» [Островский А.Н. Гроза. I, 2]. Нельзя спорить с тем, что в другой пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» купцы показаны в откровенно неприглядном виде, однако главным виновником трагедии, главным негодяем выступает не кто-то из купцов (Кнуров или Вожеватов), а дворянин Паратов. П.А. Бурьшкин замечает: «Это мнение, что Островский прежде всего бытописатель, беспристрастно отражающий в своих творениях действительность так, как он её видит и понимает, и отмечающий пороки и недостатки у *всех групп общества* (курсив мой. – В.Б.), а не обличитель-сатирик, рисующий лишь «тёмное царство» – русскую купеческую среду, постепенно стало господствующим среди русской критики и истории русской литературы»⁴⁵. К сожалению, мнение Бурьшкина было практически неизвестно советским литературоведам. Исследователям социальной истории пришлось на протяжении нескольких десятилетий ломать сложившиеся стереотипы.

Откуда же негатив в отношении предпринимателей XIX–XX вв.?

Рискнем предположить, что он связан с общим духом XVIII в., который окончательно превратил дворянство в единственное привилегированное сословие. До XVIII в. купечество имело право владеть землей и крестьянами⁴⁶, но со времен Елизаветы Петровны оно его лишилось. Если до XVIII в. (через Земские соборы и приглашения в комиссии), напрямую занимая важные государственные должности⁴⁷, купечество

⁴⁴ Чехов. Указ соч. Соч. Т. 9. С. 39.

⁴⁵ Бурьшкин 1991. С. 54.

⁴⁶ Голикова 2012. С. 66-101.

⁴⁷ Так, по меньшей мере шесть представителей рода членов гостинной сотни Чистых-Алмазовых были дьяками и подьячими. Один из них, дьяк Ерофей Иванов Алмазов, дважды возглавлял Посольский приказ и ведал книгопечатанием (Голикова 1998. С. 102 и др.; Веселовский 1975. с. 19-20, 203, 568).

могло влиять на принятие судьбоносных решений, то при преемниках Петра I ситуация изменилась. В частности, из прослеженных С.М. Троицким 20-ти родов чиновников XVIII в. не было ни одного, члены которого имели отношение к предпринимательской деятельности⁴⁸.

В XVIII в. постепенно сократился список обременительных, но общественно важных повинностей, которое несло купечество в отношении государства: сбор таможенных пошлин, сбор и доставка государственных податей, ведение приема и счета денежной казны в некоторых приказах и др.⁴⁹ Никто не ставил под сомнение экономическую мощь купечества, однако его роль оказалась гораздо менее заметной и почетной⁵⁰, чем та, которую играло дворянство. Примечательно, что в романе «Война и мир» описывается встреча императора Александра I с дворянством и купечеством в 1812 г., которая проходит в отдельных залах! [Т. III. Ч. 1, гл. 23]. С XVIII в. для активного (и «заметного») участия в жизни государства предпринимателям приходилось становиться дворянами. В свою очередь перешедшие в дворянство предпринимательские династии если не переставали вести родовое дело, то прекращали лично им заниматься. Таким образом, предпринимательская деятельность оказалась выведенной из повседневной практики самого привилегированного социального слоя, напрямую влиявшего на политическую, экономическую, социальную жизнь страны. Русская литература, создаваемая в первую очередь писателями-дворянами, такой общественный порядок оправдывала. Литераторы выстраивали трехуровневую систему: государство – дворянство – крестьянство: государство держится на дворянстве, которое в свою очередь держится на труде крестьян. При этом в психологии русского дворянства и воспитанной им русской интеллигенции с начала XIX в. действительно существовало *неприятие* любой коммерческой деятельности. А.Н. Боханов приводит интересное суждение на эту тему экономиста И.Х. Озерова: «Подальше от промышленности – это дело нечистое и недостойное каждого интеллигента!..»⁵¹ Места предпринимательской этике в выстроенной трехуровневой системе не было.

Писатели-дворяне через свои произведения именно дворянскую этику сделали главным эталоном жизни общества. Служба (военная

⁴⁸ Троицкий. 1974. С. 252-253. Если на 1755 г. выявлен 1% чиновников «из купцов», то в более поздний период – ни одного (Миронов 1999. С. 200).

⁴⁹ Из последних работ по теме: Акельев 2014. С. 151.

⁵⁰ А.С. Ушаков писал: «купеческое общество... наперекор и всем движениям последнего времени остается при своем упрямом равнодушии, избегает в деле, прямо в ущерб делу, всего общественного и живет и богатеет и банкротится *особняком* (курсив мой – В.Б.)». Ушаков 1865. С. 2.

⁵¹ Цит. по: Боханов 1989. С. 6.

или, на крайний случай, гражданская), напряженная мыслительная работа и «благородная праздность» были в первой половине XIX в. основной общественной морали. И даже в условиях разорения отношение к предпринимательству особо не менялось. Впрочем, некоторые дворяне пытались это изменить, участвуя в системе кредитов, в закладывании земель и т.д. Однако эти попытки далеко не всегда были удачными. Так персонаж «Барышни-крестьянки» Муромский, первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский Совет, но даже несмотря на это, «на чужой манер (Муромский – англоман) хлеб русский не родится»; отец Онегина тоже «земли отдавал в залог». Более того, попытки эти были нередко нечестными. Н.С. Лесков, описывая общество конца 1810–1820-х гг., писал: «помещики средней руки охотно должали и жили не по средствам. *Непривычные к расплатам, эти новые аристократы... брали займы, мало думая, или, лучше сказать, совсем не думая, об отдаче*» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4; курсив мой. – В.Б.]. Т.е. благородные дворяне шли на сознательный обман: брали ссуды, кредиты, а отдавать не собирались. Здесь можно вспомнить и Чичикова, который решил наживаться на мертвых душах (в прямом и переносном смысле этого слова), а затем и вовсе (уже во 2-м томе «Мертвых душ»), сторговав имение за 25 тысяч, пытался отдать только 20! Получается, что именно дворянский капитализм оказался в большей степени связан с мошенничеством, а вовсе не купеческий! Видно, неспроста Палтусов в «Китай-городе» говорит, что только у купцов честность и осталась. К осуждению предпринимательской деятельности привела неспособность дворян ей заниматься (или заниматься ей честно)!

Еще одна деталь: отсутствие земельной собственности у купцов в XIX в. могло делать их в глазах многих «изгоями» и вызывать изначальное недоверие у населения, в значительной степени земледельческого. Это недоверие и было абсолютизировано русскими писателями, в большинстве землевладельцами. В их произведениях уважением и сочувствием пользуются по большей части те предприниматели, которые чувствуют свою связь с землей или с крестьянскими корнями. Так, доверием общества пользуются Муразов, Чапурин, основатель дела Артамоновых... Интересно, что в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1877) всячески подчёркивается разница между смекалистым мужиком Ермилом Гириным и купцом Алтынниковым, хотя, казалось бы, оба они – представители предпринимательского сословия. Но первый – явно человек «из народа», а второй – «рыцарь наживы».

Впрочем, на региональном уровне положение купечества в XVIII–XIX вв. мало отличалось от того, какой статус они имели в допетровское

время. Именно предприниматели на протяжении всего дореволюционного периода оставались подлинными «отцами города». Примечательно, что даже в «Грозе» А.Н. Островского Дикой осознает свою силу и понимает, что может прийти в такое расположение, что всех осчастливить может. Правда, в таком расположении его никто никогда не видел. На уровне столичных городов, да, видимо, и губернских центров (во всяком случае, европейской России) положение купечества было заметно поколеблено «коронной администрацией».

Повышение роли предпринимательского сословия в общественной жизни страны во второй половине XIX в. следует считать ничем иным, как возвратом к тому положению, которое оно имело в допетровское время. Связано это было не с какими-то процессами в самом предпринимательском сословии, а в жизненном настроении эпохи: «Со времени объявления освобождения крестьян из крепостной зависимости, наше купеческое общество выпукло выдвинулось вперед, но это *никак не исключительно его заслуга* (курсив мой. – В.Б.), а скорее заслуга времени: дело в том, что общество это с падением крепостных отношений и многих переживших свое время и умерших скоростижно привилегий... обращает на себя теперь более внимания, нежели прежде»⁵². Можно сказать, что выход купечества на ведущую роль в общественной жизни было неожиданным – и в первую очередь для дворянства: «Магистрант – из купцов... Дворяне, культурные люди, люди расы, с другим содержанием мозга, – и не могут стряхнуть с себя презренной инертности, а тут тятенька торговал рыбой, или «пунцовым» товаром каким-нибудь, а сынок пишет монографию о средневековых ценах, или об учении Гуго Гроция» [Боборыкин П.Д. Китай-город. V. 13].

Как могла на этот процесс реагировать русская литература? Только по инерции высмеивая образ жизни, связанный с предпринимательской деятельностью (но не её саму). Ведь «уже Добролюбов обратил внимание на чрезвычайную упрощенность и элементарность тех вопросов и отношений, около которых вертится вся жизнь и совершается вся борьба героев Островского. Все это семейные или имущественные дела»⁵³. Так, Е.А. Андреева-Бальмонт, представительница старого московского купеческого рода, писала, что в пьесах Островского мы видим лишь *формы старого купеческого быта* (начавшего во второй половине XIX в. рушиться), но лишённые живого содержания: «Тут патриархальная власть старшего заменяется деспотизмом, грубым произволом сильного над

⁵² Ушаков. 1865. С. 37.

⁵³ Берлин. 1913. С. 179.

слабым». При этом мемуаристка отмечала, что художник брал «образцы яркие, типы людей выдающихся, характерных для этого отживающего строя».⁵⁴ С социально-бытовой точки зрения сюжеты «Грозы» и «Бесприданницы» Островского объясняют многие конкретно-исторические реалии. Чтобы ярче, красочнее проявились черты главных героев, чтобы показать их внутреннее благородство, силу характера, Островскому необходимо было противопоставить их существующей, всеобъемлющей и враждебной силе, достойной их самих. Кто бы мог ей стать? Человек деспотичный, держащий многих людей в материальной зависимости и, самое главное, с сильным, неординарным характером. Иными словами, яркой личностью (пусть и с отрицательным зарядом). Во времена Островского этими качествами в большей степени обладали представители купечества. Деспотизм многих из них зиждился на патриархальных порядках, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Таким образом, следует признать, что отрицательное отношение к богатству (и к предпринимательской деятельности как средству его достижения) не было исконным в русском самосознании. Скорее всего, оно утверждается через произведения русских писателей, большая часть которых происходила из дворянства – социального слоя, в значительной степени далекого от «коммерции» – именно в XIX в. Созданный художественной литературой отрицательный стереотип в силу инерции продолжал воспроизводить сам себя на протяжении XIX–XX вв. Но даже это обстоятельство не привело к появлению в отечественной литературе образов предпринимателей-злодеев. В произведениях русских писателей нет осуждения предпринимательства как такового. Осуждение деспотизма, жадности, жадности наживы и т.д. относится не только к купечеству, но и ко всему российскому социуму. Интересно, что самые отрицательные персонажи, связанные с коммерческой деятельностью, это, как правило, дворяне (например, Паратов из «Бесприданницы» А.Н. Островского).

В заключение рассмотрим еще один стереотип: якобы предпринимательская деятельность требовала некоей общественной легитимации.

Н.Н. Зарубина пишет, что с точки зрения *ценностной* рациональности «предприниматель выглядит нравственно неполноценным», так как олицетворяет «*практическую* рациональность»⁵⁵. Мол, в глазах общества предпринимательская деятельность оправдана, лишь когда приносит благо обществу, а сами предприниматели тяготеют своим ремеслом. Соот-

⁵⁴ Андреева-Бальмонт. 1997. С. 18.

⁵⁵ Зарубина 2003. С. 103.

ветственно, «моральное давление, оказываемое обществом на купечество, побуждало его принимать меры для повышения своего общественного престижа, во многом определив такие особенности российского предпринимательства второй половины XIX в., как увлечение благотворительностью, меценатством, общественной деятельностью»⁵⁶. Благотворительность – первое звено в эволюции отношений предпринимателей и общества, которое через этику служения находит завершение в этике ответственности⁵⁷. Такая общая социологическая схема может значительно трансформироваться в различных историко-географических условиях. Как представляется, русская литература показывает, что эта схема, оптимально характеризующая отношение предпринимателя и общества на Западе, к России мало применима. И здесь автору вспоминается, как на конференции «Индустриальное наследие, проходившей в июне 2006 г. в г. Гусь-Хрустальный, одна зарубежная исследовательница, увидев памятник Акиму Мальцеву, основателю знаменитых стекольных заводов, была удивлена: мол, в Европе нельзя встретить памятник предпринимателю! Данный факт обращает внимание на то, что именно в России купец был подлинным организатором жизни, основателем не только фабрик и заводов, но и целых городов, зачинателем освоения ранее обжитых местностей. В этой связи социологическая схема «благотворительность – этика служения – этика ответственности» мало соотносима с Россией. Исходя из этого, можно предположить, что в России какая-либо дополнительная легитимация предпринимательской деятельности не требовалась – для неё изначально характерна этика служения!

В самом начале XIX в. один из литературных персонажей, сиделец Андрей (комедия П.А. Плавильщикова «Сиделец Андрей», 1803) говорит: «Хороший купец, поставив на честность торг свой, может столько же отечеству принести пользы, сколько дворянин, проливая свою для защиты спокойствия и славы»⁵⁸. Это высказывание – яркий пример осознания предпринимателями своей силы и своего места в государстве – и есть формулировка этики служения (создатель пьесы сам принадлежал к предпринимательскому сословию). Через 13 лет, в 1816 г., в условиях восстановления пострадавшей в ходе пожара Москвы Трёхгорной мануфактуры Т.В. Прохоров открывает первую в Европе школу ремесленных учеников. Ещё только начиная семейное дело герои «Дела Артамоновых» Горького в 1860-е гг. думают о больнице, училище и т.д. Уже в

⁵⁶ Зарубина 2004.

⁵⁷ Зарубина 2004. С. 96.

⁵⁸ Брянецев 2001. С. 185.

1866 г. преобразовательная сила купечества была подмечена в публицистике: «Купец по своему положению у нас является разносторонним деятелем: кроме своего прямого занятия, ремесла дедов – торговли, он соприкасается с общественной деятельностью, как фабрикант имеет влияние на народ, держит нередко под своим влиянием целый околоток, целые населенные...»⁵⁹. Нельзя не вспомнить и наблюдение П.А. Бурьшкина: «...в старой Москве богатство решающей роли не играло. Почти все семьи, которые надлежит поставить на первом месте в смысле их значения и влияния, были не из тех, которые славились своим богатством. Иногда это совпадало, но лишь в тех случаях, когда богатство служило источником для дел широкого благотворения, или создания музеев, клиник, или развития театральной деятельности»⁶⁰.

Этика служения была изначально присуща русскому предпринимателю. Но, начиная с преемников Петра I, она оказалась в значительной мере искусственно связана едва ли не исключительно с дворянским сословием, а купечество в сознании общества и в титульной государственной жизни отодвинуто на второй план. Поэтому оно в 1812 г. ждёт императора в другом зале, а не в том, в котором находится дворянство!

Богатство и достаток вовсе не требуют какой-то специальной легитимации. В эмиграции В.П. Рябушинский, представитель знаменитой промышленной династии, в своих рассуждениях о русском хозяине писал: «Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью или даже нищетою»⁶¹. Т.е. богатство или нищета – благословение Божие. Или же у П.А. Бурьшкина: «Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчёта...»⁶². Эти два мемуарных свидетельства показывают, что богатство само по себе представлялось неким условием, в рамках которых ведут свою деятельность (не только коммерческую, но и общественную) предприниматели. Более того, литература показывает случаи, когда предприниматель сам отказывается от собственного дела – это также может служить доказательством того, что предприниматели вовсе не всегда живут ради наживы. Н.С. Лесков в рассказе «Житие одной бабы» (1863) вывел образ купца

⁵⁹ Ушаков 1866. С. 24.

⁶⁰ Бурьшкин 1990. С. 109

⁶¹ Рябушинский 1994. С. 135. В археографической экспедиции 2011 г. внучке одного предпринимателя, жившего в с. Шурма в начале XX в., был задан вопрос: относились ли к богатству, как к чему-то плохому или нет. На что та ответила: «У кого что-то получилось – Бог помог» (Архив Межкафедральной археографической лаборатории. ф. Южная Вятка. 2011 г. Дневник В. Богданова. С. 30).

⁶² Бурьшкин 1913. С. 113.

Силы Ивановича Крылушкина: «В молодости он... вёл свою торговлю, а потом, схоронив на тридцатом году своей жизни жену, которую, по людским рассказам сам замучил, запер дом и пять лет странничал. Он был в Палестине, в Турции, в Соловках, потом жил с каким-то старцем в Грузии... Он с бедных людей ничего не брал за лечение, да и вообще и с состоятельных-то людей брал столько, чтоб прожить можно больному... Его умеренность и бескорыстие были известны целому городу и целой губернии». Жил он в доме, «леча больных, пересушивая травы и читая духовные стихи» [Лесков Н.С. Житие одной бабы. II, 1]. Один из сыновей горьковского героя Ильи Артамонова отказывается от участия в семейном деле и уходит в монастырь.

Таким образом, предпринимательская деятельность если и требовала какой-либо легитимации, то только в сознании дворянства и интеллигенции, которые от неё были далеки. Те предприниматели, которые тяготились своим статусом, через свое мучение, может быть, и примирялись с рефлексирующими по этому поводу дворянством и интеллигенцией, но точно не находили моральной поддержки у простых людей (в частности, работавших на них). Такие художественные образы не находят безусловной симпатии и у читателей. Неудовлетворенность своим статусом характерна для любого человека, и она не должна затмевать его общественную роль. Во всяком случае, вовсе не своей рефлексией по поводу тщетности наживы интересен читателю (и стоящему за ним обществу) Игнат Гордеев. Он интересен в первую очередь благодаря широте души и постоянной работе. Что касается Петра Артамонова, говорившего, что его впрягли в управление фабрикой (чем он и тяготится), то он вообще никакого сочувствия не вызывает.

Подводя итог сказанному, заметим следующее.

Литература детально отразила отличия купечества от других социальных и историю становления промышленных и торговых династий, выявила пестроту и неоднородность предпринимательского сословия в России, показала разницу в мотивации предпринимательской деятельности среди представителей купечества. Несмотря на то, что русские писатели сознательно пытались показать несовместимость коммерческой деятельности с общим российским этосом (что можно объяснить инстинктивной попыткой оправдать инертность дворянства), в целом литература показала место предпринимательской деятельности в общей системе ценностей русского социума. Созданный же русскими писателями «негатив» в купеческих образах относится к бытовой стороне, а не

к самой предпринимательской деятельности. При этом он должен был, в первую очередь, помочь воплощению их художественных замыслов – на фоне отрицательных персонажей должны были яснее проявиться положительные черты главных героев, – а не бросать тень на предпринимательство как социальный слой. Впрочем, указанный «негатив» в дореволюционный период так и не укоренился в народном сознании, оставшись, пожалуй, характерным только для мировоззрения дворянства и интеллигенции – социальных слоев, из которых и происходило большинство отечественных писателей.

Тезис о негативном (если не во всех случаях, то хотя бы по большей части) образе купцов в русской литературе связан либо с неправильной трактовкой произведений, либо с игнорированием негативных образов других социальных групп. То, что предпринимательству в глазах общества требовалась некая дополнительная легитимация (которая якобы и приводила к широкой благотворительности), следует признать историографическим тезисом переходного периода: русскому ученому сообществу, как и социуму в целом, в начале 2000-х гг. было трудно изменить стереотипы, навязываемые десятилетиями. В настоящее время, как представляется, следует признать, что этика служения была изначально присуща русскому предпринимательству, и литература XVIII – начала XX в. об этом свидетельствует.

Бросается в глаза парадоксальное явление: в условиях торжества реализма в литературе, именно образы предпринимателей сохранили романтические черты! Не следует забывать, что именно предприниматели в художественных произведениях изображаются подлинными преобразователями. Это они осваивают тайгу, подчиняют водные стихии, организуют работу тысяч людей. Именно такими были Приваловы (выбившиеся в дворянство), Артамоновы, Гордеевы... При этом именно им, а не представителям других социальных групп, писатели приписывают яркие непримиримые (подлинно романтические) внутренние противоречия: склонность к греху и тяга к покаянию, неистовость (а нередко и жестокость) уживающиеся с нежностью. При этом многие рождаются в той социальной среде, которая не располагает к роскоши или к духовным исканиям, а жизнь в зрелом возрасте на широкую ногу вовсе не отменяет их мученические поиски смысла жизни... Купечество России (как это показывает художественная литература) давало, прежде всего, яркие русские типы. Их трудно описывать полутонами, они заслуживают контрастных красок, это всегда сильные личности, вызывающие уважение (а порой и симпатию) читателя. А это ещё одно доказа-

тельство, что предпринимательство воспринималось, главным образом, могучей преобразовательной силой, а вовсе не «тёмным царством».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеева Е.А.* Староверы-предприниматели Кузнецовы // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.). Вып. 3. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Акельев Е.В.* Старообрядцы в финансовых структурах Российской империи (1722–1785) // О вере и суевериях: сборник в честь Е.В. Смилянской. – М.: Индрик, 2014. С. 149-179.
- Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (из истории формирования русской буржуазии). – М.: Наука, 1988.
- Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1997.
- Берлин П.А.* Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь. 1913. № 1.
- Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989.
- Брянцев М.В.* Образ купечества в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3: Сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 181-196.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М.: Наука, 1975.
- Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая: Мемуары / Вступ. ст., коммент. Г.Н. Ульяновой, М.К. Шаццлло. – М.: Высшая школа, 1991.
- Галкина Е., Мусина Р.* Кузнецовы. Династия и семейное дело. – М., 2005.
- Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Ташкент, 1988.
- Голикова Н.Б.* Привилегированное купечество в структуре российского общества в XVI –первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012.
- Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. – М.: Памятники исторической мысли, 1998.
- Горький М.* Дело Артамоновых // Горький М. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 2. Мать. Дело Артамоновых. – М.: Художественная литература, 1976.
- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
- Зарубина Н.Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 101-115.
- Зарубина Н.Н.* Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 96-105.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
- Левандовская А.А., Левандовский А.А.* «Тёмное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // ОИ. 2002. № 1. С. 146-158.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII –начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1-2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Николаева И.Ю.* Новые возможности диалога истории и литературы в условиях методологической «смены вех» // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 22-33.
- Перхавко В.Б.* Торговые люди Средневековья в фольклоре // Труды Института российской истории. 2012. № 10. С. 475-490.

- Пименов В.В. Москва в русской литературе XIXв.: этнографические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 31-61.
- Рябушинский В.П. Русский хозяин // *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство; русский хозяин; статьи об иконе. М., 1994.
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974.
- Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Сб. статей. Вып. 1. М., 1865; Вып. 2. М., 1866.
- Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Фигаро из Сущева. Диссонансы // Московский листок. 1 декабря 1894. № 334. С. 3. Христианство. Словарь. М., 1994.
- Чудинова Г.В. Эволюция образа старообрядца в русской литературе // Старообрядчество: история, культура, современность. Т. 2. М., 2007. С. 164-172.
- Щацлло М.К., Ульянова Г.Н. [Вступ. ст.] // *Бурыйкин П.А.* Москва купеческая: Мемуары. М.: Высшая школа, 1991.
- Щукин П.И. Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997.

BIBLIOGRAFIJA

- Ageeva E.A. Starovery-predprinimateli Kuznetsovy // *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII-XX vv.)*. Вып. 3. — М.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
- Akel'ev E.V. Staroobryadtsy v finansovykh strukturakh Rossiiskoi imperii (1722–1785) // *O vere i sueveriyakh: sbornik v chest' E.V. Smilyanskoi.* — М.: Indrik, 2014. S. 149-179.
- Aksenov A.I. Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v. (iz istorii formirovaniya russkoi burzhuazii). — М.: Nauka, 1988.
- Andreeva-Bal'mont E.A. Vospominaniya. М.: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1997.
- Berlin P.A. Burzhuaziya v russkoi khudozhestvennoi literature // *Novaya zhizn'*. 1913. № 1.
- Bokhanov A.N. Kollektsonery i metsenaty v Rossii. М.: Nauka, 1989.
- Bryantsev M.V. Obraz kupechestva v russkoi literature kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. // *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri*. Вып. 3: Sbornik nauchnykh statei. Barnaul: Izd-vo AGU, 2001. S. 181-196.
- Veselovskii S.B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. — М.: Nauka, 1975.
- Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya: Mемуary / Vstup. st., komment. G.N. Ul'yano-voi, M.K. Shatsillo. — М.: Vysshaya shkola, 1991.
- Galkina E., Musina R. Kuznetsovy. Dinastiya i semeinoe delo. — М., 2005.
- Gilyarovskii V.A. Moskva i moskvichi. Tashkent, 1988.
- Golikova N.B. Privilegirovannoe kupechestvo v strukture rossiiskogo obshchestva v XVI –pervoi chetverti XVIII v. Iz nauchnogo naslediya / Sost. N.V. Kozlova, V.N. Zakharov, I.E. Trishkan. — М.; SPb.: Al'yans-Arkheo, 2012.
- Golikova N.B. Privilegirovannyye kupecheskie korporatsii Rossii XVI – pervoi chetverti XVIII v. Т. I. — М.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1998.
- Gor'kii M. Delo Artamonovykh // *Gor'kii M.* Izbrannyye proizvedeniya. V 3-kh tomakh. Т. 2. Mat'. Delo Artamonovykh. — М.: Khudozhestvennaya literatura, 1976.
- Zarubina N.N. Pravoslavnyi predprinimatel' v zerkale russkoi kul'tury // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2001. № 5.
- Zarubina N.N. Rossiiskii predprinimatel' v khudozhestvennoi literature XIX – nachala XX veka // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2003. № 1. S. 101-115.

- Zarubina N.N. Etika sluzheniya i etika otvetstvennosti v kul'ture russkogo predprinimatel'stva // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. № 1. S. 96-105.
- Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya*. M.: Nauka, 1987.
- Levandovskaya A.A., Levandovskii A.A. «Temnoe tsarstvo»: kupets-predprinimatel' i ego literaturnye obrazy // *OI*. 2002. № 1. S. 146-158.
- Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (KhVIII – nachalo KhKh v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. T. 1-2. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999.
- Nikolaeva I.Yu. *Novye vozmozhnosti dialoga istorii i literatury v usloviyakh metodologicheskoi «smeny vekh»* // *Dialog so vremenem*. 2013. № 45. S. 22-33.
- Perkhavko V.B. *Torgovye lyudi Srednevekov'ya v fol'klоре* // *Trudy Instituta ros-siiskoi istorii*. 2012. № 10. S. 475-490.
- Pimenov V.V. *Moskva v russkoi literature XIXv.: etnograficheskie aspekty* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya. 2002. № 4. S. 31-61.
- Ryabushinskii V.P. *Russkii khozyain* // *Ryabushinskii V.P. Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo; russkii khozyain; stat'i ob ikone*. M., 1994.
- Troitskii S.M. *Russkii absolutizm i dvoryanstvo v XVIII v.* M.: Nauka, 1974.
- Ushakov A.S. *Nashe kupechestvo i torgovlya s ser'eznoi i karikaturnoi storony*. Sb. statei. Vyp. 1. M., 1865; Vyp. 2. M., 1866.
- Fedosyuk Yu.A. *Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka*. M.: Flinta, Nauka, 2001.
- Figaro iz Sushcheva. *Dissonansy* // *Moskovskii listok*. 1 dekabrya 1894. № 334. S. 3.
- Khristianst'vo. *Slovar'*. M., 1994.
- Chudinova G.V. *Evolutsiya obraza staroobryadtsa v russkoi literature* // *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. T. 2. M., 2007. S. 164-172.
- Shatsillo M.K., Ulyanova G.N. [Vstup. st.] // *Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya: Memuary*. M.: Vysshaya shkola, 1991.
- Shchukin P.I. *Vospominaniya. Iz istorii metsenatstva Rossii*. M., 1997.

Богданов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com

Images of merchants in Russian literature

The article is dedicated to the images of merchants in the Russian classical literature. On their basis, the author refutes the established historiographical topos about the negative attitude to business that allegedly had existed in Russian ethos. The author shows that the negative views of business world only emerged in the late 18th – early 19th c. In this case, this “negative attitude”, which appeared in the works of Russian writers, related only to the everyday aspect of the life of owners, but certainly not to their professional activity. Furthermore, in the pre-revolutionary period this attitude was not shared by the masses, and even after the decades of the Soviet regime country folk did not see business in negative light, and does not now.

Keywords: merchants, enterprise, Russian literature, social history.

Vladimir Bogdanov, PhD, Senior researcher, Laboratory of the history of culture, History Department, Moscow State Lomonosov University; vpbogdanov@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ

Д. П. БАК

ПРОЕКТ ИЗДАНИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ» И НОВЫЕ АЛГОРИТМЫ РАБОТЫ СЕТИ РОССИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МУЗЕЕВ

Энциклопедия «Литературные музеи России» имеет особое значение в ряду тех проектов Государственного литературного музея, которые должны привести к системным и долгосрочным результатам, оказать существенное влияние на оптимизацию работы всей сети литературных музеев России. В числе решаемых таким способом задач – «перепись» литературных музеев России. Результатом реализации пилотного этапа проекта должно стать новое качество коммуникации: сеть литературных музеев должна заработать подобно социальной сети в интернете.

Ключевые слова: история литературы, музееведение, Год литературы в России, энциклопедия «Литературные музеи России», сеть литературных музеев, коммуникация, информационный портал, оптимизация деятельности.

2015 г. объявлен в Российской Федерации Годом литературы, в официальный план его проведения включены многие важные и заметные мероприятия, в том числе и с участием Государственного литературного музея (ГЛМ). Для ГЛМ особое значение имеют те проекты, которые должны привести к системным и долгосрочным результатам, оказать существенное влияние на оптимизацию работы всей сети литературных музеев России: создание Ассоциации литературных музеев РФ, проведение Международного форума литературных музеев и др.

Среди подобных замыслов ГЛМ особое значение имеет проект издания энциклопедии «Литературные музеи России». Многие важные задачи могут и должны быть решены уже на ранних стадиях реализации проекта. Одна из главных – своеобразная «перепись» литературных музеев Российской Федерации, в том числе федеральных, региональных, муниципальных, а также частных и существующих на общественных началах в учебных заведениях, учреждениях науки и культуры. Новое качество коммуникации литературных музеев России должно стать результатом пилотного этапа проекта Энциклопедии. Сеть литературных музеев Российской Федерации должна заработать подобно социальной сети в интернете: каждый музей будет заинтересован в создании собственного самоописания – четкого и ясного, построенного по единой продуманной схеме, доступного для коллег-музейщиков и посетителей.

Получить своеобразный «аккаунт» в сети для каждого из них – важная задача, которая позволит не только описать себя, свои достижения, историю, перспективы развития, но и больше узнать о работе коллег, их достижениях и инновациях, о возможностях межмузейного сотрудничества.

Главная проблема, которую обсуждали разработчики проекта на начальном этапе реализации, – соотношение «бумажного» и «электронного» его измерений. Выбор был осознанно сделан в пользу подготовки и выпуска в свет традиционного книжного издания, ориентированного на опыт издания двухтомной «Российской музейной энциклопедии» (2001). Предполагаемый объем нового иллюстрированного двухтомника – не менее 70 авторских листов только текста. Книжное издание позволит зафиксировать наличное состояние сети литературных музеев России, подытожить системные, инфраструктурные изменения, происшедшие в музейной сфере за десятилетия, прошедшие с момента распада СССР и образования Российской Федерации. Создание информационного портала сети литературных музеев возможно в будущем в качестве следующего, «продвинутого» этапа реализации нашего проекта, пока же авторский коллектив планирует сосредоточить усилия на редакционно-издательской работе. Таким образом будет достигнут баланс между традиционным подходом и инновациями, обеспечен плавный и логичный переход от статичного самоописания сети литературных музеев страны к динамичному поиску новых алгоритмов их сетевого взаимодействия.

Еще один вопрос, который стоял перед инициаторами проекта, – адресат будущего издания; выбор здесь был между двумя стратегиями: книга для специалистов-музейщиков и, с другой стороны, – издание, адресованное широкому кругу потенциальных посетителей литературных музеев. И этом случае предпочтение было отдано формату традиционного, консервативного энциклопедического издания, предназначенного в первую очередь для профессионалов, а также – в качестве учебного пособия – для студентов-гуманитариев (главным образом для музеологов) и лишь затем – для широкого круга любителей литературы и посетителей памятных литературных мест. В данном случае консервативный выбор стратегии реализации проекта на начальном этапе предполагает наличие его инновационного продолжения. На основании информации, аккумулированной для Энциклопедии, предполагается в будущем подготовить целую серию изданий иного профиля, к примеру, путеводителей по литературным музеям того или иного региона, справочных изданий и т. д. Возможный ряд заглавий представить достаточно легко: «Музеи писателей Серебряного века», «Литературные музеи-усадьбы России», «Литературные музеи Урала и Сибири» и т. д.

Наконец, третья узловая проблема начальной стадии реализации проекта – терминологическое уточнение понятия «литературный музей». Включать ли в Энциклопедию краеведческие музеи, историко-культурные и природные заповедники, которые имеют в своем составе «литературные» филиалы либо отделы? Литературные музеи, в прошлом существовавшие в качестве самостоятельных, а затем вошедших в состав вновь образованных музейных объединений? Подобные вопросы будут решаться в каждом отдельном случае исходя из реальных исторических предпосылок и с учетом предпочтений и пожеланий руководителей и коллективов ныне существующих музеев.

Подготовка к началу реализации проекта Энциклопедии велась весной 2014 г. рабочей группой сотрудников Государственного литературного музея: директор Д.П. Бак, заместитель директора по научной работе Э.Д. Орлов и заведующая сектором издательских проектов редакционно-издательского отдела Е.А. Воронцова. Впервые проект был представлен в июне 2014 г. на заседании в рамках фестиваля «Литературные сезоны», приуроченного к 80-летию юбилею ГЛМ. В течение следующих месяцев были сформированы редакционный совет и редакционная коллегия, в состав которых вошли не только авторитетные теоретики и практики музейного дела, но и известные филологи, историки, культурологи. Состав редсовета и редколлегии были утверждены в сентябре 2014 г. на XXX-й юбилейной сессии Семинара директоров литературных музеев России имени Н.В. Шахаловой в Музее-заповеднике А.Н. Островского «Щельково». Также были обсуждены и общая концепция Энциклопедии, и типовая структура статей.

В декабре 2014 г., в рамках III Анциферовских чтений, организованных совместно ГЛМ и ИМЛИ РАН, было проведено пленарное заседание, посвященное обсуждению структуры словника будущей Энциклопедии. Было признано целесообразным включить в издание специальные статьи не только об отдельных литературных музеях, но также об основных терминах и понятиях музейного дела, о правовых основах функционирования музеев, об истории развития литературных музеев в отдельных регионах и в связи с этим – о наиболее известных руководителях и сотрудниках литературных музеев, людях, немало сделавших для организации и развития тех или иных музеев.

Весной 2015 г. при содействии Министерства культуры Российской Федерации были разсланы официальные письма руководителям департаментов и управлений культуры всех регионов страны с информацией об издании Энциклопедии и о способах взаимодействия с редакционной коллегией и редакционным советом издания.

В июне 2015 г. на очередной сессии Семинара директоров литературных музеев России в Оренбурге был утвержден словник Энциклопедии, который включает более 1800 статей. После этого события проект вступил в новую фазу реализации; в течение ближайшего времени будет определен круг авторов первой группы статей, посвященных отдельным литературным музеям. К завершению Года литературы будет приурочен семинар, на котором состоится обсуждение этих статей, а также будет утвержден график работы над подготовкой Энциклопедии к печати.

Инициаторы энциклопедии «Литературные музеи России», а также члены редакционного совета издания уверены, что реализация этого масштабного издательского проекта послужит делу оптимизации работы сети литературных музеев Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.
Воронцова Е.А. Энциклопедия «Литературные музеи России» // Вопросы культурологии. 2015. № 1. С. 6–7.

REFERENCES

- Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya / A. A. Sundieva, E. A. Vorontsova, T. N. Kadaurova i dr.: V 2 t. M.: Progress, «RIPOL KLASSIK», 2001.
Vorontsova E. A. Entsiklopediya «Literaturnye muzei Rossii» // Voprosy kul'turologii. 2015. № 1. S. 6–7.

Бак Дмитрий Петрович, директор Государственного литературного музея, кандидат филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; dbak@goslitmuz.ru

The project of the publication of the Encyclopedia “Literary Museums of Russia” and new algorithms in the work of the network of Russian literary museums

The encyclopedia ‘Literary Museums of Russia’ is a major project of the State Museum of Literature, which expected to bring systemic and long-term results and optimize the work of all literary museums of Russia. One of the most important tasks is to make an ‘inventory’ of Russian literary museums. The implementation of the pilot stage of the project should create a new quality of communication: the network of literary museums should work like an online social network.

Keywords: history of literature, museum studies, year of literature in Russia, network of literary museums, communications, information portal, optimization of work.

Dmitry Bak, director, State Museum of literature, PhD (philology), Professor, Russian State University for Humanities; dbak@goslitmuz.ru

Е. А. ВОРОНЦОВА

ОТ «РОССИЙСКОЙ МУЗЕЙНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» К ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ» ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Инициаторы исследовательского и издательского проекта – энциклопедии «Литературные музеи России» рассматривают его как способ достичь более глубокого понимания феномена литературного музея, его места в культуре прошлого, настоящего и даже будущего, улучшить информационное обеспечение данной сферы социокультурной деятельности и наук о ней, как первый шаг к созданию еще более масштабного профильного информационного ресурса. Автор статьи останавливается на следующих вопросах: 1) что собой представляет музей и в чем заключается специфика литературных музеев как профильной группы; 2) что собой представляет энциклопедия – и как тип издания, и как система информации, выверенной на основе четко формулируемых критериев и особым образом организованной; 3) что получают конкретные потребители создаваемого интеллектуального продукта и общество в целом в результате обращения к энциклопедии.

Ключевые слова: *литературный музей, энциклопедия, информационный ресурс, интерпретация информации, информационная энтропия, репрезентация знания, «Российская музейная энциклопедия», энциклопедия «Литературные музеи России».*

Приступая к такому многотрудному делу, как энциклопедия, да еще первая энциклопедия по столь значимой для России профильной группе, как литературные музеи, нужно дать ответ на три главных вопроса: почему и ради чего (ради достижения какой цели) затеяно это предприятие, а также как (применяя какой инструментарий – методы, средства, технологии) достичь поставленной цели. Чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, рассмотрим: 1) что собой представляет музей (в т.ч. как информационная система) и в чем заключается специфика литературных музеев как профильной группы; 2) что собой представляет энциклопедия – как особый тип издания и как система информации, выверенной на основе четко формулируемых критериев и особым образом организованной; 3) что получают конкретные потребители данного интеллектуального продукта и общество в целом в результате обращения к энциклопедии. Такой анализ возможен благодаря достижениям в области теории и методологии истории (прежде всего истории культуры), музееведения и гуманитаристики в целом, а также теории информации¹.

¹ Определяющее влияние на этапе становления на автора статьи оказала концепция И.Д. Ковальченко (см.: *Ковальченко* 1987; 2003, и др.).

Достаточно подробное описание своего видения музея в недавней серии статей² позволяет нам здесь охарактеризовать лишь самую суть. Она сводится к тому, что предназначение этого социокультурного института (исторически обусловленного института социальной памяти) заключается в сохранении культурного наследия в форме музейных предметов и их совокупностей – музейных коллекций и музейных собраний (функция документирования), в трансляции культурного опыта от поколения к поколению (образовательно-воспитательная и информационная функции)³ и в сохранении культурного пространства как некой целостности. Реализуется это предназначение путем «отбора, сохранения и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов»⁴. Миссия музея состоит в производстве мировоззренческих смыслов и в поддержании единства «исследования, учительства и деятельности» (Н.Ф. Федоров); музей выступает посредником в процессе восприятия человеком опыта истории, учит его смотреть на мир в культурно-исторической перспективе, помогает в культурной идентификации; важной является посылка об обретении музеем статуса культурной нормы⁵. Следует отметить также существенную трансформацию музея в информационном обществе, для которого характерно возрастание роли коммуникации и, как следствие, репрезентации информации: в ответ на вызовы времени социокультурные институты, в деятельности которых ранее доминировала хранительская функция (музеи, архивы, библиотеки), вступили в конкурентные отношения с собственно репрезентирующими институциями (издательствами, медиа, сетевыми структурами).

«Литературные музеи – профильная группа музеев, документирующих историю литературы и с этой целью осуществляющих собирание, хранение, изучение и экспонирование литературных памятников. Собрания музеев включают рукописи, книги, документы, фото-, кино- и фономатериалы, произведения изобразительного искусства..., предметы быта, мебель и систематизируются по видам материалов. Первоначально коллекции литературных музеев комплектовались по принципу прямой соотнесенности материалов с личностью и творчеством писателя. Расширение задач литературных музеев, подготовка историко-литературных

² Воронцова 2014(а); 2014(б); 2015.

³ См.: Артемов 2001. С. 99–105; Социальные функции музея... С. 186–204; Равинович 1987. С. 10–24; Юренева 2003; и др.

⁴ Каулен, Мавлеев 2001. Т. 1. С. 395.

⁵ Федоров 1995; Именнова 2011. С. 138–143; Сундиева 2001.

экспозиций потребовали привлечения исторических и типологических материалов, дающих возможность показать литературу в историческом и историко-культурном контексте. При этом литературные памятники (рукопись, книга) остаются ведущими в коллекциях. Основными принципами создания экспозиции являются историзм, научность, образность. Экспозиционные комплексы включают разнохарактерный материал (книгу, рукопись, портрет, пейзаж, документы личные и документы эпохи и др.), что определяет сложность прочтения экспозиций»⁶.

Из данного определения следует, что помимо истории литературы литературные музеи связаны с рядом гуманитарных дисциплин – с историей культуры и историей в целом, культурологией, музеологией. Требуется осмысления тот факт, что в нем нет упоминания о литературоведении. Эти музеи обычно подразделяются на музеи истории литературы и монографические музеи. Объектом документирования в первом случае является литературный процесс (отношения, в которые вступают друг с другом писатели, принадлежащие к разным направлениям и течениям, работающие в разных стилях и жанрах) – сам по себе и в контексте истории и культуры России и мира, предшествующего времени и современности, а во втором – жизнь и творчество одного писателя, часто в привязке к конкретному памяtnому месту (мемориальные музеи). Близки к группе литературных музеев музеи книги (музеи истории книги, истории книгопечатания и полиграфической техники, книжной графики и репродукционной техники, музеи печати и т.д.), документирующие развитие книги как явления культуры (духовной и материальной) и как средства коммуникации.

Особое место в России профильной группы литературных музеев «определено тем, что в менталитете нашего народа сложилось убеждение о высоком предназначении литературы как Учителя жизни, путеводной звезды человека в его стремлении к духовному самосовершенствованию, в поиске нравственного эталона и почти культовое почитание писателей и поэтов, повлиявшее на создание многочисленных мемориальных музеев»⁷.

К энциклопедии «Литературные музеи России» мы подходим как к изданию, полностью соответствующему энциклопедическому канону, а он таков: «цель энциклопедии – собрать знания, рассеянные по свету, привести их в систему, понятную для людей ныне живущих, и передать тем, кто придет после нас, с тем, чтобы труд предшествующих веков не

⁶ Виноградова, Михайлова 2001. Т. 1. С. 334.

⁷ Воронцова 2003. С. 240–241. Подробнее см.: Лихачев 1984; Лотман 1997; и др.

стал бесполезным для веков последующих, и чтобы наши потомки, обогащённые знаниями, стали добрее и счастливее, и чтобы мы не канули в вечность, не сумев послужить грядущим поколениям» (Д. Дидро); энциклопедия – это приведенное в систему сжатое обозрение всех отраслей человеческого знания (Брокгауз и Ефрон); научное или научно-популярное справочное издание, содержащее наиболее существенную информацию по всем или отдельным областям знания или практической деятельности (БСЭ); компендиум устоявшихся и апробированных, легитимированных научным сообществом знаний в определенной области (Философская энциклопедия)⁸. В последние десятилетия идея энциклопедии стала менее значимой для профессионалов (вследствие увеличения количества и проблемного поля междисциплинарных исследований, экспоненциального роста специальных знаний, лавинообразного развития электронных информационных ресурсов), но ее статус характеристики меры и степени конвенционализма сохранился. Основопологающим признаком энциклопедического жанра является максимальная объективность (читателю предоставляется совокупность фактов без всяких оценок), что не отменяет соответствия требованию актуальности, и «идеологи» нашего издания ориентированы на его соблюдение.

Энциклопедию можно охарактеризовать и как особого рода информационный ресурс, рассчитанное на длительное использование хранилище больших объемов информации – систематизированной (необходимой и достаточной, достоверной, качественно и количественно репрезентативной, четко структурированной и операбельной, т.е. легко находимой) и максимально сжатой. В процессе его создания и пользования им (акта коммуникации) часто удается выявить и локализовать «белые пятна», перевести потенциальную (не- или малоиспользуемую) информацию в актуальную. Присущая энциклопедии специфичная форма представления научного знания предполагает наличие у читателя навыков пользования ею: умения понимать текст, извлекать из него и из визуального (иллюстративного) ряда как прямую, так и скрытую информацию. Информационная емкость текста – обязательное условие, обеспечивающее выполнение энциклопедией ее предназначения: без этого все усилия по ее созданию теряют смысл; отсюда вытекают особые требования к схемам статей, к тематической структуре издания. Однако при некорректном выполнении этого условия появляется риск деформи-

⁸ Подробнее см.: *Воронцова* 2014. С. 128–130; *Воронцова* 2014(г). С. 137–145; *Проблемы создания региональных энциклопедий... 2004*; *История России и Татарстана... Вып. 1–5*; *Новый энциклопедизм... 2013*; и др.

ровать (исказить) информацию; такая опасность усиливается вследствие того, что при создании энциклопедий в основном используется не первичная, а вторичная информация (не из исторических источников, а из исследований, обзоров и т.п.). Для энциклопедий гуманитарного профиля чрезвычайно значима корректная интерпретация информации. Это связано с особой ролью субъекта в гуманитарных науках (науках о человеке, его бытии, прежде всего духовном, и его творениях, о культуре), где сам объект исследования имеет субъективное измерение (М.М. Бахтин). В такого рода познавательной деятельности мы сталкиваемся с ценностно-окрашенными субъект-субъектными отношениями, что предполагает диалогичность и стремление понять Другого, мир его смыслов (в естественных и точных науках это отношения субъект-объектные).

Сказанное в полной мере относится к энциклопедии «Литературные музеи России», имеющей к тому же междисциплинарный характер – на стыке исторической науки (история культуры), культурологии, музеологии, литературоведения. Она должна «поработать» на их информационное обеспечение (включая «самоорганизацию и саморегуляцию на основе саморефлексии»): в результате «деятельности по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач», в ней должна быть собрана «сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде»⁹.

Системные разломы последних десятилетий не обошли стороной российское энциклопедическое дело; полифония и даже иногда какофония не позволили достичь в нем симфонии. Многообразие идей и теорий, в иных случаях перерастающее в утрату всякого «образа», оказывает определяющее влияние на все стороны жизни, и познавательная деятельность здесь не исключение. В гуманитаристике в настоящее время сосуществуют доминировавшая в советский период марксистская теория (питательная среда для нее – кризисы, социокультурная нестабильность), достаточно интенсивно развивающиеся на новом витке теории досоветского периода (консервативные, почвеннические, западнические и т.д.), цивилизационные, а также модернистские и постмодернистские теории, сформировавшиеся в условиях нарастания глобализации, во многом под давлением массового сознания и массовой культуры.

На наш взгляд, такие периоды, когда научная мысль продолжает развиваться в русле прежних традиций и одновременно с этим форми-

⁹ Воронцова 2014(в) С. 364–365.

руются иные традиции, являются благоприятными для работы мысли. Реализация новых идей, творческое обращение к концепциям, отвергнутым в предшествующее время, приводят к существенному приращению научного знания и обновлению научной картины мира, что в свою очередь требует создания таких научно-справочных изданий, которые, с одной стороны, подводят итоги предшествующего развития, а с другой – определяют новые горизонты. Вследствие этого в лучшую сторону меняются информационное обеспечение гуманитарных наук и информационный «климат»: облегчается пользование накопленной информацией, большая доступность репрезентативной, систематизированной и предельно сжатой информации делает еще более интенсивным процесс получения нового знания; меньше становится лазеек для присвоения недобросовестными исследователями знаний, добытых другими и зафиксированных в малодоступных источниках и исследованиях.

В России представлен практически весь спектр научно-справочных изданий: словари, энциклопедии, в т.ч. многотомные, сериальные, универсальные и отраслевые (тематические, предметные), фундаментальные и прикладные, научно-популярные и популярные, обучающие (предназначенные для самообразования и воспитания детей и юношества). Реализуются два мегапроекта – «Большая российская энциклопедия» и «Православная энциклопедия»; идет работа над новой версией «Исторической энциклопедии». Заметным игроком на энциклопедическом поле стали Интернет-энциклопедии и сетевые информационные ресурсы: Википедия (англоязычная версия содержит около 2,5 млн. статей), аккумулирующий фундаментальные отечественные издания разного времени Рубрикон, Кругосвет, Км.ру и др. Их достоинства очевидны: легкость доступа к информации, ее поиска и копирования. Не менее очевидны и недостатки – многочисленные языковые (грамматические, синтаксические и др.) и фактологические ошибки. В отличие от традиционных энциклопедий (на бумажном носителе), в которых информация зафиксирована, в электронных она текуча. У обладателей информационных ресурсов есть возможность изымать и дополнять ее, часть из них предоставляет такую возможность и пользователям, и это зачастую приводит к искажению смысла. Коммерциализация всех сфер (в т.ч. информационной) привела к появлению массива компилятивных энциклопедий, зачастую создававшихся непрофессионалами. Объем циркулирующей по разным каналам информации (и вербальной, и визуальной) возрос на много порядков, но в большинстве случаев это одна и та же информация, сводимая к небольшому числу протографов (исходных текстов, изображений). Такие процессы приводят к увеличению затрат

времени на добывание нужной информации (фактически ее объем на единицу отсмотренного материала существенно уменьшился) и к нарастанию информационной энтропии («шума», рассеяния информации). Ее преодоление требует специальной работы по корректному преобразованию информации, совершенствованию ее качественных параметров, по увеличению ее объема и разнообразия, что достигается, в числе прочего, и в процессе подготовки энциклопедий.

Перед тем, кто берется за подготовку таких изданий, вставали всегда и встают сейчас сложнейшие проблемы объективного и субъективного, содержательного, организационного и материального плана. Они возникают уже на стадии разработки ее «программного обеспечения» – концепции, которая должна дать внятные ответы на вопросы о причинах, побудивших взяться за дело, о целях и методах их достижения, об адресатах энциклопедии. Ошибка, допущенная на данной стадии в выборе стратегической линии, делает бессмысленной дальнейшую работу (понимание этого побудило нас не только провести серию обсуждений концепции энциклопедии «Литературные музеи России», но и опубликовать ее на начальной стадии подготовки). В процессе собирания энциклопедии приходится решать такие задачи, как выбор адекватных поставленной цели объективных критериев отбора материала, поиск информированных и компетентных авторов, срочное изучение или обход «белых пятен»; сбор и осмысление информации, рассеянной по множеству источников, хранящихся в разных хранилищах разных городов, поиск правильного соотношения изображения и текста и т. д.

Что касается энциклопедии «Литературные музеи России», то решение вопросов ее подготовки было существенно облегчено благодаря первопроходческой «Российской музейной энциклопедии» (2001)¹⁰. Не утратили актуальности положенные в ее основание разработки концептуального и методического характера¹¹, методы анализа научных и информационных условий, поиска наилучших форм введения в научный оборот нового материала с тем, чтобы обеспечить репрезентативность издания. Безусловно, следует в полной мере использовать такой качественный, системный информационный ресурс, дающий «целостную и объемную картину музейного мира огромного государства в его историческом развитии» и представляющий музейный мир России как «часть культурного пространства, в котором функционируют объекты истории, культуры, природы, признанные обществом ценными и подлежащими

¹⁰ Об энциклопедии см.: *Сундиева* 2000. С. 147–149.

¹¹ Методические материалы... 1989; *Музееведение*... 1990. 59,[1] с.

сохранению и передаче будущим поколениям в качестве овеществленного культурно-исторического опыта. Музейный мир охватывает не только подлежащие сохранению и включению в современную культуру объекты, но и всю совокупность учреждений, людей, идей, выполняющих эти задачи. В процессе включения объектов в современную культуру, их актуализации в рамках музейного мира формируется особая историко-культурная среда, активно влияющая на культуру настоящего и будущего»¹². Информация об интересующей нас профильной группе содержится как в обобщающих статьях этого фундаментального издания, так и в статьях о конкретных литературных музеях.

Еще одно подспорье (особенно на стадии составления словника) – справочники по музеям¹³. И хотя полного списка литературных (как и всех прочих российских) музеев по-прежнему не существует, эти издания заслуживают внимания создателей энциклопедии.

Констатируя недостаточную изученность историками культуры, музеологами, культурологами, литературоведами как феномена литературного музея в целом¹⁴, так и ряда конкретных аспектов этой проблемы, мы не являемся сторонниками нигилистического подхода к наработанному предшественниками – исследователями и научными (особенно музееведческими) центрами: Государственным литературным музеем¹⁵, НИИ музееведения (НИИ культуры, Российский институт культурологии), в структуре которого некоторое время существовал сектор литературных музеев¹⁶, Лабораторией музееведения Музея революции¹⁷, Санкт-Петербургской академией культуры и др. Ценные наблюдения содержатся в трудах по истории литературных музеев¹⁸, по их экспозициям, которые чаще всего рассматривались в связи с личностью и твор-

¹² Каулен, Сундиева. 2001. Т. 1. С. 6, 5. См. также: Сундиева 2013. Эл. ресурс: voprosi-muzeologii.spbu.ru...1-7-2013...sundieva...mir...

¹³ Литературные музеи СССР. 1981; 1988; Музеи России 1993. Ч. 1; Музеи СССР. 1990; Все музеи России. 2005 Т. 1-3; справочники по ряду регионов.

¹⁴ Работы общего, методологического характера крайне немногочисленны: Бонами 1991; Ковач 1984; Литературные музеи 1984; Некрасов 1998; Непомнящий 1997.

¹⁵ Историко-литературная экспозиция... 1984; Что такое литературно-мемориальный музей 1981; Экспозиция литературного музея... 2014; и др.

¹⁶ Актуальные проблемы... 1977; Вопросы деятельности литературных музеев... 1981; Вопросы истории литературно-мемориальных музеев. М., 1971; Вопросы работы литературно-мемориальных музеев. 1971; Вопросы работы музеев литературного профиля. 1961; Историко-революционные и литературные мемориальные музеи. 1973; Современные литературные музеи... 1982; и др.

¹⁷ Бонами 1986. С. 50–52; Ванслова, Крейн 1980; Гуральник 1985, и др.

¹⁸ Арзамасцев 1983; Мастеница. 1997; Некрасов 1998, и др. См. также: История музейного дела в СССР. 1957; Очерки истории музейного дела в России. 1960–1971.

чеством писателей, по научно-просветительной работе¹⁹. Неожиданностью стало практически полное отсутствие исследований, предметом анализа в которых являлись бы собрания музеев данной профильной группы, проблемы их фондовой работы (отмечу, что у исторических музеев ситуация совершенно иная). Несколько особняком стоят две статьи по коллекциям визуального характера²⁰.

Об актуальности энциклопедии «Литературные музеи России» свидетельствуют дискуссии музейного сообщества по вопросу о путях развития литературных музеев в XXI в. на серии представительных форумов: Общероссийской конференции «Литературный музей на пороге XXI века. Проблемы выживания и развития» (под эгидой Конгресса интеллигенции России, 10–13 сентября 2002 г.), Всероссийском форуме «Современные тенденции развития литературных музеев» (Государственный литературный музей и Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова, 14 июня 2012 г.), Международной научной конференции «Деятельность литературного музея в современных условиях» (Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина при участии Воронежского государственного университета, 28–30 мая 2014 г.) и др. Еще одно подтверждение – введение (пока в виде исключения) дисциплины «Литературные музеи» на филологическом факультете Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина²¹.

Поскольку концепция публикуется ниже, обозначим здесь лишь ее важнейшие ориентиры: создание информационного ресурса, адекватно представляющего пользователю объект исследования, удовлетворяющего его нынешние потребности в знании и даже имеющего некоторый потенциал на перспективу; организация информации, делающая репрезентацию знания наиболее эффективной, а коммуникацию носителя знания (автора) с познающим субъектом (читателем), опосредованную текстом, максимально комфортной; применение оптимальных технологий для решения поставленных задач и достижения нужного результата. Мы попытаемся на практике реализовать идею М.Ф. Румянцевой о разграничении репрезентации и позиционирования исторического (всего гуманитарного) знания: репрезентация – это «представление исследователем-историком – и шире, субъектом исторического познания – своего видения истории, в более строгом смысле – видения исторического процесса как результата

¹⁹ Алмазов 1946; Арзамасцев 1984; Ванслова 1980; Лоцинин 1966; Методика литературной экспозиции. 1957; Некрасов 2000; 1999; Сергеева 2002; Солдатова 1997; Гетманская 2006; Лоцинин 1976; 1968.

²⁰ Любович 1978; Молчанов 1977.

²¹ Литературный музей на пороге XXI века... 2003; Литературные музеи... 2013.

научного исследования; позиционирование – внедрение в сознание адресата определенных исторических конструкций / “мест памяти”»²².

Инициаторы рассмотренного в статье исследовательского и издательского проекта (руководитель – Д.П. Бак; автор идеи, основной разработчик концепции – Е.А. Воронцова; соавторы – Э.Д. Орлов, Е.Д. Михайлова) убеждены, что энциклопедия «Литературные музеи России» будет способствовать: увеличению глубины исторической памяти; более глубокому пониманию феномена литературного музея, его места в культуре прошлого, настоящего и даже будущего, музейным и научным сообществом, а также пользователями ресурса; улучшению информационного обеспечения данной сферы социокультурной деятельности и наук о ней; самоорганизации данного сообщества как сообщества сетевого. Мы надеемся, что энциклопедия станет первым шагом к созданию еще более масштабного профильного информационного ресурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Актуальные проблемы деятельности литературных музеев / Сост. А.К. Ломунова. Науч. ред. Е.Г. Ванслова. М., 1977. 141 с. (Труды НИИ культуры, т. 60).
- Алмазов Ю.А. Музейная экспозиция литературного творчества. М., 1946.
- Арзамасцев В.П. Биография и творчество писателя в литературно-мемориальном музее // Арзамасцев В.П. «Звук высоких ошущений...»: Новое о М.Ю. Лермонтове. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1984.
- Арзамасцев В.П. К истории создания первых литературных музеев в Пензенской области // Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. М., 1983 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры, т. 11) С. 124–137.
- Артемов Е.Г. Социальные функции современного музея исторического профиля // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI вв. М., 2001. С. 99–105. (Труды ГИМ; вып. 127).
- Бонами З.А. Литературный музей и общество // Музееведение. Музеи мира: Сб. науч. тр. / НИИ культуры. М., 1991 С. 327–335.
- Бонами З.А. Основы музейной коммуникации: (Из опыта литературных музеев) // Формы и методы научно-просветительской работы музеев: Сб. науч. тр. / ЦМР СССР. М., 1986. С. 50–52.
- Ванслова Е.Г. Произведение писателя в литературной экспозиции // Вопросы экспозиционной работы краеведческих музеев: Музей и современность. М., 1980. С. 127–148 (Труды НИИ культуры, т. 84).
- Ванслова Е.Г., Крейн А.З. Литературное наследие в музеях СССР // Музейное дело в СССР: Роль советских музеев в сохранении памятников истории и культуры: Сб. трудов [Вып. 15]. М., 1980.
- Виноградова Н.А., Михайлова Е.Д. Литературные музеи // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. С. 334.
- Вопросы деятельности литературных музеев (по материалам социологического исследования) / Сост. А.К. Ломунова. М., 1981 (Труды НИИ культуры, т. 105).
- Вопросы истории литературно-мемориальных музеев. М., 1971.

²² Румянцева 2012. С. 17.

- Вопросы работы литературно-мемориальных музеев. М., 1971 (Труды НИИ культуры, т. 2).
- Вопросы работы музеев литературного профиля. М., 1961 (Труды НИИ музеевед. т. 6). [Воронцова Е.А.] Классификация музеев // Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е. (отв. ред.), Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: «ВК», 2003. С. 240–241.
- Воронцова Е.А. Музей и историческая наука в информационном поле: взаимосвязи и оппозиции // Интеграция науки, культуры и образования в музейной деятельности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения». Новосибирск, 2014(а). С. 56–62.
- Воронцова Е.А. Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «История». 2014(б). № 3. С. 82–86.
- Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2014(в). С. 364–365.
- Воронцова Е.А. Современные российские энциклопедии: грани вербального и визуального // Воронцова Е.А. Очерки теории и истории культуры. М.: Летний сад, 2014 (г). С. 137–145.
- Воронцова Е.А. Создание энциклопедии: вопрос качества // Воронцова Е.А. Очерки теории и истории культуры. М.: Летний сад, 2014(д). С. 128–130.
- Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. 2015. Вып. 49. С. 163–189.
- Все музеи России. Энциклопедический справочник: В 3 т. М.: Бестселлер, 2005.
- Гетманская Е.В. Литературный музей как дидактическое средство изучения литературы в старших классах // Вестник Тюменск. гос. ун-та. 2006. № 8. С. 52–55.
- Гуральник Ю.У. Некоторые вопросы развития сети литературных музеев РСФСР // Музейное дело в СССР. М., 1985.
- Именная Л.С. Музей в глобальном мире // Вестн. МГУКИ. 2011. № 1. С. 138–143.
- Историко-литературная экспозиция: принципы научного построения: Сб. науч. тр. / ГЛМ. [Отв. ред. Н.В. Шахалова]. М: Б. и., 1984. 112 с.
- Историко-революционные и литературные мемориальные музеи. М., 1973 (Труды НИИ культуры, т. 12).
- История музейного дела в СССР. М., 1957 (НИИ культуры, вып. 1).
- История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований / Институт Татарской энциклопедии АН РТ. Вып. 1–3. Казань, 2009–2011.
- История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований / Институт Татарской энциклопедии АН РТ. Вып. 4–5. Казань, 2012–2013.
- Каулен М.Е., Мавлеев Е.В. Музей // Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАС-СИК», 2001. Т. 1. С. 395.
- Каулен М.Е., Сундиева А.А. Музейный мир России // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. С. 5–10.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; М., 2003.
- Ковач М.А. Введение в литературное музееведение. М., 1984. Экспресс-информ. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; Вып. 6).
- Литературные музеи СССР. Справочник. М., 1981; М., 1988.
- Литературные музеи: Румынские музееведы о специфике литмузеев. М., 1984. Экспресс-информ. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; Вып. 3).

- Литературные музеи. Программа дисциплины ОПД.В.02.04 по направлению № 520300 (031000) «Филология» (специализация «Русский язык и литература»). Для бакалавров очной формы обучения / Сост. О.А. Зырянов. Екатеринбург, 2013.
- Литературный музей на пороге XXI века. Проблемы выживания и развития: Конференция литературных музеев России 10–13 сентября 2002 г., Пятигорск. М.: Материк, 2003. 156 с.
- Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984.
- Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство, 1997, и др.
- Лоцинин Н.П. Вопросы экспозиции в литературных музеях. М., 1966. 176 с.
- Лоцинин Н.П. Литературный музей и школа: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. 135 с.
- Лоцинин Н.П. Массовая научно-просветительная работа и эстетическое воспитание на материалах литературных музеев. М.: Б. и., 1968. 88 с.
- Любович Н. Художественное собрание литературного музея // Художник. 1978. № 8. С. 29–40.
- Мастеница Е.Н. История возникновения литературных музеев в контексте развития отечественной культуры конца XIX – начала XX века // Музей в современной культуре. СПб: СПбГАК, 1997. С. 277–287.
- Методика литературной экспозиции. М., 1957.
- Методические материалы к Советской музейной энциклопедии / Сост. В.Ю. Дукельский, Д.А. Равикович, Т.О. Размусова, А.А. Сундиева. М., 1989. 200 с.
- Молчанов В. Фотография в музейном деле // Актуальные проблемы деятельности литературных музеев. М., 1977 (Труды НИИ культуры, т. 60).
- Музееведение. Концептуальные проблемы музейной энциклопедии: [Сб. ст.] / М-во культуры РСФСР, АН СССР, НИИ культуры. М.: НИИК, 1990. 59,[1] с.
- Музеи России: справочник. Ч. 1–4. М.: ГИВЦ МК РФ, 1993.
- Музеи СССР: Справочник / Сост. Н.Н. Злацен, Э.Н. Дёмина. М., 1990.
- Некрасов С.М. История создания пушкинских музеев России. 1879–1998. СПб.: СПбГАК, 1998. 48 с.
- Некрасов С.М. Проблемы экспозиционного воплощения биографии писателя в архитектурно-мемориальном пространстве // Державинские чтения. Вып. 2. СПб., 2000. С. 11–17.
- Некрасов С.М. Пушкинские музеи России как явление культуры. СПб.: СПбГАК, 1998. 175 с.
- Некрасов С.М. Творческая биография писателя как основа литературно-монографической экспозиции // Пушкинский музей. СПб, 1999. С. 3–16.
- Непомятый В.С. О пушкинском музее России. Теоретическая концепция // Христианская культура. СПб., 1997. С. 3–19.
- Новый энциклопедизм: материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета 15 февраля 2013 года / отв. ред. Вл.А. Луков, Ч.К. Ламажаа. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.
- Очерки истории музейного дела в России. М., 1960–1971 (НИИ культуры, вып. 2–7).
- Проблемы создания региональных энциклопедий: Материалы Международного научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 14–16 октября. 2003 г.). СПб., 2004.
- Равикович Д.А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики. М., 1987. С. 10–24 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры).
- Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.

- Румянцева М.Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания: Международная научно-практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / отв. ред. И.В. Чувилова. М.: Российский институт культурологии, 2012. С. 17–26.
- Сергеева Г.П. Циклы и цикличность в музейной экспозиции: Монография // Михайловская пушкиниана. Вып. 22. Пушкинские Горы – М., 2002.
- Современные литературные музеи: некоторые вопросы теории и практики. М., 1982. 148 с. (Сборник научных трудов НИИ культуры; № 111).
- Солдатова Л.М. Взаимодействие пространства и сюжета экспозиции: (К вопросу о новом воплощении монографической экспозиции, посвященной жизни и творчеству А.С. Пушкина // Музей в современной культуре. СПб., 1997. С. 22–49.
- Социальные функции музея: споры о будущем // На пути к музею XXI века. М., 1989. С. 186–204 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры).
- Сундиева А.А. Музей как культурная форма // Культурные миры: Материалы науч. конф.. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. С. 210–215.
- Сундиева А.А. Музейный мир России: к обоснованию понятия // Вопросы музеологии. № 1(7). 2013. Эл. ресурс: voprosi-muzeologii.spbu.ru...1-7-2013...sundieva...mir...
- Сундиева А.А. Первая музейная энциклопедия в России // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 147–149.
- Федоров Н.Ф. Из философского наследия: Музей и культура. М., 1995. 318 с.
- Что такое литературно-мемориальный музей: Сб. науч.тр. / ГЛМ. М.: Б. и., 1981. 157 с.
- Экспозиция литературного музея в современном мире: традиции и новации. История литературного музея: коллекции, экспозиции, сотрудники. По материалам конференций, состоявшихся 5–7 октября 2011 и 17–19 октября 2013 в Государственном литературном музее / Сост. Г.В. Великовская, Г.Л. Медынцева, Е.Д. Михайлова. М.: Летний сад, 2014. 180 с.
- Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

REFERENCES

- Aktual'nye problemy dejatel'nosti literaturnyh muzeev / Sost. A.K. Lomunova. Nauch. red. E.G. Vanslova. M., 1977. 141 s. (Trudy NII kul'tury, t. 60).
- Almazov Ju.A. Muzejnaja jekspozicija literaturnogo tvorcestva. M., 1946.
- Arzamascev V.P. Biografija i tvorcestvo pisatelja v literaturno-memorial'nom muzee // Arzamascev V.P. «Zvuk vysokih oshhushhenij...»: Novoe o M.Ju. Lermontove. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984.
- Arzamascev V.P. K istorii sozdanija pervyh literaturnyh muzeev v Penzenskoj oblasti // Iz istorii ohrany i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija v RSFSR. M., 1983. S. 124–137.
- Artemov E.G. Social'nye funkcii sovremennogo muzeja istoricheskogo profilja // Teorija i praktika muzejnogo dela v Rossii na rubezhe XX–XXI vv. M., 2001. S. 99–105.
- Bonami Z.A. Literaturnyj muzej i obshhestvo // Muzevedenie. Muzei mira: Sb. nauch. tr. / NII kul'tury. M., 1991 S. 327–335.
- Bonami Z.A. Osnovy muzejnoj kommunikacii: (Iz opyta literaturnyh muzeev) // Formy i metody nauchno-prosvetitel'skoj raboty muzeev. M., 1986. S. 50–52.
- Vanslova E.G. Proizvedenie pisatelja v literaturnoj jekspozicii // Voprosy jekspozicionnoj raboty kraevedcheskih muzeev: Muzej i sovremennost'. M., 1980. S. 127–148.
- Vanslova E.G., Krejn A.Z. Literaturnoe nasledie v muzejah SSSR // Muzejnoe delo v SSSR: Rol' sovetskikh muzeev v sohranении pamjatnikov istorii i kul'tury. M., 1980.

- Vinogradova N.A., Mihajlova E.D., Literaturnye muzei // Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija. T. 1. S. 334.
- Voprosy dejatel'nosti literaturnyh muzeev (po materialam sociologicheskogo issledovanija) / Sost. A.K. Lomunova. M., 1981 (Trudy NII kul'tury, t. 105).
- Voprosy istorii literaturno-memorial'nyh muzeev. M., 1971.
- Voprosy raboty literaturno-memorial'nyh muzeev. M., 1971 (Trudy NII kul'tury, t. 2).
- Voprosy raboty muzeev literaturnogo profilja. M., 1961 (Trudy NII muzeevedenija, t. 6).
- [Voroncova E.A.] Klassifikacija muzeev // Muzejnoe delo Rossii / Pod red. Kaulen M.E. (otv. red.), Kossovoj I.M., Sundievoj A.A. M.: «VK», 2003. S. 240–241.
- Voroncova E.A. Muzej i istoricheskaja nauka v informacionnom pole: vzaimosvjazi i opozicii // Integracija nauki, kul'tury i obrazovanija v muzejnoj dejatel'nosti: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii «Sovremennye tendencii v razvitii muzeev i muzeevedenija». Novosibirsk, 2014(a). S. 56–62.
- Voroncova E.A. Muzej kak jelement sistemy informacionnogo obespečenija istoricheskoi nauki: teoretiko-metodologičeskie aspekty problemy // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Serija «Istorija». 2014(b). № 3. S. 82–86.
- Voroncova E.A. Informacionnoe obespečenie istoricheskoi nauki: k postanovke problemy // 150 let na sluzhbe nauki i prosveshhenija / GPB Rossii. M., 2014(v). S. 364–365.
- Voroncova E.A. Sovremennye rossijskie jenciklopedii: grani verbal'nogo i vizual'nogo // Voroncova E.A. Očerki teorii i istorii kul'tury. M.: Letnij sad, 2014 (g). S. 137–145.
- Voroncova E.A. Sozdanie jenciklopedii: vopros kachestva // Voroncova E.A. Očerki teorii i istorii kul'tury. M.: Letnij sad, 2014(d). S. 128–130.
- Voroncova E.A. Muzej kak bazovyj jelement informacionnoj infrastruktury istoricheskoi nauki // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 49. S. 163–189.
- Vse muzei Rossii. Jenciklopedičeskij spravocnik: V 3 t. M.: Bestseller, 2005.
- Getmanskaja E.V. Literaturnyj muzej kak didaktičeskoe sredstvo izučenija literatury v starših klassah // Vestnik Tjumensk. gos. un-ta. 2006. № 8. S. 52–55.
- Gural'nik Ju.U. Nekotorye voprosy razvitija seti literaturnyh muzeev RSFSR // Muzejnoe delo v SSSR. M., 1985.
- Imennova L.S. Muzej v global'nom mire // Vestn. MGUKI. 2011. № 1. S. 138–143.
- Istoriko-literaturnaja jekspozicija: principy nauchnogo postroenija. M., 1984. 112 s.
- Istoriko-revolucionnye i literaturnye memorial'nye muzei. M., 1973 (Trudy NII kul'tury, 12).
- Istorija muzejnogo dela v SSSR. M., 1957 (NII kul'tury, vyp. 1).
- Istorija Rossii i Tatarstana: itogi i perspektivy jenciklopedičeskikh issledovanij / Institut Tatarskoj jenciklopedii AN RT. Vyp. 1–3. Kazan', 2009–2011.
- Istorija Rossii i Tatarstana: problemy jenciklopedičeskikh i naukovedčeskikh issledovanij / Institut Tatarskoj jenciklopedii AN RT. Vyp. 4–5. Kazan', 2012–2013.
- Kaulen M.E., Mavleev E.V. Muzej // Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija / A.A. Sundieva, E.A. Voroncova, T.N. Kadaurova i dr. M.: Progress, «RIPOL KLASSIK», 2001. T. 1. S. 395.
- Kaulen M.E., Sundieva A.A. Muzejnyj mir Rossii // Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija. T. 1. S. 5–10.
- Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovanija. M., 1987; M, 2003.
- Kovach M.A. Vvedenie v literaturnoe muzeevedenie. M., 1984. Jekspress-inform. / Gos. b-ka SSSR im. V.I. Lenina; Vyp. 6).
- Literaturnye muzei SSSR. Spravočnik. M., 1981; M., 1988.
- Literaturnye muzei. Programma discipliny OPD.V.02.04 po napravleniju № 520300 (031000) «Filologija» (specializacija «Russkij jazyk i literatura»). Dlja bakalavrov očnoj formy obučenija / Sost. O.A. Zyrjanov. Ekaterinburg, 2013.

- Literaturnye muzei: Rumynskie muzeevedy o specifikke litmuzeev. M., 1984. Jekspress-inform. / Gos. b-ka SSSR im. V.I. Lenina; Vyp. Z).
- Literaturnyj muzej na poroge XXI veka. Problemy vyzhivanija i razvitija: Kon-ferencija literaturnyh muzeev Rossii 10–13 sentjabrja 2002 g., Pjatigorsk. M.: Materik, 2003. 156 s.
- Lihachev D.S. Literatura – real'nost' – literatura. L., 1984.
- Lotman Ju.M. O russskoj literature. SPb.: Iskusstvo, 1997, i dr.
- Loshhinin N.P. Voprosy jekspozicii v literaturnyh muzejah. M., 1966. 176 s.
- Loshhinin N.P. Literaturnyj muzej i shkola: posobie dlja uchitelej. M.: Prosveshhenie, 1976. 135 s.
- Loshhinin N.P. Massovaja nauchno-prosvetitel'naja rabota i jesteticheskoe vospitanie na materialah literaturnyh muzeev. M.: B. i., 1968. 88 s.
- Ljubovich N. Hudozhestvennoe sobranie literaturnogo muzeja // Hudozhnik. 1978. № 8. S. 29–40.
- Mastenica E.N. Istorija vozniknovenija literaturnyh muzeev v kontekste razvitija otechestvennoj kul'tury konca XIX – nachala XX veka // Muzej v sovremennoj kul'ture. SPb: SPbGAK, 1997. S. 277–287.
- Metodika literaturnoj jekspozicii. M., 1957.
- Metodicheskie materialy k Sovetskoj muzejnoj jenciklopedii / Sost. V.Ju. Dukel'skij, D.A. Ravikovich, T.O. Razmustova, A.A. Sundieva. M., 1989. 200 s.
- Molchanov V. Fotografija v muzejnom dele // Aktual'nye problemy dejatel'nosti literaturnyh muzeev. M., 1977 (Trudi NII kul'tury, t. 60).
- Muzevedenie. Konceptual'nye problemy muzejnoj jenciklopedii / Redkol.: V.Ju. Dukel'skij (otv. red.) i dr.] M.: NIIK, 1990. 59,[1] s.
- Muzei Rossii: spravocnik. Ch. 1–4. M.: GIVC MK RF, 1993.
- Muzei SSSR: Spravochnik / Sost. N.N. Zlacen, Je.N. Djomina. M., 1990.
- Nekrasov S.M. Istorija sozdanija pushkinskih muzeev Rossii. 1879–1998. SPb.: SPbGAK, 1998. 48 s.
- Nekrasov S.M. Problemy jekspozicionnogo voploshhenija biografii pisatelja v arhitekturno-memorial'nom prostranstve // Derzhavinskie chtenija. Vyp. 2. SPb., 2000. S. 11–17.
- Nekrasov S.M. Pushkinskie muzei Rossii kak javlenie kul'tury. SPb.: SPbGAK, 1998. 175 s.
- Nekrasov S.M. Tvorcheskaja biografija pisatelja kak osnova literaturno-monograficheskoj jekspozicii // Pushkinskij muzeum. SPb, 1999. S. 3–16.
- Nepomnjashhij B.C. O pushkinskom muzee Rossii. Teoreticheskaja koncepcija // Hristianskaja kul'tura. SPb., 1997. S. 3–19.
- Novyj jenciklopedizm: materialy konferencii Instituta fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij Moskovskogo gumanitarnogo universiteta 15 fevralja 2013 goda: sb. nauch. trudov / otv. red. Vl. A. Lukov, Ch. K. Lamazhaa. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2013.
- Očerki istorii muzejnogo dela v Rossii. M., 1960–1971 (NII kul'tury, vyp. 2–7).
- Problemy sozdanija regional'nyh jenciklopedij: Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar (Sankt-Peterburg, 14–16 oktjabrja. 2003 g.). SPb., 2004.
- Ravikovich D.A. Social'nye funkcii i tipologija muzeev // Muzevedenie. Voprosy teorii i metodiki. M., 1987. S. 10–24 (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury).
- Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija / A.A. Sundieva, E.A. Voroncova, T.N. Kadaurova i dr.: V 2 t. M.: Progress, «RIPOL KLASSIK», 2001.
- Rumjanceva M.F. Muzejnaja jekspozicija kak forma reprezentacii / pozicionirovanija aktual'nogo istoricheskogo znanija: ot postmodernu k postpostmodernu // Rol' muzeev v formirovanii istoricheskogo soznanija: Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Rjazan', 25–28 apr. 2011 g.: materialy i doklady / otv. red. I.V. Chuilova. M.: Rossijskij institut kul'turologii, 2012. S. 17–26.

- Sergeeva G.P. Cikly i ciklichnost' v muzejnoj jekspozicii: Monografija // Mihajlovskaja pushkiniana. Vyp. 22. Pushkinskie Gory – M., 2002.
- Sovremennye literaturnye muzei: nekotorye voprosy teorii i praktiki. M., 1982. 148 s. (Sbornik nauchnyh trudov NII kul'tury; № 111).
- Soldatova J.I.M. Vzaimodejstvie prostranstva i szuzheta jekspozicii: (K voprosu o novom voploshhenii monograficheskoj jekspozicii, posvjashhennoj zhizni i tvorchestvu A.C. Pushkina // Muzej v sovremennoj kul'ture. SPb., 1997. S. 22–49.
- Social'nye funkcii muzeja: spory o budushhem // Na puti k muzeju XXI veka. M., 1989. S. 186–204 (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury).
- Sundieva A.A. Muzej kak kul'turnaja forma // Kul'turnye miry: Materialy nauch. konf.. M.: Ros. in-t kul'turologii, 2001. S. 210–215.
- Sundieva A.A. Muzejnyj mir Rossii: k obosnovaniju ponjatija // Voprosy muzeologii. № 1(7). 2013. Jel. resurs: voprosi-muzeologii.spbu.ru...1-7-2013...sundieva...mir... .
- Sundieva A.A. Pervaja muzejnaja jenciklopedija v Rossii // Rossiya i sovremennij mir. 2000. № 3. S. 147–149.
- Fedorov N.F. Iz filosofskogo nasledija: Muzej i kul'tura. M., 1995. 318 s.
- Chto takoe literaturno-memorial'nyj muzej: Sb. nauch.tr. / GLM. M.: B. i., 1981. 157 s.
- Jekspozicija literaturnogo muzeja v sovremennom mire: tradicii i novacii. Istorija literaturnogo muzeja: kolekcii, jekspozicii, sotrudniki. Po materialam konferencij, sostojavshijsja 5–7 oktjabrja 2011 i 17–19 oktjabrja 2013 v Gosudarstven. literaturnom muzee / G.V. Velikovskaja, G.L. Medynceva, E.D. Mihajlova. M.: letnij sad, 2014. 180 s.
- Jureneva T.Ju. Muzevedenie: uchebnik dlja vysšej shkoly. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 560 s.

Воронцова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (ученое звание), Государственный литературный музей, заведующая сектором издательских проектов; eworonzowa@mail.ru

From the 'Museum encyclopedia of Russia' to the Encyclopedia "Literary Museums of Russia"

Encyclopedia as an information resource on the history of culture

Authors of research and publishing project of the encyclopedia 'Literary Museums of Russia' see this as a way to understand better the phenomenon of literary museum, its place in the culture of the past, the present, and the future, to provide more information in this sphere of culture and its studies, a first step towards an even more impressive information resource. The author answers the following questions: 1) what is a museum, and what is a literary museum; 2) what is an encyclopedia – as a publication, and a system of information based on clear criteria and organized in a certain way; 3) what would users and the society get when addressing the encyclopedia.

Keywords: literary museum, encyclopedia, information resource, interpretation of information, information entropy, 'Museum encyclopedia of Russia, encyclopedia 'Literary Museums of Russia

Eugenia Vorontsova, PhD (History), State Literary Museum, scientific editor; eworonzowa@mail.ru

Н. В. КОРНИЕНКО, Д. С. МОСКОВСКАЯ

НАСЛЕДИЕ Н. П. АНЦИФЕРОВА И ЗАДАЧИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ»

В статье представлен краткий очерк научно-практической деятельности историка-краеведа Н.П. Анциферова, который опирался в своей литературоведческой, экскурсионной, музейной деятельности на локальный метод исторической науки и ввел ввел понятие «пространство литературного события», отнеся к нему места создания литературного памятника, события литературного произведения и/или культурный ландшафт как фон литературно-художественной фабулы. Им была обоснована необходимость отнесения пространства литературного события к числу наиболее важных реальных источников текста литературного памятника. Авторы предлагают воспользоваться данным научным положением для разработки словника литературной энциклопедии и составления статей о региональных литературных гнездах.

Ключевые слова: энциклопедия «Литературные музеи России», Н.П. Анциферов, исторический культурный ландшафт, локально-исторический метод, место памяти, литературные места, литературное гнездо, литературный памятник, пространство литературного события, патриотическое воспитание.

3–6 декабря 2014 г. состоялась Третья международная научная конференция, посвященная памяти Николая Павловича Анциферова (1889–1958), приуроченная к 125-летию со дня рождения ученого. Организаторами научного форума с уже сложившимися традициями выступили Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук и Государственный литературный музей (ГЛМ). В рамках мероприятия директора учреждений-организаторов академик РАН А.Б. Куделин (ИМЛИ) и Д.П. Бак (ГЛМ) подписали соглашение о взаимном сотрудничестве между ИМЛИ РАН и ГЛМ, формально узаконив давние отношения дружбы и научного сотрудничества двух ведущих российских центров изучения современного литературного процесса.

Научные труды и судьба Н.П. Анциферова как нельзя лучше иллюстрируют исконное братство академического и практического, музейно-экскурсионного, литературоведения. С 1936 г. до конца жизни Анциферов был сотрудником ГЛМ, возглавлял экспозиционный отдел литературы XIX в. В те же годы был автором научно-археографического издания ИМЛИ «Литературное наследство». В ИМЛИ он защитил и свою литературоведческую диссертацию по проблемам урбанизма в художественной литературе (1944 г.). В отзыве о работе Анциферова историк литературы, текстолог и археограф Б.В. Томашевский утверждал, что поднятая в диссертации проблема изучения города в литературе потребовала от

автора синтеза специальных знаний литературоведа, историка и искусствоведа, «не говоря уже о специфическом знании материала, знании города, частном знании изучаемого его участка». «Мало того, научная разработка данной проблемы связана с целым рядом побочных отраслей литературоведения, очень характерных и придающих ей специфический облик». Томашевский имел в виду экскурсоведение и музейное дело. Он подчеркнул научные и практические перспективы темы «писатель и город»: способность ее к литературной пропаганде, потому что «в городе очень часто легче всего конкретизировать образы литературы»¹.

Опубликованные, но не введенные в научный оборот, хранящиеся в архивах, увидевшие свет в малодоступных изданиях труды Анциферова показывают, насколько свободно он владел указанными Томашевским областями знаний. Назовем наиболее характерные работы: «*Душа Петербурга*» (1922), «*О методах и типах историко-культурных экскурсий*» (1923), «*Петербург Достоевского*» (1923), «*Литературные экскурсии: (Медный всадник)*» (1923), «*Быль и миф Петербурга*» (1924), «*Город как объект экскурсионного изучения*» (1926), «*Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода*» (1926), «*Теория и практика литературных экскурсий*» (1926), «*Беллетристы-краеведы*» (1927), «*Краеведный путь в исторической науке*» (1928), «*Методика изучения и показа литературной жизни края в краеведческих музеях*» (1949), «*«Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность»*» (1918–1942, опубл. в 2004 г.), «*Проблемы урбанизма в русской художественной литературе – опыт построения образа города – Петербурга Достоевского на основе анализа литературных традиций*» (1944, опубл. в 2009 г.).

Названия работ говорят о научном синтезе, свойственном рефлексии ученого в отношении историко-культурного, в частности литературного, наследия и применении им краеведческого, или локального, привязанного к «фактам узкого района»², метода его постижения. «Нужно выйти из закрытых помещений под открытое небо», – призывал Анциферов, – и «на местах, где осело богатое историческое прошлое... найти обильные его следы. [...] Памятники прошлого, возникшие в условиях своего времени и своего места ... вырастают в родную вековую почву...»³, и ничтожные детали в системе общего приобретают свой смысл и ценность. Мысли о преимущественном значении пространства для осмысления фактов истории, высказанные Анциферовым в 1928 г., были раз-

¹ Московская 2012. С. 1013–1014.

² Архангельский 1927. С. 194.

³ Анциферов 1928. С. 321.

вернуты и обращены им к изучению литературных памятников в работе 1949 года: «Художник из жизненных впечатлений черпал материал для своего творчества. [...] Соприкасаясь с местами, ощущая на себе воздействие обычно молчаливых свидетелей былого, испытывая власть выразительного ландшафта, природного или культурного, мы [...] вступаем в лабораторию творчества изучаемого писателя, преломившего в своих созданиях местность...»⁴. Работы Анциферова привлекают внимание к ландшафту, значение которого в его научной рефлексии трудно переоценить. Отдельные элементы ландшафта (выразительные архитектурные объекты, памятники и пр.) если и существенны, то лишь как выразители исторической (политической, духовной, культурной) миссии, обладающие социальной ценностью и признанной способностью к иносказанию (историческому смыслообразованию). В конечном счете, как пишет современный исследователь, Анциферову «всегда важны не столько детали архитектурного дизайна, сколько форма мест, их пространственная организация»⁵. Анциферов был сторонником «целокупного», или «органического» познания исторического объекта, когда части наделяются смыслом через целое, и целое – через части. Таковую возможность предоставляет абрис местности как природно-географической, природно-культурной данности: «Для историка-исследователя памятников материальной культуры место и явится в значительной мере “естественной средой”, как бы ни были велики происшедшие изменения, все же от “среды” нечто остается. Пусть осталось очень мало, но, может быть, эти остатки окажутся особенно ценными...»⁶.

Анциферов во многом опередил свое время, предугадав совершающийся в последнее десятилетие «пространственный поворот» в мировой исторической науке, впервые в отечественной гуманитаристике отчетливо артикулировав проблему пространственной истории и связав ее с историко-литературным процессом и литературным памятником. Оценивая значение и содержание истории пространства (в противовес традиционной историографии времени), современные исследователи отмечают важную культурно-антропологическую ее составляющую – способность представить пространство как область индивидуальной и социальной практик, которые «используются людьми для преобразования природы в сферу культурного смысла и жизненного опыта». С позиций пространственной истории культурный ландшафт является мощ-

⁴ Анциферов 1949. С. 7–9.

⁵ Степанов 2009. С. 104.

⁶ Анциферов 1926. С. 11.

ным средством для «выражения чувств, идей и ценностей, одновременно являясь ареной политического дискурса и практического действия, в котором культура не только постоянно воспроизводится, но [...] оспаривается. [...] пространства (пейзажи), изображенные в литературных и научных текстах, искусстве, [географических] картах и даже на храмовых фресках являются означающими тех, кто их воспроизвел и, в этой связи, их можно рассматривать как важные тексты в контексте социальных, экономических и политических институтов»⁷.

Следует отметить, что историографические и методологические выводы Анциферова, принадлежащего к кругу блестящих историков-краеведов 1920-х гг. (назовем имена А.С. Архангельского, И.М. Гревса, Н.Н. Павлова-Сильванского, В.П. Семенова-Тян-Шанского, М.А. Феноменова), в трудах которых в различных вариантах осмыслялся локальный метод исторической науки, не нашли последователей в советской России. Историческая география осталась по преимуществу принадлежностью исторической мысли ученых Запада, в частности школы «Анналов», на что сетовал основатель кафедры исторической географии РГГУ В.А. Муравьев: «Пространство страны в XX веке предметом изучения исторической географии не стало – оно всецело принадлежало предмету науки географии как таковой, в особенности географии экономической: приоритет был отдан описанию расположения населения, производства и путей сообщения на территории страны и ее административного устройства»⁸. При этом пространственный компонент исторических свершений была едва ли не главной областью отечественной истории XX века. Можно сказать, что революционная история России была географией. Ошибки при составлении новых карт и организации всеобщей переписи, произвол районирования и смена политэкономического статуса поселений, разрушение местного природно-архитектурного ландшафта, смена исторической топонимики – все это и многое другое вызвало всплеск родниоведческих исследований, «музейную потребность» научных обществ, осознание музеальности местного быта, этнографического, фольклорного, литературного материала, появление плеяды беллетристов-краеведов (С. Есенин, С. Клычков, Вс. Иванов, Б. Пильняк, А. Платонов, М. Пришвин и др.). Изменения исторического ландшафта стали фактами социальной психологии, болезненными «водоразделами души, быта, истории» пролегли по границам делимой территории⁹.

⁷ Казаков, Маловичко, Румянцева 2011. С. 38.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Платонов 1995. С. 605.

Труды Анциферова, в которых применен планомерно разработанный в недрах отечественной историографии междисциплинарный социо-антропологический подход к памятникам литературы, представляют актуальный опыт микроисторического краеведческого историко-литературного исследования. Его работы расширили содержание термина «реальный источник» литературного памятника, введя в его семантическое поле локальные естественно-географические, социоэтнические, геополитические факторы как обладающие исключительной силой воздействия на художественный процесс (сюжетуку, образность, идейно-содержательный комплекс, выбор литературной традиции). Он убедительно показал, что особенности художественно воспроизведенного пространства – яркая примета идиостиля писателя. Свидетель «геологического переворота» русской истории, Анциферов утверждал историческую изменчивость «историко-топографического» чувства. На примере русской литературы XVIII–XIX вв. он продемонстрировал, что содержание этого чувства объективно и исторически закономерно. Для того чтобы писатель ощутил присутствие в историческом месте неких общественно значимых ценностей и соответствующим образом на них откликнулся в художественном творчестве, необходимы определенные общественно-политические условия. Так, А.И. Герцен, столь эмоционально воспринимавший города Западной Европы, обошел вниманием архитектуру Владимирской Руси, потому что не пришло для России время осознать значение собственных духовно-культурных исторических ценностей.

Выводы ученого имели значительную общественно-политическую перспективу: он был убежден в продуктивности обратного процесса, возвращения местности ее былой исторической и культурной ценности в целях воспитания гражданского самосознания. Вскоре после войны в статье «Локальный метод в изучении литературы и его воспитательное значение»¹⁰ он писал об исключительной роли литературы в мобилизации народного духа и указывал пути укрепления этой роли через родиноведение, осуществляющееся в связи с художественной литературой. Он призывал ввести в поле историко-литературного исследования, терминологически закрепить и сделать объектом музеефикации такие нетрадиционные объекты, как монументальный облик города (который открывается с высоких его точек: одна из них – вид с Исаакиевского собора, служащий комментарием к поэме «Медный всадник»), природно-географический ландшафт исторического поселения («уголки» Царскосельского сада, его деревья, камни, гроты, фонтаны; беседка

¹⁰ Анциферов, б/д. Л. 1.

«Эолова Арфа» у подножия Машука; Бахчисарайский фонтан; окрестности Сенной, каналы, дворы домов-«новых ковчегов») как места творчества и художественной рефлексии; архитектурно-монументальные и природные объекты (долины «Берендеева царства», Лизин пруд, озеро Светояр, Медный всадник, Девушка с кувшином), опоэтизированные писателями.

Анциферов обращал внимание на стихийно сложившиеся формы коммеморации значительных событий литературной истории, нуждающиеся в поддержке и развитии: собрания на местах памяти писателя в известные дни празднично одетого населения для чтения произведений, выступлений и воспоминаний. Он подчеркивал значение памятных знаков (досок, плит), помещенных в тех местах, которые описаны в произведениях: «В горах Кавказа на пути в Арзрум, в скалах высечена плита с рельефом, изображающим встречу Пушкина с прахом Грибоедова, убитого фанатиками в Тегеране... В Царскосельском саду были установлены 1937 плит в стиле Ампира, на которых были начертаны слова из стихов Пушкина, относящиеся к памятникам и различным уголкам столь любимых поэтом царскосельских парков. Все эти плиты разбиты интервентами»¹¹. Он был убежден, что привлечение внимания к этим объектам разовьет образовательный, воспитательный, пропагандистский и научно-исследовательский экскурсионизм, обогатит историю литературы новыми источниками, а теорию литературы – новыми методами, подходами и терминологией.

В связи с актуализацией тематики пространственной истории в гуманитарных исследованиях и востребованностью наследия Анциферова как академическими учеными, так и музейными работниками площадка Третьих московских Анциферовских чтений по праву стала местом презентации наукоемкого информационно-издательского проекта ГЛМ – энциклопедии «Литературные музеи России». В состав редакционного совета вошли известные ученые, деятели науки и культуры: Л.Г. Агамаян, В.В. Багно, Е.А. Богатырев, И.Л. Волгин, Т.А. Галкина, М.Б. Гнедовский, Т.С. Злотникова, Вяч.В. Иванов, Б.И. Иогансон, В.Б. Катаев, И.В. Кондаков, Н.В. Корниенко, А.Ф. Кофман, И.П. Кулакова, Е.Н. Левина, В.А. Ламин, М.Ю. Лермонтов, Е.Н. Мастеница, Н.М. Мирошниченко, Н.И. Михайлова, Д.С. Московская, С.М. Некрасов, В.В. Определенов, Г.М. Патрушева, Е.Н. Пенская, Е.Б. Рашковский, Л.П. Репина, А.М. Рязанов, И.М. Савельева, М.В. Сеславинский, Е.Ю. Сидоров, А.А. Сундиева, В.И. Толстой, И.В. Чувилова, А.М. Шолохов и др.

¹¹ Там же. Л. 2.

Идея издания привлекает, прежде всего, своей междисциплинарностью. Ее реализация позволит объединить усилия филологов, историков, культурологов, искусствоведов, экскурсионистов, географов – всех тех, кто занят практикой передачи и сохранения культурной памяти, и будет востребована широким кругом ученых и любителей культуры. Уникальность энциклопедии – в разнообразии научных направлений и подходов, которые неизбежно продемонстрируют авторы, в сочетании всеохватности собранных материалов с их практическим применением в таких областях, как музееведение, литературоведение, краеведение. Не следует забывать о воспитательном и патриотическом аспекте задуманного – и о практическом, узко утилитарном его назначении: стать рекламой отдельных культурных регионов и локусов, указав на них любителям культурного туризма. Энциклопедия, безусловно, станет источником вдохновения для составителей путеводителей и экскурсионных маршрутов. Но, пожалуй, на этом фоне не менее важным является то обстоятельство, что «энциклопедические издания появляются в областях знаний, уже обеспеченных достаточно обширной и глубокой научной базой»¹², и, представляя собой новый уровень обобщения, т.е. обладая свойствами гипертекста, оказываются особенно ценными в процессе разработки новых идей, концепций, тем. «Анализ этой информации позволяет подняться на очередную ступеньку в процессе познания прошлого»¹³ и существенно продвигает вперед историографическую рефлексию. Ценность исследовательской работы над энциклопедическим изданием объясняет и футурологический подход к явлениям культуры прошлого, о котором применительно к трудам Н.П. Анциферова говорил С.О. Шмидт на Первых московских Анциферовских чтениях, имея в виду интерес к научным приемам, оказавшимся ныне особенно перспективными и актуальными: «Особенно привлекает теперь... присущая трудам Анциферова междисциплинарность – результативное совмещение методики работы историка, филолога, искусствоведа, географа с явным уклоном в сторону психологии. Последнее особо ценимо сейчас, когда история менталитета и история повседневности с их отражением в исторических и литературных памятниках становится едва ли не преобладающей у гуманитариев всего мира. Это свойство научного подхода Анциферова предопределило возрождение внимания к его трудам, как и к наследию классиков науки XIX в. и даже XVIII в. (Ж. Мишле и др.)»¹⁴.

¹² Каулен, Сундиева 2001. С. 6.

¹³ Воронцова, Гарскова 2013. С. 498.

¹⁴ Шмидт 2012. С. 9.

Возвращаясь к целям издания энциклопедии литературных музеев, важно отметить, что предметы подавляющего числа ее статей принадлежат сфере пространственной истории и должны быть отобраны, систематизированы в блоки и описаны с опорой, в частности, на труды первого яркого отечественного представителя этого направления исторического знания – Н.П. Анциферова.

Существенно важным для концепции энциклопедии является вовлечение «пространства страны», природно-географического и архитектурного ландшафта и методов его познания – краеведения и экскурсионизма в поле еще не устоявшегося понятия «литературное место». В «Российской музейной энциклопедии» «памятное место» определено как «участок территории, на котором в прошлом происходили события, имеющие историко-культурное значение и в силу этого сохраняющиеся в памяти общества». По аналогии с этим определением «литературное место», вошедшее в заголовки многих изданий и в узусе приобретшее смысл «пространства литературного события», в свете пространственной истории может быть определено как «реально существующий участок территории, на котором в прошлом происходили события, имеющие историко-литературное значение, и которое в силу этого *должно* сохраняться в памяти общества». Иначе говоря, в словнике энциклопедии следует зафиксировать наличное и, актуализируя в сознании общества незамеченные или отвергнутые культурные ценности, вернуть их населению, содействуя таким образом формированию культуры будущего.

Понятие «событие» должно включать в свое содержание идею «впечатления от местности», которая требует пояснения и для этого – привлечения к работе литературоведов и краеведов, знатоков творчества писателей того или иного «литературного гнезда» и объектов, куда региональная литература (и литература о регионе) помещала «душу» местности. Составителям энциклопедии нужно вслед за изучаемыми писателями «выйти из закрытых помещений под открытое небо» и в блоке статей о региональных музеях (республики, края, области, города, поселения) в разделе кратких общегеографических и исторических сведений о регионе отобрать те, что позволят читателю почувствовать историческую и природную атмосферу местности, ее «душу»; в картографическую ее легенду ввести не только общеизвестные объекты, но и те, что определили стилевые, сюжетные и образные клише «регионального текста литературы» и позволяют рассмотреть регион в свете художественной литературы как объект некоторого *социально-исторического и психологического сопереживания*. Задача не из простых, но выполнимая. За прошедшие годы истории литературы многих российских ре-

гионов (Сибири, Крыма, Москвы, Петербурга, Иваново-Вознесенска, Коломны, Оренбурга, Нижнего Новгорода и др.) представили богатый материал, готовый к обобщению в энциклопедических статьях. К примеру, сетевой научно-образовательный ресурс «Сибирь в русской поэзии», описание которого было представлено на Первых московских Анциферовских чтениях. Созданная в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013) преподавателями и студентами Тюменского государственного университета база данных «Сибирь в русской поэзии» (<http://russlit.utmn.ru/sec/156>), учитывала актуальные для исследований локальных литературных текстов задачи: 1) систематизация обширного корпуса русской лирики, тематически связанного с Сибирью; 2) оптимизация доступа к материалам и результатам исследования; 3) создание интерактивного сетевого тематического тезауруса, посвященного художественному моделированию геополитического пространства Сибири.

Создатели базы данных опирались на идею Анциферова о необходимости проводить сопоставление «не на основе отдельных проблем, а на основе характеристики образов городов в целом у различных авторов»¹⁵. Используя категорию сверткста, они исходили из существования в локальных текстах «общности художественного кода», который складывается в зоне встречи конкретного текста с внетекстовыми реалиями, закрепляясь в субтекстах как единицах целого. Диахронический срез фиксирует изменения образа, но его реальный источник остается неизменным. Приведем пример трансформации семантики устойчивого символа Сибири в русской поэзии, предложенный авторами проекта: «В черновом варианте посвящения поэмы “Полтава” А.С. Пушкина зачеркнут стих “Сибири хладная пустыня”. О мере распространенности такого определения сибирского ландшафта позволяют судить случаи его употребления современниками Пушкина Н.М. Карамзиным (“хладная пустыня” в повествовании о походах Ермака из “Истории Государства российского”) и К.Ф. Рылеевым (“Сибири хлад”, “страна пустынная”, “Но тут, в пустыне отдаленной...”). “Пустыня” содержит по меньшей мере два значения – прямое (равнинный ландшафт Сибири, где зима особенно сурова и длинна) и метафорическое – край одиночества, холод – равнодушие к судьбе личности. Слово характеризует и пространство, и состояние человека, находящегося внутри этого пространства. Но терминологически “пустыня” ни в коей мере не соответствует сибирской географии. Иное дело – стихотворение Н.С. Гумилева “Сахара”, где ме-

¹⁵ Анциферов 2009. С. 20.

сто “зеленой” и “старой” Сибири в будущем занимают африканские пески. Тем самым Сибирь получает новое имя (“Сахара”) и новое географическое определение, слову “пустыня” возвращается его терминологическое содержание. Термин порождает иные ассоциации, служит основой для метафор: “страшные серые змеи”, “стаи песков”, “золотой океан”. Метафорический план, в свою очередь, устанавливает параллель между “юной” Сахарой и древней Гиперборей, где, в соответствии с теософией Е. Блаватской, существовала Первая, бескостная и бесформенная раса, не люди и животные, а энергии – змеи. Семантика образа радикально иная – геософская и историософская. Художественные коды Пушкина и Гумилева обусловлены их историческим горизонтом. Но рассматривать позднее стихотворение Гумилева в едином контексте с Пушкиным можно только в том случае, если мы находим для них общее пространство – пространство свертхтекста и общее семантическое поле – “пустота”. Характерно, что Анна Ахматова, ориентируясь одновременно на поэзию Пушкина и Гумилева, вводит в сибирский текст новый образ – безводного Иргиза, реки в Северном Казахстане. Выбор эпитета для гидронима, ставшего одним из символов ссыльного быта, подсказан все тем же концептом “сибирской пустыни”, только не холодной, а душной и сухой в соответствии с точной, прямой, а не метафорической семантикой.

В поле исследования локальных текстов, в том числе и сибирского текста, входят парадигматические и синтагматические связи, направленные на реконструкцию универсальных мифоритуальных сценариев»¹⁶.

Столь же убедительны выводы автора исследования «Формирование локального текста: ивановский опыт» Н.А. Голубева, который утверждает особую роль природного и культурного ландшафтов в сюжете, образности, идейно-содержательном плане произведений этого региона или ему посвященных. Автор выделяет своеобразные архетипы: «чертово болото», фабричная труба, Красная Талка. При их описании и анализе становится заметным, как естественный ландшафт входит в местную культуру: отражается в литературе и оказывает обратное влияние на жизнь поселения. Природа (в т.ч. климат), пишет исследователь, определяет антропогенное развитие локуса, наделяет его чертами уникальности, которые отражаются в местной литературе, идентифицируют ее. Важен для литературного образа города и его сюжетов жизненный цикл его жителей, связанный с главным ремеслом: «Ткачи, ткачи! несчастный люд! / Все с чем родились, с тем умрут / Под черным игмом бедноты, / Всю жизнь работая холсты...» (М. Артамонов. Фабрич-

¹⁶ Драчева, Медведев, Рогачева 2012. С. 354.

ный шум, 1913); «Узкой стала ситцевая блузка, / Желтизна легла у губ, а все ж / Облик твой прекрасен, ибо миру / Будущее ты в себе несешь» (Дм. Семёновский. «Материнство», 1935). «Всю жизнь он ткал, сдавал миткаль, / Его обмеривали в “штучке...” / <...> Ткача несли на миткале. / В гробу лежал он бледный, тощий. / И на пути к сырой земле / Не тяготились смертной ношей. / Но и на этот раз миткаль / Он растянул, “пример” дал штучке. (А. Ноздрин. Смерть ткача, 1911)»¹⁷.

Примеры можно умножать. Но принципиальна мысль о необходимости возвращения через статьи энциклопедии пейзажа, только не в качестве «участка территории», а в качестве пространственной идентичности, построенной человеком местным, которая обладала и обладает свойством «ограничивать или усиливать, усложнять, упрощать, деформировать, гасить» исторические – в том числе литературные – процессы и явления¹⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. Т. 5. № 6. С. 321–338.
- Анциферов Н.П.* Локальный метод в изучении литературы и его воспитательное значение. ГАРФ. А–629. Оп. 2. Д. 129. Б/д.
- Анциферов Н.П.* Методика изучения и показа литературной жизни края в краеведческих музеях. М.: Госкультпросветиздат, 1949. 29 с.
- Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. (Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций). М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
- Анциферов Н.П.* Теория и практика литературных экскурсий. Л.: Сеятель, 1926. 109 с.
- Архангельский С. [И.]* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
- Воронцова Е.А., Гарскова И.М.* Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505.
- Голубев Н.А.* Формирование локального текста: ивановский опыт. Автореферат дис. канд. филол. наук. Иваново, 2014. 26 с.
- Драчева С.О., Медведев А.А., Рогачева Н.А.* Сетевой научно-образовательный ресурс «Сибирь в русской поэзии»: опыт исследования исторической динамики сибирского текста русской лирики» // Анциферов Н.П. Филология прошлого и будущего. По материалам междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 353–356.
- Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 31–45.

¹⁷ Голубев 2014. С. 18–21.

¹⁸ Казаков, Маловичко, Румянцева 2011. С. 18–21.

- Каулен М.Е., Сундиева А.А. Музейный мир России (вводная статья) // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс, РИПОЛ Классик, 2001. С. 5–10.
- Московская Д.С. История защиты кандидатской диссертации Н. Анциферова // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 987–1018.
- Платонов А. Взыскание погибших. М.: Высшая школа, 1995. 672 с.
- Степанов Б.Е. «Ковчег былого»: город как объект исторической экскурсии // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 99–120.
- Шмидт С.О. Слово при открытии международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения» // Анциферов Н.П. Филология прошлого и будущего. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 6–12.

REFERENCES

- Antsiferov N.P. Kraevednyi put' v istoricheskoi nauke. (Istoriko-kul'turnye landshafty) // Kraevedenie. 1928. T. 5. № 6. S. 321–338.
- Antsiferov N.P. Lokal'nyi metod v izuchenii literatury i ego vospitatel'noe znachenie. GARF. A–629. Op. 2. D. 129. B/d.
- Antsiferov N.P. Metodika izucheniya i pokaza literaturnoi zhizni kraya v kraeved-cheskikh muzeyakh. M.: Goskulprosvetizdat, 1949. 29 s.
- Antsiferov N.P. Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature. (Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsii). M., 2009. 584 s.
- Antsiferov N.P. Teoriya i praktika literaturnykh ekskursii. L.: Seyatel', 1926. 109 s.
- Arkhangel'skii S.[I.] Lokal'nyi metod v istoricheskoi nauke // Kraevedenie. 1927. № 2. S. 181–194.
- Vorontsova E.A., Garskova I.M. Informatsionnoe obespechenie rossiiskoi istoricheskoi nauki v informatsionnom obschestve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2013. № 5. S. 487–505.
- Golubev N.A. Formirovanie lokal'nogo teksta: ivanovskii opyt. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk. Ivanovo, 2014. 26 s.
- Dracheva S.O., Medvedev A.A., Rogacheva N.A. Setevoi nauchno-obrazovatel'nyi re-surs «Sibir' v russkoi poezii»: opyt issledovaniya istoricheskoi dinamiki sibirskogo teksta russkoi liriki // Antsiferov N.P. Filologiya proshlogo i budushchego. Po materialam mezhdunar. nauch. konf. «Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya». Moskva, 25–27 sentyabrya 2012 g. M.: IMLI RAN, 2012. S. 353–356.
- Kazakov R.B., Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Istoricheskaya geografiya v prostranstve sovremennoho gumanitarnogo znaniya: ot vspomogatel'noi distsipliny k metodu gumanitarnogo poznaniya // Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve: materialy XXIII mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 27–29 yanv. 2011 g. M.: RGGU, 2011. S. 31–45.
- Kaulen M.E., Sundieva A.A. Muzeinyi mir Rossii (vvodnaya stat'ya) // Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya: V 2 t. T. 1. M.: Progress, RIPOL Klassik, 2001. S. 5–10.
- Moskovskaya D.S. Istoriya zashchity kandidatsoi dissertatsii N. Antsiferova // Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura KhKh veka. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya. Kn. 2. M.: IMLI RAN, 2012. S. S. 987–1018.
- Platonov A. Vzyiskanie pogibshikh. M., 1995. 672 s.

Stepanov B.E. «Kovcheg bylogo»: gorod kak ob"ekt istoricheskoi ekskursii // Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati. M.: OOO «Variant», TsSPGI, 2009. S. 99–120.
Shmidt S.O. Slovo pri otkrytii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya» // Antsiferov N.P. Filologiya proshlogo i budushchego. M.: IMLI RAN, 2012. S. 6–12.

Корниенко Наталья Васильева, член-корр. РАН, доктор филологических наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; natalkornienko@yandex.ru

Московская Дарья Сергеевна, доктор филологических наук, заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; darya-mos@yandex.ru

Legacy of N.P. Antsiferov and the goals of the encyclopedia 'Literary Museums of Russia'

The article presents an overview of academic and other activities of a local historian N.P. Antsiferov, who in his literary and museum studies followed the methods of local history and introduced the term 'space of a literary event', describing it as place where a work was created, events in fiction and their cultural settings as a background of a work of fiction. Antsiferov argued that the space of the literary event was one of the important sources for a literary work. The authors suggest the use this idea for the index of the encyclopedia and the writing of the article on regional literary schools.

Keywords: encyclopedia 'Literary museums of Russia', N.P. Antsiferov, historical cultural landscape, local history, place of memory, literary places, school of literature, work of literature, space of a literary event, patriotic upbringing.

Natalia Kornienko, Corresponding Member of the RAS, Dr Sc. (Philology), Head of the Department of contemporary Russian literature and Russian literature abroad, Institute of World Literature, RAS; natalkornienko@yandex.ru

Daria Moskovskaya, Dr Sc. (Philology), Head of the Department of Manuscripts, Institute of World Literature, RAS; darya-mos@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ», РУБРИКАТОР, ПРИМЕРНЫЕ СХЕМЫ СТАТЕЙ

Руководитель проекта: Д.П. Бак. Авторы концепции: Э.Д. Орлов (руководитель группы), Е.А. Воронцова (автор идеи и основной разработчик), Е.Д. Михайлова.

Концепция

При определении базовых принципов концепции было решено взять за основу успешный опыт создателей «Российской музейной энциклопедии» (с поправкой на специфику документируемого литературными музеями явления – русской литературы).

Энциклопедия будет представлять собой научно-популярное справочное издание полидисциплинарного характера – музееведческого, литературоведческого, историко-культурного и культурологического, благодаря чему она сможет удовлетворить потребность в достаточной, качественно и количественно репрезентативной (полной и достоверной) информации широкого круга адресатов:

- управленцев в сфере музейного дела и культуры в целом, в том числе в сфере сохранения и актуализации культурного наследия (менеджеров культуры);
- сотрудников практически всех гуманитарных музеев;
- специалистов, осуществляющих исследовательскую деятельность в сфере большинства гуманитарных наук;
- учащихся гуманитарных учебных заведений (специализированных школ, гимназий, лицеев; вузов; разных форм непрерывного гуманитарного образования), т.е. старших школьников, абитуриентов, студентов, аспирантов и тех, кто повышает свою профессиональную подготовку или проходит переподготовку;
- тех, кто занимается самообразованием и интересуется культурой, не будучи специалистом в этой области.

Информационное общество с его глобальными информационными сетями и иными, чем прежде, коммуникационными технологиями потребовало соответствующего вызовам времени информационного обеспечения гуманитарных наук и деятельности в сфере культуры (включая музейное дело). Интернет, неисчерпаемый источник разнообразной и доступной информации, стал важным фактором повышения уровня профессиональной культуры широкого круга специалистов. Чтобы остаться востребованными, в изменившейся информационной среде музеи вы-

нуждены активно репрезентировать себя, а также свои собрания, прибегая к инновационным способам (информатизации, виртуализации и др.).

В этой связи встает вопрос – зачем нужна традиционная по форме (издание на бумаге) энциклопедия «Литературные музеи России». Попытаемся на него ответить, кратко охарактеризовав факторы риска, оказывающие негативное воздействие на информационный процесс, передачу культурного опыта (коммуникацию культуры) и научного знания:

- повышение интенсивности информационного потока зачастую приводит к тому, что человек оказывается не в состоянии «выплыть» в нем;
- нарастание информационной энтропии (рассеивания, искажения, т.е. уничтожения информации) и информационного шума (вследствие многократного повторения одной и той же информации, часто вне контекста, с ошибками) затрудняет поиск нужной информации;
- информация в сетях гипертекуча, вследствие чего она зачастую не отвечает требованиям полноты, достоверности, репрезентативности.

Преодолеть эти факторы позволяют сосредоточение (аккумуляция) и четкая фиксация репрезентативной информации на определенный момент, и энциклопедия по-прежнему остается наилучшей для этого формой. Сведенная воедино информация приобретает новое качество, возрастают возможности для передачи знаний и культурного опыта, в процессе создания и пользования энциклопедией совершается акт коммуникации культуры в позитивной его форме, что приводит к существенному приращению научного знания (и фундаментального, и прикладного).

Энциклопедия «Литературные музеи России» – *первая* энциклопедия по этой профильной группе и едва ли не *первая* из энциклопедий по профильным группам музеев – должна аккумулировать обобщенную, систематизированную, выверенную информацию:

- о литературных музеях России, их собраниях и коллекциях;
- о связанных с развитием русской литературы музеефицированных памятниках истории и культуры, крупнейших исторических и культурных центрах (применительно к данной профильной группе);
- об организации музейной деятельности (применительно к данной профильной группе);
- об основных направлениях музееведческих исследований (применительно к данной профильной группе).

Литературные музеи будут рассмотрены в широком контексте истории и культуры России (в ее современных границах; исключением будет историческая часть ряда статей – там придется говорить о Рос-

сийской империи, т.е. выходить за эти пределы) – на протяжении всего времени их существования. Энциклопедия представит читателю эти музеи как один из базовых системных элементов культуры современного общества (в силу особого значения литературы в нашей стране, закрепленного длительной традицией). Ее издание будет способствовать повышению музейной культуры российского общества, а также более полному освоению отечественного культурного наследия и более эффективной трансляции ценностей нашей культуры за счет расширения общего и историко-культурного кругозора читателей.

Музей достаточно давно уже является объектом изучения философов, культурологов, историков, социологов, психологов, поэтому издание энциклопедии «Литературные музеи России» обеспечено наличием соответствующих информационных ресурсов:

- научных трудов теоретико-методологического, научно-методического, историко-культурного характера (Бонами З.А. Литературный музей и общество // Музееведение. Музеи мира. М., 1991; Вопросы деятельности литературных музеев-заповедников. М., 1981; Историко-литературная экспозиция. Принципы научного построения. М., 1984; Методика литературной экспозиции. М., 1957; Писатель и современность. М., 1987; Современные литературные музеи: некоторые вопросы теории и практики. М., 1982; Что такое литературно-мемориальный музей. М., 1981, и многие другие);
- монографических описаний музеев, путеводителей по историческим городам и конкретным музеям, каталогов выставок и коллекций;
- специализированных периодических изданий;
- Интернет-ресурсов (портал «Музеи России», сайты музеев и т.д.)
- словарей и справочников (Литературные музеи СССР: Справочник. М., 1981; Музеи России: Справочник, и др.; рукописи справочных изданий по литературным музеям, хранящиеся в ГЛМ). Огромный массив качественной информации содержит «Российская музейная энциклопедия».

Издание энциклопедии обеспечено и в кадровом отношении: в системе самих музеев, системах науки и образования имеется достаточное количество квалифицированных специалистов – информированных и компетентных авторов.

Основу энциклопедии составит информация о музеях профильной группы. Вся *сеть литературных музеев* России будет представлена в двух основных формах. В музеографических статьях (статьях о литературных музеях России и музеях иных профилей, имеющих представительные соответствующие коллекции музейных предметов) будут описаны музеи, отвечающие ряду критериев: старейшие; обладающие

крупными собраниями; опирающиеся в своей деятельности на музеефицированные памятники; мемориальные (эта группа количественно доминирует в данной профильной группе); уникальные по тематической направленности. Помимо этого, информация о конкретных музеях (как имеющих специальную статью, так и не имеющих оную) будет дана в статьях более общего характера.

Один из самых проблемных моментов в истории музеев – время и обстоятельства их возникновения. В литературе эти сведения расходятся в зависимости от того, какую дату авторы берут за точку отсчета (принятие решения об организации музея, создание экспозиции, открытие музея для посетителей).

Обзорные статьи-очерки дадут представление о сети литературных музеев регионов России (истории и особенностях формирования, наличии памятников особо ценного культурного значения, национальной и региональной специфике). В них будут обобщены результаты осмысления проблем историко-культурного и литературного развития конкретного региона, формирования регионального литературного наследия и развития связанных с ним форм общественной и научной деятельности.

Статьи по *типам, видам, профильным и иным группам* литературных музеев дадут представление об истории их формирования, основных этапах развития и современном состоянии. Помимо статей «Истории литературы музеев», «Монографические литературные музеи», «Мемориальные музеи» в этот блок представляется целесообразным включить статьи по музеям книги, литературно-краеведческим музеям, а также по типам музеев, различающихся по принадлежности разным категориям собственников, по статусу, по собираемым типам памятников, по роду (основному направлению) деятельности.

Относительно небольшие по объему *терминологические статьи* будут посвящены понятиям, имеющим важное значение именно для указанной профильной группы. Как правило, в них будут даны устоявшиеся, апробированные в научной литературе трактовки, но в необходимых случаях в статьях музееведческого блока будут представлены различные точки зрения на дискуссионные проблемы.

Относительно большими по объему будут статьи по *типам музейных коллекций* и по *основным направлениям деятельности* литературных музеев. В силу неполной сохранности источников, а в ряде случаев – их малой доступности, установление фактов перемещения коллекций, выделение этапов их формирования имеет большое значение (научное, прежде всего источниковедческое, и практическое) для исследователей, менеджеров культуры, других категорий пользователей. К числу недо-

статочно изученных относится и вопрос о направлениях деятельности музеев (ее анализ затруднен в силу разрозненности и большого объема оперативной информации), статьи энциклопедии позволят здесь хотя бы отчасти заполнить лакуны. Ретроспективная часть данных статей поможет дополнить информацию музеографических статей.

Реалии цифровой эпохи, т.е. применяемые в музейном деле информационные технологии, существующие информационные сетевые ресурсы, основной круг вопросов, изучаемых музейной информатикой (применительно к литературным музеям), также должны быть зафиксированы в статьях энциклопедии.

В ней найдет отражение *организация музейного дела* применительно к литературным музеям: статьи об организации управления ими, различного рода организациях, обществах, кружках, связанных с этими музеями, о музееведческих центрах, о подготовке музейных кадров и основных музейных профессиях, об основных направлениях деятельности литературных музеев.

Важный для понимания социокультурного развития России в целом и музейного дела в частности блок – *биографические статьи* о людях, оставивших значимый след в становлении и развитии литературных музеев, сохранении памятников культуры и литературного наследия в целом, но в ряде случаев все еще мало известных обществу: об основателях, руководителях и сотрудниках крупнейших или уникальных музеев; организаторах музейного дела; исследователях-музееведах; деятелях культуры и коллекционерах.

В блок *обобщающих статей* представляется целесообразным включить, как минимум, следующие статьи, в которые должна войти информация о важнейших завоеваниях мировой музееведческой мысли и достижениях практики: *Литературные музеи* (в контексте мировой культуры); *Литературные музеи в России* (история и современное состояние, музейная сеть, территориальное распределение музеев); *Литературные музеи и литература*; *Литературные музеи и литературные общества*. Однако вопрос о составе данного блока потребует специальной проработки и обсуждения на стадии составления словника.

Историческая справка (обязательная часть всех крупных статей и всех статей о музеях) значительно усилит историко-культурную направленность энциклопедии.

Статьи в энциклопедии будут располагаться *по алфавиту*, а для ее подготовки, включая разработку словника, будет использоваться *рубриктор*, т.е. система тематических разделов (см. Приложение 1).

Значительная часть статей будет снабжена *библиографией*. Научно-справочный аппарат составят *указатели*: именной и предметный.

Цветные и черно-белые *иллюстрации* (музейные предметы, хранящиеся в литературных музеях России, фотографии музейных зданий и экспозиций, портреты музейных деятелей и т.д.) займут около 25% от общего объема энциклопедии. Они помогут читателю визуализировать эту часть культурного наследия.

Число статей будет определено на стадии составления словника. *Средний объем статьи* будет установлен, исходя из запланированного объема энциклопедии и числа статей. Рационально распорядиться относительно небольшим объемом статей, максимально наполнить их в высокой степени формализованной (структурированной и операбельной, т. е. легко находимой в издании) информацией помогут продуманные схемы статей и требования к их оформлению, памятка авторам статей, список сокращений.

Энциклопедию предполагается издать в одном-двух томах.

Предложенная концепция представляет собой программу максимум. В силу недостаточной изученности истории литературных музеев России, несовершенства статистики, невозможности оценить отдельные аспекты современного состояния этих музеев в процессе подготовки энциклопедии мы неизбежно столкнемся с отсутствием или нехваткой информации по ряду вопросов, что потребует корректировки по соответствующим позициям (и на уровне словника, и на уровне содержательного наполнения конкретных статей).

Практические результаты. Издание энциклопедии «Литературные музеи России» поможет:

- существенно продвинуться в плане изучения истории этой профильной группы музеев, имеющих в России почти 300-летнюю традицию, особое значение (вследствие особого значения литературы) и широкое распространение, а тем самым – и в более глубоком понимании истории культуры России в целом;
- даст большой массив качественной информации для мониторинга органами управления культурой, менеджерами культуры современного состояния этих музеев и выработки эффективных стратегий их позитивного развития на благо всего общества;
- позволит активизировать и перевести на качественно иной уровень связи Государственного литературного музея с музеями этого профиля, связи литературных музеев друг с другом, следствием чего могут стать более тесные взаимосвязи внутри данного музейного сообщ-

щества, а также создание и эффективная деятельность *Ассоциации литературных музеев России*;

– позволит активизировать и перевести на качественно иной уровень связи Государственного литературного музея и данного музейного сообщества в целом с научными и социокультурными институтами и конкретными учеными и деятелями культуры, следствием чего может стать их взаимное интеллектуальное и духовное обогащение.

Рубрикатор (тематическая структура)

Статьи общего характера:

Литературные музеи (в контексте мировой культуры)

Литературные музеи в России (история и современное состояние, музейная сеть, территориальное распределение музеев)

Литературные музеи и литература

Литературные музеи и литературные общества

Литературное музееведение:

Основные понятия

Музееведческие дисциплины (источниковедение, педагогика, социология и др.)

Основные типы музейных предметов и виды коллекций

Музееведческие издания

Информационные технологии (традиционные, компьютерные) и литературные музеи; сетевые и иные электронные ресурсы

Комментарий: статьи этого блока содержательно должны быть ориентированы на специфику и потребности в информации прежде всего самих литературных музеев, а также тех, кто хочет узнать о них больше.

Типы, виды, профильные и иные группы литературных музеев

Истории литературы музеи

Монографические музеи

Мемориальные музеи

Книги музеи (музеи истории книги, истории книгопечатания и т.д.)

Литературно-краеведческие музеи

Типы по принадлежности разным категориям собственников (государственные, в том числе национальные – особо значимые, и негосударственные, в том числе ведомственные, муниципальные, частные, на общественных началах)

Типы по статусу (музеи – особо ценные объекты, головные музеи, музейные объединения и др.)

Типы по собираемым типам памятников (коллекционные, ансамблевые)

Типы по роду (основному направлению) деятельности (научно-исследовательские, научно-просветительские, учебные, детские)

Комментарий: статьи этого блока содержательно должны быть ориентированы на специфику и потребности в информации прежде всего самих литературных музеев, а также тех, кто хочет узнать о них больше.

Литературные музеи России

Статьи о конкретных музеях (музеографические статьи) – как существующих ныне, так и прекративших существование

Организация музейного дела и охраны памятников, управление литературными музеями

Статьи об организации управления литературными музеями (существовавшие ранее и современные формы и органы управления; законодательство)

Статьи о различного рода организациях, обществах, литературных кружках, связанных с литературными музеями

Музееведческие центры

Подготовка музейных кадров (высшее музееведческое образование, повышение квалификации, профильное – литературоведческое – образование)

Основные музейные профессии

Основные направления деятельности литературных музеев (комплектование, фонды, экспозиции и выставки, экскурсионное дело, музеефикация историко-культурных объектов)

Комментарий: статьи этого блока содержательно должны быть ориентированы на специфику и потребности в информации прежде всего самих литературных музеев, а также тех, кто хочет узнать о них больше. Блок потребует тщательной проработки на стадии составления и обсуждения словника и корректировки на следующих этапах работы.

Персоналии

Биографические статьи о выдающихся деятелях: организаторах, создателях, руководителях и сотрудниках литературных музеев; организаторах музейного дела; исследователях-музееведах.

Комментарий: данный блок потребует тщательной проработки на стадии составления и обсуждения словника.

Примерные схемы статей

За основу взяты схемы статей для «Российской музейной энциклопедии» (см.: Методические материалы к Советской музейной энциклопедии. М., 1989. С. 156–166), использован ряд других справочных изданий.

Статья общего характера

Должна иметь аналитический характер. Ее объем больше, чем объем основной массы статей (до 20 000 знаков).

Библиография (основополагающие работы) – обязательна.

Статья о музееведческом понятии (научном понятии профильной дисциплины – литературы, использующимся в литературном музееведении)

Дефиниция: основное содержание, к какой отрасли музееведения (музейного дела) относится и как применяется.

Когда и кем введено (впервые использовано), какие варианты трактовки существуют, включая зарубежные. Развитие понятия и его модификация.

Научное и практическое значение.

Специфика применительно к литературным музеям.

Библиография.

Статья о коллекциях отдельных видов памятников

Дефиниция.

Технологический обзор. Общие особенности материала и способов изготовления.

Исторический обзор. Происхождение. Краткий очерк по странам, эпохам, стилям.

Состав коллекций. Наиболее распространенные типы и группы.

Специфика, способы и источники комплектования.

Особенности научной обработки. Методы атрибуции, принципы классификации и научного описания.

Особенности и условия хранения. Реставрация.

Крупнейшие музейные и частные коллекции за рубежом.

Коллекции данного профиля в России.

Наиболее известные каталоги.

Библиография. Справочные издания и определители.

Все позиции – с обозначением специфики литературных музеев.

Статья о направлении деятельности

Дефиниция (общая характеристика направления деятельности).

Основные виды и формы деятельности.

Исторический обзор, поворотные моменты в развитии.

Наиболее яркие деятели.

Наиболее значимые или известные издания.

Библиография.

Все позиции – применительно к литературным музеям.

Статья о периодическом музейном издании

Современное название. Переименования с указанием даты изменения названия.

Дефиниция: тип издания, адресат, периодичность, количество выпусков, номеров (для изданий прекращенных), тиражи. Издающая организация.

Основное направление. Тематика и рубрикация публикуемых материалов

Редакторы, видные авторы, сотрудничавшие с журналом и т.п.

Значение для развития музейного дела и музееведения (в части, касающейся литературных музеев).

Статья по информационным технологиям (требует проработки)

Статья о типе, виде, профильной и иной группе литературных музеев

Дефиниция: специфика деятельности и особенности музейных собраний (для профильных групп – связь с профильной дисциплиной).

Время возникновения первых музеев.

Основные этапы истории, современные тенденции развития.

Типология музеев данной группы.

Распространение в России и в мире, в т.ч. количественные данные.

Крупнейшие музеи в России и за рубежом.

Библиография.

Статья о ныне не существующем литературном музее

Дефиниция: местонахождение, профиль, тематическая направленность собрания.

Время основания, кем и какой организацией был создан.

Основные вехи истории музея, даты закрытия или преобразования.

Здание музея, архитектор, время постройки, стиль.

Характеристика музейного собрания, крупнейшие коллекции и уникальные памятники. Последующая судьба коллекции.

Экспозиция, индивидуальные особенности музея и его роль в культурной жизни.

Библиография.

Статья о конкретном литературном музее

Дефиниция: местонахождение, профиль, место в музейной сети страны.

Время основания или открытия, кем или какой организацией основан.

Основные этапы истории. Переименования. Изменения статуса.

Крупнейшие музейные деятели и ученые, работавшие в музее.

Здание (здания, помещения), архитектор, время постройки, архитектурные особенности.

Состав фондов, крупнейшие коллекции и собрания, уникальные памятники (предметы).

Экспозиция: история ее создания и смены, авторы, проектировщики; современная экспозиция (помещения, тематика).

Филиалы.

Примечательные формы научно-исследовательской и научно-просветительной деятельности.

Библиография (издания музея, издания о нем).

Иллюстрации.

Статья о конкретном музее-заповеднике

Дефиниция: местонахождение, оригинальное наименование, профиль, тип заповедника.

Время организации, кем и по чьей инициативе создан, какой организацией подготовлен проект музеефикации.

Историческая справка.

Краткая история музея и переименования.

Характеристика заповедной зоны, памятников и других объектов музейного показа (с указанием даты, времени постройки, архитектора, стиля и пр.).

Описание экспозиций и основных тематических экскурсионных маршрутов.

Фонды музея-заповедника и основные направления комплектования.

Библиография.

Иллюстрации.

Статья о конкретном литературном мемориальном музее

Дефиниция: местонахождение, профиль, место в музейной сети.

Время основания и открытия, кем и по чьей инициативе создан.

Краткая история, переименования.

Здание, архитектор, время постройки, стиль.

Общие сведения о меморируемом периоде в жизни человека или мемориальном историческом событии.

Описание объектов музейного показа и экспозиции.

Музейное собрание.

Библиография.

Иллюстрации.

Статья о литературных музеях региона (республики, края, области)

Краткие общегеографические и исторические сведения.

Характеристика историко-культурной среда региона.

Известные памятники истории и культуры. Музеефикация памятников культуры, связанных с литературой.

История формирования музейной сети от возникновения первых литературных музеев до современности.

Современная музейная сеть. Количественные данные, отличительные черты, профильный состав.

Перечень крупнейших и наиболее примечательных музеев.

Музееведческие и методические центры, участие в международных музейных связях.

Туристические маршруты по музеям и памятникам.

Библиография.

Карта региона.

Статья об организации – органе управления литературными музеями

Название учреждения – полное и сокращенное. Переименования.

Дефиниция: местонахождение, основной научный профиль.

Дата и обстоятельства создания.

Краткая историческая справка: основные этапы истории, важнейшие разработки и их внедрение, связь с музейной практикой. Деятели, оставившие след в истории музейного дела.

Современная научно-организационная структура.

Основные направления деятельности на современном этапе.

Важные для литературных музеев законодательные и нормативные документы, издания ведомства.

Библиография.

Статья об общественной организации

Полное наименование, принятое сокращение.

Дефиниция: социально-политическая и научная ориентация, дата и место основания.

Лидеры, руководящие органы.

Структура, состав, численность.

Цели и задачи (программные документы и устав).

Этапы деятельности. Вклад в развитие музейного дела и сохранения памятников, выставочная деятельность.

Издания.

Библиография.

Статья о научном или образовательном учреждении

Название учреждения – полное и сокращенное. Переименования.

Дефиниция: местонахождение, основной научный профиль.

Дата и обстоятельства создания.

Краткая историческая справка: основные этапы истории, важнейшие разработки и их внедрение, связь с музейной практикой. Видные музейеведы, работавшие в учреждении в различные годы.

Современная научно-организационная структура.

Основные направления современных научных исследований.

Научные издания.

Библиография.

Статья о музейной профессии

Дефиниция: специфика деятельности

Время возникновения профессии, историческая эволюция.

Основные функции в музее на современном этапе.

Наиболее известные представители профессии, их вклад в развитие литературных музеев.

Библиография.

Все позиции – применительно к литературным музеям.

Статья о музейном деятеле

Фамилия имя отчество (число, месяц, год рожд. – число, месяц, год смерти), псевдоним/ы, дефиниция – основная область деятельности (профессия, специальность), звание либо ученая степень (с указанием дат).

Место рождения. Социальное происхождение, семья. Образование. Учителя. Круг общения, друзья.

Основные этапы научной, музейной и общественной деятельности (основные должности).

Характеристики организационной или научной деятельности.

Вклад в музейное дело. Основные научные труды в области музейеведения. Для коллекционеров – характеристика коллекций и их дальнейшая судьба.

Место смерти и захоронения (если известно).

Оценки современниками и потомками вклада в сокровищницу культуры России и мира.

Лит.: библиография, т.е. его сочинения и литература о деятеле, место хранения его личного архива).

Илл. (портрет).

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ» НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЯ

3–6 декабря 2014 г. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Государственный литературный музей, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Музей-библиотека Н.Ф. Федорова при Библиотеке № 124 ЦБС ЮЗАО г. Москвы, при информационной поддержке журнала «Вопросы культурологии», провели Третьи московские Анциферовские чтения – международную научную конференцию, посвященную 125-летию со дня рождения Н.П. Анциферова. 3 декабря работа проходила в Доме И.С. Остроухова (Государственный литературный музей – ГЛМ). Этот день был ознаменован подписанием Соглашения о сотрудничестве музея и ИМЛИ РАН. На пленарном заседании состоялась первая встреча членов редакционного совета энциклопедии «Литературные музеи России» – исследовательского и издательского проекта, к реализации которого ГЛМ в содружестве с коллегами из других литературных музеев, а также литературоведами, музеологами, культурологами и историками приступил в год своего 80-летия. Участники заседания обсудили насущные задачи подготовки издания. Тон обсуждения задали член-корр. РАН, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, председатель Совета НП «Национальный союз библиофилов» *М.В. Сеславинский*, директор Государственного литературного музея *Д.П. Бак*, член-корр. РАН, зав. отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН *Н.В. Корниенко*. Вели пленарное заседание *Дмитрий Петрович Бак*, директор Государственного литературного музея, и *Эрнест Дмитриевич Орлов*, заместитель директора Государственного литературного музея по научной работе, председатель редакционной коллегии энциклопедии. Публикация представляет собой репрезентативную выборку выступлений участников дискуссии¹.

Н.В. Корниенко

Меня радует анциферовская по формулировке и пафосу тема чтений 2014 г. – «Город. Музей. Литература». Когда лет 10 назад на Ученом совете ИМЛИ утверждалась научная тема «Краеведение и русская литература 1920-х гг.», она не всеми была принята. Сам историко-литературный факт, что именно в это десятилетие краеведение стало такой же частью литературного процесса как критика, был прочно забыт и изъят из написанных историй русской литературы XX в. Эту реальность литературного процесса необходимо восстанавливать. По периодике, по архивам, по художественным произведениям, в хранилищах памяти которых краеведческая проблематика нашла свое воплощение. Крупнейшие писатели входили в краеведческие общества, в литературных организациях создавались секции писателей-краеведов. В списках участников крае-

¹ Публикация подготовлена Е.В. Худяковой (расшифровка аудиозаписи, первичное редактирование текста) и Е.А. Воронцовой (составление, научное редактирование).

ведческих обществ, выявленных в архивах, мы встречаем имена Андрея Белого, Константина Вагинова, Андрея Платонова и других наших классиков. Мощное проявление «областничества» в литературе, с которым критика в те годы последовательно боролась, – еще одна тема. Если мы даже бегло взглянем на классические тексты первого советского десятилетия, то увидим, что вся Россия – от Дальнего Востока до Киева – была описана нашими великими «областниками», по произведениям которых мы узнаем, как реально жили города и села нашей страны, сменившей свое имя, мы узнаем, что происходило с исторической топонимикой... Маршруты, методы, примеры исследования этой сложнейшей проблематики связей текста и жизни города нам подарил Николай Павлович Анциферов. Написав в 1922–1923 гг. петербургскую трилогию, он тихо совершил подвиг; это ясно всем, кто знает, что тогда происходило в культурной жизни Петрограда.

Московские Анциферовские чтения, собирающие лингвистов, литературоведов, краеведов, историков, социологов, – замечательная попытка поиска методологии и языка описания старого и вечного вопроса: какова связь искусства с жизнью? Изучением топонимики и географических карт текста, маршрутов и командировок писателей за «материалом» мы ответ на этот вопрос наполняем новым содержанием. Писатели становятся экскурсоводами по истории наших городов и селений. У Анциферова в воспоминаниях есть трогательно-ироничный рассказ о его ученице, которую «хоть с вертолета спусти, она тут же проведет экскурсию». Экскурсии самого Николая Павловича помнили не только в столицах, он их проводил и в лагере на Соловках...

Выдающийся теоретик, историк города, блистательный краевед, экскурсовод, текстолог – и поразительно скромный человек. Представляя его кандидатскую диссертацию (Анциферов был всего лишь кандидатом!), Борис Томашевский сказал: «Только скромностью Николая Павловича объясняется то, что мы сегодня рассматриваем кандидатскую диссертацию выдающегося ученого». Без этой черты, наверное, не было бы личности такого масштаба. Имя, которое носит наша конференция, – святое в высшем смысле. Оно – пример служения гуманитарной науки литературе, культуре и жизни.

М.В. Сеславинский

Уважаемые коллеги, с удовольствием приветствую участников конференции и сразу перехожу к теме – к энциклопедии «Литературные музеи России». Я часто сочетаю отдых с «производственной» деятельностью, вот и в поездке с семьей в Орел – центр территории, уникаль-

ной по концентрации литературных музеев, – меня порадовало, что музеи наполнены посетителями. Подъезжают школьные автобусы, люди «самотеком» добираются из Москвы и других регионов – специально для посещения литературных музеев. Это уникальное явление отличает Россию от многих других стран; им надо гордиться, развивать, популяризировать. Сегодня мы предпримем «мозговой штурм» для лучшего понимания того, что из себя должна представлять наша энциклопедия. Один из основных вопросов – понять, кто ее «потребитель». Само название проекта предполагает унифицированного потребителя исчерпывающего издания, на основе которого потом могут создаваться более популярные издания (путеводители и другие книги). Подчеркну: готовящееся издание не должно быть скучным. Отталкиваясь от опыта лучших образцов научных работ XXI в., нужно найти здравый компромисс, адекватный этой задаче стиль изложения, иллюстративный ряд, художественную форму для книги (ее должно быть приятно держать в руках). Очевидно, что она должна стать востребованной как научными работниками, так и любителями русской литературы, библиофилами, которые давно ждут подобное издание. Нельзя затягивать работу – так больше шансов довести проект до завершения.

М.Д. Афанасьев

В наши дни готовить и издавать на бумаге энциклопедию – это «безумство храбрых». Мир уже развращен возможностью получать любую информацию энциклопедического характера из Интернета (из Википедии, еще нескольких проектов, которые становятся монополистами в этой сфере). Современное сознание воспринимает энциклопедию как живую, текучую и сопротивляется энциклопедии на бумаге, в которую не впишешь новую информацию. В этом смысле перспективны гибридные формы, в которых есть и электронная, и бумажная версии.

Второе, что кажется важным: в сегодняшней ситуации энциклопедия как собрание биографий писателей и литературных сюжетов, как путеводитель неинтересна. Что же представляет интерес для аудитории будущей энциклопедии? Принципиальный ответ на этот вопрос можно найти в том, что ее делают не литературоведы, не специалисты-энциклопедисты и даже не библиотекари, а музейщики. Благодаря этому появляется нетривиальный взгляд на литераторов, литературный процесс и на культурное пространство, которого ни у кого больше нет.

Серьезная аудитория, на которую должно быть рассчитано издание, – это ученые. Для них она важна как источник информации о том, где хранятся документы и другие артефакты, «свидетельствующие» о тех или

иных литературных явлениях и процессах, где есть специалисты, которые этим занимаются. Поэтому информация о людях, занимающихся теми или иными темами, обязательно должна быть – пусть в примечании, пусть петитом. Для библиотекарей, которые формируют библиотечно-информационные фонды, такого рода подсказки чрезвычайно важны.

Вторая часть – широкая аудитория. И здесь тоже есть аспект, который музейщики хорошо разработали и который в энциклопедии будет очень виден, – топография литературного пространства (мест пребывания писателей). В этом отношении интересен эффект небольших краеведческих музеев и экспозиций. Попадая туда, обращаешь внимание на маленькие детали, которых раньше никогда не замечал. И, может быть, в биографии великого писателя это действительно деталь, а для этого места – событие, которое долго будут помнить. И ты начинаешь смотреть по-другому и на литературный процесс, и на писателя.

Аспект, обычно остающийся за пределами внимания, но присутствующий в музейных экспозициях (и он должен в какой-то форме отразиться в энциклопедии) – генеалогия. Скажем, в биографии писателя написано, что он принадлежал к дворянскому роду татарского происхождения, но это – почти что ничего, а на самом деле тема чрезвычайно интересная. Родственные связи для XIX в. являлись внутренним механизмом многих процессов, это касается и литературных взаимоотношений.

Еще один аспект, который музейные работники могут показать читателю (и хотелось бы, чтобы в энциклопедии он был), – то, что можно назвать «хобби» в широком смысле слова. Например, об участии писателей в общественных движениях знают специалисты, сотрудники музеев, и хорошо бы это представить широкой аудитории. Энциклопедия будет интересна и полезна, если она напрямую, осознанно будет выражать не классические взгляды литературоведов и историков на те или иные литературные процессы и явления, а взгляд специалиста музейного дела с его традициями, приоритетами и даже с его предрассудками. Тогда она станет абсолютно новым явлением в нашей культуре. Мы с нетерпением будем ждать результатов работы.

Д.П. Бак

Безусловно, литературные музеи заслуживают того, чтобы посвященная им энциклопедия появилась. Мы поставили себе четкие задачи, чтобы не оказаться в ситуации «незавершенного долгостроя», в связи с которой я напомним о до сих пор не завершенном биографическом словаре «Русские писатели» (к сожалению, энциклопедические проекты имеют настолько долгое дыхание, что редко их удается завершить лю-

дям, стоявшим у истоков), и планируем до конца марта 2015 г. сформировать проект словника, затем направить его на рецензирование членам редсовета и специалистам, а в июне (надеюсь, вновь в рамках фестиваля «Литературные сезоны») представить на рассмотрение редсовета. После внесения коррективов по высказанным ими соображениям редколлегия приступит к заказу статей. Мы планируем рассматривать на научных форумах тематические блоки статей, фиксируя и утверждая затем результаты обсуждений, и в течение одного-двух лет получить корпус статей, подготовленных для верстки.

Впервые мы представили проект 3 июня 2014 г. в рамках фестиваля «Литературные сезоны», приуроченного к 80-летию Государственного литературного музея, – на круглом столе 1-й сессии XXX Творческого проблемного семинара директоров литературных музеев им. Н.В. Шахаловой. Все присутствовавшие получили на руки первоначальные версии трех документов: концепции, рубрикатора, схем основных типов статей. 21 сентября, на 2-й сессии этого семинара, проходившего в «Щельково», мы представили суд руководителей крупнейших музеев сугубо предварительные предложения по составу редакционного совета. По итогам обсуждения были внесены изменения и дополнения. С сентября по декабрь мы лично связались со всеми, кто в этот список вошел, получили в абсолютном большинстве случаев их согласие. Так был сформирован авторитетный редакционный совет.

Июньская встреча показала, что в целом наше сообщество привержено здоровому консерватизму. Мы знаем, как надо делать энциклопедические издания, проверяя и перепроверя информацию, знаем, что такое ссылки на архивы, пристатейная библиография и зачем все это нужно. Мы убеждены, что традиционное издание (на бумаге) необходимо. Мы уверены, что планируемые два тома должны дать горизонтальный срез наших знаний на 2010-е гг., зафиксировать их и навсегда войти в науку. Это – совсем не то, что можно насобирать в Интернете, и не «экстелопедия» С. Лема, состоящая из сделанных компьютером без участия человека и непрерывно корректируемых статей о будущих событиях². Мы хотим издать книгу достаточно статичную, академичную, строгую. Основной массив составят статьи о конкретных музеях («сеть», где каждый музей получит свой «аккаунт»), полученные от них самих. Схема для данного блока статей ориентирована на то, чтобы получилось

² «Экстелопедия Вестранда в 44 магнитах» – рассказ из сборника «Мнимая величина» (1973).

узнаваемо, структурно, лаконично. Мы вводим блок статей об основных понятиях, где дефиниция будет дополнена описанием черт, присущих именно литературным музеям, и блок статей о легендарных музейных деятелях. Статьи типа «Такого-то писателя музеи» позволят проследить его жизненный путь, констатировать наличие культурных локусов, мест его памяти. История музейного дела, музейное законодательство представят эти сюжеты в зеркале нашей профильной группы музеев.

Со временем мы намерены трансформировать книгу в портал, благодаря чему наряду со статикой появится динамика, интерактивные элементы. На основе «канонического» текста энциклопедии можно будет делать другие книги: путеводители, тематические справочники и словари.

Очень важно участие в этом проекте представителей разных дисциплин – не только музейщиков и музеологов, но и историков, культурологов, литературоведов. Вместе с тем мы должны удерживать себя от чрезмерного удаления в смежные области.

Задача предстоит трудная, но с помощью такого представительного редакционного совета мы наладим взаимодействие с широким кругом специалистов и решим задачу.

Н.И. Михайлова

Я благодарю руководство Государственного литературного музея за приглашение в состав редсовета энциклопедии.

На мой взгляд, в этой энциклопедии вряд ли нужны терминологические статьи – можно ограничиться словарем терминов и дать его в конце. Обзорные статьи не должны затмить статьи о конкретных литературных музеях. Нужно подумать, стоит ли придерживаться в издании алфавитного принципа: можно попробовать группировку (статьи по именам писателей и т. д.). Стоит также по максимуму собрать сведения обо всех литературных музеях, а не только об имеющих давние традиции и вошедших в историю русской и мировой культуры. Важно на уровне конкретных статей о музеях проработать ключевые моменты описания истории формирования музейных коллекций, их количественные и качественные характеристики. Правильный, справедливый принцип отбора статей о людях (теоретиках и практиках музейного дела) – статьи только о тех, кто уже ушел из жизни. Что касается адресности, то всегда интересно делать увлекательную книгу, которая будет востребована как специалистами, так и широким читателем. Тут надо найти золотую середину, допустив при жесткой схеме статей известные вольности, а также правильно выстроить иллюстративный ряд. Я уверена, что такого рода труд (и именно на бумаге) будет переиздаваться раз в 10–15 лет.

Т.А. Галкина

Я уже давно сотрудничаю с «Большой советской (ныне – российской) энциклопедией» и рядом других энциклопедических изданий. Как исследователь, автор и пользователь энциклопедических изданий, понимаю, кто будет читать статьи, для кого мы работаем, и считаю, что следует учитывать пожелания «потребителя». Необходимо также соблюдать каноны жанра. Для нашей энциклопедии важно, чтобы литературные музеи России были представлены в ней именно как музеи, посвященные литературе и литераторам, и чтобы был сделан упор на то, что литераторы имеют своеобразное отражение в музеях. А для этого следует поставить перед собой две цели: а) отразить всю панораму литературных музеев России, б) показать степень отраженности российской литературы музейными средствами. Такой подход позволит создать полную картину воплощения судьбы писателя музейными средствами, с их помощью будет воссоздано развитие русской литературы. Им стоит руководствоваться при работе над словарем.

Слава многих наших писателей выходит далеко за пределы нашей Родины, поэтому я предлагаю в той или иной форме включить в энциклопедию информацию о зарубежных музеях, посвященных российским писателям (о музее Тургенева в Буживале, Франция, и др.).

Было бы очень полезно для будущих читателей снабдить энциклопедию географическими картами.

В.В. Определенов

Сохранение цифровой информации – вопрос серьезный. На сегодняшний день риск полной утраты уже минимизирован, в числе прочего благодаря созданию резервных, дублирующих систем. Запуск профильного (посвященного литературным музеям) портала мне кажется важным делом. В ГМИИ им. А.С. Пушкина это чаще всего делается после выхода в свет печатной версии, что не отменяет применения в процессе работы над ней компьютерных технологий, использования всех новых методов синхронизации и интернет-коммуникации между участниками процесса. Можно создать портал как инструмент совместной деятельности уже на начальной стадии подготовки энциклопедии, а общедоступным сделать его по истечении какого-то времени с момента печати тиража – и не дублируя издание один в один, а с отдельной пресс-историей, с добавлением интерактивности, которая невозможна в печатном издании.

В чем я вижу преимущества такого подхода? Электронные технологии помогают увеличить глубину понимания предмета, делая возможными нелинейные выборы; благодаря им мы можем проходить пред-

метный указатель насквозь и делать выборки, которые невозможны при обычном варианте. Это значительно ускоряет процесс научной работы.

Нужно в самом начале понять, на какой платформе это делать, как и у кого хранить, определиться с выбором носителей, средств и электронных технических решений. Правильно сделанный выбор является залогом успешности проекта, сохранности этого массива информации.

А.А. Сундиева

Я знакомлюсь уже со вторым вариантом концепции энциклопедии «Литературные музеи России» и должна сказать, что концепция стала более стройной и четкой, в скором времени можно будет перейти к следующему этапу и в ходе подготовки энциклопедии более глубоко прорабатывать отдельные позиции. Мои соображения основываются на опыте создания «Российской музейной энциклопедии».

Как и большинство присутствующих здесь, я убеждена, что энциклопедию о литературных музеях в бумажном варианте надо делать. Работу над «Российской музейной энциклопедией» мы начинали еще в те времена, когда печатали на печатных машинках, в итоге ее электронный вариант так и не появился. У нового издания он должен быть. Открытие портала после традиционного (на бумаге) издания – правильное решение; уже по ходу работы над энциклопедией должна формироваться электронная база данных, которая во многом поможет работе над книгой.

Появление энциклопедии по профильной группе музеев (в развитие «Российской музейной энциклопедии») радует. Понятно, что в двухтомную «Российскую музейную энциклопедию», создававшуюся в другие времена и на основе других технических возможностей, мы не смогли вместить всю информацию, которой располагали. В новых изданиях можно продолжить линию осмысления музейной практики, включить в них больше биографий музейных специалистов, подробнее рассказать о культурных ценностях, хранящихся в музеях страны.

Лучше всего делать новую энциклопедию как научно-популярную, рассчитанную на широкого читателя (при том, что акценты могут быть расставлены разные). Она должна быть музееведческой, внести вклад в развитие музееведческого знания – и при этом иметь свой характер, определяемый спецификой описываемого объекта (литературных музеев). Объем блока терминологических статей можно сократить, потому что такая работа уже ведется научными коллективами музеев, в том числе международными. Сосредоточиться нужно на специфике данной профильной группы. Как и Н.И. Михайлова, считаю, что блок персоналий надо формировать, опираясь на проверенный принцип «только

ушедшие из жизни». Информацию о зарубежном опыте можно включить в обобщающие статьи. Но речь идет об издании, посвященном литературным музеям России, поэтому такого материала должно быть немного.

Энциклопедии, как уже говорилось, пишутся долго и рассчитаны на длительное использование. Продумывая структуру статей, определяя характер материала будущего издания, нужно по максимуму закладывать информацию, которая медленно устаревает, имеет непреходящее историко-культурное и научное значение.

Тем, кто будет готовить энциклопедию, придется решать непростые вопросы, поэтому очень важно рассчитать свои силы и возможности. При создании «Российской музейной энциклопедии» мы сталкивались с совершенно неожиданными проблемами. Так, когда потребовалось обозначить на картах музеи всех регионов России (определить их профильную принадлежность и расставить соответствующие значки) в нашем дружном коллективе разразился кризис, вызванный столкновением мнений, работа на некоторое время приостановилась. Подобных «подводных камней» в такой сложной работе множество, при ее планировании следует закладывать зазор на непредвиденные его затраты. Процесс поиска авторов, заказа им статей, согласования отредактированных текстов – не быстрый. Непросто регулируется и круг вопросов, связанных с авторским правом. Все сложнее становится организация финансовой стороны подготовки издания.

Я желаю успеха творческому коллективу, который создается, и по мере своих сил и возможностей готова к сотрудничеству.

М.Б. Гнедовский

Как участник нескольких энциклопедических проектов я знаю, что это – работа кропотливая, но очень полезная. Вопрос только в том, как ее планировать и программировать. Я согласен с В.В. Определеновым в том, что надо в самом начале работы запускать портал как рабочий инструмент, который поможет авторам сравнивать свои статьи с другими и вносить в них исправления, позволит наладить процесс коммуникации, а это важно для реализации сетевого принципа подготовки энциклопедии, о котором сказал Д.П. Бак.

Что касается концепции, то я остановлюсь на проблемах «пограничных», связанных с тем, как мы проводим границу выбранной нами области знаний. Одна из них – проблема профиля. Материалы по истории литературы не обязательно находятся в литературных музеях, и надо понимать, как мы с этим поступим. Есть много рукописей, документов, вещей, относящихся непосредственно к истории литературы, в

музеех других профилей. Как быть с этим пластом, как отразить его в энциклопедии? Надо искать для этого формат.

О другой «пограничной» проблеме уже говорили – российские литературные сюжеты в зарубежных музеях. Музей Гоголя в Полтавской области (Украина) – отечественный или иностранный? В Алматы (Казахстан) стоит собор, где в советское время находился музей, в котором работал Ю. Домбровский и который описан в романах «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Я пытался уговорить местных музейщиков назвать городской музей именем Домбровского, зафиксировав хотя бы в такой форме память о писателе. Необходимо решить, включаем ли мы такие ситуации в энциклопедию, и если да, то как.

Третья пограничная проблема связана с тем, что музеи нам всегда рассказывают о реальности, а литература – это вымысел. Но в каких-то случаях вымысел проникает в музейную область и возникают музеи литературных героев или такие музеи, где литературный сюжет привязывается к конкретному месту. Наиболее яркий пример такого плана – Музей невинности, открыл в Стамбуле Нобелевский лауреат Орхан Памук, автор романа с таким названием. Как быть с этим? Мы рассказываем в энциклопедии только о реальности или следим и за вымыслом, потому что в действительности сила литературы и ее влияние находится скорее в области вымысла? И как отразить в энциклопедии ту образную среду, в которой мы все живем и в которой литературные герои перемешаны с реальными историческими персонажами? Вот такие вопросы.

Т.С. Злотникова

Энциклопедия «Литературные музеи России», безусловно, будет востребована таким сегментом читательской аудитории, названным и в концепции, как студенты и аспиранты всех гуманитарных специальностей (культурологами, историками, филологами, музеологами, теми, кто специализируется по «культурному туризму»); ее целевая аудитория будет охватывать немалый круг исследователей (как начинающих, так и более опытных), специализирующихся в сфере, которую называют «регионоведением» либо «провинциологией». Содержательные основания интереса такой аудитории к материалам, содержащимся в ней, будут определяться именно ареалом жизни и вектором научных интересов сотен людей. Таким образом, энциклопедия необходима и для междисциплинарных исследований на стыке культурологии, филологии и истории. Бумажная версия очень нужна, в числе прочего и как дань уважения к уходящей, но еще не ушедшей культуре, которой не хочется поступаться. Вероят-

но, имеет смысл рассмотреть вопрос об электронном приложении к этой версии, с размещением на диске визуального ряда, не просто воспроизводящего ее иллюстрации, а включающего образцовые видеоэкскурсии, подборки фотографий и т.п. Предлагаю также для обсуждения идею создания нескольких тематических томов в соответствии с обозначенными в концепции направлениями (как это было сделано на рубеже 1950–1960-х гг. в «Детской энциклопедии»): литературные музеи, персоналии и т.д. Увеличение расходов на издание (по сравнению с однотомником) будет компенсировано более широким кругом читателей/пользователей.

Меня смутило высказанное в нашей дискуссии пожелание при подготовке энциклопедии двинуться по пути «Википедии» и предоставить возможность «потребителям» вносить изменения и дополнения в подготовленные профессионалами материалы. Более правильным представляется использовать такие технологии, которые позволяют авторам и составителям (редакторам) вести работу в режиме удаленного доступа, а доступ к информации при этом имеет лишь некий координатор, в случае необходимости предоставляющий какую-то ее часть коллегам – участникам проекта. Что касается организации работы, то важно правильно распределить обязанности. Опыт показывает, что многолюдство в руководстве такими грандиозными проектами, – не на пользу делу. Его следует вести авторитарно, решительно. Авторитетный редакционный совет – орган представительский, а повседневную работу должна осуществлять немногочисленная редколлегия, сформированная по принципу «малой группы» (количество людей равно 9 ± 2). Подготовку словника нужно сосредоточить в руках двух-трех человек. При работе над ним предлагаю использовать опыт энциклопедии «Культурология», где организаторы по предложениям авторов вносили изменения в уже существовавший словник. Разумеется, редколлегия может принять или не принять какие-то предложения по словнику, но обсудить движение мысли в том или ином направлении полезно.

Подбор авторов статей – задача наисложнейшая. Уповать на региональных музейщиков вряд ли стоит, ведь среди их сотрудников профессионалов (музеологов, филологов) недостаточно. Можно будет пойти по такому пути: один специалист описывает региональный «куст» музеев. Архисложный вопрос – верификация, качество атрибуции того, что содержится в музеях, и представление этой информации в энциклопедии. Авторы будут писать на разных «языках»: суховатый нарратив будет сочетаться с патетической метафорикой, научные понятия будут соседство-

вать с обыденной речью, характерной для экскурсоводческих практик. Все это перевести на общий для всех «язык», унифицировать – проблема, решение которой потребует времени.

Исходя из сказанного, уважаемые «затеяники», логично будет провести серию локальных встреч для обсуждения локальных вопросов.

А.Ф. Кофман

Отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ РАН, который я представляю, имеет богатый опыт создания энциклопедических трудов («Энциклопедический словарь английской литературы XX века», 2005; «Энциклопедический словарь сюрреализма», 2007; «Энциклопедический словарь экспрессионизма», 2008). В настоящее время я приобретаю опыт руководства трудом этого жанра, осуществляя подготовительную работу над концепцией «Словаря течений литературы XX века. Европа и Америка». Исходя из своего опыта, констатирую: работы над энциклопедиями в реальности всегда оказывается больше, чем ее планируешь.

Корректировку материала разумнее сделать на подготовительной стадии, чтобы избежать пустой траты времени и сил. Надо принять жесткие обоснованные установки, выделить то главное, ради чего затевается энциклопедия, и отсечь желательное, но второстепенное. А главное ясно выражено самим названием энциклопедии – «Литературные музеи России», отсекающим литературные музеи стран СНГ и дальнего зарубежья, музеи иного профиля, даже если в них есть литературные материалы, терминологические статьи, вопросы генеалогии, биографии и хобби писателей, анализ их творчества и отдельных произведений, развернутые статьи о музейных деятелях. С другой стороны, это название подразумевает включение наряду с государственными – негосударственных музеев, наряду с общелитературными, мемориальными музеями – музеев, связанных с литературными персонажами.

Я поддерживаю идею создания портала. Этот жанр менее формальный и организованный, куда более свободный и вариативный. Там найдут себе место материалы, не вошедшие в книжный вариант.

Л.В. Полякова

В энциклопедии «Литературные музеи России» должны быть сконцентрированы основные знания, сложившиеся на период ее написания, в том числе знания и о литературно-краеведческом движении. И энциклопедия, и сама работа по ее созданию могут дать новый импульс его развитию, теснее связать современный этап с 1920–1930-ми гг., когда были созданы Центральное бюро краеведения и серьезные теоретические тру-

ды. Об этой связи в числе многого другого свидетельствует возвращение в историю национальной культуры имени Н.П. Анциферова. Важно показать факторы, которые препятствуют возникновению новых музеев, в том числе несовершенство региональной культурной политики. Энциклопедия должна выполнить роль собирателя информации о рассеянных по всей стране разнообразных литературных музеях, представить их в историко-литературном контексте.

Значим вопрос об унификации трактовки терминов, которые будут использованы разными авторами в разных статьях энциклопедии. Это относится и к понятию «краеведение»: не устарело ли оно, не потеряло ли актуальность, как соотносится с понятиями, выраженными с помощью терминов «культурное гнездо», «литературное гнездо».

Е.Б. Рашковский

В своих суждениях я буду отталкиваться прежде всего от своих науковедческих интересов и занятий, которые посвящены прежде всего сквозной проблематике гуманитарных и социальных наук.

Работая над энциклопедией, следовало бы расширить именно *человеческий горизонт* в ее тематике: не просто «деятели музейной сферы», но «люди музея». И не просто и не только «музейные деятели» и «музейные работники», и не только исследователи музейного дела, но и коллекционеры, меценаты, донаторы, люди, собиравшие и спасавшие – всем превратностям истории вопреки – музейные ценности и сокровища. В данном случае речь идет прежде всего о музейных ценностях, относящихся к истории литературы.

Есть еще одна проблема, которую хотелось бы предложить вашему вниманию. При работе над энциклопедией важно не упустить из виду те музейные собрания, которые не подведомственны централизованной системе государственного управления культурой. Приведу один характерный пример на сей счет. В Сергиевом Посаде (этих, как говорили в старину, «российских Афинах») существует музей протоиерея Александра Меня, ни в какую государственную политику руководства культурой не вписанный. «Писатель» он или не «писатель»? Мне лично кажется, что он сто́ит доброго десятка цеховых литераторов и литературоведов. В его наследии – труды по истории библейской словесности и ее изучения, духовная и проповедническая эссеистика, поэтический перевод «Песни песней» с древнееврейского оригинала, перевод романа Грэма Грина «Сила и слава», труды по анализу религиозной проблематики в истории русской и мировой литературы (от индийского или греческого эпоса до Михаила Булгакова или того же Грэма Грина). Посему думается, что, со-

блюдая строгость научного подхода к музейному наследию и его описанию, мы все же должны беречь себя от той ведомственной болезни, которую видный российский ученый-библеист Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921) определил как «николаевский казенно-дисциплинарный подход».

Е.Н. Пенская

Я считаю энциклопедию «Литературные музеи России» значимым проектом, и по мере сил буду в нем участвовать. Концепция мне кажется достойным путеводителем к нашей работе. Что бы я добавила в блок обобщающих статей? Мне кажется, необходима статья о том, как менялась политика культурной памяти, потому что литературные музеи – часть этой политики. Солидаризируясь с М.Б. Гнедовским, подчеркну необходимость осветить проблему участия литературных музеев в формировании национального канона и национальной мифологии. Качественные статьи, безусловно, требуют анализа архивных материалов. Приведу в пример собственный опыт: чтобы понять, как ГЛМ участвовал в формировании советского литературного канона, связанного с М.Ю. Лермонтовым, я серьезно поработала в архивах.

И.В. Чувилова

Сегодня было высказано много интересных, отчасти взаимоисключающих идей; пока трудно представить, как они смогут сосуществовать в одном издании. Множество интересных идей – хорошо, но ряд вопросов были бы сняты, если бы удалось сделать жесткую концептуализированную структуру (она необходима и при работе над словариком) и разработать четкие критерии отбора статей. Возможно, с отсутствием такой структуры связан ряд прозвучавших предложений (реализуются они или нет – жизнь покажет). Здесь собрались профессионалы, у каждого есть своя любимая тема, но ограничивать себя придется, иначе мы получим аморфное издание. Сейчас самое главное – продолжить работу в концептуальном ключе. В каком-то смысле писать «Российскую музейную энциклопедию» было проще: она охватывала музеи всех профильных групп. А сейчас мы берем одну профильную группу, которую необходимо четко определить, и целенаправленно собирать под нее материал, который не будет выбиваться, никого не покоробит.

Е.Н. Мастеница

Я поддерживаю идею создания энциклопедии «Литературные музеи России» и благодарю за приглашение участвовать в этом проекте. Мои научные интересы тесно связаны с темой литературных музеев, а диссертация, защищенная уже почти 20 лет тому назад, все еще остается

единственным специальным исследованием данной профильной группы (в Ленинграде-Петербурге) – наверное, потому, что это требует серьезной изыскательской работы, в том числе и в архивах. Мы делаем географический замах, касающийся всех регионов России, а в историческом ракурсе еще и Российской империи, а также присутствия представителей русской литературы за рубежом и попыток создания там музеев, посвященных русским классикам. Столь масштабные хронологические и географические рамки требуют серьезной концептуализации структуры издания и отбора персоналий (только составление их списка будет сложным процессом).

В свете того, что чаще всего литературные музеи в России возникли как музеи мемориальные (усадьбы, дома, квартиры, кабинеты), мне кажутся перспективными идеи М.Б. Гнедовского. Все большее развитие получают визуализация и материализация того, что он назвал вымыслом и что на самом деле является нематериальным культурным наследием, – литературные образы, а также произведения разных жанров, которым посвящаются музеи. Виртуальные литературные музеи тоже наполняют пространство музейного мира и раздвигают границы музеефикации литературного наследия от мемориализации до визуализации. Концептуальная нить развития музеев литературных героев и произведений, начиная с «вещей для чулана» и заканчивая униками и раритетами, – это существование музея как пространства историко-литературных вымыслов, образов, концепций, со временем менявших свое наполнение. Не подлежит сомнению, что необходимо и дальше коллективными усилиями углублять концептуализацию нашей энциклопедии, совершенствовать ее содержательную структуру.

М.В. Скороходов

Для энциклопедии «Литературные музеи России», как и для других энциклопедий, очень важен вопрос о полноте представления информации. Назову то, что не хотелось бы потерять: вузовские музеи (их Ассоциация объединяет более 300 музеев), частные музеи (некоторые из них являются единственными в том или ином городе – например, музей С. Есенина, созданный Павлом Никифоровичем Пропаловым в Вязьме и хранящий богатые коллекции материалов о жизни и творчестве ряда смоленских писателей). Непростой вопрос, который потребуются решать в ходе подготовки энциклопедии, – коллекции, документирующие развитие литературы, в музеях других профилей, и музеи, граничащие с литературными (театральные, музыкальные и т. п.). В какой-то форме все это должно быть представлено в энциклопедии.

А.В. Агошков

Трудно переоценить значимость той работы, которая была затеяна в канун Года литературы. Несомненно, она будет способствовать актуализации того огромного духовного богатства, каким является русское литературное наследие. Журнал «Вопросы культурологии», который я представляю, выступает за предметность науки о культуре. Совместной работой историков, филологов, музееведов, краеведов мы не только продвинем ее вперед, но и будем способствовать утверждению концепции преемственности российской истории и культуры от времен Рюрика до наших дней.

Е.А. Воронцова

Сегодня в ходе содержательной и конструктивной дискуссии были высказаны резонные пожелания и предложения, сформулированы векторы движения к цели: динамичный ритм работы, здоровый консерватизм, корректная междисциплинарность, репрезентативность информации, традиционная форма издания с закладкой потенциала для дальнейшего развития проекта как интерактивного, электронного, максимально полное представление сети литературных музеев нашей страны и мест памяти о выдающихся русских писателях. Прозвучала мысль о необходимости четкой, даже жесткой, организации работы (что не исключает свободы творчества – наоборот, предполагает ее).

Уверена – у нас хорошие шансы довести этот «корабль» до «гавани» (до издания): есть уже опыт подготовки «Российской музейной энциклопедии» и музееведческих терминологических словарей, есть специалисты, обладающие необходимыми знаниями и навыками междисциплинарной работы. Всего этого почти совсем не было, когда начиналась работа над «Российской музейной энциклопедией». За прошедшие годы наработано многое, цель нам ясна, ориентиры в концепции обозначены. Тем сообществом, которое уже сложилось и еще будет прирастать, мы сможем получить нужный результат – энциклопедию «Литературные музеи России», а наши информационные партнеры (журналы «Диалог со временем», «Вопросы культурологии», «Музей», «Филологическая регионалистика» и др.) помогут нам информировать сообщество о ходе дел и привлечь всех, кому может быть интересен наш проект.

НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ

И. В. ВОЛКОВ

К 150-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ ИЗМЕНЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ

Объектом данного исследования является рассмотрение исследовательской парадигмы как системы объективных и субъективных оценочных критериев, объединенных единой логикой определенных идеологических установок. В дореволюционный период оценки процесса присоединения региона к царской империи в большинстве своем носили положительный характер. С установлением советской власти была создана новая оценочная парадигма, в которой на первый план выдвигалось пресловутое «колониальное угнетение». Однако в советский период происходила эволюция подхода к рассматриваемой проблеме и со времени «хрущевской оттепели» он сменился тезисом о прогрессивном значении присоединения. Вторая часть статьи посвящена оценкам данного события в отечественной учебной исторической литературе и интерпретациям, которые существуют в современной центрально-азиатской исторической и псевдоисторической науке.

Ключевые слова: Средняя Азия, Россия, присоединение, оценочная парадигма, учебная историческая литература.

Летом 2015 г. исполнилось 150 лет присоединения Средней Азии к России. Событие, безусловно, относится к числу знаменательных, имеющих огромное историческое значение, однако вряд ли оно вызовет научную рефлексию, адекватную его содержанию. Достаточно обратиться к тем исследовательским парадигмам, которые сложились на этот счет в постсоветской исторической литературе в молодых суверенных государствах Центральной Азии (бывших союзных республиках СССР), возникших на обломках распавшегося Советского Союза.

Процесс присоединения Средней Азии к России был достаточно долговременным и начался еще на рубеже 1840–1850-х гг. Поэтому его трудно втиснуть в «прокрустово ложе» точной исторической даты. Тем не менее, в свое время это было сделано. Несмотря на то, что 12 февраля 1865 года именным царским указом была образована Туркестанская область, составленная из Алатавского округа и иных присоединенных к России территорий Средней Азии¹, официально отсчет включения Средней Азии в состав России начался со дня взятия Ташкента – 15 июня

¹ Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184.

1865 г., хотя и позже к империи присоединялись крупные территории этого региона (например, Самарканд в 1868 г.). Однако мы считаем эту дату вполне правомерной, исходя из исторической значимости Ташкента как центра торгово-экономических, политических, этноконфессиональных и прочих связей. Нелишне заметить, что и дореволюционная российская и советская интернациональная историография одинаково признавали указанную дату определяющей и решающей. Кстати, и большинство постсоветских историков в независимых (после распада СССР) странах Центральной Азии тоже склонны полагать, что взятие Ташкента летом 1865 года стало началом действительно прочного и долговременного утверждения царизма в Туркестане.

Разумеется, рассматриваемое событие всегда вызывало огромный интерес у специалистов, причем не только историков, но и этнологов, политологов, культурологов и др. Доказательством тому служит огромная литература по данному поводу, как отечественная, так и зарубежная. Мы остановимся только на работах зарубежных историков, которые были изданы в странах так называемого «ближнего зарубежья» (читай: Центральной Азии) в постсоветский период. Однако заметим, что, например, британская историография фактически изначально хулила действия России на среднеазиатском направлении во всех отношениях, особенно – как «угрозу Индии»². Печально, что некоторые центрально-азиатские историки придерживаются даже сегодня в этом отношении схожих мотивов.

Нелишне заметить, что в канун присоединения Средней Азии даже в царских «верхах» не существовало полного единодушия по данному вопросу. Отчасти об этом пишет российский исследователь О.В. Воронин в разделе «Споры о необходимости завоевания Центральной Азии»³. И в последующем, в дореволюционный период среди российских исследователей, публицистов, чиновников было немало тех, кто сомневался в успехе присоединения Средней Азии, ссылаясь на огромную затратность этого мероприятия в прошлом и настоящем. Доказательные тому примеры приводил известный отечественный туркестановед П.П. Литвинов⁴. Вместе с тем, он не ставил под сомнение сам факт позитивного значения присоединения Средней Азии к России. Таким образом, первые оценки процесса присоединения региона к царской империи появились еще в дореволюционный период, однако в большинстве своем они носили положительный характер, всецело одобрявший абсорбцию Россией

² Curzon 1889; Cobbold 1900; Dunmore 1893; Lansdell 1885; Skrine, Ross 1899; etc.

³ Воронин 2008. С. 66-68.

⁴ См.: Литвинов 1998. С. 45-50.

огромных пространств Туркестана, исключая среднеазиатские ханства, которые и так были покорными вассалами царизма во внешней политике, сохраняя, однако, незыблемым свой «внутренний строй» управления. Вышеуказанные оценки успешно заглушали отдельные критические замечания, суждения и выводы по поводу «присоединения».

Не исключено, что 50-летие взятия Ташкента как полувекковой юбилей присоединения Средней Азии могло бы отмечаться достаточно широко по всей России. Однако шла Первая мировая война, и стране было не до торжеств. Тем не менее, в самом Туркестанском крае (Средней Азии без ханств) этот юбилей все же отметили не без повсеместной торжественности. Понятно, что нас интересует, прежде всего, отношение к нему со стороны местного мусульманства. Так, «во время торжественного празднования 50-летия взятия Ташкента депутация городского исламского духовенства указывала в “адресе”, преподнесенном краевым властям по случаю юбилея, что до прихода России в Среднюю Азию здесь царили беспорядки, произвол, грабежи и насилие»⁵. И только приход русских все изменил к лучшему. Схожие «адреса» были преподнесены всем военным губернаторам и начальнику Закаспийской области. Православная епархиальная газета цитировала слова из одного такого «адреса», гласившие: «Завоеватели-русские не были угнетателями нашего края, а представили нам, населению, возможность свободно развиваться, не тронув нашей религии и быта. И за это мы благословляем их»⁶. Объемные публикации о праздновании юбилея были даны, понятно, краевым «официозом» – газетой «Туркестанские ведомости»⁷.

Отреагировали соответствующим образом и прочие региональные средства массовой информации – «Семиреченские областные ведомости», «Ферганские областные ведомости», «Туркестанский курьер», «Туркестанская туземная газета» и др. Не оставила без внимания юбилей и «столичная»⁸ пресса – суворинская газета «Новое время», «Правительственный вестник», «Биржевые ведомости», «Колокол» и др. Были опубликованы в разных изданиях воспоминания участников присоединения Средней Азии, статьи «старых туркестанцев» – А.Н. Куропаткина, В.П. Наливкина, Н.П. Остроумова и проч. Выступили с публикациями и действующие краевые чиновники⁹.

⁵ Литвинов 1998. С. 78

⁶ Туркестанские епархиальные ведомости. 1915, № 14 (15 июля).

⁷ Формально она таковым не являлась, но см.: Туркестанские ведомости. 1915, № 128-134 и др.

⁸ Столицами считались Москва и Санкт-Петербург.

⁹ См.: Васильев 1915; Граменицкий 1916; Яшнов 1915. С. 102-157.

Несмотря на критические замечания в адрес деятельности царской администрации Туркестана в сложных условиях Первой мировой войны, никто, тем не менее, не ставил под сомнение те огромные достижения, которые были привнесены Россией как страной и цивилизацией в жизнь пусть традиционно самобытного, но все же отсталого местного населения. И это была первая оценочная парадигма присоединения Средней Азии к России. Вообще стоит заметить, что в нашем понимании «парадигма» есть система оценочных критериев, как объективных, так и субъективных, объединенных единой логикой определенных идеологических установок.

Приближающееся столетие Октябрьской революции заставляет задуматься и над ее истоками, и над ее результатами. Конечно, это событие имело эпохальное значение для истории всего человечества, но, вместе с тем, оно принесло большие трагические перемены в жизнь русского народа как единого имперского целого. Ошибки большевиков, в частности при решении «национального» вопроса, особенно проявились на «окраинах» бывшей царской империи – в Туркестане, где русское (и прочее немусульманское) население составляло немногим более 5% от общего числа обитателей региона. Именно усилиями большевиков создавалась новая оценочная парадигма присоединения Средней Азии к России, в которой на первый план выдвигались уже не позитивные достижения, а пресловутое «колониальное угнетение». 12 августа 1920 г. ЦК РКП(б) утверждал в циркулярном письме всем коммунистам Туркестанской АССР, что при царизме в Средней Азии «систематически создавалась основа для колониального угнетения в лице русского эксплуататорского населения»¹⁰. По сути, тем самым оправдывались наихудшие проявления восстания 1916 года в Туркестане, повлекшие за собой множество жертв среди русского и иного христианского населения.

В 1921 г. с разоблачением царистской «колониальной политики» в Средней Азии выступил известный большевик Григорий Сафаров¹¹. Он объявил ее «православно-националистическим мракобесием» и всесторонне «охаивал» «русификаторские» устремления царизма. Тезис о насильственной «русификаторской» политике царизма в Средней Азии оказался особенно вредным, так как под него подпадали даже те правительственные решения в Туркестане, которые были явно полезными для регионального мусульманства (строительство железных дорог, мостов,

¹⁰ См.: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии 1964. С. 646.

¹¹ См.: Сафаров 1985.

больниц, борьба с эпидемиями и т.п.). Но оценочная парадигма идеологии большевизма «подпитывалась» новыми сочинениями¹².

В советский период происходила эволюция в подходе к рассматриваемой проблеме. Сначала восторжествовала сталинская концепция царского завоевания Средней Азии, «колониального» угнетения ее народов, которые с помощью социалистической революции встали на путь действительно прогрессивного развития. По мере ужесточения культа личности И.В. Сталина такая концепция приобрела сакральный характер в догматическом «Кратком курсе» истории ВКП(б). Русский царизм объявлялся «палачом и мучителем нерусских народов»¹³. В данном случае «ученик» даже превзошел «учителя» – В.И. Ленин не ставил проблему так остро¹⁴. Однако есть все основания полагать, что уже к концу жизни «отца народов» значение вышеуказанного тезиса несколько «увяло». Буквально в 1953 г., вслед за смертью Сталина, в ведущем историческом издании – журнале «Вопросы истории» появляется статья И.С. Бранинского, С. Раджабова и В.А. Ромодина, внесшая нечто новое в привычную трактовку присоединения Средней Азии к России¹⁵. Но еще при жизни «вождя», в феврале 1953 г., в том же журнале публикуется статья Б. Гафурова «Об Андиганском «восстании» 1898 г., в котором оно выступает уже в кавычках, что вряд ли стоит пояснять детально¹⁶.

После начала «десталинизации» в государственно-общественной жизни в СССР, в Ташкенте, в год 90-летия присоединения Средней Азии к России была проведена специальная «научная сессия» в составе ученых из среднеазиатских республик и центральных исторических академических учреждений и вузов¹⁷. В выступлениях ее участников звучали менее жесткие оценки «колониальной» политики царизма в Туркестане, однако, в целом они продолжали грешить «классовым» подходом к ней. Но и такой подход менялся. К концу «хрущевской оттепели» в советской исторической науке прочно утвердился тезис о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, нашедший отражение во многих работах специалистов, посвященных грядущему (или уже наступившему) 100-летию указанного события¹⁸.

¹² См.: Галузо 1929. С. 82-117.

¹³ История ВКП(б) 1938. С. 6.

¹⁴ См.: Ленин 1957.

¹⁵ См.: Бранинский, Раджабов, Ромодин 1953.

¹⁶ Гафуров 1953. С. 50-61.

¹⁷ См.: Материалы 1955.

¹⁸ См. напр.: Аминов, Бабаходжаев 1966; Джамгерчинов 1963; Савицкий 1964. С. 114-133.

Особенно следует отметить труд известного советского востоковеда Н.А. Халфина, специально посвященный рассматриваемой проблеме¹⁹. Он и сегодня считается одним из лучших трудов по данной проблеме, несмотря на то, что указанный автор тоже изучал ее через «призму» господствующей идеологии. Следует заметить, что действительно знающим специалистам «идеологические» подходы в оценке присоединения Средней Азии к России совершенно не мешали, поскольку оно заведомо признавалось прогрессивным, в чем не усматривалось никакого прегрешения перед истиной.

В постсталинский период в семантической инструментарии историков применительно к присоединению Средней Азии к России был также в ходу термин «вхождение», что не считалось чем-то инновационным. Однако в период «застоя» (1965–1985) в арсенале историков появляется определение: «добровольное вхождение». В ряде случаев (как, например, с северными кыргызами) применение такого термина было оправданным, поскольку они действительно посылали свои посольства в царские инстанции с просьбами о принятии их в состав России.

Безусловно, можно совершенно точно утверждать о добровольном вхождении казахов в состав России, что подтверждается правовыми документами²⁰. Однако не было никаких оснований утверждать, например, о «добровольном» вхождении в состав России туркмен, узбеков, таджиков, каракалпаков и др. Между тем, поползновения такого рода в среднеазиатской советской исторической литературе порой имели место, и если мы не называем конкретных имен, то исключительно из соображений деликатности – они и сегодня живы и пишут, кстати, ныне о совершенно противоположном.

Можно по-разному относиться к эпохе М.С. Горбачева, его политике «гласности», «перестройки», «ускорения» и т.п., но нельзя не признать, что она в значительной мере раскрепостила отечественную историческую науку. Например, проф. С.П. Поляков (МГУ) в своей работе указывал, что ни царистское время, ни советский период так и не смогли не только преодолеть, но даже существенным образом изменить традиционные устои в жизни народов Средней Азии²¹.

¹⁹ Халфин 1965.

²⁰ Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5704; Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // ПСЗРИ-1, Т. 9. СПб., 1830. № 6567.

²¹ См.: Поляков 1989.

В 2015 г. народы бывшего СССР и все человечество торжественно отметили 70-летие Великой Победы. Как известно, в целом коренные народы Средней Азии и Казахстана внесли свой вклад в ее достижение. Вместе с тем, представляется удивительным тот факт, что еще в 1916 г., в период Первой мировой войны, они отказались идти даже на тыловые работы, а через четверть века с оружием в руках пошли на фронт защищать социалистическое Отечество. Почему так произошло? «Ответ следует искать в том, что созданный советский, авторитарный режим хорошо соответствовал принципам общественного устройства мусульманских народов Средней Азии, основанного на сильных патронимистических традициях, – писал в 1995 г. известный российский туркестановед П.П. Литвинов. – Приверженность мусульман Туркестана советскому режиму проявилась особенно, как это ни парадоксально, после победы здесь колхозного строя, идеально соответствующего патронимии, где председатель колхоза соответствовал главе так называемого “авлода” (у кочевников – рода, племени – *И.В.*)... секретари райкомов и обкомов партии... заняли место бывших ханских беков, ...а первые секретари ЦК компартий союзных среднеазиатских республик “исполняли роль” дореволюционных ханов, находившихся и тогда в вассальной зависимости от России. Таким образом, сформировавшиеся новые общественные отношения, серьезно не затронувшие традиционные социальные структуры народов Средней Азии, были восприняты ими как близкие... В силу особенностей мусульманского менталитета, привыкшего к самым грубым актам ханской власти, проявления культа личности *И.В. Сталина* воспринимались здесь как само собой разумеющиеся. Недаром... и сейчас личность Сталина пользуется среди мусульман Средней Азии (теперь уже пожилых – *И.В.*) известным уважением»²².

Как ни печально, факт участия народов Средней Азии и Казахстана в достижении Великой Победы сегодня тоже подвергается ревизии со стороны не только центрально-азиатских исследователей, но и государственных деятелей. Сносятся соответствующие монументы, памятники, бюсты и т.д. Заявляется, например, что для коренных народов Средней Азии и Казахстана война 1941–1945 гг. не была отечественной, некоторыми «историками» стран Центральной Азии восхваляются предатели из «Туркестанского легиона», образованного гитлеровцами с помощью изменника-казаха Мустафы Чокаева. Впрочем, проблема присоединения Средней Азии к России в этом плане является далеко не единственной на постсоветском научно-историческом пространстве.

²² Литвинов 1995. С. 15-16.

Выше мы уже упоминали о том, что в советской (учебной и иной) исторической литературе (от школьной до вузовской) присоединение Средней Азии (в т.ч. Южного Казахстана) расценивалось однозначно – как событие великого и судьбоносного значения для народов региона. Трудно сказать, чтобы этот вывод был необоснованным. Историки союзных республик Средней Азии и Казахстана в своих трудах сами убедительно доказывали, что присоединение Туркестана к России носило прогрессивный характер и повлекло за собой огромные позитивные последствия для всех сфер жизни региона. Научный анализ этого процесса показывает, что так оно и было. Ранее отсталый во всех отношениях регион, после вхождения в состав России, стал форсированно развиваться, а его этносы, в отличие от мусульманского населения соседних стран (Западного Китая, Афганистана, северо-западных провинций Британской Индии, Персии и др.), стали быстрее приобщаться к условиям цивилизации Нового времени. Конечно, этот процесс не был беспроблемным.

П.П. Литвинов писал, что из-за «неожиданности» присоединения и быстроты действий России в Средней Азии царское правительство не успело «разработать ясную, четкую, продуманную и долговременную программу взаимоотношений со среднеазиатским мусульманским населением»²³. На наш взгляд, окончательно сформированная и выверенная «программа» царизма по отношению к народам Средней Азии и Казахстана так и не была создана, что породило немало негативных последствий для его политики в этом регионе. Сегодня политические просчеты царизма в Центральной Азии (как теперь принято называть Среднюю Азию и Казахстан) стали мишенью для критических эскапад со стороны националистически ориентированной историографии в молодых независимых и суверенных государствах этого региона (бывших союзных республик СССР). Но ее мало интересует содержание таких просчетов – для нее важна форма, на основе которой создается новая парадигма. Важно доказать, что присоединение Средней Азии в России не могло быть прогрессивным, так как оно извратило некий «самобытный», «традиционный», «ясный», «счастливый», «сытный», «здоровый» и т.д. и т.п. путь коренных народов региона к счастью, довольству и изобилию.

Следует отметить, что такой ее настрой во многом подогревается нашей же отечественной историографией сталинского периода, когда, руководствуясь «Кратким курсом истории ВКП(б)», осуществлялась массированная (мы бы сказали – ожесточенная) критика царизма как создателя «тюрьмы народов», обвинявшая его во всех смертных грехах

²³ Литвинов 1998. С. 249-250.

и, понятно, не видевшая в его политике (в т.ч. в Центральной Азии) никакого позитива даже там, где он явно просматривался. Используя цитирование из работ сталинского времени, историки-националисты из стран региона задают вопрос нашим специалистам: «А разве не вы сами писали об угнетении наших народов и издевательствах в царский период?». И, к сожалению, часто бывает трудно ответить на этот вопрос, тем более что авторитетных специалистов по истории дореволюционной Средней Азии сегодня можно, образно говоря, сосчитать по пальцам.

Нынешняя отечественная вузовская учебная историческая литература вряд ли сможет ответить на такой вопрос, так как в некоторых изданиях вообще не поднимается вопрос о том, когда, как и зачем была присоединена Средняя Азия к России²⁴. Авторы вузовского учебника по истории России В.А. Федоров, В.И. Моряков и Ю.А. Щетинин пишут о том, что «среднеазиатские ханства были объектом соперничества между Россией и Англией, которое во второй половине XIX в. значительно обострилось. Этот регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности». Они отмечают, что «в мае 1864 г. началось наступление на Кокандское ханство. Почти одновременно навстречу друг другу выступили отряд полковника М.Г. Черняева численностью 2500 человек с востока из крепости Верный и отряд полковника Н.А. Веревкина в числе 1200 человек из крепости Перовской»²⁵.

Здесь не все верно. Во-первых, наступление на Кокандское ханство началось еще в 1850 г., когда русские войска пытались взять кокандскую крепость Таучубек в Заилийском крае. Первая попытка не удалась, но в 1851 г. крепость была взята русскими. В 1853 г. русские войска уже зимовали на р. Талгар. В этом же году русские взяли кокандскую крепость Ак-Мечеть. В середине 1850-х гг. кыргызы и казахи Семиречья приняли российское подданство. В 1859 г. русские устроили крепость Кастек, а в 1860 г. взяли кокандское укрепление Токмак в Чуйской долине и разрушили укрепление Пишпек. Кокандцы восстановили его, но в октябре 1862 г. оно уже окончательно было взято русскими. В октябре 1860 г. русские войска разбили кокандцев в местности Узун-Агач, в Семиречье. На отвоеванных у кокандцев территориях в 1862 г. был образован Ала-тавский округ. В 1863 г. русские взяли крупную кокандскую крепость Куртка (на Центральном Тянь-Шане). Во-вторых, отряд М.Г. Черняева двинулся не из крепости Верный, а из лагеря под Токмаком, который

²⁴ См. напр.: Дворниченко, Тот, Ходяков 2007; Чумаченко 2002.

²⁵ Федоров, Моряков, Щетинин 2010. С. 267.

отстоял от Верного на расстоянии около 250 верст. Авторы учебника пишут о том, что Черняев в 1864 г. взял крепости Аулие-ата и Чимкент, а Веревкин – г. Туркестан. Любопытно, что, в отличие от других, они не пишут о том, что Черняев взял летом 1865 г. Ташкент без «разрешения» Петербурга, а просто констатируют этот факт²⁶.

Из этого же учебника узнаём о том, что в 1879 г. из Красноводска в Ахалтекинский оазис была отправлена военная экспедиция генерала И.Д. Лазарева, но она не смогла взять крепость Геок-тепе. В 1880 г. новая экспедиция генерала М.Д. Скобелева снова штурмовала эту крепость и после трехмесячной осады взяла ее. Вскоре были взяты остальные пункты Ахалтекинского оазиса и на завоеванных землях образовали Закаспийскую область с центром в г. Ашхабаде²⁷.

В.А. Федоров, В.И. Моряков и Ю.А. Щетинин пишут, что в конце 1883 г. крупный отряд русских войск направили в Мервский оазис. Ранее туда же прибыла русская дипломатическая миссия, которая должна была добиться от влиятельных туркменских ханов признания русской власти. Они согласились сделать это и в январе 1884 г. прибыли в Ашхабад (четыре хана и старейшины родов и племен) и принесли присягу на верность царю и России. Несколько месяцев спустя Мерв был взят без особого сопротивления со стороны туркмен. Это вызвало очень острую реакцию со стороны Англии²⁸. В советских учебниках по этому поводу цитировали слова В.И. Ленина о том, что в период Пендинского кризиса 1885 г. «Россия и Англия были на волосок от войны». В рассматриваемом учебнике такой ссылки не находим, хотя, на наш взгляд, она никак бы не повредила содержанию учебника.

В учебнике дана краткая информация о «Памирском разграничении» и о том, что «в присоединенной к России Средней Азии было создано новое административное устройство. Она была разделена на пять областей, объединенных в Туркестанское генерал-губернаторство. Управление носило военный характер»²⁹. Российский историк В.А. Федоров пишет о том, что «продвижение России в Среднюю Азию диктовалось экономическими, политическими и военно-стратегическими мотивами. Среднеазиатский регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности. Эти территории служили и объектом

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 268.

²⁸ Там же. С. 268-269.

²⁹ Федоров, Моряков, Щетинов 2010. С. 269.

соперничества между Россией и Англией, которое во второй половине XIX в. значительно обострилось. Для России Средняя Азия являлась важным стратегическим плацдармом для укрепления своих позиций на Среднем Востоке и противодействия Англии в этом регионе»³⁰.

Это положение бесспорно, однако с заявлением В.А. Федорова о том, что «Городовое положение» 1870 г. «не распространялось на города Средней Азии»³¹ нельзя согласиться. Можно совершенно определенно утверждать о том, что в 1877 г. первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман добился распространения этого нормативно-правового акта и на свой край, но только на один город – Ташкент.

Весьма авторитетные историки А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева и Т.А. Сивохина пишут о присоединении Средней Азии к России, но в самом общем плане³². Они приходят к выводу о том, что «присоединение Средней Азии можно оценивать по-разному. С одной стороны, эти земли в основном были завоеваны Россией, и на них установился полукOLONиальный режим, насаждаемый царской администрацией. С другой стороны, в составе Российской империи среднеазиатские народы получили возможность ускоренного развития. Было покончено с рабством, наиболее отсталыми формами патриархальной жизни и феодальными усобицами, разорявшими население. Русское правительство заботилось об экономическом и культурном развитии края... Царская администрация считалась с особенностями края, проявляла веротерпимость и уважала местные обычаи»³³. В их вузовском учебнике истории России рассматриваемый нами вопрос не представлен в полной мере, тем не менее, такая его оценка представляется верной и взвешенной.

Безусловно, ряд отечественных вузовских учебников по истории России можно было бы продолжить в ракурсе их отношения к вопросу о присоединении Средней Азии, но рамки статьи побуждают ограничиться вышеизложенным. Заметим лишь, что современной отечественной историографии следует уделять больше внимания рассматриваемой проблеме, более решительно выступать против бездоказательных националистических фальсификаций действительного содержания присоединения Средней Азии к России. Поэтому у нас есть все основания представить читателю те интерпретации (исследовательские парадигмы), которые существуют в современной центрально-азиатской истори-

³⁰ Федоров 2004. С. 161.

³¹ Там же. С. 51.

³² См.: Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина 2006. С. 262-264.

³³ Там же. С. 263-264.

ческой и псевдоисторической науке по вопросу о присоединении Средней Азии к России и его оценки.

Автор имел возможность работать в течение нескольких лет в регионе Центральной Азии, где познакомился не только с работами местных историков, но со многими из них лично. На наш взгляд, наиболее взвешенную позицию по рассматриваемой проблеме проявляют историки из Кыргызской Республики, особенно представители «старой школы». В этой стране среди студентов вузов пользуется большой (и заслуженной) популярностью учебник, написанный членами Национальной академии наук Д.Д. Джунушалиевым и В.М. Плоских. Они подробно излагают события, связанные с присоединением Средней Азии к Российской империи³⁴. В специальном разделе «Значение и последствия присоединения Кыргызстана к России», пытаясь объективно и беспристрастно оценить это историческое событие, авторы находят его прогрессивным и судьбоносным. Вместе с тем они справедливо указывают на то, что, «раскрывая процесс присоединения к России, нельзя обелять и приукрашивать или идеализировать колониальную политику царизма. Ведь эта политика была продиктована интересами правящих классов – помещиков, капиталистов, преследовала свои экономические и военно-политические цели. И с ними были вполне солидарны бай-манапские слои кыргызского общества... Присоединившись к многонациональной России, кыргызский народ не освободился от угнетения и эксплуатации и не получил ни национальной, ни социальной свободы»³⁵.

Несколько иначе расценивает присоединение Средней Азии к России кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов. Он пишет о том, что «в сложившейся к 30–60 гг. международной обстановке планы России завладеть Туркестаном имели прежде всего политическую подоплеку, т.к. для нее в то время торговля с Туркестаном не представляла большой выгоды. Вплоть до конца XIX в. объем вывозимых из Туркестана товаров намного превышал обратные поступления из России. Следовательно, как рынок сбыта и источник сырья Туркестан представлял для России в то время второстепенный интерес»³⁶. О.Дж. Осмонов считает, что в активизации экспансии России в Среднюю Азию «стимулирующим фактором были предпринимаемые соседними восточными странами и Британской империей попытки захватить Туркестан, в том числе и Кыргызстан. Понимая важное политико-стратегическое значение Туркеста-

³⁴ См.: Джунушалиев, Плоских 2009. С. 160-168.

³⁵ Там же. С. 169-170.

³⁶ Осмонов 2008. С. 272.

на, Россия прикладывала все усилия, чтобы опередить другие страны, особенно Британию, и самой утвердиться в регионе»³⁷. Но при этом он пишет о том, что Россия стремилась овладеть Туркестаном, «чтобы успешно противостоять английской торговле»³⁸.

Отстаивая свою точку зрения, О.Дж. Осмонов отмечает, что «в борьбе с Англией за лидерство в Центральной Азии приоритетное значение имели политико-стратегические мотивы. Дело в том, что, хотя крепостное право юридически было отменено еще в 1861 г., на деле страна перешла к капиталистическим отношениям только в 1890-х гг. Поэтому в 1860-х гг. торгово-экономические интересы России в Азии еще не стали одним из основных стимулирующих факторов». Автор делает соответствующий вывод: «Туркестан стал объектом колониальных устремлений России в силу сложных переплетений политико-экономических интересов, в которых превалирующее значение имели политические мотивы», и в итоге опять возвращается к своей мысли, указывая: «Таким образом, Туркестан как средоточие политико-экономических интересов, в которых превалировали политические, стал в 30–60-е гг. XIX в. одним из главных объектов русской колонизации»³⁹.

В приведенных выводах О.Дж. Осмонова мы усматриваем явно идеалистический подход. Еще В.И. Ленин писал о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики». С его мнением ныне вполне согласны и западные историки, рассматривая экономический фактор как определяющий в любой политике – внутренней и внешней.

Вместе с тем, О.Дж. Осмонов пишет, что, «войдя в подданство Российской империи, кыргызский народ через посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться и к европейским передовым достижениям культуры. На новом уровне стала развиваться национальная письменность Кыргызстана. Несмотря на известный шовинистический настрой колониальных властей, начала проводиться реформа образования и здравоохранения. Получила развитие сеть светских и религиозных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Начали издаваться учебники и первые научные труды, художественные произведения на кыргызском языке»⁴⁰.

Таким образом, О.Дж. Осмонов стремится к объективному освещению вопроса присоединения Средней Азии к России, чего нельзя сказать

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 273.

³⁹ Там же. С. 275.

⁴⁰ Осмонов 2008. С. 341. Национальная письменность и язык – это, как он пишет, «чагатайское письмо на арабской графике» (Там же. С. 331).

о трудах казахского историка М. Козыбаева. В советский период он был партийным историком во всех смыслах и отработывал соответствующий «заказ» господствующей идеологии, а с обретением Казахстаном независимости, стал «придворным» историком президента Н.А. Назарбаева.

В 1998 г. М. Козыбаев писал: «по-прежнему остается приоритетной проблема вхождения Казахстана в состав Российской империи. Прежде всего, следует отказаться от термина “присоединение”, ибо в дореволюционной и советской историографии он предполагал некоторую законность колониальных захватов»⁴¹. И это при наличии документов, бесспорно подтверждающих то обстоятельство, что в 1730-х гг. казахские ханы сами напросились в подданство России! Достаточно посмотреть в Полное собрание законов Российской империи (выше мы привели эти документы). Поэтому, если и отказываться от термина «присоединение», то только в пользу термина «добровольное вхождение». Можно доказывать все, что угодно, но никто не сможет опровергнуть того непреложного факта, что основные территории нынешнего Казахстана вошли в состав России по просьбе ханов Малого и Среднего жузов.

Между тем, М. Козыбаев пишет: «Таят много сюрпризов русско-джунгарские отношения в 20-30-е годы XVIII столетия, когда казахский народ, истекая кровью, вел Великую Отечественную войну с джунгарами»⁴². Нам понятно, на что намекает «гигант» постсоветской казахской историографии, но возникает вопрос: разве то, что Россия отозвалась на просьбы казахов о добровольном вхождении в ее состав, не является доказательством антиджунгарской настроенности российского правительства? Желай зла казахам, оно бы оставило их просьбы о вхождении без удовлетворения. И можно только представить себе, чего натворили бы еще в Казахской степи джунгары, если бы казахи в таком случае остались одинокими и беззащитными? Противореча сам себе, Манаш Козыбаев ниже признает: «Обращаясь к Российскому трону о подданстве, он (Абулхаир – *И.В.*) учитывал усталость народа от длительных истребительных войн, обескровленную экономику, внутренние раздоры и межродовые распри, борьбу за власть со стороны многочисленных, в основной массе инертных чингизидов, экономическую блокаду со стороны России, геополитическое положение Казахстана, оказавшегося в окружении русских крепостей, казахских поселений, джунгарских и волжских калмыков, среднеазиатских ханств и Цинской империи»⁴³.

⁴¹ Козыбаев 2006. С. 20.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 20-21.

Из перечисленных обстоятельств видно, что у Абулхаира был только один спасительный выход – просить российского подданства. Но М. Козыбаев все же стремится доказать обратное, отмечая: «Нам предстоит доказать состоятельность концепции А. Букейханова, который на заре XX века высказал идею о том, что «казахи, прижатые врагами к так называемой “Горькой линии”, были вынуждены признать власть русских»⁴⁴. И зачем при этом что-то доказывать, когда и без того все ясно?

Следует отметить, что воззрения М. Козыбаева разделяют многие казахстанские историки-националисты, и если мы здесь не пишем о них, то только из-за ограниченности рамок статьи.

Вместе с тем, есть в Казахстане историки, старающиеся объективно оценить факт добровольного вхождения Казахстана в состав России в 1730-х гг. и присоединение его южной части к империи в 1860-х гг. Как правило, это «русскоязычные» специалисты. Так, например, казахстанские историки В.С. Осколков и И.Л. Осколкова считают, что «присоединение Казахстана к России, продолжавшееся более 130 лет, определило ход его дальнейшего развития и содержало как положительные, так и негативные, а порой даже трагические явления в жизни казахского народа». Они отмечают, что историю Казахстана периода его пребывания в составе Российской империи и СССР «невозможно рассматривать отдельно... События, происходившие в Российском (позднее – в Советском) государстве... оказывали основополагающее влияние на жизнь казахских и других народов, населяющих территорию Казахстана»⁴⁵.

Подводя итоги, можно констатировать, что процесс присоединения Средней Азии и Казахстана к России по-прежнему находится в сфере внимания как отечественных, так и зарубежных историков. То, что они по-разному его оценивают, вполне понятно. Сказывается государственная принадлежность, степень широты взгляда на прошлое, уровень научной зрелости и многое иное.

Однако, безусловно, настораживает то, что в указанных нами нескольких отечественных вузовских учебниках проблема присоединения Средней Азии и Казахстана вообще не только не рассматривается, но даже и не упоминается. Думается, что такое отношение к отечественной истории совершенно неправомерно и непатриотично. Хочется надеяться, что со временем такой подход сойдет с широкой дороги действительно научного исторического познания.

⁴⁴ Там же. С. 21

⁴⁵ Осколков, Осколкова 2004. С. 4.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аминов А., Бабаходжаев А.* Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. 210 с.
- Бранинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. // Вопросы истории. 1953. № 8.
- Васильев В.А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
- Воронин О.В.* Завоевания Российской империи в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
- Галузо П.* Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими. // Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 2. Ташкент, 1929.
- Галузо П.* Троцкистско-колониаторская концепция истории Туркестана – колонии. Сб. статей. М.-Ташкент, 1933. 63 с.
- Галузо П.* Туркестан – колония. Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. 222 с.
- Гафуров Б.* Об Андижанском «восстании» 1898 г. // Вопросы истории. 1953. № 2.
- Граменицкий С.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. 89 с.
- Граменицкий С.* Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916.
- Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В.* История России. Учебник. М., 2007. 472 с.
- Джамгерчинов Б.Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
- Джунушалиев Д.Д., Плоских В.М.* История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. Бишкек. 2009.
- Досумов Я.М.* Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад, 1959. № 2.
- Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. 2. Алма-Ата: Изд. Акад. наук Каз. ССР, 1964. 724 с.
- История ВКП (б). Краткий курс. М., 1938.
- Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). Алматы, 2006.
- Ленин В.И.* О Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1957.
- Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998.
- Литвинов П.П.* Война и Средняя Азия. // История, экономика, культура в годы войны. Тезисы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Елец: ЕГПИ, 1995.
- Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана. Октябрьский период. Ташкент, 1955.
- Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Сб. ст. Ташкент, 1969.
- Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. Учебник для вузов. М.: Изд-во Проспект, 2006. 528 с.
- Осколов В.С., Осколкова И.Л.* История Казахстана. Алматы, 2004. 70 с.
- Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана. (С древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек, 2008.

- Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989. 112 с.
- Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 1-2. Ташкент, 1929.
- Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда, 1927.
- Савицкий А.П. Из истории присоединения Средней Азии к России. // Научные труды Ташкентского госуниверситета. Вып. 238. Ташкент, 1964. С. 114-133.
- Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). Оксфорд, 1985 (репринт. переиздание 1921 г.).
- Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник для вузов. М.: Изд-во «Кнорус», 2010. 544 с.
- Федоров В.А. История России. 1861-1917. М., 2004. 166 с.
- Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Чумаченко Э.Г. История России. 12 веков (IX-XX). Учебное пособие. М.: «Юнита», 2002. 512 с.
- Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата. 1973.
- Яинов Е. Колонизация Туркестана в последние годы // Вопросы колонизации. 1915. № 8.
- Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. L., 1889.
- Cobbold R.P. The Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900.
- Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 v. London, 1893.
- Lansdell H.D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 v. London, 1885.
- Skrine F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899.

REFERENCES

- Aminov A., Babakhodzhaev A. Ekonomicheskie i politicheskie posledstviya prisoedineniya Srednej Azii k Rossii. Tashkent, 1966. 210 s.
- Braninskij I.S., Radzhabov S., Romodin V.A. K voprosu o znachenii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii // Voprosy istorii. 1953, No. 8.
- Chumachenko Eh.G. Istoriya Rossii. 12 vekov (IX-XX). Uchebnoe posobie. Moscow: "Yunita", 2002. 512 s.
- Cobbold R.P. The Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900.
- Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. L., 1889.
- Dosumov Ya.M. Progressivnoe znachenie prisoedineniya Karakalpakii k Rossii // Izvestiya AN Turkmenskoj SSR. Seriya obshhestvennykh nauk. Ashkhabad, 1959/ No. 2.
- Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. London, 1893.
- Dvornichenko A.Yu., Tot Yu.V., Khodyakov M.V. Istoriya Rossii. Uchebnik. Moscow, 2007. 472 s.
- Dzhamgerchinov B.D. O progressivnom znachenii vkhozheniya Kirgizii v sostav Rossii. Frunze, 1963.

- Dzhunushaliev D.D., Ploskikh V.M. *Istoriya kyrgyzov i Kyrgyzstana: Uchebnik dlya vuzov*. Bishkek, 2009.
- Fedorov V.A. *Istoriya Rossii. 1861-1917*. Moscow, 2004. 166 s.
- Fedorov V.A., Moryakov V.I., SHHetinov YU.A. *Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen do nashikh dnei*. Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Izdatel'stvo "Knorus", 2010. 544 s.
- Gafurov B. Ob Andizhanskom "vosstanii" 1898 g. // *Voprosy istorii*. 1953. No. 2.
- Galuzo P. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Srednej Azii v ehpokhu zavoevaniya russkimi* // *Revoljutsiya v Srednej Azii*. Sb. statej. T. 2. Tashkent, 1929.
- Galuzo P. *Trotskistsko-kolonizatorskaya kontseptsiya istorii Turkestana – kolonii*. Sb. statej. Moscow-Tashkent, 1933. 63 s.
- Galuzo P. *Turkestan – koloniya. Ocherk istorii kolonial'noj politiki russkogo tsarizma v Srednej Azii*. Tashkent, 1935. 222 s.
- Gramenitskij S. *Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae*. Tashkent, 1896. 89 s.
- Gramenitskij S. *Polozhenie inorodcheskogo obrazovaniya v Syr-dar'inskoj oblasti*. Tashkent, 1916.
- Inostrannaya voennaya interventsija i grazhdanskaya vojna v Srednej Azii i Kazakhstane. *Dokumenty i materialy*. T.2. Alma-Ata: Izd. Akad. nauk Kaz. SSR, 1964. 724 s.
- Istoriya VKP(b). Kratkij kurs*. Moscow, 1938.
- Khal'fin N.A. *Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii (60-90-e gg. XIX v.)*. Moscow: Nauka, 1965. 468 s.
- Kozybaev M.K. *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana*. (Izbrannye trudy). Almaty, 2006.
- Lansdell H.D.D. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. In 2 v. London, 1885.
- Lenin V.I. *O Srednej Azii i Kazakhstane*. Tashkent, 1957.
- Litvinov P.P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. 1865–1917*. (Po arkhivnym materialam). Elets: EGPI, 1998.
- Litvinov P.P. *Vojna i Srednyaya Aziya // Istoriya, ehkonomika, kul'tura v gody vojny. Tezisy nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvyashhennoj 50-letiju Pobedy sovet'skogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne*. Elets: EGPI, 1995.
- Materialy nauchnoj sessii, posvyashhennoj istorii Srednej Azii i Kazakhstana. Dooktyabr'skij period*. Tashkent, 1955.
- Materialy po istorii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii*. Sb. statej. Tashkent, 1969.
- Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. *Istoriya Rossii*. Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Izd-vo Prospekt, 2006. 528 s.
- Oskolkov V.S., Oskolkova I.L. *Istoriya Kazakhstana*. Almaty, 2004. 70 s.
- Osmonov O.Dzh. *Istoriya Kyrgyzstana. (S drevnejshikh vremen do nashikh dnei)*. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenij. Bishkek, 2008.
- Polyakov S.P. *Traditsionalizm v sovremennom sredneaziatskom obshhestve*. Moscow, 1989. 112 s.
- Revoljutsiya v Srednej Azii*. Sb. statej. T. 1-2. Tashkent, 1929.
- Ryskulov T. *Vosstanie tuzemtsev v Srednej Azii v 1916 godu*. Kzyl-Orda, 1927.
- Safarov G. *Kolonial'naya revoljutsiya (Opyt Turkestana)*: Oksford, 1985 (reprint. pereizdanie 1921g.).
- Savitskij A.P. *Iz istorii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii // Nauchnye trudy Tashkentskogo gosuniversiteta*. Vyp. 238. Tashkent, 1964. S.114-133.

- Shoinbaev T. Progressivnoe znachenie prisoedineniya Kazakhstana k Rossii. Alma-Ata. 1973.
- Skrine F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899.
- Vasil'ev V.A. Semirechenskaya oblast' kak koloniya i rol' v nej Chujskoj doliny. Petrograd, 1915.
- Voronin O.V. Zavoevaniya Rossijskoj imperii v Tsentral'noj Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) // Tsentral'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. Moscow, 2008.
- Yashnov E. Kolonizatsiya Turkestana v poslednie gody // Voprosy kolonizatsii. 1915. No. 8.

Волков Иван Васильевич, кандидат политических наук, ученый секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб; *ivolga54@gmail.com*

On the 150th Anniversary of the Annexation of Central Asia by Russia: Change of Research Paradigms

This study examines the research paradigm as a system of objective and subjective evaluation criteria, united by a logic of a certain ideology. In pre-revolutionary period the process of the appropriation of the territories by the Empire was mostly seen in a positive light. With the establishment of Soviet power, a new evaluation paradigm has been created, which brings to the fore the notorious "colonial oppression". However, in the Soviet period, an approach to the problem has evolved, and after the "Khrushchev thaw" the idea of progressive acquisition was established. The second part of the article is devoted to the assessment of this event by the national academic historical literature and interpretations that exist in contemporary Central Asian historical studies and pseudo-science.

Keywords: Central Asia, Russia, accession, the evaluation paradigm, academic historical literature.

Ivan Volkov, PhD in Political Sciences, Scientific Secretary of the Special Services History Society, *ivolga54@gmail.com*

А. С. ВАЩУК

СУДЬБА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИЛИ ВКЛАД РЕГИОНА В РАЗВИТИЕ РОССИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

В статье предложена концепция «исторического вклада Дальнего Востока в развитие России», в основу которой положены достижения сибирских и дальневосточных ученых. Представлениям американских специалистов об этих территориях в русле «сибирского проклятия» автор противопоставляет потенциал концепций: имперской географии власти, научного и хозяйственного освоения региона, Центра – периферии, социально-политической безопасности. Некоторые результаты использования концепции показаны на примерах из периодов движения «встречь солнцу», имперского, советского и постсоветского.

Ключевые слова: идеи, теории, концепции, исследовательский опыт, Россия-СССР, Дальний Восток, исторический процесс.

Сегодня к дальневосточному региону привлечено активное внимание, как политиков, так и научного сообщества, активно обсуждаются новые стратегические документы по развитию Дальнего Востока: законы РФ «О территориях опережающего социально-экономического развития, «О Свободном порте Владивосток». В таких условиях интерес гуманитариев к региональной истории закономерен. Но возникает вопрос: на основе каких же методологических ориентиров можно исследовать региональный исторический процесс? В поисках ответа рассмотрим ряд идей отечественных и зарубежных ученых, выработанных в ходе изучения истории сибирских и дальневосточных территорий.

Одним из трудов, где предложена оценка исторического пути восточных территорий России, является книга «Сибирское проклятье: Как коммунистические планы заморозили Россию»¹. Ф. Хилл и К. Гэдди анализируют советскую судьбу всей Сибири, в которую западные аналитики традиционно включают и российский Дальний Восток. Американские исследователи уповают на исключительную роль концепта рынка как основного мерила регионального прошлого. По их мнению, восточные территории – слабость (проклятье) России, «бремя» (термин является характеристикой исторической судьбы территории), поскольку они в советское время управлялись неэффективно, с точки зрения рыночных отношений; планированию противопоставлена «невидимая рука рынка». Авторы заключают: «...Да и сами эти города были не «настоящими», а

¹ Hill, Gaddy 2003. Русский перевод издан под названием «Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России» (Хилл, Гэдди 2007).

«плановыми», «искусственными», «потёмкинскими», являясь «не социальными или экономическими образованиями», а скорее «центрами для складирования, перераспределения и руководства деятельностью и снабжением огромной плановой промышленности региона». Спорными выглядят советы зарубежных коллег, которые фактически не учитывают социокультурную российскую динамику, переходы к новым системам, фактор преемственности с прежними историческими этапами, хотя и претендуют на такой анализ. Безусловно, рационально-прагматический подход, который А. Багатуров в предисловии к данной книге назвал политической климатологией или теорией рациональной политики развития регионов всего мирового пояса особо сложных климатических условий, имеет право на существование². Мы приводим этот труд лишь в качестве примера некорректности встраивания прошлого региона в одну из жестких теоретических схем. Концепция «рынка» сужает знание об истории Дальнего Востока и не позволяет раскрыть её многогранность.

Представляется, что исторический процесс можно познать только в формате российского цивилизационного пространства, опираясь на концепцию «исторического вклада». Сама идея не является абсолютно новой или «вечной константой», но она позволяет объяснить историю Дальнего Востока в единстве цивилизационной и геополитической динамики. Общими принципами этой концепции могут быть следующие:

1) Рассмотрение роли региона применительно к особенностям времени и сущности экономических, социальных и политических систем России.

2) Учет знания политической элитой о данной территории и понимания значения территории во внутренней жизни, а также роли региона в обеспечении государственных и национальных интересов.

3) Анализ объективных и субъективных преимуществ, ресурсов, а также объективных и субъективных ограничений региона по отношению к внутренней и внешней среде.

4) Определение статуса региона в системе взаимоотношений Центр-периферия.

5) Анализ результатов политики в формате ожиданий и результатов российским обществом и правительством.

6) Выявление общих и постоянных исторических трендов – «показателей» (вне времени), включая советский период, не вырывая его из исторического пространства.

² Там же. 2007. С. 6.

В отечественной литературе содержание «вклада» в истории часто отождествляется с ролью региона в какой-либо конкретной общественно-экономической сфере в рамках определенного хронологического периода. Иногда историки акцентируют внимание на статус территории в установившейся экономической и политической иерархии российского пространства. Принимая такие принципы анализа, хотелось бы дополнить историческую картину повторяющимися общими векторами, которые формировали генетический код или судьбу Дальнего Востока.

В отечественной литературе уже предложен метод своеобразного методологического «шурфа», пронизывающего этапы российской истории. Впервые на материалах управления Сибири XIX – начала XX в. он был апробирован В.И. Шишкиным³. Мы попытались применить этот метод к истории Дальнего Востока. Представляется, что «судьбу» любой территории можно проследить, на основе комплексного изучения, опираясь не только на экономическую составляющую в историческом процессе, а на интеграционный подход гуманитарных методов. И современная отечественная наука располагает рядом достижений.

В частности, некоторые исходные позиции предлагаемой концепции «вклада территорий в развитие России» были заложены в работах А.В. Ремнева⁴. В разработанной им теории ментальной и политической географии на материалах XIX – начала XX в. выделяются несколько идей, которые мы используем в своей трактовке понятия «вклада». Во-первых, «центр» и «регион» – это термины, описывающие, прежде всего систему властных отношений. С управленческой точки зрения «центром» выступает столица – месторасположение высших учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения. Во-вторых, главным направлением изучения управления становится пространственное структурирование власти. В-третьих, в России сложились большие территориальные общности (регионы), заметно выделяющиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные социально-экономические, социокультурные и этноконфессиональные отличия.

Невозможно рассматривать вклад региона в российское цивилизационное пространство без учета такой составляющей как региональная идентификация. Когда мы вспоминаем образ городов, созданный зарубежными коллегами, то мы не можем абстрагироваться от главного субъекта истории – социума, проживающего в данном регионе. Население восточных районов в процессе своего формирования прошло не-

³ Шишкин 2013.

⁴ Ремнев 2000. С. 343–350; 2004.

сколько этапов обустройства и адаптации. Оно постепенно осознавало себя, в первую очередь через принадлежность к России, но и одновременно к особой территориальной общности, имеющей свою хозяйственную и социокультурную специфику. Региональная самоидентификация имеет территориальный характер, например, через восприятие населением разных форм льгот с учетом особенностей освоения и развития территории. Она также определяется через особые территориальные интересы, которые исторически прослеживаются в социально значимых психологических комплексах (например, патернализм с учетом статуса пограничных территорий). Несмотря на динамичность административных и экономических границ и в имперский, и в советский и постсоветский периоды), приток или отток населения, региональное сообщество сохраняло достаточно прочную устойчивость и долгую историческую инерцию в осознании своего единства в рамках российского пространства, но со своей спецификой.

Стоит также выделить идею А.В. Ремнева о содержании политического аспекта регионализма, что может проявиться, прежде всего, в осознании своего социально-экономического, административного, политического неравноправия или превосходства, а в потенции и в стремлении к автономии или даже к государственной обособленности. Особый административный (и даже политический) статус мог лишь усиливать или ослаблять региональные позиции⁵. Стремление к регионализму (например, сверх обычного деления на губернии в форме Приамурского губернаторства, ДВР или Дальневосточного края, области советского времени) объяснимо также известным несоответствием традиционного административно-территориального деления потребностям политики и управления, требующих более широких административных объединений. В свою очередь, крупные региональные образования воспроизводят общую схему структурируемого пространства, формируя свой центр и свою периферию, что особенно ярко проявлялось на примере административно-территориальных реформ 20–30-х гг. XX в. или создания федеральных округов в постсоветский период⁶.

Хотя А.В. Ремнев разрабатывал свою концепцию применительно к имперской России, тем не менее, указанные положения работают и при анализе процесса в советскую эпоху, но естественно с поправками и учетом всего событийного ряда. Сегодня мы располагаем богатейшим опубликованным наследием, которое раскрывает историческую нить

⁵ См.: Исторические проблемы... Кн. 1. 2014.

⁶ Вацук. 2013. С. 21–28.

части о российского прошлого – как сплетались воедино два процесса: всестороннее расширение знаний о Дальнем Востоке и интеграция территории в российскую цивилизацию. Включение территории в систему управления заслуживает особого внимания, именно данный аспект позволяет освободиться от упрощенного тезиса о «проклятии» и отразить вклад Дальнего Востока в российский исторический процесс.

Не потеряла своей актуальности в реконструкции событийного ряда в формате «исторического вклада» популярная в 1960–1970-е годы теория хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока. После создания института истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР – ИИАЭ ДВО РАН (1971) на базе этого комплекса идей работал большой коллектив (под руководством А.И. Крушанова)⁷. Хотя в целом сам проект имеет сложную исследовательскую судьбу и отражает влияние советской формационной историографии, но источники, введенные исследователями, выстраиваются в русле концепции «вклада».

Одной из первых фундаментальных работ, отвечающей на вопрос о роли Дальнего Востока в российской истории стала коллективная монография «Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг.»⁸, раскрывающая значение региона в преодолении советским обществом последствий Второй мировой войны. Правомерность концепции «вклада» подтверждает также событийный материал, выявленный сахалинскими и магаданскими и другими дальневосточными историками⁹.

Большое значение имеют труды ученых, сочетающих анализ территориальной структуры хозяйства региона и методов управленческого воздействия. Методика максимально раскрывает выгоды и ограничения экономико-географического положения того или иного региона. Определенным пиком научного осмысления результатов региональной политики в советский период стала коллективная работа ученых Института географии АН СССР «Центр и периферия в региональном развитии»¹⁰. Не рассматривая истории данной идеи, (она раскрыта А.Е. Савченко¹¹) заметим, что сегодня историки активно обращаются к современному пространственному подходу. На материалах Дальнего Востока он разрабатывался школой А.П. Минакира¹² (здесь можно опереться на тезис

⁷ История Дальнего Востока СССР... 1991; Дальний Восток России... 2003.

⁸ Мир после войны... 2009.

⁹ История Сахалина и Курильских островов... 2008. С. 115–247; 265–668; Бацаев 2002; Зеляк 2004; Широков 2009; и др.

¹⁰ Центр и периферия... 1991.

¹¹ Савченко. 2011. С.8–22.

¹² Тихоокеанская Россия–2030... 2010. С. 15–131.

о цикличности в экономической истории региона) и пространственной экономической географией под руководством П.Я. Бакланова¹³ (специфика территориально-производственных комплексов).

Расширяет нашу аргументацию в пользу применения понятия «вклада» региона в российскую историю XIX–XXI вв. парадигма национальной безопасности, включающая социально-политическую концепцию, разработанную дальневосточными историками, их выход на уровень понимания проблемы через вектор чередования стратегий двух моделей – стабилизационной и динамической. В рамках «вектора чередования» раскрывается очень сложная и многослойная картина ответа региона на вызовы Центра. Именно изучение «ответа Дальнего Востока» выявляет многие аспекты миссии (синоним роли) региона в истории России¹⁴. Наиболее яркий пример – описание трансформации пути от статуса российской территории-крепости к статусу площадки для диалога в АТР, от дальневосточной окраины к развитию Тихоокеанской России. Другой пример – историческое движение от строительства Транссиба до приобретения территорией значения международного транспортного коридора (МТК «Приморье-1», «Приморье-2»).

Таким образом, каждая из анализируемых концепций работает на понимание многоуровневого, многогранного, как с положительным эффектом, так и деструктивным элементом, вклада Дальнего Востока в историческое развитие России. Этот многослойный характер исторического феномена «судьбы» мы попытались представить в формате сжатого научного очерка.

Результаты изучения истории Дальнего Востока в русле концепции «исторического вклада». С присоединением Дальнего Востока завершился процесс становления Российского государства как евроазиатского¹⁵. Расширение территории и укрепление позиций государства на Тихом океане создали важнейшие условия для того, чтобы Россия развивалась как морская держава. В XIX в. началась «эпоха» выполнения регионом национального назначения – «территории-крепости». Советский Дальний Восток стал наследником этой миссии в российской истории.

Стратегия и формы реализации защиты интересов России, СССР на Тихом океане сформировали долговременную доминанту ментальности национальной элиты. Восприятие Дальнего Востока как «территории-крепости» российской и советской элитой становилось долговре-

¹³ Тихоокеанская Россия: страницы прошлого. 2012.

¹⁴ Исторические проблемы... Кн. 1. 2014; Кн. 2. 2014.

¹⁵ См. подробно: Шикин 2013.

менным фактором сохранения ее политической культуры, в основе которой находилась проблема взаимоотношений Центра и важного геополитического региона. Дальневосточный вектор оказался одним из условий воспроизводства государственно-державного менталитета в России, в том числе и в советскую эпоху.

Правительства имперского и советского периодов¹⁶ получали в регионе опыт укрепления сухопутных и морских границ с возможностью соотнесения русской колонизации, советской индустриализации, дипломатического «багажа», всего военно-политического потенциала обеспечения охраны границы вдали от политического центра и стратегического ресурса¹⁷. Регион всегда осуществлял функции тыла в случае угрозы с Запада и прифронтовой линии – в случае угроз с Востока.

Наличие дальневосточных территорий в государстве заставляло Центр организовывать согласно конкретной исторической ситуации формы территориального управления – создание постов, Амурской линии, губернаторства, наместничества, ДВР, Дальневосточного края, ДВФО, что обеспечивало целостность и безопасность России. Так, в период распада Российской империи и становления Советского государства образование ДВР создало условия для сохранения территориальной целостности РСФСР и стало одним из факторов образования СССР, а также урегулирования международных отношений, при этом ДВР не стала экономической «обузой» для слабого советского государства.

В условиях тоталитарного политического режима Дальний Восток оказался регионом территорией активной индустриализации, проводившейся за счет мобилизационно – распределительных ресурсов и в то же время концентрации пенитенциарной системы, местом жизнедеятельности политических заключенных.

Дальневосточное сообщество всегда отвечало на политический вызов Центра, выполняя функции не только периферии, но и обеспечения социально-политической безопасности государства. С момента присоединения Дальнего Востока к России и до 90-х гг. XX в. его вклад в развитие государственности особенно проявился в процессе становления и функционирования военно-политической системы, в завершении процесса формирования Военно-морского флота в России. Силовые структуры на Дальнем Востоке оказались фактором складывания российской модели государственно-правового развития. Военные структуры в период освоения региона, а также в дальнейшем в условиях мало-

¹⁶ Ткачева. 2013. 340 с.

¹⁷ Дятлов. 2008. С.11.

численности населения, выполнили целый ряд политических, управленческих, хозяйственных и социальных функций¹⁸. Для российской политической элиты Дальний Восток в определенные годы служил «сигналом» о военной слабости России (например, Нерчинский договор 1689 г., русско-японская война 1905 г. – уступка части Сахалина к югу от 50-й параллели), и вместе с тем дальневосточники в тяжелые годы символизировали силу крепости российского духа и патриотизма.

Восточные территории в особые периоды истории стимулировали российскую политическую элиту на организацию форм прямого военного управления (создание городов – крепостей Владивосток, Петропавловск-Камчатский, наместничество, укрепрайоны, военные округа, закрытые территории и военно-промышленные предприятия), влияя в целом на общий политический процесс и характер всего хозяйственного комплекса в государстве. Непосредственные военные конфликты в регионе, такие как Хасан, Даманский, война с Японией – завершающий акт Второй Мировой войны оказались корректирующим опытом для общей военно-политической советской доктрины и демонстрацией героизма советской армии, символом победы. В предвоенный период и годы Второй мировой войны восточный оборонительный рубеж выполнил единую для СССР задачу – тыла и прифронтовой территории¹⁹.

В концепции А.В. Ремнева заложена одна из главных идей, которую мы включаем в концепцию «вклада», – вопрос с методологическим значением: «Зачем России нужны были сибирские и дальневосточные территории?». Мотивация государства и части общества движения за Урал в литературе рассматривается, как правило, в прагматическом ключе – получение дополнительных источников ресурсов. Этот подход получил уже мощное освещение, в том числе и в региональной историографии²⁰. Но сам процесс интеграции территории в российскую цивилизацию можно понять только в рамках культурной парадигмы.

Вспомним, что на переднем плане книги «Сибирское бремя» находится анализ природно-климатических условий. Бесспорно, природно-географический фактор во многом формировал социокультурную динамику восприятия земель, лежащих за Уралом. В этом идейном комплексе Дальний Восток стимулировал расширение географических, природно-климатических сведений на континенте. И на протяжении трех веков регион был одной из «культурных кладовых», пополняющей знания

¹⁸ Советский Дальний Восток... 2014. 334 с.

¹⁹ Ткачева. 2013. 340 с.

²⁰ Шеглов. 2002. С.65–86.

политической и интеллектуальной элиты о народах, населяющих территории за Уралом до берегов Тихого океана. Учреждения и институты культуры, созданные на Дальнем Востоке политической волей государства (в досоветский период – частично при помощи частной инициативы), были интегрированы в российскую научную систему, они выполнили в общем процессе функцию ретрансляции новой информации об окружающем мире, в том числе о восточной цивилизации²¹.

Дальневосточному историку В.Н. Чернавской в жанре историко-географического очерка удалось представить масштабную картину географических исследований о Дальнем Востоке, причем в контексте позиций государственных деятелей и знаний о внутренней политике России, о статусе России с учетом географических открытий. Сделано это на фоне определения политической элитой того, что мы можем назвать геополитическим пространством России²². История русских географических открытий изначально была связана с внешней политикой России на Тихом океане, но это не исключало целеустремленного научного освоения территории, что наблюдалось от времени продвижения «встречь солнцу» к эпохе Тихоокеанской России. Дальний Восток оказался одной из стартовых площадок великих географических открытий мирового значения, его природный ландшафт – богатейший материал для развития разных областей знаний и, прежде всего, для науки об океане, этнографии, археологии, геологии и др.

Каждый век имел собственный характер, но при этом прослеживаются определенные общие черты цивилизационного процесса и звенья вклада Дальнего Востока в российскую историю. Рамки статьи позволяют привести лишь некоторые факты из общего событийного ряда: от времени научного любопытства царствующих особ России к неизведанному пространству до формирования научной политики советского периода с учетом её азиатских территорий. В качестве иллюстраций приведем две области естественных знаний. Первая связана со знаниями природы сначала сухопутной части, а в дальнейшем и океанских просторов. Так, первое научное исследование восточных территорий было предпринято по инициативе Петра I доктором медицины Даниилом Готтлибом Мессершмитом (1685–1735), который был приглашен в Россию для изучения «всех трех царств естества» Сибири. Результатом его семилетнего странствия, положившего начало планомерному исследованию Сибири, а также Дальнему Востоку стало десяти томное «Обо-

²¹ См.: Соколов 1999; Владимирова 2005; Ларин, Ларина 2001.

²² Чернавская 2003; 2006.

зрение Сибири или три таблицы простых царств природы». Рукопись на латинском языке впоследствии использовалась многими учеными²³. Яркими иллюстрациями вклада в копилку научных знаний являются материалы из трудов И. Барсукова²⁴, В.К. Арсеньева²⁵ и других ученых. Естественное стремление части российской и советской политической и интеллектуальной элиты использовать Дальний Восток как площадку научных знаний для укрепления мощи России проходит рефреном всей российской истории научной политики. Коммуникативный аспект отношений советской власти и науки объясняет вектор и степень вклада ученых-дальневосточников в общие достижения и открытия²⁶.

Вследствие политической воли советских лидеров был создан в 1970 г. Дальневосточный научный центр. Исторический выход россиян к берегам Тихого океана обернулся для будущих потомков XX – начала XXI в. новым витком научных открытий мирового уровня. Например, учёные Тихоокеанского института биоорганической химии за последние годы разработали ряд новых лекарственных препаратов и биологически активных добавок. Разработки института без преувеличения можно назвать уникальными. Лекарственные препараты ТИБОХа, его БАДы не имеют аналогов, а по эффективности они превосходят средства того же типа, используемые современной медициной. С культурных позиций трудно назвать регион «бременем или проклятием»; Тихий океан – это огромный природный ресурс России.

Вторая группа примеров – природно-ресурсное направление, которое более столетия обеспечивало национальную безопасность, давая стране золото. К началу XX в. россияне имели лишь первичные научные данные о колымских районах²⁷. Правительство России, стремясь к пополнению золотом своей казны, организовало целую серию экспедиций и систематическое изучение территорий. Императорское географическое общество снаряжало несколько экспедиций. Государственное финансирование экспедиций проводило и советское руководство²⁸. Геологические исследования экспедиции Ю.А. Билибина²⁹ – прямой вклад в экономическую безопасность России. Традиции развития геологической науки, несмотря на многие трудности и испытание временем, раз-

²³ Цит. по Чернавская. 2006. С.43–44.

²⁴ Барсуков. 1895. 614 с.

²⁵ Арсеньев. 2012. Т.3. 816 с.

²⁶ Васильева. 2001. 300 с.

²⁷ Богораз-Тан. 1925. С.8-16; Глотов, Глотова. 2002. С. 191.

²⁸ Геологоразведочная служба... 2000. С. 3; Навасардов. 2002. С. 15.

²⁹ Цареградский 1987. С. 189.

виваются в начале XXI в. Центр изучения запасов минерально-сырьевых баз России сегодня находится в институтах ДВО РАН. С переходом к рынку и постепенным внедрением системы национальных счетов по методологии статистического агентства Европейского союза в качестве элемента национального богатства могут быть представлены и ресурсы полезных ископаемых, квалифицированные как «активы», независимо от того вовлечены они в оборот или не вовлечены.

Дальний Восток стал с конца 1920-х гг. частью централизованной советской экономики и источником поступления природных ресурсов, но его общая полезность в самой хозяйственной системе была неравномерной. Дальний Восток расширил систему хозяйственного «взаимопитания», но своим богатством природных ресурсов создавал Центру условия для консервации экстенсивного развития экономики. Однако советский опыт нельзя квалифицировать как «ошибку» или «проклятие». Установленный партийно-советскими органами тип хозяйствования лишь воспроизводил одну из характерных черт российской цивилизации – экстенсивный путь, и не только в Сибири и на Дальнем Востоке, а в целом государстве. Введение в хозяйственный оборот природных богатств в условиях централизованного государственного управления соответствовало политическому режиму и всей системе регулирования занятости, и в этом была советская системность. Специфика и проблемы регулирования трудовых ресурсов и трудовых отношений в СССР глубоко проанализированы в книге японского специалиста Садаеси Оцу³⁰.

Дальний Восток – это территория апробации практики подчинения хозяйственного развития региона общеэкономическим целям государства. Так, с 1960-х гг. он становится площадкой для реализации новых форм экономической интеграции – была введена специализация территориально-производственных комплексов. Проблемы региона и одновременно его возможности оказались катализатором появления региональных комплексных программ развития, начиная с политического документа о комплексном развитии производительных сил Дальнего Востока (1967) до федерально-целевых программ. Освоение природных ресурсов территории было включено в межрегиональное разделение труда (в пределах СССР и стран СЭВ) до конца 1980-х гг. Вклад региона в развитие советского хозяйственного комплекса характеризовался состоянием отраслей специализации, связанных с введением в хозяйственный оборот природных ресурсов (добыча руд цветных металлов, угля, нефти, газа, заготовка древесины, добыча и переработка морепродуктов).

³⁰ Оцу. 1992.

Предприятия региона отправляли 80–100% продукции в Казахстан, в европейскую часть страны, на Урал, Сибирь и в другие регионы СССР. В 1960–1970-е гг. на Дальнем Востоке развивалось машиностроение, но его доля в общесоюзном производстве оставалась крайне незначительной. Лишь по некоторым видам оборудования достигала 20%. Доля региона по вывозу леса с Дальнего Востока в регионы РСФСР составляла 7,6–8%, однако на экспорт уже тогда отправлялось в 2,6 раза больше, чем вывозилось в другие районы страны. За 70 лет советского промышленного освоения современной территории Магаданской области было добыто около 2700 т золота, в т.ч. из рудных месторождений почти 200 т (7,4%). Сложившийся к настоящему времени уровень золотодобычи составляет 29–30 т в год (более 25% общероссийской). Дальневосточные порты всегда были и являются для России важнейшими центрами морских перевозок леса, рыбы, углеродного топлива, нефти и др.

С присоединением региона Россия приобрела опыт колонизации особого типа, интеграции новых территорий с учетом геополитического значения, наличия природных ресурсов, специфики формирования населения. Основное содержание такой колонизации составляли следующие элементы: распространение идеологии государственного патронажа, который модернизировался параллельно с изменениями политического режима, социально-экономического строя; особая организация налоговой системы (ясака для коренных жителей); введение системы льгот для переселенцев (специфика наделения землей), допущение иностранного капитала. В советский период появились и другие формы: идеологические и административные методы вовлечения коренных народов в советское экономическое и культурное пространство, продолжение заселения Южного Сахалина, Северо-Востока; использование принудительных миграций, создание особого управленческого сектора Гулага (Дальстрой); организация сельскохозяйственного переселения и обустройство населения за счет установления особой системы льгот для переселенцев с учетом ценностей времени, опора власти на стратегию рационального распределения трудовых ресурсов; централизованное распределение финансовых и материальных ресурсов с учетом возможностей государства и его потребностей в природно-сырьевых ресурсах и т.д.

В конце XIX–XX в. регион обеспечил экспортную политику России. Именно здесь был апробирован опыт порто-франко. Регион, став неотъемлемой частью экономического пространства, усилил позиции России в торговых отношениях с северным Китаем. Транспортный коридор Транссиб, КВЖД и порт Владивосток в определенной степени способствовали запуску механизмов саморазвития в России, что отра-

зилось в формировании предпринимательства на территории. Одновременное развитие банковского дела на востоке позволило более десяткам русских и зарубежных банков иметь здесь свои представительства. Однако ориентация на развитие капиталистической экономики на дальневосточных территориях преимущественно в государственных интересах в условиях постоянной внешней угрозы сохраняла инерцию экономической колонизации преимущественно за счет государственных ресурсов, хотя капиталистический уклад в промышленном и сельскохозяйственном производстве региона значительно расширил территорию господства рыночного хозяйства в России в начале XX века.

В первые годы Советской власти Центр продолжал использовать экспортную и сырьевую специализацию региона, возможности Транссиба и портовой инфраструктуры Владивостока как важнейшее направление выхода в Северо-Восточную Азию. Постепенно по мере индустриализации и позднесоветской модернизации регион превращался в «транспортный коридор» для развития торговых отношений с окружающим миром. С 1960-х гг. Дальний Восток выполнял функцию продвижения России на рынки стран АТР, началось привлечение японского капитала для разработки сырьевых ресурсов региона в форме компенсационных соглашений, региональное сотрудничество было монополизировано государством. К 1965 г. прибрежная торговля значительно расширилась: экспорт советских товаров в 1963 г. составил 602 тыс. долл., а в 1965 г. – 3,6 млн долл., в таком же объеме возрос импорт; т.н. «прибрежная торговля» осуществлялась по линии специально учрежденной в 1964 г. государственной организации «Дальинторг», позднее Дальневосточное отделение В/О «Экспортлес». В 1970-е гг. Дальний Восток стал звеном транспортной системы «контейнерных перевозок» Восток – Запад.

Хозяйственный вклад региона в развитие России обеспечивался поддержкой государства, но с чередованием периодов ее активности и снижения. Сначала реализовывались специальные постановления ЦК и СМ СССР, которые обеспечивались плановым распределением капитальных вложений в сторону их увеличения, а затем на смену им пришли долговременные программы, но в 1980-е гг. они выполнялись лишь частично. Поддержка Дальнего Востока увеличивалась, когда государство особенно нуждалось в определенных сырьевых источниках и имело на это ресурсы или усиливалась внешняя угроза, но в периоды общего экономического ослабления страны (в послевоенное десятилетие и во время распада СССР, первые постсоветские годы) регион терял преференции в социально-экономическом финансировании и не был «бременем».

В условиях радикально-либеральных политических и экономических реформ 1990-х гг. и резко возросших транспортных тарифов, либерализации всех форм экономического сотрудничества, хозяйственные связи дальневосточных субъектов в течение двух-трех лет из межрайонных трансформировались в международные. При этом ресурсная составляющая вклада территории в развитие хозяйства остается основной характеристикой, несмотря на формирование рынка в России.

В начале XXI века вклад региона в экономическое развитие России проявляется в форме участия в международных транспортных коридорах. Реализован пилотный проект – первый шаг к воссоединению коридора межкорейской железной дороги и стыковке её с Транссибом³¹. Функционируют международные транспортные коридоры «Приморье 1», «Приморье-2». Современный тихоокеанский поворот России базируется на всем предшествующем багаже, т.е. вкладе региона, безусловно, в новых геополитических и геостратегических условиях.

Современные концепции изучения истории Дальнего Востока позволяют выявить влияние региона на развитие некоторых негативных процессов в стране. Так, особенности формирования предпринимательства (преобладание компаний-рантье, вывоз леса, рыбы, биоресурсов в Восточную Азию) в начале XXI в. и резкое ослабление государства привели к тому, что ресурсный потенциал использовался не эффективно, с точки зрения интересов населения. А вопрос, эффективно ли для отдельных компаний, еще предстоит изучить.

В настоящее время Дальневосточный регион – это площадка зеркального отражения потенциальных возможностей государства реализовывать федеральные программы и крупные проекты. Среди них результаты Саммита АТЭС 2012 г., проведенного в г. Владивостоке. Хотя этот проект свидетельствует о противоречивых результатах дальневосточной политики, которая осуществляется Центром во второй половине XX в. В дальневосточных проектах начала XXI в. сошлись чисто демонстрационные эффекты для внутрироссийского и международного «пользования» и стремление политиков решить стратегические задачи России, «уравновесить» свою европейскую геополитическую ориентацию азиатско-тихоокеанским направлением.

Дальневосточный регион можно рассматривать и как территорию, выполнявшую функцию социального «клапана», которым царизм и советское правительство в определенные годы пользовались для ослабления демографической и социальной напряженности в центре России.

³¹ Российский бизнес заходит в КНДР... 2015. С. 12-14.

В жизни советских людей Дальний Восток играл многогранную социально-культурную роль. С одной стороны, как один из источников знаний об окружающем мире, площадка развития советского образования и науки, но с другой – место политической «ссылки», как в прямом, так и в переносном смысле. Регион решил задачу резервной территории не только для ссыльных и каторжан, но также для чрезмерно активных романтиков, искателей приключений и лучшей жизни, энтузиастов.

Социально-демографический вклад региона в историю российской цивилизации определяется и через процесс урбанизации России в XX в. – его периферийный пояс формировался преимущественно за счет дальневосточных территорий (это Хабаровский и Приморский края, Амурская область, Камчатская область и Магаданская область).

В современной литературе широкое распространение получила теория повседневности, которая дает совсем другой образ городов Благовещенска, Хабаровска, Владивостока (в т.ч. начала советской эпохи), нежели представленный американскими исследователями. Если авторы не доверяют российским материалам, то такой источник как «Письма из Владивостока (1894–1930)»³² или книга немецкого историка Л. Деega³³ возможно, будут убедительными в споре о «потемкинских» городах Сибири. Хотя надо признать, что на Дальнем Востоке были построены новые малые города и поселки, имевшие печать временности, сезонности, принудительного переселения. Но такой облик преобладал до 1960-х гг. В 1960–1970-е гг. шло индустриальное развитие дальневосточных городов, а также развитие социально-бытовой инфраструктуры. В начале XXI в. многие малые города и поселки региона пополнились памятниками разрушенных жилых, производственных и недостроенных зданий времени Перестройки, что нельзя признать положительным опытом³⁴.

Таким образом, для изучения истории дальневосточных территорий уповать только на рационально-рыночную концепцию по меньшей мере некорректно, необходим междисциплинарный подход. Отдельные концепции истории Дальнего Востока создают важнейшие предпосылки для складывания современной парадигмы знаний. Выход на научную программу «исторического вклада» подготовлен целой плеядой ученых Сибири и Дальнего Востока, именно она может сформировать перспективное научное направление в условиях глобализации исторической науки.

³² Элеонора Лорд Прей. 2008. 448 с.

³³ Деег. 2012. С.396.

³⁴ Тридцать лет перехода. 2014.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Арсеньев В.К.* Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: «Рубеж», 2012. Т. 3. 816 с.
- Барсуков И.* Поездка по реке Сунгари. Уссурийский край. По реке Амуру. Исследования и материалы // Материалы для биографии Н.Н. Муравьева-Амурского. Т. 4. СПб., 1895. 614 с.
- Богораз-Тан В.Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. № 3. С. 8-16.
- Геологоразведочная служба Северо-Востока России из воспоминаний горного инженера России, академика Н.А. Шило // Колымские вести. 2000. № 10. С. 3-5.
- Тридцать лет перехода. К оценке вектора социальной трансформации на примере Приморского края (1985 – 2014 гг.): Аналитический отчет по гранту Президиума ДВО РАН № 12-Ш-А-11-219 «Приморский край: потенциал модернизации региона в свете итогов социальной трансформации (1985–2010 гг.)». Руководитель проекта: Вашук А.С. // Официальный сайт института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. [Владивосток, 2014]. URL: <http://ihaefe.o.tg/publishings/publications/on-line> (время доступа 12.02.2015).
- Цареградский В.* По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930–1931 годов. Магадан: Кн. изд-во, 1987. 168 с.
- Элеонора Лорд Прей.* Письма из Владивостока (1894–1930) / под ред. Биргитты Ингемансон; пер. с англ. А.А. Сапелкина; Приморский музей им. В.К. Арсеньева. Владивосток: Рубеж, 2008. 448 с.

Литература

- Бацаев И.Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 217 с.
- Зеляк В.Г.* Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
- Васильева Е.В.* Политика советского государства в области науки как фактор трансформации социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2001. 300 с.
- Ващук А.С.* Проблемы управления Дальневосточным регионом в советский и постсоветский периоды // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 21–28.
- Владимирова Д.А.* Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 225 с.
- Готов В.Е., Глотова Л.П.* Охотский район – предшественник "Золотой" Колымы: история открытия, становления, условия добычи золота // II Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 191-195.
- Дальний Восток России в период революций и гражданской войны (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1). Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
- Деев Л.* История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.) / пер. с нем. Е. Крепак. Изд. испр. и доп. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 396.
- Дятлов В.В.* От наместничества до регионального командования // Военно-исторический журнал. М., 2008. № 2. С. 9–131.

- Исторические проблемы социально-политической безопасности российского дальнего Востока (вторая половина XX– начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.; Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
- История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко, отв. ред. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. 712 с.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л.* Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2001. 312 с.
- Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4.) / Под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
- Навасардов А.С.* Транспортные освоения Северо-Востока России в 1932–1937 гг. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2002. 184 с.
- Оцу С.* Советский рынок труд: Анализ японского специалиста / Пер. с японск. М.: Мысль, 1992. 431 с.
- Ремнев А.В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–350.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX в. Омск: Издательство Омского гос. ун-та. 2004. 552 с.
- Российский бизнес заходит в КНДР через Дальний Восток // *Единство*. М.: Международная корейская ассоциация «Единство», 2015. № 2. С. 12–14.
- Савченко А.Е.* История административно-политических отношений Центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х –1990-е годы): Дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.
- Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей / отв. редактор Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток. ИИАЭ ДВО РАН, 2014, 334 с.
- Соколов В.Н.* «Никанское царство»: Образ неизвестной территории в истории России XVII–XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 338 с.
- Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Под ред. П.Я. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
- Тихоокеанская Россия–2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под редакцией П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
- Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск: ХКМ им. И.И. Гродекова, 2013. 340 с.
- Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Науч.-образ. форум по междунар. отнош., 2007. 328 с.
- Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Чернавская В.Н.* «Восточный фронт» России XVII–XVIII в. Историко-историографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003. 176 с.
- Чернавская В.Н.* Россия на Тихом океане. XVIII – первая половина XIX в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 256 с.

- Широков А.И.* Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 460 с.
- Шишкин В.И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. 2013. Март. URL: http://zaimka.ru/wp-content/uploads/2013/03/zaimka-ru_shishkin-government.pdf (время доступа 14.01.2015).
- Щеглов В.В.* О мотивации российского продвижения «встречь солнцу» в конце XVI – XVII вв. (Попытка осмысления проблемы) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 2. С. 65–86.
- Hill F., Gaddy C.* The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 302 p.

REFERENCES

- Arsen'ev V.K. *Sobr. soch.* v 6 tomakh. Vladivostok: «Rubezh», 2012. T. 3. 816 s.
- Barsukov I. Poezdka po reke Sungari. Ussuriiskii krai. Po reke Amuru. Issledo-vaniya i materialy // Materialy dlya biografii N.N. Murav'eva-Amurskogo. T. 4. SPb., 1895. 614 s.
- Bogoraz-Tan V.G. Podgotovitel'nye mery k organizatsii malykh narodnosti // Se-vernaya Aziya. 1925. № 3. S. 8-16.
- Geologorazvedochnaya sluzhba Severo-Vostoka Rossii iz vospominanii gornogo inzhenera Rossii, akademika N.A. Shilo // Kolymskie vesti. 2000. № 10. S. 3-5.
- Tridtsat' let perekhoda. K otsenke vektora sotsial'noi transformatsii na primere Primorskogo kraia (1985 – 2014 gg.): Analiticheskii otchet po grantu Prezidiu-ma DVO RAN № 12-III-A-11-219 «Primorskii krai: potentsial modernizatsii regiona v svete itogov sotsial'noi transformatsii (1985–2010 gg.)». Rukovoditel' proekta: Vashuk A.S. // Ofitsial'nyi sait instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. [Vladivostok, 2014]. URL: <http://ihaef.o.ru/publishings/publications/online> (vremya dostupa 12.02.2015).
- Tsaregradskii V. Po ekranu pamyati. Vospominaniya o Vtoroi Kolymskoi ekspeditsii 1930–1931 godov. Magadan: Kn. izd-vo, 1987. 168 s.
- Eleonora Lord Prei. Pis'ma iz Vladivostoka (1894–1930) / pod red. Birgitty Ingemanson; per. s angl. A.A. Sapelkina; Primorskii muzei im. V.K. Arsen'eva. Vladivostok: Rubezh, 2008. 448 s.
- Batsaev I.D. Osobennosti promyshlennogo osvoeniya Severo-Vostoka Rossii v peri-od massovykh politicheskikh repressii (1932–1953). Dal'stroi. Magadan: SVK-NII DVO RAN, 2002. 217 s.
- Zelyak V.G. Pyat' metallov Dal'stroya: istoriya gornodobyvayushchei promyshlennosti Severo-Vostoka Rossii v 30 –50-kh gg. KhKh v. Magadan: Kordis, 2004. 283 s.
- Vasil'eva E.V. Politika sovetskogo gosudarstva v oblasti nauki kak faktor transformatsii sotsial'noi struktury nauchnoi intelligentsii Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2001. 300 s.
- Vashchuk A.S. Problemy upravleniya Dal'nevostochnym regionom v sovetskii i post-sovetskii periody // Vestnik DVO RAN. 2013. № 1. S. 21–28.
- Vladimirova D.A. Problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviya i vzaimovospriyatiya kitaitsev i russkikh na rossiiskom Dal'nem Vostoke i Severo-Vostoke Kitaya: Diss. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2005. 225 s.
- Glotov V.E., Glotova L.P. Okhotskii raion – predshestvennik "Zolotoi" Kolymy: istoriya otkrytiya, stanovleniya, usloviya dobychi zolota // II Dikovskie chteniya. Materialy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 70-letiyu Dal'stroya. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2002. S. 191-195.

- Dal'nii Vostok Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny (Istoriya Dal'-nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1). Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 s.
- Deeg L. Istoriya nemetskogo torgovogo doma na rossiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924 gg.) / per. s nem. E. Krepak. Izd. ispr. i dop. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 396.
- Dyatlov V.V. Ot namestnichestva do regional'nogo komandovaniya // Voенно-istoricheskii zhurnal. M., 2008. № 2. S. 9–131.
- Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti rossiiskogo dal'-nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 1-2/ Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2014. 224 s.
- Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.). M.: Nauka, 1991. 471 s.
- Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneishikh vremen do nachala KhKhI stoletiya / M.S. Vysokov, A.A. Vasilevskii, A.I. Kostanov, M.I. Ishchenko, otv. red. M.S. Vysokov. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izd-vo, 2008. 712 s.
- Larin V.L., Larina L.L. Okruzhayushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavlenii na rubezhe XX–XXI v. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 312 s.
- Mir posle voiny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 4) / Pod red. V.L. Larina. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 696 s.
- Navasardov A.S. Transportnye osvoeniya Severo-Vostoka Rossii v 1932–1937 gg. Magadan: SVNTs DVO RAN, 2002. 184 s.
- Otsu S. Sovetskii rynek trud: Analiz yaponskogo spetsialista. M.: Mysl', 1992. 431 s.
- Remnev A.V. Regional'nye parametry imperskoi «geografii vlasti» (Sibir' i Dal'nii Vostok) // Ab Imperio. 2000. № 3/4. S. 343–350.
- Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX v. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gos. un-ta. 2004. 552 s.
- Rossiiskii biznes zakhodit v KNDR cherez Dal'nii Vostok // Edinstvo. M.: Mezhdunarodnaya koreiskaya assotsiatsiya «Edinstvo», 2015. № 2. S. 12–14.
- Savchenko A.E. Istoriya administrativno-politicheskikh otnoshenii Tsentra i regio-nov yuga Dal'nego Vostoka (seredina 1980-kh –1990-e gody): Diss... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2011. 285 s.
- Sovetskii Dal'nii Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi: sb. nauch. statei /otv. redaktor E. N. Chernolutsкая. Vladivostok. IIAE DVO RAN, 2014, 334 s.
- Sokolov V.N. «Nikansкое tsarstvo»: Obraz neizvestnoi territorii v istorii Ros-sii KhVII–KhVIII vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1999. 338 s.
- Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego / Pod red. P.Ya. Baklanova. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. 406 s.
- Tikhookeanskaya Rossiya–2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / Pod redaktsiei P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
- Tkacheva G.A. Oboronnyi potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Khabarovsk: KhKM im. I.I. Grodekova, 2013. 340 s.
- Khill F., Geddi K. Sibirskoe bremya: Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii / per. s angl. M.: Nauch.-obraz. forum po mezhdunar. otnosh., 2007. 328 s.
- Tsentr i periferiya v regional'nom razvitii / O.V. Gritsai, G.V. Ioffe, A.I. Treivish. M.: Nauka, 1991. 168 s.
- Chernavskaya V.N. «Vostochnyi frontir» Rossii KhVII–KhVIII v. Istoriko-istoriograficheskie ocherki. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 176 s.

- Chernavskaya V.N. Rossiya na Tikhom okeane. KhVIII – pervaya polovina XIX v. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 256 s.
- Shirokov A.I. Gosudarstvennaya politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920–1950-kh gg.: Opyt i uroki istorii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 460 s.
- Shishkin V.I. Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoi treti XX v. 2013. Mart. URL: http://zaimka.ru/wp-content/uploads/2013/03/zaimka-ru_shishkin-government.pdf (vremya dostupa 14.01.2015).
- Shcheglov V.V. O motivatsii rossiiskogo prodvizheniya «vstrech' solntsu» v kontse KhVI –XVII vv. (Popytka osmysleniya problemy) // Kraevedcheskii byulleten'. Yuzh-no-Sakhalinsk, 2002. № 2. S.65–86.
- Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Washington: BrookingsInstitutionPress, 2003. 302 p.

Ангелина Сергеевна Ващук, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, зав. отделом социально-политических исследований, va_lina@mail.ru

The Fate of the Russian Far East or the Contribution of the Region in the Development of Russia: Research Experience

The aim of the article is to expose the merits of the conception of “historical contribution” for elucidating history of eastern regions while appreciating contemporary theoretic – methodological complexes. The author contrasts the ideas of American specialists on these territories given in the context of “Siberian curse” with conception potential (imperial geography of the power, scientific and economic development of the region, interaction Center-Periphery, social-political security) being worked out and approved in the works of the Far Eastern historians. Heuristic possibilities of the conception of “contribution” are demonstrated in the format of brief brightest illustrations on the period of moving “towards the Sun Rise”, imperial, Soviet and post-Soviet including destructive experience.

Keywords: ideas, theories, conceptions, researching experience, Russia– the USSR, the Far East, historical process.

Angelina Vaschuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern branch of the RAS, Head of Department of Socio-Political Researches. E-mail: va_lina@mail.ru

С. М. ДУДАРЕНОК

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена рассмотрению процессов, протекающих в религиозной жизни российского Дальнего Востока с середины 1980-х гг. по первое десятилетие XXI в. Рассматривается влияние на эти процессы негативных последствий реформирования российского общества 1990-х годов и несбалансированной политики федерального центра. Особое внимание уделяется деятельности различных религиозных конфессий, возрождению их структур, взаимоотношениям с властными структурами и друг с другом. Рассматривается роль иностранных миссионеров в возрождении и укреплении протестантской традиции в регионе и освещение религиозных процессов в ряде региональных СМИ.

Ключевые слова: *религия, церковь, верующие, Дальний Восток, иностранные миссионеры, религиозная организация, конфликт, конфессия, вероисповедная политика.*

Формирование современного религиозного пространства российского Дальнего Востока началось с середины 1980-х, так как за годы советской власти, существующая здесь религиозная жизнь была практически уничтожена¹.

На процесс религиозного самоопределения дальневосточников значительное влияние оказали негативные последствия реформирования российского общества в 1990-е гг. Для Дальнего Востока последствия «перестроечных» лет были более негативны, чем для центральных регионов страны: начался и продолжается отток интеллектуальной элиты в европейскую часть России и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона; обострилась проблема демаркации границы; не до конца решен вопрос разграничения полномочий федерального центра и местных администраций; кризис военно-промышленного и энергетического ком-

¹ Дударёнок 2015. Население российского Дальнего Востока к концу 1980-х составляло чуть больше 6 млн. чел., а число верующих – 10611, т.е. 0,17% от общего количества населения региона. Предполагая, что определенное количество дальневосточников скрывали свою веру в Бога, мы все-таки считаем, что данная цифра в целом отражает реальную ситуацию в религиозной сфере, так как число верующих в пограничном дальневосточном регионе выявлялось «оперативным путем».

плексов, усугубленных в Приморье в 1990-е гг. многолетним конфликтом краевой и городской администраций.

Значительные изменения в «перестроечные» годы получила региональная политика федеральной власти. Стали появляться и активно обсуждаться различные «научно обоснованные» проекты освоения российского Дальнего Востока вахтовым методом. Федеральные власти периодически обсуждали вопрос о необходимости снизить ставку дальневосточного коэффициента и лишения дальневосточников других льгот, обвиняли жителей региона в наличии сепаратистских настроений. Тарифы на тепло, свет и коммунальные услуги на Дальнем Востоке стали одними из самых высоких в стране. Но наиболее значительным последствием «перестроечных» лет стало то, что в силу заведомо высоких цен на авиа- и железнодорожные билеты значительная часть дальневосточников стала утрачивать осознание себя как части славяно-православной цивилизации. Поездка в западные регионы страны была практически недоступной подавляющему числу дальневосточников. Создавалось впечатление, что федеральный центр не заинтересован в дальневосточных территориях, в его заселении и освоении. Отдохнуть в Китае, Корее и даже Японии для жителей Дальнего Востока России в 1990-е и в первой половине 2000-х гг. было значительно дешевле, чем посетить родственников в Москве или Санкт-Петербурге. Региональная политика федеральной властей по отношению к жителям российского Дальнего Востока не претерпела значительных изменений.

Стремление сохранить, вопреки политике федерального центра, свою этническую принадлежность и связь с православно-славянской цивилизацией выразилось у дальневосточников на рубеже тысячелетий в поисках основ культурно-национально-религиозной самоидентификации. На Дальнем Востоке процент «православных» среди неверующих был и остается очень высоким, например, в Амурской области он достигает 58,5%²; в Хабаровском крае к «православным» отнесли себя 38,6% респондентов, в то время как к «верующим, соблюдающим религиозные обряды» – только 3,3%, к «верующим, не соблюдающим религиозные обряды» – 29,9%³. Схожие данные получены исследователями и по другим регионам Дальнего Востока. Можно с уверенностью утверждать, что религия воспринимается дальневосточниками не как

² Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Амурской области (Далее ТАОСОРОА АО). Аналитический отчет о религиозной обстановке в Амурской области. Л. 10.

³ Никульников, Свищев 2001. С. 49.

собственно религиозная система, а как признак национального образа жизни и принадлежности к православно-славянской цивилизации.

Осознавая, что религия определяет облик цивилизации и способствует контролю государства над собственным географическим пространством, что пропаганда иных религиозных ценностей может объективно способствовать утрате этого контроля, мы признаем, что государство может и должно проводить определенную протекционистскую политику в отношении традиционных религий, стремиться к диалогу и партнерству с религиозными организациями, укрепляющими общественное согласие, законопослушание, нравственное состояние общества. Мы согласны с тем, что «круг реальных союзников государства в религиозной сфере не ограничивается православными церквями»⁴. В государственно-церковных отношениях необходимо определить круг союзников, на которые государство может опираться. На первый взгляд кажется, что этот перечень определен в преамбуле к ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года, где сказано, что *«признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»* (выделено мной – С.Д.)⁵, Российская Федерация является светским государством.

Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что в сознании государственных чиновников круг «достойных» религий остается неизменно узким, подразумевая иудаистские, буддийские, исламские объединения. В христианстве это понятие в полной мере относится лишь к православным церквям. Современная религиозная ситуация и государственные интересы, особенно в поликонфессиональных регионах, к которым традиционно принадлежит российский Дальний Восток, требуют расширения этого списка не только декларативно и на бумаге, но и в общественном сознании. В этот перечень необходимо включить конфессии, которые исторически доказали приверженность государственным интересам, сформулировали на этой основе догматическую базу⁶ и подкрепили свою лояльность и гражданскую позицию

⁴ Трофимчук, Свищев 2000. С. 204.

⁵ Религиозные объединения... 2006. С. 59-73.

⁶ См.: Основы социальной концепции Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской. 2002; Социальная позиция Протестантских Церквей России. 2009; Основы социального учения Церкви Адвентистов Седьмого Дня России. 2009 и др.

конкретными действиями⁷. Представляется, что евангельские христиане, баптисты, пятидесятники, адвентисты, вероучение которых не разрушает цивилизационную идею Российского государства, достойны доверия нашего общества со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более чем вековое существование в нашей цивилизационной среде адаптировало их вероучение к российскому менталитету. Это позволяет «рассматривать их как традиционные вероучения в дополнение... к “более традиционным”, исторически признанным»⁸.

Позиции Русской Православной Церкви (РПЦ МП) на территории Дальнего Востока стали укрепляться с конца 1980-х гг. Наиболее ярко это иллюстрирует создание или возрождение дальневосточных епархий. В настоящее время на территории российского Дальнего Востока действуют две митрополии: *Приамурская* (митрополит Игнатий (Пологрудов)), объединяющая две епархии: Амурскую (епископ Николай (Ашимов)) и Хабаровскую и Приамурскую (епископы Ефрем (Просянок) и Аристарх (Яцурин)) и *Приморская*, объединяющая три епархии: Арсеньевская и Дальнегорская (епископ Гурий (Фёдоров)), Владивостокская и Приморская (Уссурийское викариатство) (митрополит Вениамин (Пушкарь), епископ Иннокентий (Ерохин)) и Находкинская и Преображенская (епископ Николай (Дутка)); а также епархии прямого подчинения: *Магаданская и Синегорская* (епископ Иоанн (Павлихин)); *Петропавловская и Камчатская* (епископ Артемий (Снигур)); *Южно-Сахалинская и Курильская* (епископ Тихон (Доровских)); *Благовещенская и Тындинская* (епископ Лукиан (Куценко)); *Анадырская и Чукотская* (епископ Серафим (Глушаков)) и *Биробиджанская и Кульдурская* (епископ Иосиф (Балабанов)).

По всей территории Дальнего Востока строятся новые и восстанавливаются старые православные храмы. О возрождении православной традиции свидетельствует восстановление и рост монастырей. Всего на территории дальневосточного региона действует 12 обителей: 5 в Приморье; по 2 в Хабаровском крае и Амурской области; по одному в Еврейской автономной области, Магаданской и Сахалинской областях. В Хабаровском крае, в Магаданской, Амурской областях, в Еврейской автономной области завершено строительство кафедральных соборов. В каждой дальневосточной епархии существует сеть воскресных школ, православные издания или программы в СМИ, рассчитанные на широ-

⁷ См.: Второй Съезд евангельских Церквей Приморского края... 2003.

⁸ Трофимчук, Свищев 2000. С. 205.

кую аудиторию. 1 сентября 2005 г. начались занятия в первой высшей духовной школе – Хабаровской духовной семинарии, – созданной 10 июня 2005 г. решением Священного Синода РПЦ (МП) по предложению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с целью подготовки духовенства для дальневосточных епархий.

Православие на территории Дальнего Востока России представлено не только сторонниками Московского Патриархата, но и последователями Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), а также старообрядцами. Приходы РПЦЗ существуют на территории Приморского края во Владивостоке и Уссурийске, поселке Кавалерово. Духовное руководство ими осуществляет иеромонах Анастасий (Суржик А.Н.). Старообрядческие общины различных толков и согласий активно функционировали на территории российского Дальнего Востока до октября 1917 г. Уходя от преследования властей, они активно переселялись на новые земли и сыграли значительную роль в хозяйственном освоении региона. Немногочисленные незарегистрированные общины продолжали существовать в Магаданской и Амурской областях, в Приморском и Хабаровском краях весь советский период⁹. Возрождение старообрядчества на территории региона начинается в конце 1980-х гг. Наиболее активно этот процесс шел в Приморье. В северных районах края сохранились небольшие общины часовенного и федосеевского согласий; на юге, в городах Большом Камне, Владивостоке и Уссурийске сложились общины белокриницкого согласия, в которых значительную часть составляют молодые верующие. Они смогли наладить религиозную жизнь и приобрели такое влияние, что в Белокриницкую Церковь перешли старообрядцы-беспоповцы, проживающие в этих регионах.

В октябре 1998 года Собор Русской Православной Старообрядческой Церкви принял решение о воссоздании Дальневосточной епархии¹⁰. Первоначально новая епархия находилась во временном управлении епископа Новосибирского и всея Сибири Силуяна (Килина), а затем Освященным Собором на епископскую кафедру был назначен епископ Уссурийский и всего Дальнего Востока Герман. Кафедра епископа Уссурийского и всего Дальнего Востока находится в г. Хабаровске, кафедральным собором является собор Покрова Пресвятой Бого-

⁹ Центр хранения современных документов Магаданской области (ЦХСД МО). Ф. 21. Оп. 41. Д. 1. Л. 120; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 26; Асташова 2001. С. 97; Дударенок, Сердюк 2000. С. 202.

¹⁰ Дударенок, Сердюк 2000. С. 202.

родицы. После ухода на покой епископа Германа дальневосточные приходы опять окормляет епископ Силуян.

Хотя объединений Русской Православной Церкви (МП) на территории Дальнего Востока зарегистрировано самое большое количество (324 объединения), они не составляют абсолютного большинства и даже уступают общей численности протестантских конфессий (457 объединений). В процентном отношении они составляют около 37,7% от всех религиозных организаций Дальнего Востока. По регионам они распределяются следующим образом: в Камчатском крае – 66%; Магаданской области – 45,9%; Сахалинской области – 36,6%; Амурской области – 48%; Хабаровском крае – 34%; Приморском крае – 29%.

Таблица 1.

Религиозные организации Дальнего Востока России, сведения о которых внесены в ведомственный реестр Минюста РФ (на 1 января 2010 г.)

Конфессии	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край и ЕАО	Амурская область	Магаданская об- ласть и ЧАО	Сахалинская об- ласть	ИТОГО:
РПЦ (Московский Патриархат)	35	87	69	61	28	44	324
РПЦЗ	0	2	0	0	0	0	2
Армянская апостольская церковь	0	1	0	0	0	1	2
Адвентизм	1	20	12	7	1	6	47
Евангельские христиане-баптисты	2	12	18	12	4	3	51
Христиане веры евангельской	1	1	3	21	1	0	27
Евангельские христиане	0	33	12	0	5	5	55
Христиане веры евангель- ской (пятидесятники)	2	40	39	9	12	35	137
Церковь полного Евангелия	5	0	1	1	0	0	7
Вера Бахаи	1	1	1	0	0	2	5
Буддизм	0	4	2	3	0	0	9
Вайшнавы (МОСК)	0	4	1	0	0	0	5
Ислам	1	6	6	1	2	4	20
Иудаизм	1	7	5	1	2	0	16

Лютеранство	0	2	3	0	1	0	6
Католицизм	1	6	2	2	1	1	13
Методизм	0	7	3	0	0	0	10
Мормоны (ЦИХСПД)	0	3	1	0	1	1	6
Новоапостольская церковь	0	1	2	2	1	1	7
Пресвитериане	0	40	11	1	1	11	64
Армия Спасения	0	1	0	0	0	0	1
Свидетели Иеговы	3	15	8	5	0	6	37
Старообрядчество	0	3	1	1	1	0	6
Церковь Христа	0	0	1	0	0	0	1
Неденоминированное христианство	0	1	0	0	0	0	1
ИТОГО:	53	297	201	127	61	120	859

Как видно из таблицы очень прочные позиции на территории Дальнего Востока занимают протестантские церкви, в истории которых в постсоветский период можно выделить два этапа. *Первый* охватывает период с 1990 по 2000 г. Он характеризуется активной миссионерской деятельностью на территории региона как отечественных, так и зарубежных миссионеров, проведением массовых евангелизационных программ при финансовой поддержке зарубежных единоверцев. Именно в данный период шел активный рост числа религиозных организаций и групп. В 1990-е гг. молодые дальневосточные протестантские общины пытались всячески проявить себя в социальной и культурной жизни, предлагая обществу свой вариант решения социальных и экономических проблем путем приобщения к вере и социального служения нуждающимся. *Второй* – с 2000 г. по настоящее время. В данный период рост количества религиозных организаций почти прекратился, что свидетельствует о завершении этапа религиозного самоопределения жителей региона. Дальневосточные протестантские церкви, приобрета в 1990-е годы опыт, выработали основные направления своего служения обществу, обходясь в основном собственными средствами, не прибегая к материальной помощи из-за рубежа.

Мы уже отмечали, что евангельские христиане, баптисты, христиане веры евангельской (пятидесятники), адвентисты седьмого дня исторически доказали приверженность государственным интересам и должны восприниматься как традиционные. Позиции этих церквей на территории Дальнего Востока были прочны и в советское время, по числу зарегистрированных общин они значительно опережают «более традиционные» религии (ислам, буддизм и иудаизм). В настоящее время на территории Дальнего Востока действует всего 45 объединение

исламского, буддийского и иудейского вероисповеданий, а объединенный евангельских христиан, баптистов, адвентистов и пятидесятников более 324. Не использовать их потенциал в решении наболевших социальных проблем региона не просто расточительно, а глупо.

Нужно отметить, что отношение к евангельским христианам, баптистам, адвентистам и пятидесятникам со стороны возрождаемых на территории региона структур РПЦ (МП) было и остается крайне негативным. Вероятно, священнослужители РПЦ (МП) в 1990-х гг. столкнулись, по сравнению с протестантами, которым в этот период оказывали помощь их единоверцы из-за рубежа и которые, несмотря на репрессивные меры советской власти, никогда не прекращали своей деятельности в регионе, с большими проблемами при организации нормальной религиозной жизни. Недостаток человеческих и материальных ресурсов компенсировался яркими нападками на своих религиозных конкурентов – протестантов. Для этого использовались обращения к представителям органов власти, составление «аналитических отчетов о деятельности сектантов», публикации в светских СМИ и др. Православное духовенство обвиняло представителей протестантских конфессий в оказании негативного влияния на духовно-нравственное состояние общества, в развале экономики региона, в подрыве обороноспособности страны и даже предательстве национальных интересов¹¹. Например, в докладной записке иеромонаха Благовещенской и Тындинской епархии Игнатия (Чигвинцева) «О деятельности сектантов» прямо говорится, что «интерес сектантов к пограничью Амура вызван... общим ростом интереса их хозяев за рубежом к БАМу». По его мнению, представители всех протестантских церквей являются «духовными эмиссарами Запада, насаждающими свою резидентуру в приграничных районах Приамурья»¹².

Показательны в этом плане и ряд публикаций в районной газете «Заря Амура» настоятеля прихода в честь равноапостольных Константина и Елены с. Константиновка Амурской области иеромонаха Дионисия (Колесникова, который в статье «В вере православной нашей спасение»¹³, противопоставил православную религиозную организацию организации верующих пятидесятников, оскорбил их религиозные чувства, запугивал читателей этой «сектой»: называл пятидесятническую Церковь «Благая Весть» с. Константиновка «свитым гнездом, ведущим людей к погибели», призывая не верить ее догматам.

¹¹ См.: Обращение духовенства Хабаровской епархии...

¹² ТАОСОРОА АО. Д. 2. Л. 73, 74.

¹³ Заря Амура. 2000. 20 марта.

Оскорбленные верующие объявили пост-голодовку и собирались подать на газету в суд¹⁴, но руководство Церкви посчитало, что нет необходимости отстаивать свое конституционное право на свободу вероисповедания в суде. Пастор Церкви «Благая Весть» обратился через газету к автору публикации, напомнил ему, что право на свободу вероисповедания «даровано Конституцией Российской Федерации... всем гражданам», а прихожанин Церкви А. Нефедов призвал православных верующих: «давайте будем бороться с общим врагом – наркоманией, воровством, пьянством, проституцией и т.д. Давайте будем сообща молиться за процветание села, района, области, России, за начальство в селах, городах, областях и Путина, которого дал нам Господь по заслугам нашим»¹⁵.

В ответ на призыв к совместной деятельности на ниве благотворительности и борьбы с социальными пороками, иеромонах Дионисий опубликовал статью «Об истинной Церкви и сектах», в которой, имея в виду вышеуказанные протестантские церкви, утверждал, «что каждая секта – это тщательно разработанная в масонских ложах структура для борьбы с Православием», что «разведслужбы Запада и, прежде всего США, на протяжении десятилетий использовали секты против Православной Церкви и русского народа», что «коллегой сектантов является Гитлер», что «все протестантские миссионеры на Дальнем Востоке являются агентами США в России»¹⁶. Такие чудовищные обвинения вынудили пастора Церкви «Благая Весть» через газету обратиться к органам власти с вопросом: «Неужели нельзя приструнить человека, который распространяет всякого рода ложь...?»¹⁷.

До недавнего времени дальневосточные органы власти реагировали на недоброжелательные высказывания православного духовенства в адрес представителей протестантских церквей, защищали равное для всех право на свободу совести. Так, консультант по связям с религиозными организациями администрации Амурской области И.М. Веклич, анализируя ситуацию в религиозной сфере, возникшую после публикаций в газете «Заря Амура», в официальном письме на имя епископа Благовещенского и Тындинского Гавриила (Стеблuchenko), разъясняя епископу конституционные гарантии свободы совести, писал, что оценка деятельности другой религии «не должна оскорблять чувств верующего человека, противопоставлять одну религиозную организацию другой...»

¹⁴ ТАОСОРОА АО. Д. 2. Л. 71.

¹⁵ Заря Амура. 2000. 23 августа.

¹⁶ Заря Амура. 2000. 15 сентября.

¹⁷ Заря Амура. 2000. 30 сентября.

особенно она нетерпима если исходит от руководителя религиозной организации, священнослужителя», что «примером такой нетерпимости и служат статьи иеромонаха Дионисия (Колесникова)», содержание статей «дает основание полагать, что их автор нарушил статью 3 п. 6. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», где говорится об умышленном оскорблении чувств граждан в связи с их отношением к религии, о пропаганде религиозного превосходства. Нарушена и статья 14 п. 2, где сказано о разжигании религиозной розни. Эти статьи не способствуют миру и согласию между людьми»¹⁸. В настоящее же время представители муниципальной власти и органы правопорядка «не вмешиваются» в «антисектантскую» деятельность Православной Церкви, даже если она ведется противоправными методами. Так, например, весной 2010 г., после лекции о вреде протестантизма, прочитанной в г. Спасске Приморского края известным «сектоведом» А.Л. Дворкиным, «православная» молодежь выбила окна в молитвенных домах баптистов и пятидесятников; найти и наказать по закону «борцов за истинную веру» органы правопорядка не торопятся.

Активно началось в 1990-е годы возрождение пресвитерианства и методизма. Общины пресвитериан и методистов появились на Дальнем Востоке в начале XX в., благодаря миссионерам из США, проповедовавшим среди российских корейцев, и просуществовали вплоть до депортации корейцев с территории Дальнего Востока в Казахстан в 1937-1938 гг.¹⁹ В настоящее время в регионе действует 64 объединения пресвитериан и 10 – методистов. В Приморском крае зарегистрированы четыре духовных учебных заведения методистов и пресвитериан (три – пресвитериан и одно – методистов).

Укреплению позиций методистов и пресвитериан способствовала деятельность зарубежных религиозных миссий, которые активно начали работать на территории российского Дальнего Востока после принятия ФЗ «О свободе вероисповедания» (1990). В 1997 г. в Хабаровском крае работало более 40 пасторов и около 100 представителей иностранных религиозных конфессий, в основном пресвитериане и методисты²⁰. В Приморском крае удельный вес представителей пресвитерианской церкви от общего количества миссионеров, посещающих край, составляла в 1999 г. 26,8% (11 чел.), в 2000-м – 39,8% (80 чел.), а в 2001-м –

¹⁸ ТАОСОРОА АО. Д.2. Л. 73.

¹⁹ См.: Дударёнок, Сердюк 2014. С. 91-94, 177-192, 255-256.

²⁰ Никульников, Свищев. 2001. С. 51.

38,7% (67 чел.)²¹. На территории Сахалинской области количество протестантских миссионеров в середине 1990-х было самым высоким на душу населения во всей России²². Активно действовали миссионеры и на территории Магаданской области и Камчатского края.

Возрождение организованной религиозной жизни дальневосточных лютеран также произошло в начале 1990-х гг. Лютеране проживали на территории Дальнего Востока с момента его освоения. Последователи ЕПЦ были среди первых поселенцев, офицеров российской армии, высших чиновников Приамурского генерал-губернаторства и Приморской области. Лютеранские приходы прекратили свое существование в конце 1930-х годов²³.

В мае 1992 г. во Владивосток в отпуск приехал гамбургский пастор Манфред Брокманн. По просьбе сотрудника лютеранской церкви России Харальда Калныньша он намеревался найти и собрать вместе проживающих в г. Владивостоке лютеран. Это ему удалось. В воскресенье 31 мая 1992 г. М. Брокманн провел первое богослужение перед зданием Лютеранской кирхи, в котором помещался на тот период Музей Тихоокеанского флота (16 сентября 1997 г. историческое здание было передано Владивостокскому лютеранскому приходу). В сентябре 1993 г. пастор Брокманн переехал на постоянное место жительства во Владивосток, и 7 ноября 1993 г. епископ Георг Кречмар и суперинтендант Николай Шнайдер ввели его в должность пастора лютеранской церкви Св. Павла и пропста (духовного главы) лютеранских приходов Дальнего Востока. В настоящее время на территории региона действует шесть лютеранских религиозных организаций и несколько религиозных групп.

Одной из особенностей религиозной жизни протестантов Дальнего Востока является стремление к объединению в союзы церквей. Так появились, например, Приморское Объединение миссионерских церквей Евангельских Христиан (ПОМЦЕХ, руководитель Ю.М. Мороховец) и Северо-Восточный Союз Церквей Евангельских Христиан (СВСЦЕХ, руководитель П.Ю. Тимченко)²⁴. По мнению руководства протестантских Церквей, объединившись, они больше смогут помочь государству и обществу в решении социальных проблем, остро стоящих перед дальневосточным социумом (работа с социально незащищенными категори-

²¹ Дмитренко 2002. С. 12.

²² См.: Назарова 2000. С.123.

²³ См.: Дударёнок, Сердюк 2014. С. 22-29, 69-70,134-141, 214-220.

²⁴ См.: Омелянчук 2003. С. 28.

ями населения: больными, безработными, пенсионерами, беспризорниками, людьми без определенного места жительства; помощь ВИЧ-инфицированным; работа с людьми, находящимися в местах лишения свободы и пр.); отстаивать свои конституционные права и противостоять нападкам со стороны представителей Православной Церкви²⁵. Не менее важным руководством протестантских Церквей считается правовое образование. Для повышения юридической грамотности пасторов и рядовых верующих в регионе периодически проводятся семинары²⁶.

Динамично осваивают дальневосточный регион Свидетели Иеговы. Появившись здесь в 1950-е гг. и на протяжении 1960–1980 гг. подвергавшиеся административным и судебным преследованиям Свидетели Иеговы к настоящему времени стали одной из самых динамично развивающихся конфессий. На территории региона действует 37 зарегистрированных общин Свидетелей, религиозные же группы есть в подавляющем большинстве населенных пунктов Дальнего Востока.

На территории российского Дальнего Востока более полутора веков насчитывает история Римско-католической Церкви. Прерванная в 1930-х гг. католическая традиция была восстановлена в 1991 г.

Возрождение католицизма на юге Дальнего Востока связано с личностью американского миссионера польского происхождения, члена ордена регулярных каноников о. Мирона Эффинга. В первые годы своего служения он окормлял несколько городов Дальневосточного Федерального округа. Мирон Эффинг прибыл во Владивосток осенью 1991 г., собрал «сочувствующих поляков» и отслужил первую мессу под открытым небом. Вновь созданная католическая община первоначально собиралась в арендуемых помещениях. В 1993 г. верующим было возвращено здание костела, в котором долгое время находился Государственный архив Приморского края. Ремонт и реставрация здания костела продолжаются до настоящего времени.

В настоящее время на территории Дальнего Востока действует 13 объединений Римско-Католической церкви и несколько религиоз-

²⁵ Именно эти проблемы обсуждаются на периодических съездах евангельских церквей (напр.: Четвертый съезд евангелических церквей Приморского края... 2007; Пятый съезд евангелических церквей Приморского края... 2009 и др.), на заседаниях Совета пасторов и на страницах протестантской прессы (см., напр.: Газета Северо-Восточного Союза Церквей Евангельских христиан «А-ПРОСВЕТ»).

²⁶ Такой семинар был организован Альянсом Евангельских Церквей Приморья в г. Владивостоке 18-19 марта 2010 г. «Юридический ликбез» проводил директор Славянского правового центра А.В. Пчелинцев.

ных групп. Каждая община имеет отделения католической благотворительной организации «Каритас».

Появление и распространение на дальневосточных землях иудаизма связано не только с историей освоения региона, но и с созданием государственного образования – Еврейской автономной области. В годы советской власти иудейская традиция в регионе прервалась. Она искусственно из политических соображений поддерживалась в ЕАО, так как посещающие область иностранцы обязательно стремились посетить Биробиджанскую синагогу. Искусственное сохранение здания синагоги облегчило воссоздание религиозной традиции. В 1989 г. в Биробиджане был создан клуб возрождения еврейской культуры «Эйникайт». Члены клуба проявили интерес к иудаизму и положению Биробиджанской синагоги. В 1997 г. благодаря финансовой поддержке Американского еврейского распределительного комитета «Джойнт» была образована религиозная община «Фрейд». Ее председателем стал Л.Г. Тойтман, возглавлявший общину вплоть до своей кончины в 2007 г.

В Приморском и Хабаровском краях возрождение иудейских общин произошло в рамках, созданных в начале 1990-х гг. Еврейских религиозно-культурных общинных центров. В 2005 г. еврейской общине Владивостока было передано здание молитвенного дома, находившегося в пользовании иудейской общины в 1907–1932 гг. В Хабаровске в августе 2004 г. было завершено строительство Культурно-религиозного центра с синагогой. Всего на российском Дальнем Востоке действует 16 иудейских общин, как правило, ведущих свою деятельность совместно с Еврейскими религиозно-культурными центрами.

Возрождение иудаизма на территории региона проходит не беспроблемно. На деятельности хабаровских иудеев сказывается раскол внутри российской иудейской общины. Прибывший в г. Хабаровск молодой раввин Яков Снетков представляет хасидское течение в иудаизме и тяготеет в ФЕОР. При этом часть старшего поколения продолжают симпатизировать Конгрессу еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР). Последние недовольны, в частности, тем, что иностранные спонсоры в качестве основного условия финансовой поддержки выдвигают требование отделить так называемых «полукровок» от «чистокровных» евреев, создают для последних более благоприятные условия воспитания и обучения детей.

Возрождение религиозной жизни мусульман в регионе сопровождается конфликтами как с органами власти и представителями других религий, так и конфронтацией внутри самих мусульманских общин.

В ноябре 1993 г. во Владивостоке было зарегистрировано первое мусульманское объединение Приморского края – Приморская краевая религиозная мусульманская община «Ислам» (ПКРМО «Ислам»), которую возглавил узбек Алимхан Магрупов. В середине 1990-х гг. мусульманское сообщество Приморья выглядело наиболее перспективным по темпам возрождения религиозной жизни и имело все шансы стать ведущим мусульманским сообществом Дальнего Востока, однако затяжной конфликт, вызванный спором о месте строительства Соборной мечети Владивостока, сильно замедлил ее развитие. В 1996 г. А. Магрупов обратился к мэрии Владивостока с просьбой выделить участок для строительства первой в крае мечети. Средства на её возведение предполагалось получить от благотворителей из Саудовской Аравии, которые перечислили на счет ПКРМО «Ислам» часть необходимой суммы. Первоначально был выделен участок земли в районе станции «Океанская», но сменившаяся администрация города аннулировала это решение. 7 сентября Магрупов вторично обратился к городским властям с аналогичной просьбой и 10 сентября 1998 г. мэр г. Владивостока В.И. Черепков выделил участок земли в парке «Нагорный», где представители мусульманской общины торжественно заложили камень в основание будущей мечети. Вскоре, однако, выяснилось, что решение Черепкова о выделении общине «Ислам» данного земельного участка было незаконным, поскольку вся территория парка «Нагорный» относится к зоне охраны памятников исторического центра Владивостока и любое строительство в ее пределах не допускалось. Кроме того, Соборная мечеть стала бы доминировать над Свято-Никольским кафедральным собором Владивостокской епархии. Приданные гласности планы строительства мечети вызвали протесты православной общественности города, которые сыграли не последнюю роль в поражении Черепкова на очередных выборах мэра Владивостока.

В 1999 г. новый глава администрации Владивостока Ю.М. Копылов аннулировал решение своего предшественника и предложил общине «Ислам» на выбор несколько других площадок, в том числе и ранее одобренный ими участок в районе станции «Океанская». Лидеры ПКРМО «Ислам» усмотрели в этом решении Ю.М. Копылова дискриминацию всего мусульманского сообщества края. А. Магрупов категорически отказался переносить место строительства мечети и, не найдя компромисса по данному вопросу, стал писать жалобы на «произвол мэрии Владивостока» во все возможные инстанции – от ООН до Московской Патриархии. Параллельно с этим он развернул кампанию по

поддержке экс-мэра Владивостока В.И. Черепкова, противопоставляя его «исламофобу» Копылову и обещая поддержку «200-тысячной мусульманской общины Приморского края» на грядущих губернаторских выборах. За пределами Приморского края позицию Магруппова озвучивал верховный муфтий Нафигулла Аширов, который неоднократно упоминал Владивосток в числе городов, где, по его мнению, нарушаются права мусульман и даже обвинял правящего архиерея Владивостокской епархии в разжигании межрелигиозной вражды и шовинизме.

Достаточно быстро противоречия ПКМРО «Ислам» и мэрии Владивостока переросли в серьезный конфликт. Раздраженные жалобами А. Магруппова представители мэрии приняли ответные меры. Им было известно, что далеко не все мусульмане Приморского края считают Магруппова своим лидером. Основной причиной внутриисламских противоречий стало предпочтение, отдаваемое Магрупповым чеченской, узбекской и таджикской диаспорам в ущерб интересам татар, башкир, дагестанцев и азербайджанцев. Недоброжелатели приморского муфтия обвинили его в тесных связях с чеченской организованной преступной группировкой и в нецелевом использовании выделенных на строительство мечети средств. В 1997 г. в «Исламе» произошел первый раскол – из общины Магруппова вышли почти все татары и башкиры, идейным лидером которых стал татарский бизнесмен Ринат Якупов. К лету 2000 г. во Владивостоке появилась третья мусульманская община, созданная на базе Владивостокской общественной организации народов Северного Кавказа «Ватан» («Родина»). Ее возглавил советник мэра Владивостока аварец Асадулла Саидов. Изначально община «Ватан» не была враждебна «Исламу», но нарастающий конфликт между Магрупповым и мэрией обострил и внутриисламские противоречия. Обеспокоенный развитием ситуации Саидов попытался самостоятельно договориться о месте строительства мечети с городской администрацией, которая с радостью пошла ему навстречу, увидев реальную возможность достойно выйти из конфликтной ситуации. На решение всех вопросов, касающихся землеотвода, потребовалось всего два месяца и, казалось, затянувшийся конфликт был близок к разрешению, однако Магруппов не оценил инициативу лидера «Ватана» и обвинил его в сговоре с городской властью в ущерб интересам мусульман. Сам «Ватан» при этом был назван «подставной, якобы мусульманской организацией».

В начале 2001 г. экс-мэр Владивостока В.И. Черепков, сохранивший за собой пост депутата Госдумы, вошел в думскую фракцию Абдул-Вахеда Ниязова и заручился его поддержкой, которая была востре-

бована во время досрочных перевыборов губернатора Приморского края. Считавшийся одним из фаворитов предвыборной кампании Черепков нашел в лице Алимхана Магруппова ревностного сподвижника, который обещал мобилизовать на его сторону всю мусульманскую общину края. В марте группа Магруппова распространила среди мусульман Владивостока листовку, в которой призывала прийти на митинг против «беспредельной власти Владивостока». При этом всячески подчеркивалось, что истинным защитником прав мусульман может стать только Черепков. Противостояние «Ислама» с мэрией достигло апогея и вскоре после этого закончилось полной победой мэрии – 8 июня 2001 г. собранием актива общины «Ислам» Магруппов был освобожден от занимаемой должности. Новым председателем общины стал лояльный городской власти татарин Риф Харисов, который выразил желание внести существенные коррективы во внешнюю политику «Ислама».

За помощью в решении вопроса о строительстве во Владивостоке Соборной мечети приморские мусульмане обращались к полпреду Президента Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу К. Исхакову. Проект мечети разработали специалисты из Казани, проектировавшие знаменитую мечеть Кул Шариф. Предусматривалось, что мечеть будет вмещать до 1,5 тыс. верующих. Но культовое здание собирались возвести в центре густонаселенного микрорайона, и жители выступили против. Вопрос о строительстве Соборной мечети и до настоящего времени не решен. Заместитель главы мусульманской организации Владивостока, старейшина Равиль Мирасов утверждает, что мечеть во Владивостоке крайне необходима, так как «мечеть – это место, где не только молятся, но и занимаются воспитанием мусульман. Сейчас в городе много мигрантов. Если будет мечеть, они не будут разбегаться по углам и слушать неизвестно чьи проповеди»²⁷. Арендуемое верующими помещение давно уже не вмещает прихожан, и людям приходится во время намазов располагаться на улице вокруг здания, что в немалой степени способствует сохранению напряженности в межконфессиональных отношениях и отношениях мусульман и власти.

Конфликты мусульман с органами власти и общественностью в ходе культурно-национально-религиозной самоидентификации были отмечены и в других регионах Дальнего Востока. В Хабаровском крае конфликт между органами власти и мусульманской общиной был связан с судьбой построенной на деньги частного предпринимателя Со-

²⁷ <http://www.news1.ru/vlad/2015/01/16/130987/>

борной мечети; на Сахалине – с планами строительства в г. Южно-Сахалинске Исламского духовного центра²⁸.

Сегодня имеет место увеличение количества мусульман в составе населения. Наиболее быстро этот процесс идет в Приморском крае. Основной рост обеспечили и обеспечивают мигранты. При этом трудности миграционного учета не позволяют фиксировать всех прибывших, что дает основания утверждать о более многочисленном притоке иностранцев. Администрация Приморского края осознает сложность сложившейся ситуации. В рамках специальной программы краевой администрации в крае работал ежегодный (2011, 2012, 2013) семинар «Приморская умма: история формирования и проблема современного развития». Мероприятие было направлено на осмысление роли культуры ислама, образования, науки и культуры в формировании толерантного общества и его духовно-нравственного просвещения, а также расширение сотрудничества религиозных институтов, государства и общества в противостоянии экстремизму. Однако, в силу слабой религиозоведческой и правовой подготовки чиновников, в реальности первый и особенно второй семинары превратились фактически в площадку пропаганды ислама, преувеличения его роли в хозяйственном и культурном освоении региона, особенно роли гастарбайтеров-мигрантов.

Необходимо отметить, что ислам зачастую является лишь прикрытием для вовлечения неофитов-мигрантов в различные исламистские объединения, имеющие экстремистский характер. Большинство мигрантов – выходцы из среднеазиатских республик, которые не нашли себе применения на исторической родине. Основная мотивация приезда в регион – желание заработать, оторваться от семейной, клановой опеки, вкусить «запрещенных на родине «радостей жизни». По свидетельству дальневосточных исламских духовных лидеров современные неофиты с трудом поддаются «воцерковлению» в рамках традиционного ислама. В мечеть они приходят не удовлетворять свои религиозные потребности, а за поддержкой в случае трудной жизненной ситуации. Эти люди, чаще всего, малообразованные, переносящие бедствия и лишения вдали от обычного окружения, уязвимы и подвержены разного рода идеологическим и политическим влияниям, в первую очередь исламистского толка. При этом духовные лидеры дальневосточного ислама не всегда способны контролировать ситуацию в религиозной общине, распространение экстремистских материалов и идей.

²⁸ ТАОСОРОА АО. Д. 2. Л. 27-28.

Усугубляет ситуацию и низкий уровень компетентности региональных чиновников в решении вопросов, связанных с этноконфессиональной жизнью Дальнего Востока России. Нарушение ими принципа равенства всех религий перед законом, ориентация на сотрудничество только с одной христианской конфессией – православием – приводит к неблагоприятным последствиям. Проявляет себя социологическая закономерность: чем больше поддерживается РПЦ (МП) в регионе, тем сильнее радикализуется местная мусульманская умма, которая пополняется молодыми неопитами славянского происхождения, готовыми воевать в любой части мира за создание и ценности исламского государства. В Приморском крае ряд молодых мусульман-неопитов славянского происхождения за пропаганду экстремизма и религиозной нетерпимости, а также готовность к боевым действиям были привлечены в 2013–2014 гг. к уголовной ответственности. Складывающаяся ситуация вызывает особую тревогу в связи с высокой геополитической значимостью Дальнего Востока для Российской Федерации.

Нам представляется, что в борьбе за сохранение российской идентичности, христианских ценностей властным структурам необходимо опираться не только на опыт РПЦ, но и на опыт дальневосточных протестантских церквей: баптистов, адвентистов, евангельских христиан, христиан веры евангельской. Эти Церкви изначально формировались как общины и группы русского протестантизма, самостоятельного и самобытного явления, в общинах которого всегда культивировалась любовь и преданность к своему земному Отечеству.

Еще одна особенность религиозного пространства российского Дальнего Востока – значительное число незарегистрированных групп различных вероисповеданий, что не противоречит действующему законодательству. Основываясь на данных, которыми располагают сотрудники отделов по связям с общественными и религиозными организациями краев и областей Дальнего Востока, можно предположить, что их приблизительно столько же, сколько и зарегистрированных, или немногим больше. Подавляющее большинство религиозных групп представляют собой так называемые «новые религии» или «новые религиозные движения». Некоторые из них зарегистрировались как общественные организации. Это муниты, саентологи, последователи Трансцендентальной Медитации, Ананда Марг, Порфирия Иванова и др. Большая же часть действует без организации юридического лица. В Приморском и Хабаровском краях конфессиональное разнообразие подобных новообразований значительно и включает в себя 20–30 наименований.

На Дальнем Востоке России сложилась конфессиональная ситуация, значительно отличающаяся от других регионов страны.

Во-первых, в многонациональном и поликонфессиональном дальневосточном регионе, где процесс «религиозного возрождения» сопровождался конфликтами ряда конфессий с органами власти и напряженными межконфессиональными отношениями, религия способствует самоидентификации религиозно-этнической группы, ее интеграции и сплочению перед лицом господствующей социальной группы, исповедующей другую религию (православие): поляки – католики, немцы – лютеране, татары – мусульмане, евреи – иудеи и др. В регионе, где проживают представители более 120 народов, конфессиональная самоидентификация способствует как сохранению национальной самобытности, так и поиску основ межконфессионального и межэтнического диалога. В российском обществе нарушение принципов светскости государства и равенства религий перед законом, попытки достичь национального согласия на основе ценностей одной конфессии чреваты углублением раскола, появлением конфликтов на этно-религиозной почве. Если вероисповедная политика государства не претерпит определенных изменений, то эти процессы будут углубляться, особенно в таких многонациональных и поликонфессиональных регионах как Дальний Восток, и вполне могут привести к глобальному межрелигиозному конфликту.

Во-вторых, религиозная ситуация в регионе определяется несколькими тенденциями: а) благодаря усиленной поддержке государственных органов активизируется деятельность РПЦ (МП), особенно в сфере школьного образования, вооруженных сил и финансово-имущественных отношений с государством; б) несмотря на нежелание органов власти признавать за ними статус «традиционных для региона религий», прочные позиции продолжают занимать на Дальнем Востоке протестантские церкви, что связано не столько с финансовой поддержкой зарубежных религиозных центров, сколько с наличием значительного опыта деятельности в неблагоприятных условиях, полученного еще в годы советской власти; в) определенную опасность для сохранения межконфессиональной и межэтнической стабильности в регионе представляет усиливающийся процесс исламизации: увеличение доли мусульман в общем составе населения и отсутствие сбалансированной вероисповедной политики региональных властей, учитывающей значительный рост в дальневосточной мусульманской умме представителей среднеазиатской уммы; г) под влиянием зарубежных религиозных центров происходит некоторый всплеск деятельности новых религиозных движений, интерес к которым у

дальневосточников упал после принятия Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Это подтверждается возникновением и распространением на территории российского Дальнего Востока все новых групп и учений, которые в специфической форме удовлетворяют духовные потребности населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асташова Н.М. Закон о религии и религиозные организации в Амурской области (1918–2000 гг.) // Приамурье на рубеже веков. Тезисы докладов региональной научно-практической конференции 22-24 октября 2000 г. Благовещенск, 2001. С. 97-102.
- Второй Съезд евангельских Церквей Приморского края. Сборник докладов. Владивосток, 2003. 43 с.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50.
- Дмитренко А.В. Религиозная ситуация и особенности государственно-конфессиональных отношений в Приморье в начале XXI века // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002. С. 10-17.
- Дударёнок С.М. Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX – XX веке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 368-397.
- Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX-XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 596 с.: ил.
- Дударенко С.М., Сердюк М.Б. Очерк религиозной ситуации в Приморье // Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции 19-21 апреля 2000 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 200-206.
- Заря Амура. 2000. 20 марта; 23 августа; 15 сентября; 30 сентября.
- Мусульмане Владивостока просят у губернатора мечеть и кладбище // URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2015/01/16/130987/> (дата обращения 12.02.2015)
- Назарова Е.Ф. Обзор источников по истории возрождения Русской Православной Церкви на Сахалине и Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 2000. № 1. С.115-143.
- Никульников В.А., Свищев М.П. Конфессиональная ситуация в Хабаровском крае. История и современность // Общественно-политическая и религиозная ситуация в Хабаровском крае. Методика. Информация. Политика. Хабаровск, 2001. № 2(35). С. 46-106.
- Обращение духовенства Хабаровской епархии к главам администрации районов Хабаровского края и Еврейской автономной области, православным христианам и всем гражданам // Текущий архив Администрации Хабаровского края.
- Омелянчук С.Н. Развитие миссионерского движения в Приморском крае // Второй съезд Евангельских Церквей Приморского края. Сборник докладов. Владивосток, 2003. С. 26-30.
- Основы социального учения Церкви Адвентистов Седьмого Дня России. М.: Изд-во «Источник жизни», 2009. 288 с.
- Основы социальной концепции Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской. М.: «Эхад Инк», 2002. 16 с.

- Пятый съезд евангелических церквей Приморского края. Сборник докладов. Владивосток, 2009. 24 с.
- Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. 2-е изд., исп. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2006. 848 с.
- Социальная позиция Протестантских Церквей России. М: ОАО «Типография Новости», 2009. 79 с.
- Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Амурской области (ТАОСОРОА АО). Аналитический отчет о религиозной обстановке в Амурской области.
- Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М., 2000. 217 с.
- Центр хранения современных документов Магаданской области. Ф. 21. Оп. 41. Д. 1.
- Четвертый съезд евангелических церквей Приморского края. Сборник докладов. Владивосток, 2007. 32 с.

REFERENCES

- Astakhova N.M. Zakon o religii i religioznye organizacii v Amurskoj oblasti (1918–2000 gg.) // Priamur'e na rubezhe vekov. Tezisy dokladov regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii 22-24 oktjabrja 2000 g. Blagoveshhensk, 2001. S. 97-102.
- Vtoroj S#ezd evangel'skih Cerkvej Primorskogo kraja. Sbornik dokladov. Vladi-vostok, 2002. 43 s.
- Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja (GANK). F. 1359. Op. 3. D. 50.
- Dmitrenko A.V. Religioznaja situacija i osobennosti gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Primor'e v nachale XXI veka // Mezkhkonnessional'nye otnoshenija na Dal'nem Vostoke Rossii na rubezhe tysjacheletij. – Vladivostok, 2002. S. 10-17.
- Dudarjonok S.M. Religija, cerkov', verujushhie na rossijskom Dal'nem Vostoke v konce XIX – XX veke // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 368-397.
- Dudarjonok S.M., Serdjuk M.B. Istorija protestantskih cerkvej Primorskogo kraja (XIX-XX vv.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. 596 s.: il.
- Dudarenok S.M., Serdjuk M.B. Oчерk religioznoj situacii v Primor'e // Hristi-anstvo na Dal'nem Vostoke. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 19-21 aprelja 2000 goda. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2000. S. 200-206.
- Zarja Amura. 2000. 20 marta; 23 avgusta; 15 sentjabrja; 30 sentjabrja.
- Musul'mane Vladivostoka prosjat u gubernatora mechet' i kladbishhe // URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2015/01/16/130987/> (data obrashhenija 12.02.2015)
- Nazarova E.F. Obzor istochnikov po istorii vozrozhdenija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi na Sahaline i Kuril'skih ostrovah // Kraevedcheskij bjulleten'. Problemy istorii Sahalina, Kuril i sopredel'nyh territorij. Juzhno-Sahalinsk, 2000. № 1. S. 115-143.
- Nikul'nikov V.A., Svishhev M.P. Konfessional'naja situacija v Habarovskom krae. Istorija i sovremennost' // Obshhestvenno-politicheskaja i religioznaja situacija v Habarovskom krae. Metodika. Informacija. Politika. Habarovsk, 2001. № 2(35). S. 46-106.
- Obrashhenie duhovenstva Habarovskoj eparhii k glavam administracii rajonov Habarovskogo kraja i Evrejskoj avtonomnoj oblasti, pravoslavnyim hristianam i vsem grazhdanam. // Tekushhij arhiv Administracii Habarovskogo kraja.
- Omeljanchuk S.N. Razvitie missiionerskogo dvizhenija v Primorskom krae // Vtoroj s#ezd Evangel'skih Cerkvej Primorskogo kraja. Sbornik dokladov. Vladivostok, 2003. S. 26-30.

- Osnovy social'nogo uchenija Cerkvi Adventistov Sed'mogo Dnja Rossii. M: Izd-vo «Istochnik zhizni», 2009. 288 s.
- Osnovy social'noj koncepcii Rossijskogo Ob#edinennogo Sojuza Hristian Very Evangel'skoj. M.: «Jehad Ink», 2002. 16 s.
- Pjatyj s#ezd evangelicheskikh cerkvej Primorskogo kraja. Sbornik dokladov. Vladivostok, 2009. 24 s.
- Religioznye ob#edenenija. Svoboda sovesti i veroispovedanija. Religiovedcheskaja jekspertiza. Normativnye akty. Sudebnaja praktika. Zakljuchenie jekspertov / Sost. i obshh. red. A.V. Pchelinceva i V.V. Rjahovskogo. 2-e izd., isp. i dop. M.: ID «Jurisprudencija», 2006. 848 s.
- Social'naja pozicija Protestantских Cerkvej Rossii. M: «Типография Novosti», 2009. 79 s.
- Tekushhij arhiv otdela po svjazjam s obshhestvennymi i religioznymi organizacijami administracii Amurskoj oblasti (TAOSOROA AO). Analiticheskij otchet o religioznoj obstanovke v Amurskoj oblasti.
- Trifimchuk N.A., Svishev M.P. Jekspansija. M., 2000. 217 s.
- Centr hranenija sovremennyh dokumentov Magadanskoj oblasti. F. 21. Op. 41. D. 1.
- Chevertyj s#ezd evangelicheskikh cerkvej Primorskogo kraja. Sbornik dokladov. Vladivostok, 2007. 32 s.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, профессор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток); dudarenoksv@gmail.com

Formation and development of religious space of the Far East in the post-Soviet period

The article is devoted to consideration of processes occurring in the religious life of the Russian Far East from mid 1980s to the first decade of the 21st century. It examines the peculiarities of formation and development of the modern confessional presence of the Russian Far East; as well as takes a closer look at negative impact of the 1990s reform of the Russian society and the unbalanced policy of the Federal Centre. Special attention is paid to the activities of various religious faiths, the revival of their structures, the relationship with the authorities and with each other. The article also covers the role of foreign missionaries in the revival and strengthening of the Protestant tradition in the region and the consecration of religious publications in a number of regional mass media.

Keywords: religion, the church, the faith, the Russian Far East, foreign missionaries, religious organization, conflict, religion, religious politics.

Svetlana Dudarenok, Dr.Sc. (History), Professor, School of Humanities, Far East Federal University (Vladivostok); dudarenoksv@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. В. АЛЕКСЕЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ШАБЛОН ИЛИ РЕАЛИИ? (ДВА ПРИМЕРА ИЗ ЖИТИЙ СВЯТОСАВСКОГО ЦИКЛА)¹

Статья посвящена проблеме соотношения «литературных шаблонов» средневековой литературы и исторической реальности. Вопрос рассматривается на примере двух эпизодов из сербских Житий св. Савы, созданных в XIII в. Оба эпизода, представляющиеся обычно современной наукой как характерные примеры агиографического стереотипа, по мнению автора, не могут быть оценены столь однозначно.

Ключевые слова: *средневековье, источниковедение, агиография, Сербия, средневековая литература, Жития св. Савы, литературные стереотипы.*

Одной из наиболее часто поднимаемых проблем восприятия современным специалистом средневековой реальности является господство в литературе средневековья устойчивых «шаблонов» описания факта. При этом «трафарет», с помощью которого описывается окружающая и минувшая действительность, по распространенному мнению, вполне мог замещать собой факт. Средневековый писатель при этом воспринимается почти как «играющий в текст», как создающий из библейских парафраз и цитаций предшественников некую новую идеальную реальность, руководствуясь собственными литературными и философско-богословскими соображениями. Результат его деятельности, естественно, не может при этом восприниматься современным специалистом как тождественный «первичному миру».

Данная точка зрения, без сомнения, имеет свои основания. Средневековый автор, создавая историческое повествование, действительно старался «приблизить» описываемую реальность к священной истории. Это давало ему возможность продемонстрировать промыслительное измерение исторического процесса – в том числе в конкретных политических целях. Примеров тому приводилось в науке немало, в том числе из древнерусской словесности². Однако для интерпретируемого через «шаблон» события в большинстве случаев отыскивается вполне соот-

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Памятники сербской средневековой историографии XII–XVII вв.: перевод и исследование», № 13-01-00118а).

² См., например: Петрухин 2006, Плотникова 2008.

ветствующая или не противоречащая данным иных источников историческая основа. Средневековый литературный этикет не творил новую небывалую историю, а прилагался к реальной.

Наиболее «трафаретным» из повествовательных жанров средневековой литературы считаются жития святых. Основания для этого также есть, и весьма веские. Не берясь опровергнуть саму концепцию создания многих известных житий из «общих мест», представим в настоящей статье только два примера, на первый взгляд, вполне типичных «общих мест». Источник – Жития первого сербского архиепископа, св. Савы Неманича (ум. 1236), созданные в XIII в. в монастыре Хиландар Доментианом и Феодосием. Представляется, что приводимые примеры демонстрируют две достаточно типичных «ловушки» для исследователя, просеивающего житийный материал по принципу «шаблонности».

Проданный архиепископ

В «Житии святого Савы» Доментиан при описании возвращения архиепископа через Афон из восточного паломничества в 1230 г. отмечает: «И оставшиеся из тех святых мужей на Святой Горе говорили мне, будучи самовидцами преславных дел его, что ангелом земным и небесным человеком именовали его». Среди прочего: «Другой раз, когда Божьим промыслом бывал во граде и оскудевало у него требующееся на раздачу убогим, то повелевал одному из служащих ему: “Веди меня на торг и продай меня за золото”. И многожды был продан, уподобившись Владыке своему, проданному его ради, поруганному и по ланитам ударенному, а собою купленное опять подавал неимущим»³.

Этот мотив неоднократно разобран на материалах еще византийской агиографии. Он в гораздо более развернутом виде отмечен во вставном повествовании о св. Петре Мыгаре из Жития св. Иоанна Милостивого. Естественно, что в современной науке утвердилось представление о фольклорном и «шаблонном» характере этого мотива⁴. И это, конечно, не единственный аргумент против реальности описанной Доментианом ситуации. Маловероятно, например, чтобы архиепископ Сербии был «многожды» продаваем в качестве раба на торгу Фессалоники. Если бы в первый раз он и остался неузнанным, успешное повторение такой операции маловероятно. К тому же юридически, даже в политическом хаосе XIII в., речь для покупателя шла о прямом нарушении закона.

Однако есть и некоторые аргументы, побуждающие усомниться в однозначности решения вопроса. Прежде всего, Доментиан лично знал

³ Доментијан 1865. С. 279–280.

⁴ См., например: Византийские легенды 1994. С. 248–249.

Саву, будучи одним из последних его учеников, и занимал высокое положение в афонской монашеской иерархии как духовник монастыря Хиландар. Он общался со многими свидетелями жизненного пути учителя и, очевидно, записывал их рассказы. Примеров благочестия Савы он приводит немало, причем выглядящих гораздо достовернее. Добавление этого странного, краткого и для сербской агиографии вовсе не «шаблонного» рассказа (ни одного случая повторения!) выглядит нелогично.

Далее, как и во многих случаях критики литературных «шаблонов», следовало бы взять в расчет историко-психологический фактор. Здесь – очевидный факт знакомства средневекового образованного человека с этими самыми «шаблонами». Сава ушел на Афон в юном возрасте, против воли родителей, и большую часть жизни посвятил строжайшей аскезе. С другой стороны, еще в Сербии и после в афонских монастырях он получил достаточно внушительное образование, отразившееся в его литературном и каноническом творчестве. Не стоит сомневаться в том, что историю св. Петра Мытаря он знал – как и массу других благочестивых аскетических примеров, которым целенаправленно следовал. На самом деле нет достаточных оснований думать, что речь идет о введении «шаблона» агиографом, а не о поведении по «шаблону» его героя.

Была бы успешной попытка такого подражания? Из контекста рассказа Доментиана (упоминание об «одном из служащих») можно было бы заключить, что речь идет о жизни Савы на Афоне уже в архиепископском сане. Но на самом деле приурочивать эпизод(ы?) к довольно кратким пребываниям архиепископа на Афоне нет оснований. Речь о рассказах Доментиану старших подвижников, знавших Саву еще монахом и настоятелем на самой Святой Горе. Сава был довольно известен в Фессалонике, и вряд ли ему удалось бы продать себя «многожды». Но если дело было до обретения им архиепископского сана, в 1217–1219 гг., или еще до первого его возвращения в Сербию (1208), то ситуация несколько меняется. Город с 1206 по 1224 г. находился в руках завоевателей-латинян, и византийское право в нем не действовало, что также следует учитывать.

Итак, при ближайшем рассмотрении описанный «трафаретный» эпизод уже не выглядит столь очевидным вымыслом. Он может являться таковым – но может быть и не менее вероятным примером подражания исторического персонажа известному ему литературному образцу.

Эпирская Далида

Во втором «Житии святого Савы», написанном в конце XIII в. Феодосием Хиландарцем, содержится следующий рассказ о свержении в 1233 г. короля Радослава, племянника святого: «Ненавидящий же изна-

чально добро враг людей, дьявол, непокорством вооружил младшего брата на старейшего, – то есть Владислава на благочестивого Радослава-короля воздвиг. Ибо благочестивый Радослав-король, сперва во всем достойный похвал и изящнейший, после покорился жене, от которой и повредился умом; властели, негодуя из-за несостоятельности его ума, от него отступили и приложились к младшему брату его Владиславу; когда же начались между братьями ненависть и гонение за горькую славу королевства, святой много молил их о замирении и запрещал им, а не сумев никак их примирить, сказал: “Если от Бога вы действуете, воля Господня да будет”. И вот король Радослав, изгнанный, в Драч-град прибегает. На зависть была красива лицом жена его, и немного дней спустя злонравной той и лукавой жены лишился, – второй Далидой, как первая у Самсона, так и эта своему прекрасному господину окаянной оказалась; захотелось ведь фругу великому, который обладал градом, ее у него отнять, и вконец его убить устремился; смертоносного же меча избежав, названный Радослав, изгнанный из королевства и лишенный жены, в совершенном недоумении к святому архиепископу как к своему отцу прибегает; святой же, приняв его с радостною душою, скорби его от брата и от лукавой жены вдоволь утешив, пожелал вражду брата с ним прекратить, – ангельским и иноческим образом его украсив, вместо Радослава именем Иоанн-монах его поименовав⁵.

Этот эпизод не восходит к «Житию» Доментиана и в то же время передает подлинные исторические события. О свержении Радослава Владиславом свидетельствуют документальные источники⁶. Правда, некоторые детали расходятся с повествованием Феодосия: так, Радослав бежал, по крайней мере вначале, не в Диррахий, а в Дубровник. Главная же «деталь», которую опускает агиограф (возможно, из сербского патриотизма) – свержение Радослава произошло в результате вторжения болгарского царя Ивана Асеня II. Последний, разгромив тестя Радослава, эпирского царя Федора Комнина-Дуки, на Клокотнице в 1230 г., обратил оружие против Сербии. Здесь он вступил в союз с мятежным братом короля, Владиславом, за которого тогда или после выдал собственную дочь. «Повреждение умом» Радослава заключалось в том, что он поддерживал греческого тестя против победоносного болгарского соседа. В этом, конечно, сербская властела винила королеву-гречанку. Однако, при всех особенностях изложения, в целом сведения Феодосия подтверждаются другими источниками. Тем не менее, повествование «Жития»

⁵ Живот 1860. С. 177–178.

⁶ Зборник 2011. С. 129–138.

было подвергнуто сомнению именно в той части, где рисуется негативный образ королевы. Сюжет стал рассматриваться как типичная средневековая история о «женской злобе», вставленная сочинившим ее агиографом в рассказ о подлинных событиях. Указывается, что королева приняла постриг вместе с королем или вскоре после него; на то, что «фруги»-латиняне в 1233 г. не владели Диррахием⁷.

Однако это тот случай, когда суждения о «шаблонности» носят несколько поспешный характер. Типичность некоего мотива для средневековой литературы не означает его вымышленности в каждом конкретном примере. Прежде всего, для сербской оригинальной литературы истории о «женской злобе» вовсе нетипичны. Собственно, таких «историй» всего две: эта и изложенная болгаринном Григорием Цамблаком (начало XV в.) в житии сербского короля Стефана Дечанского история клеветы на него мачехи, византийской царевны Симониды. Можно отметить, что в «Летописи попа Дуклянина», сохранившейся в латинском переводе и неизвестной сербским агиографам, имеется рассказ о жившей в XI в. королеве-злодейке Яквинте, итальянке по происхождению.

С другой стороны, совершенно типичен для сербской средневековой литературы образ «святой жены». Это, прежде всего, имеющие собственные жития святые королева Елена (XIV в.) и деспотица Ангелина (XVI в.), а также жена павшего на Косове князя Лазаря Милица-Евгения. Далее же – большое число почитаемых «святых жен» второго ряда, начиная с матери св. Савы Анны-Анастасии и кончая женой турецкого султана «царицей» Марой Бранковной. Итак, в сербском культурном контексте что-то «типичное» в истории жены Радослава найти трудно.

Упоминание библейской Далиды не только не подтверждает литературной «шаблонности» сюжета, но скорее подчеркивает ее отсутствие. Дело в том, что во всех оригинальных произведениях сербской повествовательной литературы средневековья Далида упоминается лишь трижды. Первое упоминание – у Феодосия; два других – у опирающихся на него при изложении истории Радослава двух сербских летописцев XIV и XVII вв.⁸ В последнем случае непосредственным источником послужил Русский Хронограф, восходящий здесь к тому же Феодосию. Итак, и данная библейская параллель для сербской литературы типичной не является. Это, безусловно, не значит, что начитанный, сознательно подражавший создателям греческих «житийных романов» метафрастовской традиции Феодосий не мог занимательности ради измыслить подобный

⁷ Laskaris 1997. S. 51–52.

⁸ Стојановић 1927. С.68–71, 203.

сюжет. Однако это заставляет задуматься о том, какие основания имеются считать сюжет измышленным. В данном случае основания практически отсутствуют. Принятие королевой монашеского пострига после описанной Феодосием ситуации вполне возможно и по-своему логично. Оно не может служить аргументом ни за, ни против ее историчности.

Что касается «франкского» правителя в Диррахии, то Феодосий всего лишь экстраполировал в прошлое ситуацию своего времени. Он вводит в сербскую традицию сведения о целом ряде подтвержденных другими источниками исторических фактов (помимо свержения Радослава – смерть болгарского царя Калояна, битва на Клокотнице), что свидетельствует о его неплохой исторической осведомленности, будь то из письменных или устных источников. Однако вероятное превалирование последних приводит к частным ошибкам. Так, Феодосий считает, что при поставлении Савы архиепископом Константинополем еще владели греки, в паре мест путает никейского императора Феодора Ласкаря с эфирским Феодором Комнином-Дукой. К такого рода ошибкам относится и характеристика правителя Диррахия как «великого фруга». Но нет никаких оснований предполагать, что Феодосий не передал добросовестно или относительно добросовестно дошедшую до него традицию о судьбе Радослава. Нет никаких оснований и вычленять рассказ о королеве-«Далиде» из достоверного повествования о свержении ее мужа.

Рассмотренные агиографические сюжеты, как уже сказано, демонстрируют две возможных ошибки при анализе «шаблонных» на первый взгляд ситуаций. В первом случае мы имеем вероятность следования самого описываемого исторического лица литературному «шаблону» в реальном поведении. Эта возможность чаще всего не учитывается при анализе ситуаций такого рода. Второй случай более специфичен, но аналогичные тоже встречаются довольно часто. Это пример некоторого предубеждения к средневековому памятнику, когда представления о «предрассудках» его создателей сами оборачиваются своеобразным научным предрассудком. В обоих случаях, как было показано, однозначные умозаключения в пользу неисторичности и «шаблонности» описываемого могут оказаться необоснованными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Византийские легенды / Изд. подг. С.В. Полякова. М.: Ладомир, 1994. 304 с.
Доментијан. Живот светого Симеуна и светого Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1865. XIX+345 с.
Живот светого Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1860. VII+219 с.
Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника. Кн. 1. Београд: Историјски институт, 2011. 652 с.

- Петрухин В.Я.* Иеротопия Русской земли и начальное летописание // Иеротопия: создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 480–488.
- Плотникова О.А.* Сакральный образ князя Владимира в системе средневекового «литературного этикета» // Информац. гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. №6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Plotnikova/>
- Стојановић, Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци: Српска Краљевска академија, 1927. CVIII + 382 с.
- Laskaris M.* Vizantijske princeze u srednjevekovnoj Srbiji: prilog istoriji vizantijskosrpskih odnosa od kraja XII do sredine XV v. Beograd: Pešić i sinovi, 1997. 160 s.

REFERENCES

- Vizantijskie legendy / Izd. podg. S.V. Poljakova. M.: Ladomir, 1994. 304 s.
- Domentijan. Zhivot svetoga Simeuna i svetoga Save / Izd. D. Danichich. Biograd, 1865. XIX+345 s.
- Zhivot svetoga Save / D. Danichich. Biograd, 1860. VII+219 s.
- Zbornik srednjovekovnih cirilichkih povelja i pisama Srbije, Bosne i Dubrovnika. Kn. 1. Beograd: Istorijski institut, 2011. 652 s.
- Petruhin V.J. Ierotopija Russkoj zemli i nachal'noe letopisanie // Ierotopija: sozdanie sakral'nyh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi. M.: Indrik, 2006. S.480–488.
- Plotnikova O.A. Sakral'nyj obraz knjazja Vladimira v sisteme sred-nevekovogo «literaturnogo jetiketa» // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2008. №6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Plotnikova/>
- Stojanovich, L. Stari srpski rodoslovi i letopisi. Beograd; Sremski Karlovci: Srpska Kraljevska akademija, 1927. CVIII + 382 s.
- Laskaris M. Vizantijske princeze u srednjevekovnoj Srbiji: prilog istoriji vi-zantijskosrpskih odnosa od kraja XII do sredine XV v. Beograd: Pešić i sinovi, 1997. 160 s.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-Просветительского общества «Радетель»; ipo1972@mail.ru

Medieval literary topoi, or reality? Two examples from the Lives of the cycle of St Sava

The article deals with the relation of "literary templates" of medieval literature to historical reality. The question is considered on the example of two episodes from the Serbian Vitae of St. Sava, written in the 13th century. Both episodes, viewed commonly in modern science as the typical examples of hagiographic stereotype, according to the author, cannot be assessed so straightforward.

Keywords: Middle Age, source, hagiography, Serbia, medieval literature, Vitae of St. Sava, literary stereotypes.

Sergey Alekseev, D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of History of the Moscow University for the Humanities, Chairman of the Historic-Educational Society "Radetel"; ipo1972@mail.ru

А. А. ПАЛАМАРЧУК

ПЛОДОТВОРНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ? СПОР Ф.У. МЕЙТЛЕНДА И У. СТАББСА О РОЛИ ЦИВИЛЬНОГО ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ¹

До конца XIX столетия история гражданского права в Англии и роль цивилистов в правовом и политическом развитии страны практически игнорировалась историками. Благодаря решающему влиянию административных реформ 1850-х гг. возрос общественный интерес к деятельности институтов гражданского права. Исследовательская и публикационная деятельность Ф.У. Мейтленда открыла путь к ревизии оценок роли цивилистов и канонистов в формировании английской административно-правовой системы. Заимствования первых теоретиков английского права из континентальной цивилистской и канонической традиций были им впервые отмечены и не получили негативной оценки. Оппонент Мейтленда, У. Стаббс, апологет англиканской идеи, позитивно оценивая вклад канонистов в складывание английского права, отстаивал его сугубо национальную суть.

Ключевые слова: *гражданское право, каноническое право, Ф.У. Мейтленд, У. Стаббс, Англия, историография.*

История гражданского права в Англии, история функционирования судебно-административных институтов, в которых практиковали цивилисты, и самого профессионального сообщества – «Общины докторов» до сего дня остается одним из самых малоизученных сюжетов британского прошлого. Историографическая ситуация продолжает испытывать на себе влияние ряда установок и стереотипов, сложившихся в период соперничества профессиональных корпораций юристов общего и гражданского права в первой трети XVII в. и закрепившихся позднее в ходе противостояния между короной и парламентом в годы Великого мятежа. Лишь во второй половине XIX в. темы, связанные с гражданским правом, вновь привлекли внимание ученых и поставили перед ними ряд вопросов, которые остаются открытыми и сегодня.

XIX век, период становления истории как научной дисциплины, в английской исторической литературе был отмечен повышенным интересом к событиям Великого мятежа 1640-х гг. и его причинам. Не в последнюю очередь проблемы гражданской войны рассматривались в правовой плоскости. Вновь распространилась и приобрела новую акту-

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-01-00214 «Западно-европейское историописание в XVII в.: методологические искания и социально-культурная специфика».

альность концепция, предложенная полутора столетиями ранее юристами общего права: именно развитие правовых идей, направленных на ограничение деспотического правления Стюартов, явилось двигателем конфликта, целью которого было оградить англичан от произвола и самовластия, опиравшегося на прерогативу и гражданское право. Поэтому XIX столетие, отмеченное доминированием вигской историографии, практически полностью игнорировало гражданское право в качестве темы исторических исследований. Цивилисты и их идеи получали от вигских историографов однозначно негативную оценку, присутствие цивилистов на политической сцене и в административно-правовой системе практически игнорировалось.

Однако благодаря развернувшимся в середине XIX в. реформам судебно-административной системы институты гражданского права и права справедливости стали объектом пристального внимания в английском обществе. Реформирование административно-правовых институтов в 1850-е гг. (1857 – Акт о суде по завещаниям, ликвидировавший юрисдикцию церковных судов в вопросах наследования имущества; 1857 – Акт о брачных тяжбах, дававший возможность рассматривать дела о расторжении или действительности брака в судах общего права; 1859 – Акт о Высшем суде Адмиралтейства, открывавший доступ юристам общего права в данный трибунал; акты, реформировавшие Канцлерский суд: 1854 – Акт о процедуре общего права; 1858 – Акт об исправлении Канцлерского суда; наконец, 1857 – Акт о Верховном суде, упразднивший Канцлерский суд) повлекло за собой полемику о возможном ходе реформ, способах их воплощения и последствиях. Впрочем, сюжеты, связанные с деятельностью Общины докторов и судов гражданского права, были предметом дискуссии не столько для профессиональных историков, сколько для юристов-практиков, задействованных в реализации перечисленных выше преобразований.

В связи с подготовкой и осуществлением реформ были впервые за долгое время предприняты критические публикации источников, относившихся к цивилистским «институциональным монополиям». Джозеф Филимор (1775–1855), доктор гражданского права, с 1809 г. профессор Королевской кафедры гражданского права в Лондоне, дипломат и политик, опубликовал «Отчеты» о делах, слушавшихся в церковных судах и в суде Делегатов с первой половины XVIII в. и в первые два десятилетия XIX в.² Филимор опубликовал только избранные «отчеты» – по его собственным словам, дабы продемонстрировать наиболее интересные и от-

² Philimore 1818–27.

личающиеся от нормы разбирательства. Издание было ориентировано прежде всего не на практикующих цивилистов, которым данные материалы были доступны в полном объеме в библиотеке Общины докторов, а на более широкий круг юристов общего права и парламентариев.

Третий сын Джозефа, сэр Роберт Филимор (1810–1885), пошел по стопам отца и сделал, пожалуй, еще более завидную политическую и юридическую карьеру. Близкий друг Уильяма Гладстона, сэр Роберт Филимор участвовал практически во всех важных разбирательствах высших церковных судов и в Адмиралтейском суде, став последним его главой перед упразднением в 1862 г.; кроме того, он последовательно занимал ряд ключевых должностей в церковной администрации и в структуре Адмиралтейства. В 1867 г. он был назначен членом Тайного совета. Как и его отец, сэр Роберт опубликовал серию работ, наиболее фундаментальная из которых посвящена каноническому праву³ Англиканской Церкви. Несмотря на то, что сочинение было ориентировано на практические нужды церковной жизни, оно имело отчетливую историческую и в каком-то смысле антикварную окраску, предоставляя информацию о происхождении и развитии юрисдикции церковных судов и связанных с ними должностных лиц. В «Комментариях на международное право» Филимор освещает некоторые аспекты функционирования Адмиралтейства. Небольшое сочинение под названием «Изучение гражданского и канонического права в связи с государством, Церковью и университетами» стало жизненно необходимой в период реформирования английской правовой системы апологией как самого гражданского права, так и его институтов⁴. Несмотря на обзорный и полемический характер текста, Филимор представляет читателю очень важную в контексте изучаемой темы идею: отдавая должное роли общего права в истории формирования основ британского общества, он показывает, что гражданское право уже начиная с классического Средневековья было неотъемлемой частью английской административно-правовой системы, а его теории и практики оказывали мощное влияние как на политическую, так и на интеллектуальную жизнь королевства.

Говоря о видении гражданского права английским обществом в XIX столетии, нельзя не упомянуть человека, который не был ни юристом, ни историком, однако хорошо знакомые нам картины и образы Англии

³ Philimore R. The Ecclesiastical Law of the Church of England. In 2 vols. London: H. Sweet and Sons. 1873.

⁴ Philimore R. The Study of the Civil and Canon Law considered in its relation to the State, the Church and the Universities. London: S. Sweet. 1843.

1840–1860 гг. сложились именно благодаря его творчеству. Практически во всех своих романах Чарльз Диккенс заставлял своих героев попадать под «колеса английского правосудия», которое, по его мнению, остро нуждалось в реформе. Эпизоды, связанные с судебной волокитой и взяточничеством адвокатов и судей, гнетущей атмосферой судебных процессов и тюрем, формировали крайне негативное отношение к юристам: при этом особенно Диккенс недолго любил именно «аристократов»-цивилистов⁵. Интересно отметить, что в северной части королевства сэр Вальтер Скотт выводил в своих романах юристов и законников преимущественно положительными героями, одновременно рисуя их образы с немалой долей юмора. Впрочем, речь шла о шотландских юристах и о шотландских же судах.

В сферу интересов британских *историков* проблематика гражданского права была включена несколькими десятилетиями позже благодаря деятельности Фредерика Уильяма Мейтленда (1850–1906).

В 1887 г. в Лондоне Мейтленд и его единомышленники-юристы под патронатом королевы Виктории основали Сэлденовское общество, названное так по имени выдающегося юриста и антиквара XVII в. Джона Сэлдена. Общество, активно действующее по сей день, было ориентировано на публикацию и изучение ранее неизвестных источников по истории английского права и отчасти повторяло принципы работы существовавшего во времена самого Сэлдена лондонского Антикварного общества. Ежегодно Сэлденовское общество публиковало и публикует отдельный том «Ежегодной серии», содержащий критическое издание одного или нескольких источников. Позднее началась публикация «Дополнительной серии». На данный момент Общество опубликовало в общей сложности 150 томов в нескольких сериях, значительно обогатив доступную источниковую базу для историков английского права.

Несомненно, более всего самого Мейтленда интересовала история общего права и период его становления. Однако в самом начале существования Сэлденовского общества ему удалось обратить внимание коллег на то, что для детального понимания процессов правовой истории необходимо учитывать не только те тексты, которые уже прочно утвердились в традиции в качестве основополагающих и наиболее (если не единственно) авторитетных (тексты Литтлтона, Кока и Блэкстона, «Отчеты» судей общего права и парламентские документы), но и источники «периферийные». Эта «периферия» включала документы провинциальных судов и провинциальной администрации, тексты трактатов англий-

⁵ Holdsworth 1995.

ских канонистов и документы, отражающие деятельность лондонских и провинциальных церковных судов, личные архивы юристов и т.д. Разумеется, в общем объеме публикаций Общества источники по истории гражданского и канонического права занимают меньшую часть, при этом интенсивность их издания была высока при жизни самого Мейтленда и несколько лет после его смерти, снизилась в середине XX века и снова выросла в последние несколько десятилетий, о чем будет сказано ниже.

Помимо интереса к источникам, ранее не включавшимся в научный оборот, Мейтленд высказал мысль, которая великому Эдварду Коку и длинной череде его последователей показалась бы по меньшей мере еретической. Именно рассмотрение «периферийной области», исторического и интеллектуального контекста эпохи, когда были написаны первые английские юридические и политико-правовые трактаты – тексты Гланвилла и Брактона – привело его к убеждению, что истоки общего права нельзя ограничивать исключительно национальной английской традицией. Мейтленд указал на очевидный факт, ранее парадоксальным образом игнорируемый вигской историографией: клирик Брактон в силу самого своего духовного звания и соответствующего образования не мог не испытывать сильного влияния римского канонического и гражданского права⁶. Соответствиям и параллелям между текстами и идеями Брактона и континентальной школой глоссаторов, в частности, Ацо, Мейтленд посвятил отдельную работу, опубликованную Сэлденовским обществом⁷. В «Истории английского права перед воцарением Эдуарда I», написанной Мейтлендом и Фредериком Поллоком, а также в их совместной «Истории английского права»⁸ процесс рождения английского права, не сводящийся лишь к формированию институтов и процедуры общего права, предстает как сложный феномен, испытавший влияние как английской инсулярной специфики, так и идей, практик и интерпретаторских традиций континентального канонического и гражданского права. Таким образом, Мейтленду в большой мере удалось реабилитировать гражданское право, отведя ему подобающую роль в процессах развития английской правовой культуры.

Концепцию Мейтленда действительно можно считать отправной точкой в процессе ревизии оценок гражданского права в английской исто-

⁶ Bracton's note book 1887.

⁷ Select Passages from the Works of Bracton and Azo 1895.

⁸ Maitland, Pollock 1895. Детальный критический анализ историко-правовой концепции Мейтленда см. в научном переиздании «Истории английского права»: Pollock & Maitland History of English Law 1968. В российской историографии изучением наследия Мейтленда занимается Т.А. Сидорова. См.: Сидорова 2014.

риографии. Однако поскольку сэр Фредерик был прежде всего правоведом, предметом его изучения была, скорее, содержательная сторона права, нежели эволюция институтов. При всем огромном авторитете, которым пользовался Мейтленд как при жизни, так и после смерти, его воздействие на общий тон английской историографии было в данном отношении относительно ограниченным. Это произошло, вероятно, поскольку собственно правовая история в Англии долгое время была более тесно связана с прикладной стороной юридической науки, нежели с исторической наукой (политической, социальной историей, историей культуры). Тем более не подвергалась переоценке роль цивилистов в истории монархии Тюдоров и Стюартов. Впоследствии, уже в 1950–1960 гг., благодаря Дж. Элтону в историографии вновь утвердилось представление о тождественности общего права с «новаторскими» и, в целом, более динамичными тенденциями в обществе, во многом обеспечивавших воплощение «тюдоровской революции в управлении», в то время как цивилистам, как и прежде, отводилось привычное амплуа консерваторов.

Нашлись у Мейтленда и оппоненты, первым из которых стал один из основателей английской административной истории и по совместительству епископ Оксфорда Уильям Стаббс (1825–1901)⁹. Возражения Стаббса относились, в первую очередь, к тезису Мейтленда об определяющем влиянии римского канонического права на процессы становления английского права и английской церковно-политической мысли. В сущности, Стаббс возвращался к идее, сформулированной англиканскими теологами еще в XVI в.: это была идея исконной и сохранявшейся автономии развития английской Церкви в целом, и в частности – канонического права. Как остроумно резюмировал взгляды своего противника Мейтленд, «английская Церковь была протестантской до Реформации и католической – после нее»¹⁰. Развитие аргументов Стаббса означало, что английские доктора канонического и гражданского права, практиковавшие в церковных судах, не привносили в английское право губительные для нее чужеродные элементы, а напротив, будучи независимыми от «папистской» континентальной Европы, развивали преимущественно английские практики и, следовательно, не были пресловутым «чужеродным началом» в английских административно-правовых реалиях. Несмотря на то, что правота в данном споре принадлежала Мейтленду, а Стаббс, по понятным причинам, выступал в роли апологета англиканской идеи, епископ Оксфорда очень точно – хотя, возможно, помимо

⁹ Stubbs 1903.

¹⁰ Цит. по: Helmholz 1990. P. 4. Также см.: Donahue 1974.

собственного желания – определил то, как воспринимали свою историческую роль цивилисты конца XVI – середины XVII в.: правовая система, в рамках которой они существовали, представлялась им не просто исконно английской, но и национально ориентированной.

Полемика между Мейтлендом и Стаббсом перевела в научную плоскость спор, который для юристов общего и гражданского права в XVII в. был основополагающим: определялась ли специфика правового развития страны отделенностью от внешних заимствований и именно потому могла претендовать на статус «национальной», или же уникальность английской правовой культуры определялась возможностями адаптировать к инсулярным реалиям различные правовые системы и практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Сидорова Т.А.* Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. СПб: Алетейя. 2014. – 696 с.
- Bracton's note book / ed. by F.W. Maitland. In 3 vols. London: C.J. Clay and sons, 1887.
- Donahue Ch. Jr.* Stubbs vs. Maitland Re-examined after 75 years in the Light of some Records from the Church Courts // Michigan Law Review. N 72. 1974. P. 647-716.
- Helmholz R.H.* Roman Canon Law in Reformation England. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. – 236 p.
- Holdsworth W.S.* Charles Dickens as a Legal Historian. New Jersey: The Lawbook Exchange. 1995. – 166 p.
- Maitland F.W., Pollock F.* History of English Law before the Time of Edward I. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University press. 1895.
- Philimore J.* Reports of Cases argued and determined in the Ecclesiastical Courts at Doctors' Commons and in the High Court of Delegates... In 3 vols. London, 1818–27.
- Philimore R.* The Ecclesiastical Law of the Church of England. In 2 vols. London: H. Sweet and Sons. 1873.
- Philimore R.* The Study of the Civil and Canon Law considered in its relation to the State, the Church and the Universities. London: S. Sweet. 1843. – 75 p.
- Pollock&Maitland History of English Law. Reissued with a new introduction and select bibliography by S. F.C. Milsom. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press. 1968.
- Select Passages from the Works of Bracton and Azo / Ed. by F.W. Maitland. Publications of the Selden Society. Vol. 8. 1895. – 296 p.
- Stubbs W.* The Constitutional History of England in Its Origin and Development. Sixth Edition. In 3 vols. London: Clarendon Press. 1903.

БИБЛИОГРАФИЈА

- Sidorova T.A.* Frederik Uil'yam Meitlend i angliiskaya istoriografiya kritiche-skogo napravleniya. SPb: Aleteiya. 2014. – 696 s.
- Bracton's note book / ed. by F.W. Maitland. In 3 vols. London: C.J. Clay and sons, 1887.
- Donahue Ch. Jr.* Stubbs vs. Maitland Re-examined after 75 years in the Light of some Records from the Church Courts // Michigan Law Review. N 72. 1974. P. 647-716.
- Helmholz R.H.* Roman Canon Law in Reformation England. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. – 236 p.

- Holdsworth W.S. Charles Dickens as a Legal Historian. New Jersey: The Lawbook Exchange. 1995. – 166 p.
- Maitland F.W., Pollock F. History of English Law before the Time of Edward I. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University press. 1895.
- Philimore J. Reports of Cases argued and determined in the Ecclesiastical Courts at Doctors' Commons and in the High Court of Delegates... In 3 vols. London, 1818–27.
- Philimore R. The Ecclesiastical Law of the Church of England. In 2 vols. London: H. Sweet and Sons. 1873.
- Philimore R. The Study of the Civil and Canon Law considered in its relation to the State, the Church and the Universities. London: S. Sweet. 1843. – 75 p.
- Pollock&Maitland History of English Law. Reissued with a new introduction and select bibliography by S. F.C. Milsom. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press. 1968.
- Select Passages from the Works of Bracton and Azo / Ed. by F.W. Maitland. Publications of the Selden Society. Vol. 8. 1895. – 296 p.
- Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development. Sixth Edition. In 3 vols. London: Clarendon Press. 1903.

Паламарчук Анастасия Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель С.-Петербургского государственного университета; sir.henry.finch@gmail.com

Fruitful loan or national treasure?

F.W. Maitland, W. Stubbs and their polemics on civil law in Medieval England

Until the late 19th century both the history of Civil law and its institutions in England, and the contribution of civil lawyers to legal and political developments had been widely neglected. Due to the crucial administrative and legal reforms in the 1850s, public interest to the civil law institutions increased. With his research and publication work, F.W. Maitland was the first to reassess the significance of civilians and canonists in shaping the administrative and legal institutions of medieval England. His opponent, W. Stubbs similarly stressed the positive role of canonists and civilians in English legal history. Nevertheless, being an Anglican apologist, he insisted on the independency of English Canon law from continental ideas and stressed its exclusively national character.

Keywords: F.W. Maitland, W. Stubbs, Civil law, canon law, England, historiography.

Anastasia Palamarchuk, PhD in History, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University; sir.henry.finch@gmail.com

А. В. СИМОНОВ

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В БРИТАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется роль британской прессы в формировании имперского общественного сознания. На основе изучения общественно-политических публикаций в центральных, региональных и колониальных газетах и журналах раскрывается планомерная и успешная деятельность СМИ по внедрению в массовое сознание идеологием национальной исключительности и мессианского предназначения. Интерпретация в прессе событий внутри империи и на международной арене способствовала формированию образа врага и усиливала националистические настроения, в особенности, британский радикальный национализм, получивший название джингоизм. Вместе с тем, понятие «британская нация», вошедшее в политический и социокультурный обиход в период расцвета империи, подразумевало, что в иерархии идентичностей традиционный этнонационализм уступил высшие позиции британскому национальному самосознанию.

Ключевые слова: *империализм, идеология, идентичность, колониализм, нация, СМИ.*

Понятие *империализм* является производным от империй Нового времени, когда мощные европейские державы, создававшие в рамках своих границ современные нации-государства, активно и успешно захватывали обширные территории Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Успешная военная экспансия, колонизация, укрепление торговых приоритетов как среди нативных сообществ, так и в высокоразвитых цивилизациях и культурах Востока – все это обеспечивалось технологическим (в частности, милитаристским) и организационным превосходством европейцев. Одновременно империализм – это не только собственно процесс передела мира и формирования капиталистической мир-экономики: в не меньшей степени империализм подразумевает идеологическое содержание экспансионистской политики и сложение имперской ментальности в метрополии, включающей пренебрежительное отношение к странам и народам, подвергшимся колонизации. Конструирование империализма как национальной идентичности и исключительности наиболее очевидно было представлено в британской идеологии начиная со второй половины XIX века.

Пропаганда империализма как формы британского национализма проводилась по разнообразным каналам, включая систему образования и художественную культуру, однако наиболее постоянным и целенаправленным способом воспитания общественного сознания были

средства массовой информации, т.е. газеты и журналы. Открытое и некритичное восхваление британской нации, выражаемое зачастую в лозунгах, не требующих обоснования и разъяснения, было характерно для передовиц центральных газет, перепечатаваемых многочисленными локальными изданиями. При этом можно заметить существенное различие между обсуждением национальных политических и экономических проблем в парламенте и способами и языком подачи таких материалов в средствах массовой информации. К примеру, события, связанные с Индийским восстанием, длительное время дискутировались в обеих палатах парламента. При этом ни одно выступление не касалось вопроса о правомочности пребывания британцев в Индии: все дискуссии сводились к тому, что Ост-Индская компания уже не способна эффективно управлять, а потому система двойного управления должна быть изменена посредством полной передачи власти над Индией Короне¹. Иными словами, парламентские дебаты, хотя бы в данном конкретном случае, несли в себе имперский смысл априори, без необходимости использования националистической риторики для доказательства политической элите британских интересов в колониях. Однако в газетах при подаче отчетов по парламентским слушаниям главное место занимают разъяснения целесообразности тех или иных политических действий – вплоть до интерпретации целей заседания. В этом смысле заслуживают внимания способы изложения газетами вышеупомянутых прений в палате общин в связи с принятием закона об управлении Индией в 1858 г. Официальный переход Индии под власть британской короны сопровождался внедрением в общественное сознание противопоставления «дурного» управления Ост-Индской компании «справедливому» государственному управлению².

Самым безошибочным политическим приемом воздействия на общественное сознание является напоминание читателям об их назначении в качестве представителей высшей расы. Подобные лозунги призваны вообще снять какие-либо вопросы о жестокости и несправедливости колониальной политики по отношению к жителям покоренных стран; действия британцев в колониях становятся необходимыми условиями построения взаимоотношений и даже особым актом гуманизма на благо аборигенов. Оценка Национального восстания в Индии строится на основании оценок индийцев как полуварварского народа, подверженного страстям, а потому нуждающегося во вмеша-

¹ Hansard's Parliamentary Debates... Pp. 858-879.

² Ibidem.

тельстве «более высокого разума и более сильной руки цивилизованного соседа»³.

Широкая аудитория газеты *The Times*, выступавшей в качестве одной из главных национальных газет (учитывая перепечатки в других изданиях), получала целенаправленное имперское воспитание не только через передовицы: большая часть газетной информации, касавшейся роли Великобритании на международной арене или деятельности британцев за рубежами метрополии, непременно содержала пафосные оценки британской нации; можно заметить, что к концу XIX в. понятие *British nation* встречается в прессе уже не реже, чем *Englishmen*.

К концу века из средств массовой информации исчезает критическое отношение к империализму как чувству, несовместимому с британским политической культурой и поведением; расцвет империализма принес с собой двойные стандарты во взаимоотношениях с людьми и целыми странами, что А.М. Уэйнрайт определил так: «Британское благовоспитанное общество – *только в Соединенном Королевстве*» (курсив автора. – А.С.)⁴.

Развертыванию всепроникающей империалистической идеологии способствовало наступление эпохи новых технологий, включающих, в частности, скорость передачи информации по телеграфу и телефону, и в еще большей степени – монополизация доставки и публикации новостей агентствами, такими как Рейтер, тесно связанными с официальными кругами. Вследствие этих факторов, имперская информация приобрела тот самый тотальный характер, о котором писал Дж. Гобсон: «В Великобритании <...> альянс прессы с финансовыми сферами становится теснее год от года вследствие покупки финансистами контрольных пакетов акций газет или посредством вовлечения собственников газет в финансовую деятельность. Помимо прессы, занимающейся финансовыми проблемами, а также владения всей прессой, Сити заведомо оказывает постоянное и искусное влияние на ведущие лондонские газеты, а через них – на всю провинциальную прессу»⁵.

Аудитория газет, т.е. читатели, по выражению Дж. Гобсона, «дешевой прессы» и потребители «финансового или политического империализма, стремящегося возбудить патриотизм в целях новой экспансии»⁶, к концу XIX в. существенно расширяется за счет изменения

³ Ibidem.

⁴ Wainwright 2008. P. 9.

⁵ Hobson 1902. P. 67.

⁶ Ibid. P. 68.

социальной структуры общества, когда значительная часть британцев пополнила средний класс, от низшего до высшего его слоя (исходя из имущественного и образовательного критерия). Этот фактор тоже повлиял на стиль, содержание и качество информации, которую хотели бы получать новые читатели. Приобретенные большинством британцев-мужчин избирательные права, достигнутый и осязаемый уровень личного благополучия, реальные перспективы социального лифта способствовали снижению социального протеста, заставляли потребителей информации мыслить и рассуждать в имперском духе, некритично и пафосно. Конечно, чтение газет не было общепринятой практикой, однако с точки зрения способности их читать Британия далеко опережала большинство других стран мира, что доказывает Эдвин Вест: «К 1870 году⁷, когда начали действовать государственные школы, 93% детей школьного возраста уже были грамотны»⁸. Иными словами, возможность читать газеты и черпать из них информацию была у многих потенциальных читателей, число которых неуклонно возрастало, судя по растущим тиражам как лондонских, так и провинциальных газет. Действительно, хотя тиражи газет и журналов в конце XIX – начале XX в. были значительно ниже, чем в настоящее время, все же можно говорить о том, что они охватывали своим влиянием подавляющее большинство британцев. Так, тираж *Daily Chronicle* составлял 130 тыс. экз. в 1886 г. и 155 тыс. экз. в 1893 г.; тираж *Daily Telegraph* – 141,7 тыс. в 1861 г. и 300 тыс. экземпляров в 1888 г.⁹

На рост числа читателей, без сомнения, оказывала воздействие доступность газет по цене. У многих изданий сохранение низких цен было и залогом конкурентоспособности, и основой принципиального курса на расширение круга читателей. К примеру, *The Times* сохраняла установленную в 1861 г. цену 3 пенса до 1913 г., увеличивая тираж на 10 тыс. экз. в год. Этому способствовали, на наш взгляд, следующие обстоятельства: 1) технические – начиная с 1861 г. удешевляется процесс производства газетной бумаги, изготавливаемой теперь из целлюлозы и макулатуры, а с 1869 г., благодаря «прессу Уолтера», суще-

⁷ Закон об обязательном начальном образовании, часто именуемый Законом Форстера по имени инициатора его принятия либерала Вильяма Форстера, был принят в 1870 г. Согласно этому закону, все дети Англии и Уэльса в возрасте от 5 до 12 лет должны были обучаться в школах, а в случае необходимости – в школах-интернатах.

⁸ West 1994. P. 167.

⁹ Brown 1985. P. 52-53. В этой же книге приводятся данные по другим газетным изданиям.

ственно модернизируется сам процесс печатания газет; 2) коммерческие – газеты все активнее сотрудничают с рекламодателями; 3) внутренние ресурсы издательств – сдерживание расходов на редактуру, связь и офисные затраты, хотя такие расходы, конечно, неминуемо увеличивались (в 1860 г. – 55 тыс. фунтов стерлингов, в 1870 г. – 67 тыс. фунтов стерлингов). При этом газете удавалось выдерживать конкуренцию с более популярными изданиями, оставаясь символом британской респектабельности. *The Times* была настолько прибыльна, что дивиденды, составлявшие 62 тыс. фунтов стерлингов в 1862 г., в последующие три года выросли до 70 тыс. фунтов, а в 1870г. достигли 89,6 тыс. фунтов стерлингов. Джон Уолтер воистину добился «филантропии плюс пять процентов»¹⁰.

Однако вопрос о круге читателей газет представляет собой некоторую проблему в отношении добровольности выбора того или иного издания по финансовым причинам, а также вследствие интересов, во многом обусловленных образовательным уровнем и родом профессиональных занятий. При этом можно предположить, что к концу XIX века газеты стали доступны бедным слоям населения, став культурной нормой британского образа жизни: даже в тюрьмах наличие газет было обязательным¹¹.

При том, что развлекательные газеты (такие как *Leisure Hour* – «Час досуга») занимали значительное место в общем числе читаемых ежедневников и еженедельников, даже и такие издания, так или иначе, отражали текущие события внутри страны и за рубежом и, следовательно, способствовали формированию в общественном сознании определенных патриотических стереотипов, имперского алгоритма.

Примером могут служить публикации, нацеленные на пропаганду империалистической идеологии, для которой британская пресса широко использовала пробританские настроения в колониях. При этом преследовались, на наш взгляд, по меньшей мере, четыре цели, а именно: убедить общественное мнение в том, что «белые» колонии продолжают оставаться лояльными Великобритании и империи; население покоренных стран движется по пути цивилизации и прогресса; действия колониальной администрации служат сближению с абориге-

¹⁰ Woods, Bishop 1983. P. 97. Выражение «филантропия плюс пять процентов» приписывается Сесилу Родсу, сказавшему, что «чистая филантропия по своему очень хорошее дело, но филантропия плюс пять процентов годовых – намного лучше» (цит. по: Johari 1993. P. 207). Считается, что так С. Родс выразил экономическую сущность британского колониализма.

¹¹ Brown. 1985. P. 48.

нами; сами аборигены, за редким исключением, благодарны британцам за их усилия – эта тема стала особенно актуальной после кровопролитного подавления Индийского национального восстания и захвата огромных территорий в Африке. Доказательством лояльности «белых» колоний является, к примеру, публикация в «Таймс» речи лорда Абердина¹², произнесенной в Королевском колониальном институте и повествующей о британской идентичности канадцев, остающихся верными «материнской стране»¹³.

Набор империалистических лозунгов, пропагандируемых в патриотических публикациях, включает устойчивые выражения: «то, что было главной ценностью для отцов», «преимущества, вытекающие из единства с самой могущественной Империей, которую когда-либо знал мир», «огромные усилия по обеспечению единства Империи и сохранению британской торговой и политической свободы», «имперское дело», «триумф британского патриотизма», «политическое уничтожение тех, кто хотел бы продать Юнион Джек Звездам и Полосам», «материнская страна», «сохранение родной империи», «вселенная под властью Британской Короны». Все эти устойчивые имперские выражения содержатся, к примеру, в письме Говарда Винсента, обращенном к редактору и опубликованном в «Таймс»¹⁴.

Для доказательства благотворного влияния колониальной политики на небелых подданных британские средства массовой информации привлекают авторов, выказывающих безоговорочную лояльность и признательность империи. В этом смысле представляет интерес статья широко известного на Западе реформатора индуизма П.Ч. Маджумдара¹⁵, опубликованная в популярном ежемесячном журнале *The Nineteenth Century* и включавшая все тот же набор империалистических лозунгов, которые широко использовались авторами-британцами: «Непорочность и истинность английского правления и английских идеалов бесшумно несли с собой высокие идеалы личной и общественной жизни. <...> Современный образованный индиец <...> гордится правительством, которое им управляет, он молчаливо благоговеет перед августейшим монар-

¹² Лорд Абердин, граф, сэръ Джон Кэмпбелл Гамильтон-Гордон, маркиз Абердин и Темер, был генерал-губернатором Канады в 1893-1898 гг.

¹³ Lord Aberdeen on Canada...

¹⁴ Vincent Howard. To the Editor of the Times... Р. 3. Говард Винсент – известный деятель Консервативной партии, член парламента с 1885 по 1908 г.

¹⁵ Прапад Чандра Маджумдар (1840–1905) – лидер движения за реформацию индуизма Брахмо-самадж. Выступал за сближение индуизма с мировыми религиями, участвовал в работе парламента религий мира (Чикаго, 1893).

хом, которого называет своей Матерью. <...>. Индеец тоже ощущает себя сыном Империи, на нем отражается слава Англии, герои Англии – это его герои, будущее Англии – это его будущее»¹⁶.

Имперский пафос туземного апологета империализма успешно встраивался в идеологический дискурс Великобритании, который формировал и беспрестанно репродуцировал в британском общественном сознании концепт имперского величия и долга перед империей. Обратимся, например, к речи «Вопросы империи», произнесенной лордом Розбери¹⁷ при назначении его лордом-ректором университета Глазго и напечатанной полностью в «Таймс». Речь содержит большое число идеологических штампов, включающих «великое наследие», «верная служба», «наша слава», «величайшая империя» с указанием, насколько она велика географически и демографически, «враги, завидующие Великобритании и стремящиеся ее ослабить»¹⁸. Эти штампы выступают в качестве некритически воспринимаемых идеологем¹⁹, нацеленных на национальную интеграцию, укрепление имперского патриотизма и энтузиазма, которые в Великобритании конструируются, как и в случае с другими нациями, на основании исключительности, великого прошлого и образа врага, к которым могут относиться как «традиционные» неприятели, так и любые государства и народы, окказионально покушающиеся на британские интересы.

Тяготы «имперского бремени», которые заключались в расходах на содержание империи, парадоксальным образом не заставляли сомневаться в ее целесообразности. Выступая на страницах массового издания, известный политик, авторитетный естествоиспытатель и энциклопедист Джон Лаббок скрупулезно подсчитал, какие суммы рас-

¹⁶ Mozoomdar 1900. P. 993, 999-1000.

¹⁷ Лорд Розбери (Арчибальд Филипп Примроуз) – премьер-министр Великобритании в 1894–1895 гг., президент либеральной лиги с 1902 г., по политическим воззрениям – либеральный империалист.

¹⁸ Lord Rosebery. Questions of Empire...

¹⁹ Идеологема – это идейная парадигма, т.е. оценивающая, организующая и направляющая система главных идей. Одновременно идеологема является отдельной идеологической единицей, причем совокупность различных единиц составляет идеологию – отличающуюся внутренней целостностью и непротиворечивостью систему воззрений об обществе, политике, экономике и т.д. В случае Великобритании идеологемы обладают характеристиками устойчивых фразеологических единиц или вербальных стереотипов, например, «имперская раса», «великое наследие отцов», «ответственность перед Империей и нацией», «долг цивилизованной нации перед нецивилизованными народами», «без Империи не будет Великобритании» и т.д.

ходовались британским правительством на поддержание заморских колоний, включая траты на военные нужды, содержание государственного аппарата и кредиты, многие из которых так и не были возвращены. Согласно его подсчетам, налоги, получаемые казной из колоний, были несопоставимо малы в сравнении с затратами. Лаббок особо выделяет Индию: «Владение Индией является самым затратным бременем для нашей страны». Одновременно он, используя демагогическую риторику, объясняет, что «в любом случае, наши честные усилия и желание нацелены на управление Индией для блага народа Индии. <...> Ему выгодно наше правление. <...> Индия не вносит ни пенни в доход Великобритании»²⁰.

В продолжение темы подтверждения имперского права управлять и вмешиваться во внутренние дела других народов Дж. Лаббок обращается к войнам, которые вели британские войска в колониях: «...войны с местными племенами <...> необходимы для поддержания дружеских отношений с аборигенным населением колоний. <...> Когда к ним пришла цивилизация, их поместили в богатые резервации, они получают помощь от цивилизации, обладают личными правами на собственность, подчиняются законам и защищены ими. У них есть школы, а христиане посылают к ним лучших учителей»²¹.

Казалось бы, весьма ощутимые экономические потери от содержания империи должны были способствовать антиимперским настроениям. Однако, напротив, бремя имперской ответственности оказывалось весьма действенным фактором национальной интеграции и самосознания. Грандиозность «имперского проекта» как ядра национальной идеи оказывалась важнее, чем логически вытекающее из его невыгодности стремление прекратить колониальную экспансию. Иными словами, политический романтизм был важнее экономической целесообразности. Это нашло отражение и в средствах массовой информации, ставших к концу XIX века фактором, цементирующим нацию и облекающим в словесную форму британский джингоизм, глубоко укоренившийся в общественном сознании.

Империалистическая риторика имплицитно включала в себя различные, но взаимосвязанные уровни: от международной политико-экономической конкуренции и национального престижа до насущных каждодневных проблем британцев, решение которых зависело от силы государства. Газеты и журналы, включившиеся в пропаганду импер-

²⁰ Lubbock 1877. Pp. 38-44.

²¹ Ibid. P. 42-44.

ских целей, имели дело с уже сформированным популярным империализмом; далеко не всегда позитивное отношение к политике властей внутри страны уравнивалось признанием необходимости существования империи: она как никакая иная составляющая национального воображения ассоциировалась с британским «Мы-образом».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Brown L. Victorian News and Newspapers. Oxford: Clarendon Press. 1985.
 Hansard's Parliamentary Debates. Third Series (from 23 February to 3 May 1858). London: Cornelius Buck. 1858.
 Hobson J.A. Imperialism. A Study. London: James Nisbet & Co. et al. 1902.
 Johari J. C. Voices of Indian Freedom Movement. New Delhi: Anmol Publications Pvt. Ltd. 1993. 360 p.
 Lord Aberdeen on Canada // The Times. 1891. 12 February. P. 3.
 Lord Rosebery. Questions of Empire // The Times. 1900. 17 November. P. 1.
 Lubbock J. On the Imperial Policy of Great Britain // The Nineteenth Century. 1877. March.
 Mozoomdar P.C. Present Day Progress in India // The Nineteenth Century. 1900. December.
 Vincent Howard. To the Editor of the Times // The Times. 1891. 12 February. P. 3.
 Wainwright A.M. "The Better Class" of Indians: Social Rank, Imperial Identity, and South Asians in Britain, 1858–1914. New York: Manchester University Press. 2008.
 West E.G. Education and the State. Indianapolis: Liberty Fund. 1994.
 Woods O., Bishop J. The Story of the Times. London: Michael Joseph. 1983. 392 p.

Симонов Андрей Викторович, аспирант, Институт филологии и истории Российской Государственной Гуманитарной Университета; dra8@mail.ru

Imperial ideology in the British mass media in the late 19th –early 20th century

The paper examines the role of media in constructing British imperial public consciousness. Having studied the socio-political publications in the central, regional and colonial newspapers and magazines, the author revealed the systematic and successful implantation of the ideologemes about British national exclusiveness and messianic destiny in the mass consciousness. Interpretation in newspapers of events in the empire and on the international scene always promoted formation of the image of the enemy, strengthened British nationalist and so called *tingoist* feelings. The notion about the British nation, which entered into political and sociocultural use in the period of the Imperial Golden Age, implied that in the hierarchies of identities the traditional ethno-nationalism was replaced by the British national consciousness.

Keywords: imperialism, ideology, identity, colonialism, nation, press.

Andrey Simonov, postgraduate, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; dra8@mail.ru

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

А. А. ВОЙТЕНКО

ИСТОРИЯ О СВЯТОМ ОНУФРИИ ВЕЛИКОМ

(ВНГ^А 2330А)

Публикация представляет собой перевод текста эпитомы «Жития св. Онуфрия Великого» из греческой рукописи Paris gr. 919, s. XIII–XIV, ff.37–42, выполненный по копии из архива о. Жозефа Парамеля. Текст эпитомы был интерполирован в 14-ю главу известного раннехристианского памятника – «Историю египетских монахов». В предисловии к переводу высказан ряд предположений о некоторых греческих редакциях «Жития св. Онуфрия Великого».

Ключевые слова: *Житие св. Онуфрия Великого, История египетских монахов.*

История греческих версий «Жития св. Онуфрия Великого» до сих пор малоизучена. Как правило, всё ограничивается указаниями на неполный список рукописей в справочнике Ф. Алькена (ВНГ 1378–1381h, 2330–2330a; ВНГ^а 1379–1381h, 2330–2330a). Нам известны несколько попыток исследовать его рукописную традицию. Одну из них предпринял о. Жозеф Парамель (s.j., 1925–2011), готовивший критическое издание греческого текста «Жития». К сожалению, он не успел завершить начатое, но после его кончины остался рабочий архив, который сейчас хранится в Женеве у другого исследователя – о. Энцо Луккези. Господин Луккези любезно разрешил нам снять копию с этого архива и использовать его в наших исследованиях¹. Архив представляет собой несколько рукописных копий греческих списков, сделанных о. Жозефом на листках в клетку формата А3 с разметками на строки, пагинацией рукописей и часто, но не всегда, с нумерацией самих страниц его копий. Все материалы разложены по желтым папкам. Помимо копий греческих рукописей, архив включает в себя ксерокопии французского перевода коптского текста «Жития» и латинского текста «Жития», отдельные листки с разночтениями греческих рукописей и некоторые другие материалы. Среди папок находилась одна с надписью «ВНГ 2330–2330a Vie d'Onuphre-Paphnuce (abrégé du Récit inséré[?]² dans le c. 16 d'Hist. Monachorum) (14 Preuschen)³». В ней были две копии, одна из которых имела заголовок «ВНГ³+Auct.N 2330a.

¹ Мы благодарим также Кристин Шайо, познакомившую нас с о. Энцо Луккези и указавшую нам на этот архив.

² Слово неразборчиво.

³ Имеется в виду, безусловно, Preuschen. 1887.

Paphnutius et Onuphrius (d'après Paris gr. 919, s. XIII-XIV, ff.37-42)». Данный текст представляет большой интерес для текстологии «Жития», а точнее – для его последующей истории. О. Жозеф Парамель, судя по его комментариям в конце копии, догадался о том, что это – сокращенная версия «Жития», интерполированная в текст 14-й главы «Истории египетских монахов»⁴. Помимо этого, о. Жозеф в том же комментарии указывал на то, что А.-Ж. Фестюжьер, автор критического издания «Истории египетских монахов», не обратил должного внимания на эту рукопись, хотя и упомянул ее в своем введении⁵. Для того, чтобы правильно понять историю возникновения этого текста, необходимо кратко остановиться на «Житии св. Онуфрия» и 14-й главе «Истории египетских монахов». «Житие св. Онуфрия Великого», как мы предполагаем, было написано в Скиту⁶, приблизительно в последней четверти IV в.⁷. Оригинал «Жития», вероятнее всего, был составлен на греческом языке. Однако среди изданных версий «Жития» наиболее близкими к оригинальному тексту можно считать коптские и славянские версии⁸. Житие представляет собой описание путешествия монаха Пафнутия, который углубился в дальнюю пустыню в поисках совершенных отшельников⁹. Для удобства мы разделили этот текст на эпизоды: 1) Начало рассказа Пафнутия. Начало его путешествия в пустыню, обнаружение давно умершего монаха и его погребение. 2) Продолжение путешествия Пафнутия. Его встреча с отшельником Тимофеем и рассказ Тимофея.

⁴ Тем более удивляют безапелляционные заявления авторов аннотированной библиографии по раннему египетскому монашеству В.М. Лурье и А.Г. Дунаева о том, что «гл. 14 “Истории монахов в Египте” представляет собой одну из кратких редакций (ВНГ 2330a <...>) “Жития” отшельника преп. Онуфрия» – Лурье. 2000. С. 210. Мы могли бы лишь посоветовать авторам прочесть текст 14-й главы «Истории египетских монахов» – хотя бы в русском переводе – чтобы в следующий раз быть аккуратнее в своих умозаключениях.

⁵ См. Festugière. 1961. P. cxviii-cxxii.

⁶ Совр. Вади-Нагтрун. Один из трех известных древних монашеских центров Нижнего Египта, который сохранилось до наших дней.

⁷ Подробнее об этом см. Войтенко. 2009.

⁸ Коптские версии см.: Amélineau. 1885 (бохайрская); Budge. 1914. P. 205-224 (саидская); Нувемат. 1922. P. 1-40 (факсимильное издание саидской версии из рукописи Пьерпонта Моргана М580), издания славянских рукописей: Лёнгрен. 2000. С. 195-226 (текст автографа Соборника Нила Сорского); Åkerman Sarkisian. 2007 (издание текста Tr. 304/1. N 39, f. 133^r-157^v с аппаратом разночтений из других рукописей. Цифровая копия Tr. 304/1. N 39 размещена в Интернете: <http://old.stsl.ru/manuscripts> [август, 2015]). Мы благодарим К. Акерман за предоставленный нам текст ее диссертации.

⁹ Подобная сюжетная рамка свойственна не только для этого произведения, но и для целого ряда ранних монашеских житий, из них наиболее известны «Житие св. Павла Фивейского» и «Житие св. Марии Египетской»: см. напр., Eliott. 1987.

3) Продолжение путешествия Пафнутия. Его встреча со св. Онуфрием, рассказ Онуфрия, его кончина и погребение его Пафнутием. 4) Продолжение путешествия Пафнутия. Его встреча с четырьмя старцами-отшельниками. Совместная трапеза. 5) Продолжение путешествия Пафнутия. Его встреча с четырьмя молодыми иноками в оазисе. Их рассказ. Совместное причастие из рук ангела и совместная трапеза. 6) Завершение путешествия в дальней пустыне. Встреча Пафнутия с монахами из Скита, которые записывают его рассказ. 14-я глава «Истории египетских монахов» представляет собой рассказ об отшельнике Пафнутии, который просил у Бога показать ему тех праведников, которым он уподобился. Рассказ (по версии издания А.-Ж. Фестюжера) для удобства также может быть разбит на эпизоды: 1) Вступление, 2) Встреча Пафнутия с флейгистом, 3) Встреча Пафнутия с деревенским старостой, 4) Встреча Пафнутия с купцом, 5) Кончина Пафнутия.

Фрагмент из 14-й главы, наш перевод которого приводится ниже, представляет собой краткое изложение эпизодов 3-5¹⁰ оригинальной версии «Жития св. Онуфрия», вставленных вместо 4-го эпизода из 14-й главы «Истории египетских монахов». На это ясно указывают как текстологические совпадения в начале рассказа, указанные в копии о. Жозефа Парамеля, так и его указания на издание А.-Ж. Фестюжера: cf. Hist. Mon. c.14 (ed. Festugière, ll.1-81, p. 102-107)¹¹. Сокращенная версия «Жития св. Онуфрия» вводится словами:

Когда чудный Пафнутий послал его на небо, он снова еще более просил Бога явить ему скрывшихся во внутренней пустыне ради имени Его¹².

Далее следует эпитома «Жития», изложенная от первого лица, т.е. так, как она представлена в оригинальной версии «Жития», а заканчивается она изложением 5-го эпизода 14-й главы «Истории египетских монахов» (т.е. кончины самого Пафнутия), при этом текстологически, с небольшими разночтениями, описание смерти Пафнутия совпадает с текстом издания Фестюжера. Однако составитель эпитомы делает еще несколько изменений. Он вводит в текст молитву Пафнутия:

Господи, если есть воля Твоя, как явил Ты мне служащих Тебе тайно в миру, яви тех, кто (служит Тебе) в пустыне, и укрепи меня, чтобы не умереть мне в пустыне этой.

Ее нет, да и не могло быть в оригинальной версии «Жития», зато здесь она смотрится органично и связывает рассказ об отшельнике

¹⁰ От эпизода 1 в этой версии остается только самое начало и описание первых трудностей путешествия Пафнутия по пустыне.

¹¹ Именно здесь излагаются первые три эпизода главы о Пафнутии.

¹² Здесь и далее цитаты из текста даны в нашем переводе.

Онуфрии с предыдущими эпизодами главы, поскольку все другие праведники, кроме него, которых до этого встречает Пафнутий – это миряне. Редактор также вкладывает в уста ангела фразу о том, что Пафнутию пришло время отойти в небесные обители вместе со св. Онуфрием после того, как он возвестит монахам в Египте¹³ о своем путешествии. Эта фраза также отсутствует в оригинальной версии «Жития», поскольку там ни о какой кончине Пафнутия речи не идет.

Однако это еще не все. Существует другой текст (ВНGa 1379h), изданный Ф. Алькеном¹⁴, который представляет собой ту же самую версию, что и ВНGa 2330a, но превращенную в отдельный рассказ. Вместо вводной фразы, скрепляющей рассказ в версии главы о Пафнутии в Paris Gr. 119, мы находим заглавие («Повеествование о святом отце нашем Онуфрии») и начало рассказа («Поведал святой Пафнутий: «Однажды вышел я из кельи своей...»). В конце мы находим небольшое прибавление («Ибо подобает Ему [всякая] честь и хвала, Отцу и Сыну и Духу Святому – во веки веков»)¹⁵. Разночтения в остальном тексте, изданном Ф. Алькеном, с текстом из Paris Gr. 119 очень незначительны. Таким образом, мы видим дальнейшую эволюцию этой эпитомы, т.е. превращение ее из части 14-й главы «Истории египетских монахов» в отдельный самостоятельный рассказ. Обратный вариант мы исключаем. В этом случае совершенно непонятно, как появилась в тексте рассказа вышеприведенная молитва и эпизод со смертью самого Пафнутия, которого, как мы указывали, нет в оригинальной версии «Жития».

Причины интерполяции эпитомы «Жития св. Онуфрия Великого» в текст 14-й главы «Истории египетских монахов» предположить нетрудно. Во-первых, они, скорее всего, основаны на тождестве двух Пафнутиев, отшельника из 14-й главы «Истории египетских монахов» и того подвижника, от лица которого ведется рассказ в «Житии св. Онуфрия». Во-вторых, имеет место сходство мотиваций: отшельник из 14-й главы предпринимает путешествия, разыскивая, кто совершенен так же, как он сам, а в «Житии св. Онуфрия» Пафнутий предпринимает опасное путешествие во внутреннюю пустыню, чтобы узнать, есть ли там совершенный слуга

¹³ Слово «Египет» в монашеской литературе чаще всего означает «населенную землю» в отличие от пустыни. В данном случае оно означает монастыри, находящиеся в ближней пустыне.

¹⁴ Halkin. 1989. P. 79-88.

¹⁵ Этот пример наглядно показывает, сколь несовершенна классическая технология определения типа / редакции текста по инципитам и эксплицитам, поскольку в справочнике Ф. Алькена именно на этом основании два текста определены как разные редакции, а не как варианты внутри одного типа текста.

Божий. Но при этом позднеантичного (или средневекового) редактора, который вводил эпитому «Жития св. Онуфрия Великого» в оригинальный текст главы о Пафнутии, нисколько не смущал тот факт, что своей компиляцией он совершенно разрушает ее изначальный замысел и всю ее «архитектонику», поскольку смысл рассказа (а это очевидно из его анализа) состоит в том, что строгому аскету и отшельнику Пафнутию открывается аскеза благочестивых мирян, равная по своему благочестию его монашеским подвигам, которых он после этого приводит на монашеский путь. Здесь возникает редкая, но важная для монашеской литературы тема праведника в миру. Идея путешествия Пафнутия во внутреннюю пустыню совсем иная: он ищет не равных себе, а намного его превосходящих, он не приводит их к монашеству, а сам желает остаться у них до конца своих дней, и его миссия – связать два мира, мир «внешней» и «внутренней» пустыни, о чем мы уже писали¹⁶. Даже в данной эпитоме эта идея очень рельефно выражена в словах ангела в самом конце повествования:

Иди в Египет <...> и возвести то, что ты услышал и увидел, христолюбивым братьям для (их) пользы и духовного усердия, чтобы стяжать тебе совершенную награду от Бога.

Интересно вспомнить о другой редакции «Жития св. Онуфрия Великого», редакции Николая Синаита, изданной по двум разным рукописям¹⁷. Она представляет собой поздний и сильно метафразированный текст¹⁸. О его происхождении ничего не известно: Ф. Алькен пишет лишь о том, что, по его мнению, текст более ранний, чем работа Симеона Метафраста (X в.), но более поздний, чем текст за авторством Пафнутия¹⁹. Интересно однако отметить, что по структуре текст Николая Синаита сходен с рассматриваемой нами редакцией, там также отсутствуют первые два эпизода: после испытаний в пустыне Пафнутий сразу же встречает св. Онуфрия. Затем следуют эпизоды 3–6 оригинального «Жития». Можно было бы подумать, что основой для редакции Николая Синаита могла послужить исследуемая нами эпитома, но не в форме главы, а уже в форме отдельного рассказа (ВНGa 1379h), но не все обстоит так просто. Помимо отсутствия в тексте Николая Синаита эпизода о смерти Пафнутия (эпизод 5 главы из «Истории египетских монахов»), там

¹⁶ См. Войтенко. 2009.

¹⁷ См.: Halkin. 1987 (=ВНGa 1381a); Πάσχος. 1990 (=ВНГ 1381a).

¹⁸ Основным мотивом для риторической переработки изначальной версии «Жития», по признанию ее автора, явилось то, что оригинал был написан слишком просто и не по чину – см. Halkin. 1987. P. 9; Πάσχος. 1990. Σ. 836.

¹⁹ Halkin. 1987. P. 7.

есть некоторые подробности, которых нет в эпитоме, но они присутствуют в оригинальном «Житии»: например, там сказано, что после причастия от ангела Пафнутий впал в состояние, сходное со сном²⁰. К тому же в редакции Николая Синаита содержится небольшой рассказ о дьявольских видениях Пафнутия в пустыне по дороге обратно²¹, которых нет ни в эпитоме, ни в известных нам версиях оригинального «Жития». Таким образом, можно предположить, что и эпитома и редакция Николая Синаита была сделана с того текста, где отсутствовали два первых эпизода «Жития». Отсюда можно сделать и еще одно важное предположение: о существовании достаточно ранней греческой редакции «Жития св. Онуфрия Великого», откуда были убраны два первых эпизода оригинального текста и которая в свою очередь явилась достаточно продуктивной моделью для других, более поздних редакций «Жития»: эпитомы, послужившей основой для интерполяции в 14-ю главу «Истории египетских монахов» (русский перевод которой мы публикуем ниже), а затем превратившуюся в самостоятельный рассказ (ВНГа 1379h), и метафразированной редакции за авторством Николая Синаита.

* * *

В переводе мы придерживаемся двойной нумерации: указаны листы и столбцы рукописи, обозначенные в копии о. Жозефа Парамеля, а также страницы самой копии. В круглые скобки заключены слова, необходимые для стилистики и лучшего понимания текста, в квадратных скобках даны некоторые важные конъектуры из текста, изданного Ф. Алькеном (в примечаниях указаны номер страницы и строки по этому изданию).

(Р. 1) /f. 38va/ Когда чудный Пафнутий послал его на небо²², он снова еще более просил Бога явить ему скрывшихся во внутренней пустыне ради имени Его. И вот, как рассказал он, вышел он из кельи своей, не взяв ничего, кроме хлеба и воды на четыре дня. «Когда прошел я, – как сказал он, – четыре дня, закончились (у меня) еда и вода. И, охваченный нуждой и скорбью, воззвал я что было сил к Богу: «Господи, если есть воля Твоя, как явил Ты мне служащих Тебе тайно в миру, яви тех, кто (служит Тебе) в пустыне, и укрепи меня, чтобы не умереть мне

²⁰ Это указание можно найти как в двух коптских (саидских) рукописях (Budge. 1914. P. 221-222; Hyvernat. 1922. P. 37-38), так и в славянских версиях «Жития» (см. напр., Лённгрен. 2000. С. 223).

²¹ Halkin. 1987. P. 25-26; Πάσχος. 1990. Σ. 855. Видение Пафнутием стада буйволов сильно напоминает пустынный мираж.

²² Скорее всего, речь идет об упокоении деревенского старосты, но текстологически фраза совпадает с окончанием рассказа о купце см.: Festugière. 1961. P. 109, 122 (§ 23). О. Жозеф Парамель сделал в своей копии ссылку на это место в издании Фестюжьера (Р. 1).

в пустыне этой». Когда я со слезами взмолился, вот, ангел Божий, коснувшись губ моих, так укрепил меня, что (перестал) чувствовать я голод и жажду. И сказал он мне: «*Будь тверд и мужественен*²³, Пафнутий, ибо не оставил без внимания Господь Бог молитву твою». И сделался он мне невидим. Я же, исполнившись (желанием) найти то, что искал, ревностно поспешил в дорогу.

/f. 38vb/ Когда же я достиг самой дальней пустыни, то издали увидел мужа страшного видом, густо обросшего волосами и черного телом. И листва растений обвивала бедра его, ибо был он наг, и срамные места тела²⁴ были у него укрыты. Когда же я разглядел его, подошедшего ко мне, то убоился и вскарабкался наверх высокой скалы, а он сказал мне: «Спускайся, раб Божий Пафнутий, ибо я человек грешный, боящийся Бога в пустыне этой». Я же, с ревностью спустившись вниз, пал к ногам его, прося помолиться обо мне. Сей же страшный муж, протянув руку, поднял меня, и, обнявшись друг с другом, мы сели. Был же он весь седой, стойко переносящий старость и многое воздержание. И пал я на колени, говоря: «Поскольку Господь открыл тебе имя мое, честнейший отче, то открой сам мне твое святое имя, и прошу (расскажи), по какой причине (Р. 2) пришел ты сюда и сколько времени здесь живешь».

Он ответил: «Имя мое – Онуфрий, шестьдесят лет здесь живу. Как пришел я сюда, слушай. Подвизался я в киновии²⁵ /f. 39 a/ [Фиваидской]²⁶, имеющей (числом) до ста братьев, пребывающих единым умом и единой душою в мире, воздержании многом и душевном покое. Учился я у них добродетельной жизни. Услышал я, как они хвалили Илию и Иоанна²⁷, родоначальников наших, как те подвизались в пустыне и служили там Богу чисто и искренне. Я же сказал им: «Я хочу знать, чем более нас те, кто в пустыне угодили воле Божией²⁸». Они ответили мне: «А тем, чадо, что они от одного Бога зависят, не имеют никакого иного утешения, но во всякой скорби к Нему обращаются, и Он простирает к ним длань (Свою). Мы, если чувствуем голод, находим, чем насытиться, если жаждем, то источники щедро снабжают (нас) влагой, если же кто оказывается у нас немощным, то укрепляем мы его, те же (из них), кто

²³ Ср. Ис Нав. 1, 6 и 9; 1 Пар. 28, 20.

²⁴ Греч. τὰ ἀναγκαῖα τοῦ σώματος.

²⁵ То есть в общежительном монастыре, где в отличие от отшельнических поселений существует совместный труд, совместная трапеза и совместные молитвы.

²⁶ Коньектура по Halkin. 1989. P. 80, 42.

²⁷ То есть пророка Илию и Иоанна Богослова, которые по раннемонашеским представлениям являлись предшественниками отшельнического образа жизни.

²⁸ Букв. «божеству».

почувствует голод, получает пищу (только) от Бога, и если кто (из них) возжаждет, то Господь напоит того, если же охватит их поношение бесов, обращаются они к Богу, и ни в чем не оставляет их Бог».

Услышав это, я позавидовал такой жизни, (и), взяв немного хлеба и семян /f. 39 b/ для еды, с горячим желанием пошел в пустыню, помолясь и призывая человеколюбивого Бога быть мне²⁹ проводником в то место, где Он желал меня поселить. И когда прошел я четыре дня, то увидел свет впереди себя и сильно испугался. И вот некто славный стоял вблизи меня и сказал мне: «Не бойся, я – ангел, сопровождающий тебя от юности твоей, ибо просьба твоя исполнена и приготовлено тебе место, где славно исполнишь ты служение (свое) Богу³⁰». И понемногу проводив меня (до места), удалился от меня. И вот увидел я небольшую пещеру и подошел к ней посмотреть, есть ли (там) какой-то раб Божий, и сначала постучался в дверь. И вышел (оттуда) старец, весьма дивный видом, и благодать Божия была на лице его. И, увидев его, пал я наземь к нему в ноги. Он же, рукою подняв (меня), приветствовал меня и сказал: «Благо, (что) пришел ты, чадо Онуфрий, соратник наш в Господе. Входи, чадо, и Бог поможет тебе в вещах благих и исполнит благое твое намерение». Я вошел в пещеру и провел с ним несколько дней, научившись образу жизни пустынников.

Поняв, что я стремлюсь пребывать один /f. 39^v a/, он сказал мне: «Встань, чадо, и я отведу тебя в место, уготовленное тебе Богом, чтобы в одиночестве боролся ты с дьяволом и, победив, получил награду (от Бога)». И когда мы прошли вглубь (пустыни) пять дней, то нашли небольшую келью и финиковую пальму, и сказал мне сей святой муж: «Вот место, чадо, которое по промыслу Божиему уготовано тебе». И пребывал он со мной около тридцати дней, и, наставив меня, вернулся в свою пещеру. С того времени раз в год навещал он меня, пока не исшел из тела. Придя сюда по обыкновению, немного проболев, отошел он ко Господу, и, приготовив его к погребению, я похоронил его недалеко от своей кельи». Я же, услышав это от блаженного Онуфрия, спросил его: «Много ли ты страдал вначале, отче?». Он сказал мне: «Поверь мне, брат, такие страдания и тяготы претерпевал я, что часто терял надежду выжить от голода и жажды, от жара дневного и холода ночного. Но благой и человеколюбивый Бог, видя, как в немощи я стойко переношу это из-за любви к нему /f. 39^v b/, повелел архангелу Своему приносить мне

²⁹ В тексте стоит датив (μοι) с пометкой sic o. Жозефа Парамеля. У Алькена в этом месте форма в accusative: με (Halkin. 1989. P. 80, 66).

³⁰ Вариант перевода: где скончаешься ты, славно служа Богу.

хлеб и воду каждый день для поддержания тела. Есть у меня (также) и финиковая пальма, приносящая мне каждый месяц одну гроздь³¹ (плодов) для еще большего успокоения. Ведь исполняющий волю Его не нуждается во всяком добре, ибо сказано устами праведными: *Просите прежде всего Царствия Божия, а все остальное приложится вам*³²».

Я же, изумившись благим словам его, сказал: «Как, отче, принимаешь ты Святые Таинства?» Он ответил мне: «По воскресеньям и субботам ангел спускается (с небес) и причащает не только меня, но и всех тех, кто в пустыне этой (подвизается), и наполняет их всех радостью».

Когда блаженный Онуфрий рассказал мне это, (стоя) у подножия скалы, сердце мое наполнилось радостью и восторгом так, что забыл я о голоде и трудностях пути. Он же взял меня за руку и прошли мы примерно две или три мили и нашли келью и финиковую пальму. И он, став со мной, помолился. Я же не переставал [дивиться]³³ (той) благодати, что была в нем. После молитвы мы сели и беседовали о вещах полезных душе. Когда же день склонился к закату, /f. 40 a/ я увидел посреди кельи положенный (кем-то) хлеб и воду, и сказал мне великий Онуфрий: (Р. 4) «Вставай, брат, и вкуси, что есть (у нас) вечером, и отдохни от трудов многих». Я же призвал его поесть вместе со мной, и когда он с трудом подчинился, то поели мы, благодаря Бога, подателя пищи нашей, и пребывали всю ночь в молитвах. Когда наступило утро, старец (все еще) пребывал в молитвах, простирая руки к небесам, и стало лицо его как лик ангельский и не смог я видеть его. И охватил меня великий страх. Поняв это, святой (старец) повернулся ко мне и сказал: «Не бойся, брат Пафнутий, ибо Бог послал тебя приготовить к погребению жалкое мое тело и предать его земле. Ибо сегодня Господь заберет меня, так мне было открыто. Но дерзай, брат, исполнить волю Всеблагого Нашего [Бога]³⁴, и, придя в Египет, расскажи братии то, что увидел (здесь) и еще увидишь, пробуждая в них интерес и благое усердие. И любому, кто во имя мое сделает пожертвование /f. 40 b/ Господу Богу или (воскурит) фимиам, сделаюсь я помощником, если впадет он в искушения или скорби, а если кто вспомнит меня в молитве своей и во имя мое пожалует бедного и поможет немощному, то помяну и я того в первый час тысячи лет³⁵. Ибо то, что просил я у Бога, исполнил Он. Тот же, кто во

³¹ Букв. «стебель».

³² Ср. Мф 6, 33; Лк 12, 31.

³³ Конъектура по Halkin. 1989. P. 82, 132.

³⁴ Конъектура по Halkin. 1989. P. 82, 141.

³⁵ Указание на миллениаристские представления, которое можно обнаружить в

всем нуждается, и не может ни пожалеть (бедного), ни помочь (немощному), если такой сотворит молитву к Богу и произнесет «Отче Наш», то не останется он без награды своей».

Я же, пав наземь, призвал (его) сотворить молитву обо мне и всех христианах в мире [и позволить мне остаться в]³⁶ этом месте святом. Он же на молитву склонился³⁷ и, не разрешив [мне]³⁸ оставаться здесь, молвил: «Как сказал я тебе, надлежит тебе идти в Египет и исполнить волю (Божию), Господь благословит тебя и укрепит тебя в любви Своей, и уберезет тебя от клеветы врага³⁹, и свершит (через) тебя (то) непорочное дело, за которое ты взялся». Так сказав мне, повернулся он и простер руки, и молился безмолвно со слезами многими, и, склонив колени, сказал: «В руки твои, Господи, предаю дух мой» /f. 40va/ и тотчас предал дух. И услышал я сонм ангелов святых, поющих псалмы и сопровождающих блаженную его душу с веселием и радостью беспредельной. Я же, взяв честное и всесвятое тело (его), завернул его в левитон, который носил, и, найдя расщелину в скале, как в (Р. 5) могилу положил его туда и схоронил. И сделалось в месте этом благоухание, превосходящее (все) другие благоухания мира сего. И остался я один, плача и горюя об утрате сего святого, но возрадовался снова, что удостоился я видеть и похоронить такого святого (мужа). Нашел я немного хлеба в келье и немного фиников и съел их, славя Бога. Но тотчас и келья пала (и разрушилась) и финиковая пальма зачахла. И понял я по слову святого, что нет воли Божией пребывать мне здесь.

Встав же, простер я руки свои к Богу, и вот некий (муж) укрепил (меня) и показал мне путь, как делал он это и ранее. Шел я четыре дня и нашел келью, в которой жили, и вошел (в нее) и отдохнул немного, ожидая, когда придет раб Божий, который живет в ней. И вот четверо мужей почтенного возраста, увидев меня, возрадовались и сказали мне: «Будь благословен, Пафнутий⁴⁰, соработник наш в Господе». Сотворив /f. 40vb/ молитву, мы сели. И сказали мне чудные и великие отцы эти:

оригинальной версии «Жития». Впоследствии в некоторых списках и редакциях (греческих и славянских) оно было устранено и заменено фразой «во веки веков».

³⁶ Конъектура по Halkin. 1989. P. 83, 168. В копии о. Жозефа Парамеля пропуск и указание над строкой – *setera non legi* (P. 4, 102).

³⁷ Комментарий о. Жозефа Парамеля над строкой: (слово) добавлено на поля – *in marg. add.* (P. 4, 104).

³⁸ Конъектура по Halkin. 1989. P. 83, 169.

³⁹ Греческое слово *ἐχθρός* (враг, ненавистник), которое здесь употребляется, в агиографической и аскетической литературе чаще всего означает дьявола.

⁴⁰ В оригинале с обращением: *κύρι Παφνούτιε*.

«Воистину, брат, великое служение удостоился ты свершить, что схоронил тело святого и великого отца нашего Онуфрия». Я же, поняв, что им⁴¹ Богом открыто и имя мое и кончина святого, встал и пал к ним в ноги. Они же, схватив меня, подняли и сказали: «Встань, брат, ибо Бог удостоил тебя сделаться другом святых Его, а нам ниспослал приход твой. Ибо мы шестьдесят лет живем в пустыне этой, ни одного человека не видя, кроме как тебя сегодня». Были же лица⁴² их красивы и чудесны, одеты же они были в левитоны из пальмовых ветвей, укрывающие их тела. Когда побеседовали мы о святом Онуфрии и других отцах, один из них, встав, сказал мне: «Встань, брат, возьми хлеба, ибо пришел ты издалека и наш долг – дать тебе отдохнуть и разделить с тобой радость». Когда же, встав, мы помолились, я увидел подле нас пять горячих хлебов, чистых и пышных. Они же принесли и другое съестное, и мы вместе поели. Я же дивился на хлеба эти. Они же сказали мне: «Вот, брате, видишь, шестьдесят лет четыре хлеба посылают нам /f. 41 a/ от Царя Нашего Христа, ради твоего прихода сегодня послали нам пять хлебов. Не видим мы, кто их приносит, но, приходя, находим их (Р. 6) лежащими и свежими».

После того, как мы поели, мы встали и свершали великую службу (Богу) с позднего вечера до раннего утра, читали псалмы и молились. [Когда наступило утро]⁴³, было воскресенье. И умоляя я их (разрешить мне) пребывать с ними до кончины своей, они же сказали мне, что нет воли Божией (на это): «Иди и исполни заповедь великого отца (нашего) Онуфрия». Когда я снова пал ниц [желая знать их имена]⁴⁴, они сказали: «Тот, Кто ведает сердца всех (живущих), знает и имена наши. Ты же поминай нас, брат возлюбленный, до тех пор, пока не увидим мы друг друга в доме Божиим». Проведя с ними пять дней, я простился с ними, благословился у них и ушел. И шел один день. И нашел источник и место, где была еда, и, присев, отдохнул немного. И, встав, оглядел место. И были в нем различные растения: финики, гранаты, виноград, яблоки, смоковница, персики⁴⁵, юба⁴⁶, и все они были наполнены плодами,

⁴¹ Здесь в копии о. Жозефа Парамеля (Р. 5, 127) стоит аккузатив (αὐτοῦς) с его пометкой sic над строкой. В издании Алькена (Halkin. 1989. Р. 84, 208) стоит датив (αὐτοῖς).

⁴² В копии о. Жозефа Парамеля (Р. 5, 131) – датив, в публикации Алькена (Halkin. 1989. Р. 84, 216) аккузатив.

⁴³ Конъектура по Halkin. 1989. Р. 84, 234.

⁴⁴ Конъектура по Halkin. 1989 Р. 85, 238-239.

⁴⁵ Упоминание о яблоках, смоковнице и персиках отсутствуют в публикации Алькена: см. Halkin. 1989. Р. 85, 249.

одни были в цвету, другие чернели, и вкус их был слаще меда. И сильное благоухание распространялось в месте этом так, что показалось мне, будто стою я в раю. Когда я удивлялся красоте места этого и размышлял, кто насадил здесь (всё) это, то увидел четырех /f. 41 b/ юношей, идущих ко мне издали и одетых в овечьи шкуры: и столь славными показались они мне в образе (своем), что принял я их за ангелов. И, увидев их, побежал я и пал к ним в ноги, они же исполнились великой радостью и, подняв меня, приветствовали и сказали: «Радуйся, брат Пафнутий, что удостоился похоронить старца и благословиться у него». И, сорвав этих плодов, дали мне (их) вкусить. И возвеселилось сердце мое от любви, которую они имели ко мне. И сказал я им: «Ради Господа, скажите мне как пришли вы сюда и откуда вы». Они сказали мне с радостью: «Поскольку Господь послал тебя сюда, мы не будем скрывать от тебя. Мы из города Оксиринха, (от) знатных родителей. Отправили нас в школы, (где) получили мы начальное образование. Пройдя более совершенное обучение, мы договорились друг с другом учиться мудрости Божией. И вот однажды, взяв немного хлеба и воды, устремились мы в пустыню, и шли там семь дней, пока не остановились в восхищении, увидев впереди себя мужа несравненного славой, который, схватив нас, отвел в это место /f. 41^a/: мы нашли здесь мужа очень старого, и (тот, что привел нас) передал нас ему и ушел. И пребывали мы с (Р. 7) сим святым старцем целый год, учась у него как служить Господу. По прошествии года, скончался сей святой старец, и вот с тех пор пребываем мы здесь одни, и по благодати Божией провели мы здесь шесть лет, совершенно не вкушая хлеба и другой пищи, кроме плодов этих древ, да и то редко и понемногу. По субботам собираемся здесь (на службу), и посылается ангел Господний передать нам Святые Таинства. И таким образом в субботу и воскресенье от них мы причащаемся, а рано утром после воскресенья уходим каждый в свое место и остаемся без пищи до следующей недели. И вот сейчас ради этого мы собрались, ожидая пришествия ангела. Приготовься и ты принять Причастие от ангела: ибо тот, кто от него причастится, освободится от всех грехов своих и становится он неуязвим для дьявола». Я же, услышав слова эти /f. 41^b/, сделался совсем другим и подивился человеколюбию Божию и промыслу (Его), что не оставляет (Он) боящихся Его. Когда настал шестой час, мы встали и начали молиться и хвалить Бога. И вот пришел к нам ангел и

⁴⁶ Другие названия: «зизифус», «унаби», «китайский финик», «жужуба». Кустарник или небольшие деревья с плодами. С древности произрастает в Средиземноморье, Южной и Восточной Азии.

удостоились мы от него принять Святое Причастие. И благословившись от святого ангела, вкусили мы от плодов деревьев и, встав, пели псалмы до утра. Когда настал день воскресный, дошло до нас такое благоухание, какого нет в мире, и понял я, что идет ангел. И пришел снова ангел и передал нам⁴⁷ чистую Плоть и Кровь Господа Нашего Иисуса Христа. И исполнились сердца наши радостью и восторгом и благословил он каждого из нас, говоря: «Пусть Плоть и Кровь Господа Нашего будет вам пищей нетленной для жизни вечной». И возрадовались мы радостью неизреченной. Повернулся ко мне ангел и сказал: «Иди в Египет, ибо такова воля Господа о тебе, и явил (Он) тебе то, что ты желал (узнать). И возвести то, что ты услышал и увидел, христоробивым братьям для (их) пользы и духовного усердия, чтобы стяжать тебе совершенную награду от Бога. Ибо и твое время пришло /f. 42 a/, и надлежит тебе отойти вместе с Онуфрием в блаженство святых. Ибо как я ранее сказал тебе, иди в Египет, ибо именно это повелел мне Господь возвестить тебе».

Сказав это и благословив нас, удалился ангел на небеса с великою славою, и видели мы (это). И принесли они снова плодов, и вкусили мы (их) вместе. И проводили они меня немного, сотворили мы молитву и (потом) они повернули назад. Когда они повернули обратно, просил я их назвать имена свои. И сказал один (из них), что зовут (его) Иоанн, другого – Андрей, третьего – Феофил, четвертого – Геракламон. Ушел я от них и никогда их более не видел. Возвращался я, плача и печальясь об утрате их и вспоминая то, что видел и слышал от достойнейших сих мужей и святого ангела, и очень утешался (этим) и благодарил Бога за чудеса Его.

Перед тем как прийти в Египет, встретил я братьев богобоязненных и оставался с ними десять дней, беседуя с ними о том, что видел и слышал я. Они же, будучи трудолюбивы, записали все в рукописи, и послали их в Скит и Александрию /f. 42 b/, чтобы услышаны были чудеса Божии». Упокоился же отец наш Онуфрий в июне месяце, одиннадцатого (числа). Когда возвестили они рассказ блаженного и великого Пафнутия, то сильно восславили Бога, получив (духовную) пользу от жития святого отца нашего Онуфрия и остальных святых. (Пафнутий) же, придя в келью свою, (тем же) днем увидел ангела, сказавшего ему: «Следуй, наконец, за мной, блаженный Пафнутий, в вечные обители, пророки и апостолы уже сошлись в общем сонме⁴⁸, чтобы принять тебя. Я не сказал тебе этого ранее, чтобы, превознесшись, не лишился ты

⁴⁷ В копии о. Жозефа Парамеля (Р. 7, 188) аккузатив (ἡμᾶς) с указанием sic над строкой. В публикации Алькена (Halkin. 1989. Р. 86, 309) – датив (ἡμῖν).

⁴⁸ Греч. ἐσπῶν χοροῦς.

награды». После того как он прожил еще день, по откровению пришли к нему три пресвитера, и в их присутствии он предал душу Господу. И ясно видели пресвитеры, как его вместе с хорами ангелов и праведников взяли (на небо). И они, приготовив его к погребению, с почестями похоронили его. И сотворив молитвы, ушли, славя Бога.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Åkerman Sarkisian K.* Житие Онуфрия Пустынника в рукописной традиции средневековой Руси. Uppsala, 2007 (диссертация).
- Войтенко А.А.* Коптское «Житие преп. Онуфрия Великого» и египетское монашество в конце IV в. // Культура Египта и стран Средиземноморья в Древности и Средневековье. Сборник статей, посвященный Т.Н. Савельевой. М., 2009. С. 127-143.
- Лённгрен Т. П.* Сборник Нила Сорского. М., 2000. Ч. 1.
- Лурье В. М.* Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб., 2000.
- Amélineau E.* Voyage d'un moine égyptien dans le désert // Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Vol. 6. Paris, 1885. P. 166-194.
- BHG = Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. par F. Halkin. Bruxelles, 1957³. Vol. I-III.
- BHGa = Novum Actuarium. Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. par F. Halkin. Bruxelles, 1984.
- Budge E. A. W.* Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford, 1914.
- Elliott. A. G.* Roads to Paradise. Reading the Lives of the Early Saints. Hanover; L., 1987.
- Hagiographica inedita decem e codicibus eruit F. Halkin. Turnhout; Leuven, 1989 (Corpus Christianorum. Series Graeca, 21).
- Halkin F.* La vie de saint Onuphre par Nikolaos le Sinaïte // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. 1987. N. S. 24. P. 7-27.
- Historia monachorum in Aegypto / Édition critique du texte grec par A.-J. Festugière. Bruxelles, 1961 (Subsidia Hagiographica, 34).
- Hymmat H.* Bibliothecae Pierpont Morgan Codices Coptici Photographice Expressi. Rome, 1922. Vol. 48.
- Πάσχος Π.Β.* Ὁ ἀναχωρητικὸς μοναχισμὸς κατὰ τὸν Δ' αἰῶνα (Βίος τοῦ Μεγάλου Ὀνουφρίου) // Θεολογία. 1990. 61. Σ. 817-858.
- Preuschen E.* Palladius und Rufinus. Giessen, 1897.

REFERENCES

- Åkerman Sarkisian K.* Zhitie Onufrija Pustynnika v rukopisnoj tradicii sredne-vekovoj Rusi. Uppsala, 2007 (dissertacija).
- Vojtenko A.A.* Koptskoe «Zhitie prep. Onufrija Velikogo» i egipetskoje monashestvo v konce IV v. // Kul'tura Egipta i stran Sredizemnomor'ja v Drevnosti i Srednevekov'e. Sbornik statej, posvjashennyj T.N. Savel'evoj. M., 2009. S. 127-143.
- Lönngrén T.P.* Sobornik Nila Sorskogo. M., 2000. Ch. 1.
- Lur'e V. M.* Prizvanie Avraama. Ideja monashestva i ee voploshenie v Egipte. SPb., 2000.
- Amélineau E.* Voyage d'un moine égyptien dans le désert // Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Vol. 6. Paris, 1885. P. 166-194.
- BHG = Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. par F. Halkin. Bruxelles, 1957³. Vol. I-III.

BHGa = Novum Auctarium. Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. par F. Halkin. Bruxelles, 1984.

Budge E. A. W. Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford, 1914.

Elliott. A. G. Roads to Paradise. Reading the Lives of the Early Saints. Hanover; L., 1987.

Hagiographica inedita decem e codicibus eruit F. Halkin. Turnhout; Leuven, 1989 (Corpus Christianorum. Series Graeca, 21).

Halkin F. La vie de saint Onuphre par Nikolaos le Sinaïte // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. 1987. N. S. 24. P. 7-27.

Historia monachorum in Aegypto / Édition critique du texte grec par A.-J. Festugière. Bruxelles, 1961 (Subsidia Hagiographica, 34).

Hyvernat H. Bibliothecae Pierpont Morgan Codices Coptici Photographice Expressi. Rome, 1922. Vol. 48.

Πάσχος Π.Β. Ὁ ἀναχωρητικὸς μοναχισμὸς κατὰ τὸν Δ΄ αἰῶνα (Βίος τοῦ Μεγάλου Ὀνουφρίου) // Θεολογία. 1990. 61. Σ. 817-858.

Preuschen E. Palladius und Rufinus. Giessen, 1897.

Войтенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, Центр египтологических исследований РАН, старший научный сотрудник, cesras@cesras.ru.

Epitome of the Life of saint Onnophrius the Great (BHGa 2330a)

The publication presents a Russian translation of an epitome of the Life of saint Onnophrius the Great from a Greek manuscript (Paris gr. 919, s. XIII–XIV, ff.37-42), made after its copy from the archive of father Joseph Paramelle, s.j. (1925–2011). The text of the epitome was interpolated in the 14th chapter of “Historia monachorum in Aegypto”, a famous early Christian text. In the preface, the author of the translation made a number of assumptions about some Greek versions of the Life of saint Onnophrius.

Keywords: Life of saint Onnophrius the Great, Historia monachorum in Aegypto.

Anton A. Voytenko, PhD, Russian Academy of Sciences, Center for Egyptological Studies, Senior Researcher, cesras@cesras.ru

Т. Н. ИВАНОВА, Г. П. МЯГКОВ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ «УНИВЕРСИТЕТОЛОГИИ»

Рецензия на книгу «Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки» (Омск: Издат. дом «Наука», 2014).

Ключевые слова: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, история университетов, университетское пространство, университетская корпорация, практики консолидации, интеллектуальная культура.

«Круглые» даты в жизни ведущих вузов сообщают импульс появлению исследований, в которых история конкретного учебного заведения размещена в формате «университетского вопроса», тем самым способствуя его дальнейшей разработке. Именно к такому типу изданий относится посвященная 40-летию Омского государственного университета и адресованная «сотрудникам, студентам и выпускникам Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского» книга с «говорящим названием»: «Университет в истории и история университета»¹. Авторский коллектив² под руководством известного специалиста в области истории историографии и социологии науки В.П. Корзун задается целью «*избежать традиционного для исследований такого жанра монументально-парадного подхода в изображении живой истории университетского сообщества, поставив во главу угла представление об университете как особом феномене*» (с. 3). И верно, мемориальная, по сути, работа, посвященная столь сложной теме – нужно было осветить историю и достижения достаточно крупного сообщества, в котором только число факультетов в настоящее время достигло тринадцати, – с наибольшей вероятностью могла бы стать сборником очерков, но благодаря избранной методологии, продуманной структуре, тщательному отбору и структурированию материала, предстаёт – вопреки заявленному очерковому формату – как книга, собравшая «живую историю» уни-

¹ Университет в истории и история университета... [далее – ссылки в тексте].

² С.П. Бычков, В.Ю. Волошина, О.А. Гайлит, М.А. Жигунова, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, О.В. Петренко, В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов. Редакционная коллегия: В.П. Корзун (отв. ред.), В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов, В.И. Струнин, А.В. Якуб, А.В. Кузнецова (отв. секретарь).

верситета в одно целое. В силу этого она приобретает особый характер, вызывая интерес не только у читателей, связанных с Омским университетом, но и у тех, кто заинтересован в решении задачи создания исследований по комплексной истории тех университетов, которые готовятся в ближайшее время отметить свои «круглые даты»³.

В основу исследовательского дискурса рецензируемого труда положены институциональный, социокультурный и антропологический подходы. Сопряжение и использование этих подходов в тех соотношениях, какие адекватны избранным эвристическим стратегиям, позволяет авторам не только создать объемную и впечатляющую картину деятельности открытого на излете «оттепельных» веяний сибирского университета, но и предложить всему научному сообществу аналитическую модель, успешно реализованную в рецензируемой книге.

Имея пример казанских исследователей (авторов книги «Terra Universitatis», созданной к 200-летию Казанского университета⁴), поставивших в центр внимания «университетское пространство, университетскую культуру и университетского человека», труды, закладывающие историко-культурную традицию изучения жизни университетов, университетских городов⁵, а также проект «Университет как корпорация. Эволюция институциональных характеристик. XIX–XX вв.», осуществляемый с 2011 г. в НИУ «Высшая школа экономики» под руководством Е.А. Вишленковой⁶, омские ученые обогатили этот проблемно-концептуальный формат. Они выработали «матрицу», включившую четыре крупных блока: 1) университет в пространстве истории и пространство университета; 2) университетский человек и складывание университетской корпорации; 3) университет как научно-образовательный центр; 4) университетская корпорация и практики консолидации. В результате в центре исследования оказывается человек университета, взятый в разных измерениях: как член университетской корпорации, как ученый, как организатор образования, как легенда в памяти учеников и коллег; в качестве основоположника научной школы и т.д. Именно через личности

³ В 2016 г. столетний юбилей отметит Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 85-летие – Удмуртский государственный университет, в 2017 г. 50 лет исполнится Чувашскому государственному университету им. Н.И. Ульянова, в 2018 г. свое столетие встретят Воронежский, Ивановский, Иркутский, Костромской государственные университеты и т.д. О задаче выработки алгоритма создания научной литературы по истории университетов см.: *Иванова*. 2014.

⁴ См.: *Вишленкова, Малышева, Сальникова*. 2005.

⁵ См.: *Университет и город в России*. 2009; *Рыженко* 2009.

⁶ Первые результаты реализации проекта представлены в кн.: *Сословие русских профессоров*. 2013.

универсариев раскрываются перечисленные выше блоки рецензируемой книги. «Нервюрой» этой конструкции становится галерея портретов ряда выдающихся людей Омского университета.

Раздел «Университет в пространстве истории и пространство университета» погружает нас в далекую историю зарождения идеи первого сибирского университета. Биографии Н.М. Ядринцева, В.А. Рябова, С.И. Манякина, других энтузиастов просвещения служат иллюстрацией процессов формирования образовательно-научного ландшафта Омска.

Особняком стоит раздел «Наш Классический в Нефтяниках...». Это историко-топографический этюд, в котором университет как социально-культурное явление организует вокруг себя городскую среду. История близлежащих улиц и площадей придает этому разделу характер добротного краеведческого исследования, несомненно, интересного для жителей города (с. 40-54).

Структура и содержание раздела «Университетский человек и складывание университетской корпорации» включает в себя биографии ректоров, историю создания факультетов и подразделений вуза, причем антропология университетской истории создает каркас и этого раздела. Рассказы о ректорах далеки от официальных биографий, они «очеловечены» цитатами из интервью, повествованием о частной стороне их жизни.

Антропологическая константа присутствует и в разделе «История создания факультетов и отделений», где должна была бы преобладать институциональность. История каждого факультета и подразделения заканчивается портретом «человека-легенды», «человека-символа». Проникновенны рассказы о таких людях университета как А.В. Мордвинов (с. 110-111); Г.К. Садретдинов (с. 101-106); А.И. Петров (с. 139-143). Совершенно уникален, например, очерк, посвященный известному ученому-филологу К.П. Степановой (с. 297-300), в котором сделана попытка очертить эту личность в ее неповторимости, сложности, харизматичности, воздействии на коллег и студентов. Авторам этих и многих других биографий удалось насытить повествование тщательно собранными деталями жизни, поэтическими посвящениями и даже курьезами, что в совокупности не просто характеризует героев, но создает общий фон университетской жизни. Однако эти портреты соседствуют с вполне традиционными биографиями представителей ряда факультетов, из чего можно заключить, что эти фигуры пока не дождалась столь же изобретательных биографов.

Вообще, можно представить себе затруднения авторского коллектива при определении героев очерков, поскольку замечательных людей, о которых стоит рассказать, всегда больше, чем позволяет объем издания.

Поэтому исследовательская антропология организована в виде определенной иерархии: есть портреты организаторов образования, ректоров, следующий «ранг» – люди-легенды, далее – руководители научных и научно-педагогических школ, завершает раздел «галерея» ученых.

Согласимся, что определение/классификация той или иной личности либо как «легенды», либо «основоположника научной школы» или же «выдающегося ученого» вещь до известной степени условная, что с необходимостью оборачивается апориями в процессе поиска искомой фигуры. Например, профессор Н.А. Томилов – основатель этнографической научной школы (с. 196-197), значит, он уже не представлен среди «выдающихся ученых» или в когорте «легенд» университета. Преодолеть эту неоднозначность в какой-то мере мог бы именней указатель, будь он подверстан к книге. Отметим, что портреты представителей негуманитарных специальностей получились не столь живописными и объемными, гуманитарии выглядят фигурами более значимыми и харизматичными, что, видимо, надо отнести к недоработкам авторов. Редколлегия внятно означила другой недостаток предложенного варианта портретной галереи ученых: представленный исключительно учеными-мужчинами, он «диссонирует с характеристикой коллективного портрета преподавателей университета, где доминируют женщины» (с. 250), этот факт, естественно, требует своего дальнейшего осмысления (особенно в свете заявленных методик, в том числе современной гендерной истории⁷, да и кадровой политики администрации университета).

Впечатляет представленный в разделе «Университетская корпорация. Практики консолидации» уникальный материал о коммеморативных практиках, общеуниверситетских и факультетских праздниках как формах сплочения университетского сообщества, который собран самими авторами по методике устной истории. Со страниц книги встают картины живой истории, которые, по обыкновению, не фиксируются в традиционных источниках. Несомненным достоинством издания является подробная библиография. Институциональная структура университета в разные годы представлена в наглядных схемах и таблицах (с. 369-373).

Соотнося социальное время с движением университета от прошлого к настоящему, авторы выделяют два этапа его эволюции – советский и постперестроечный. На советском этапе, когда «идея единства университетского сообщества, как это не парадоксально, поддерживалась духом

⁷ Такое решение выглядит совершенно необоснованным в свете созданных омскими историографами трудов, отразивших гендерный «поворот». См.: Мир историка. 2008; Мягков, Бухараев. 2010.

коллективизма советской эпохи» (с. 359), присутствовали энтузиазм, понимание важности общего дела и приоритетность научных занятий в университете. Для постперестроечного этапа характерен отток в политику и бизнес «потенциально значимого творческого слоя из сферы образования и науки», расхождение ценностных установок старшего и среднего поколения преподавателей, распространение утилитарно-прагматической позиции среди молодого поколения и др. Тем более важным делом становится появление книг, которые побуждают университетское сообщество к коллективной интроспекции, так что нам остается присоединиться к авторам, выражающим надежду на то, что «написанная нами история и наши размышления поспособствуют дальнейшей рефлексии универсариев над судьбой ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и станут дополнительным толчком для поворота к сплочению университетской корпорации, столь необходимой в переживаемую переломную эпоху для выполнения миссии университета в самом высоком её звучании» (с. 361).

Представляется, что реализованная авторами исследовательская модель отражает общий наметившийся интерес гуманитаристики к интеллектуальной культуре как самостоятельной исследовательской проблеме⁸. Полагаем также, что эта книга с большим вниманием будет встречена теми, кто интересуется историей высшего образования, и они по достоинству оценят повествование с его вниманием к деталям и четкой структурой организации текста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005. 500 с.
- Иванова Т.Н. Проблемы изучения истории национальных университетов республик – субъектов РФ // Российская интеллигенция в условиях цивилизованных вызовов: сборник статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 210-218.
- Мир историка: историографический сборник / под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. 560 с.
- Мягков Г.П., Бухараев В.М. Гендер в историческом познании: не только полезно, но и не страшно. Новый антропологический опыт в альманахе «Мир историка» // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 395–406.
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 7-19.
- Рыженко В.Г. Университет в городском пространстве и в образе города // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 1 (27). С. 95–99.
- Словие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под общ. ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. 386 с.

⁸ См.: Репина. 2014.

Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки / отв. ред. В.П. Корзун. Омск: Издат. дом «Наука», 2014. 380 с.; ил.

Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое лит. обозр., 2009. 784 с.

REFERENCES

Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani. Kazan': KGU, 2005. 500 s.

Ivanova T.N. Problemy izucheniya istorii natsional'nykh universitetov respublik – sub"ektov RF // Rossiiskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizovannykh vyzovov: sbornik statei. Cheboksary: TsNS «Interaktiv plyus», 2014. S. 210-218.

Mir istorika: istoriograficheskii sbornik / pod red. S.P. Bychkova, A.V. Sveshnikova, A.V. Yakuba. Vyp. 4. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2008. 560 s.

Myagkov G.P., Bukharaev V.M. Gender v istoricheskom poznanii: ne tol'ko polezno, no i ne strashno. Novyi antropologicheskii opyt v al'manakhe «Mir istorika» // Dialog so vremenem. 2010. Vyp. 31. S. 395–406.

Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya // Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v novoe vremya / pod red. L.P. Repinoy. M.: Akvilon, 2014. S. 7-19.

Ryzhenko V.G. Universitet v gorodskom prostranstve i v obraze goroda // Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri. 2009. № 1 (27). S. 95–99.

Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / pod obshch. red. E.A. Vishlenkoy i I.M. Savel'evoy. M.: ID NIU VShE, 2013. 386 s.

Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки / отв. ред. В.П. Корзун. Омск: Издат. дом «Наука», 2014. 380 с.; ил.

Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое лит. обозр., 2009. 784 с.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; tivanovan@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского (Приволжского) федерального университета; gmyagkov@yandex.ru

Anniversary dates as a stimulus of development of “university studies”

Review of the book «University in history and the history of the university: to the 40th anniversary of the Omsk State University: essays» (Omsk: «Science», 2014).

Keywords: the Omsk State University, history of universities, university space, university corporation, practices of consolidation, intellectual culture.

Tatyana Ivanova, Dr.Sc. (History), Professor of Department of history and culture of foreign countries of the Chuvash State University; tivanovan@mail.ru

German Myagkov, Dr.Sc. (History), Professor of Department of Universal history of the Kazan Federal University; gmyagkov@yandex.ru

Л. М. МАКАРОВА

МАРИАН КОЛОДЗЕЙ: THEATRUM VITAE

Рецензия на книгу о жизни и творчестве известного польского сценографа и художника Мариана Колодзая – «Marian Kołodziej: Theatrum Vitae» (Gdańsk: MNG, 2013).

Ключевые слова: Мариан Колодзей, клише памяти, лабиринты, сценография.

Мариан Колодзей (06.12.1921 г. Рашков – 13.10.2009, Гданьск) – известный польский сценограф и художник. С началом войны и оккупации Польши он примкнул к небольшой организации молодежного Сопротивления, был арестован гестапо и в июне 1940 г. отправлен в концлагерь Аушвиц. В течение 1940–45 гг. Колодзей прошел через несколько лагерей, освобожден был уже из австрийского лагеря Эбензее, одной из структур Маутхаузена. После освобождения он окончил Краковскую академию изобразительных искусств, получил специальность сценографа и с 1951 по 1989 г. работал в Гданьском театре «Побережье» сценографом¹ и костюмографом, создавал сценографические проекты и для других сцен, как в Польше, так и за рубежом. Ему принадлежит серия карикатур «Кто есть кто в Польше». В 1987 и 1999 гг. к приездам в Польшу папы Иоанна Павла II Колодзей создал две кафедры, в Гданьске и в Сопоте, с которых папа должен был обратиться к верующим². В конце 1980-х гг. и после тяжелой болезни 1992 г. Колодзей вновь активно обратился к пережитому в концлагере. Так появилась серия рисунков на темы Аушвица, постоянная экспозиция которых находится в Харменжах (в прошлом одной из структур Аушвица), на территории францисканского монастыря³. Там же с 2009 г. покоится прах Колодзая.

Рецензируемая книга завершает проект под названием «Мариан Колодзей: Theatrum Vitae», подготовленный и реализованный в связи с 90-летним юбилеем мастера. В рамках этого проекта в декабре 2011 г.

¹ За время работы он создал сценографию для более чем 200 спектаклей, в том числе музыкальных.

² История создания этих двух кафедр представлена в книге в воспоминаниях, авторы которых – непосредственные участники этого процесса: гданьский епископ Т. Гоцловский, вдова мастера Х. Слоевская-Колодзей, бывшая актриса театра «Побережье», скульптор и театральный сценограф А. Рончевская-Афанасьев, скульптор по дереву Э. Зелиньский (эти воспоминания изданы отдельной книгой: Zieliński 2010).

³ Изданы несколько альбомов творчества М. Колодзая. Большая часть их касается концлагерных рисунков, но опубликованы также сценографические эскизы, карикатуры, изображения кафедр. См., например: Labirynty Mariana Kołodzieja. 2003; Pod kreską: Mariana Kołodzieja portret własny. 2005.

состоялись выставка и двухдневная конференция⁴. Статьи на базе докладов конференции и составляют содержание книги. Основная ее часть содержит обширную биографическую информацию и исследования многостороннего творческого наследия М. Колодзая.

Статья «Вместо биографии: у каждого своя судьба» [S. 17-29] куратора проекта М. Абрамович, многолетней сотрудницы Колодзая, театроведа, заведующей театральным отделом Гданьского национального музея, основана на высказываниях самого Колодзая об истории его семьи, детства и юности, пребывания в концлагере, учебы и работы, истории создания рисунков. Ей же принадлежит статья «Рисование как дыхание» о выставках, в которых участвовали работы Колодзая [S. 131-141].

Лагерным рисункам и выставкам этих работ, как в Польше, так и за рубежом, посвящена статья магистра филологии С. Свядка, «Клише памяти номера 432: запись лагерных переживаний Мариана Колодзая», которая является частью монографии⁵, единственной на сегодняшний день крупной работы о Колодзее. Ее название перекликается с названием альбома, изданного к выставке 1995 г. в Гданьске «Клише памяти. Лабиринты Мариана Колодзая»⁶. Свядек делает попытку интерпретации «текстов-рисунков» Колодзая с целью передать молодому поколению поляков послание, заключенное в «Клише памяти». Картина Аушвица комментируется как художественная интерпретация пережитого.

Этой темы в сборнике касается также обзорная работа С. Червонки, бывшего настоятеля францисканского монастыря в Харменжах и хранителя постоянной выставки М. Колодзая⁷, созданной в непосредственном сотрудничестве с ним. Статья под названием «Францисканское восприятие «Клише памяти» [S. 245- 255], среди прочего, содержит информацию о деятельности монастыря по пропаганде творчества Колодзая.

Следующая группа работ касается театральной деятельности Колодзая. Статья историка и искусствоведа А. Матыни «Театр свой видел огромным» [S. 61-71] отсылает к истории реформ польского театра, осуществлявшихся с конца XIX в. Матыня считает Колодзая последователем идей известных реформаторов польского театра С. Выпянского (1869–1907) и Л. Шиллера (1887–1954). Статья является обзором работ

⁴ Открывается книга краткими реляциями маршала Поморского воеводства, главы городского самоуправления и директора Национального музея Гданьска, подчеркивающими заслуги М. Колодзая перед Гданьском, почетным гражданином которого он был. Одна из небольших улиц в центре города носит его имя.

⁵ Świadek 2011. Статья носит то же название

⁶ Kołodziej 1997.

⁷ С 2012 г. С. Червонка проживает в США.

театральных критиков, содержащих оценку сценографической деятельности Колодзая. При этом автор ограничивается разбором суждений критиков об отдельных спектаклях, уделяя главное внимание вопросу концептуальной значимости работ Колодзая и порицая критиков за недостаточное внимание именно к этой стороне вопроса.

Статья театрального критика А. Журовского касается сотрудничества М. Колодзая с режиссером С. Хебановским (1912–1983), вместе с которым были поставлены шестнадцать спектаклей. Эта тема тесно связана со спецификой развития сценографии XX в., когда сценограф становится самостоятельным художником, выражающим собственное видение спектакля⁸, временами отличного от режиссерского. Журовский оценивает характер сценографии Колодзая как «интерпретационный», имея в виду расширение символического языка и многомерность восприятия спектакля: зрителем воспринимается метафорический слой сценографии, переходящий затем в синтетический ее образ.

Статья театроведа М. Грот «Тишина рисованных слов. В поисках формы» [с. 87-101] касается выставки 1990 г. под названием «Колодзей в масштабе 1:20», организованной по принципу сценографического проекта. Этой выставкой Колодзей подводил итог всей предшествующей работы, сам ее спроектировал, наблюдал за ее подготовкой. Выставка занимала 10 залов, и организующим началом первого из них, полностью посвященного Аушвицу, были 16 рисунков на темы, которые Колодзей полагал символическими останками на его «крестном пути». Здесь Колодзей, по мнению М. Грот, поставил ключевой вопрос – как именно следует изображать Аушвиц. На выставке, считает М. Грот, подчеркивается даже пространственная связь между лагерными рисунками и сценографическими проектами Колодзая. Вход в залы сценографии пролегал через первый зал, в котором воссоздавался образ концлагеря. В сценографии серии спектаклей присутствовали или концлагерь, или столь же явное его отрицание (в частности, за счет манипулирования освещением расширялось пространство сцены для противопоставления сжатости и тесноте концлагеря). Очень коротко автор статьи упоминает об образе лабиринта, по крайней мере, его отдельных элементах (лестницах, ведущих в никуда, или клубах дыма, частично скрывающих пространство сцены), использовавшихся Колодзею. Между тем образ лабиринта может считаться системообразующим элементом не только всего его творчества, но и жизни, по крайней мере, в его собственной интерпретации⁹.

⁸ См.: Березкин 2010. С. 194; Пави 1991. С. 338-339.

⁹ См. об этом: Макарова 2014.

Рассматриваются также способы выражения протеста М. Колодзeya против обезличивания как основного проявления концлагеря. На его рисунках, в частности, лагерные номера находятся на лбу заключенных.

Наиболее интересны статьи З. Ватрак и М. Новака. Искусствовед Ватрак полагает, что, хотя Колодзей стремился дистанцироваться от искусства, тем не менее язык, которым он пользовался, был именно языком искусства. Она анализирует выставки работ Колодзeya, проходившие в Польше после 1990 г., когда он уже попрощался с театром, но статья «О выставках Мариана Колодзeya: аналитическое размышление» [S. 119-130] посвящена методу его работы и касается всего творчества. Ватрак вводит термин «лабиринт» как очень важный для Колодзeya, особенно для понимания выставочного пространства. Зритель вслед за мастером становится паломником не только по непонятному миру, но и по пути познания. [S. 120, 127]. Относительно метода в работе нет единого мнения. Ватрак полагает, что основное художественное направление Колодзeya – это маньеризм. Но она упоминает также о готике. Колодзей употреблял этот термин при пояснении собственных художественных поисков, связанных со способами изображения страданий. Готика оказывалась не собственным стилем Колодзeya, а простым заимствованием средств художественного выражения. Колодзей сопоставляется с другим корифеем в области сценографии Ю. Шайной на основе символического критерия: это свалка, которая одинаково часто использовалась в сценографии обоими мастерами, но интерпретировалась и выглядела по-разному. На выставке Колодзeya свалка была метафорой его работы в театре.

В статье М. Новака «Вне времени и пространства: три лика любви в Клише памяти Мариана Колодзeya» [S. 217-241] речь идет уже о лабиринте памяти, встрече и прощании с самим собой. Согласно Новаку, Колодзей сконструировал маршрут, по которому должен идти зритель, чтобы пройти через лабиринт. Новак рассматривает постепенное изменение выставки в Харменжах, отмечая трансформацию ее пространства. Так, первоначально там предполагался только один выход, сходство с лабиринтом было максимальным. Позднее экспозиция изменилась, из лабиринта Аушвица сейчас выходят в миниатюрный японский садик, призванный при помощи медитации снять напряжение выставки. Во многих случаях неявные отсылки Новака к лабиринту связаны с представлением о «лабиринте сознания»: имеются в виду рисунки Колодзeya, идея которых возникла в сознании, помраченном болезнью [S. 217-219]¹⁰.

¹⁰ Такая точка зрения на лабиринт присутствует, в частности, в работе: Poulet 1977. Ж. Пуле дополнительно ссылается на работу Т. Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум».

Особое место в сборнике занимает статья историка кино К. Корнацкого «Мудрое служение», посвященная анализу костюмов, созданных Колодзеем для кино. Иной информации о костюмах Колодзеем, даже применительно к театру, в монографии нет. Автор определяет отрезок времени, связанный у Колодзеем с кино, 1957–1970 годами. За этот период он работал при создании 31 фильма. Корнацкий в первую очередь обращает внимание на специфику использования костюма в кино, на необходимость строго учитывать культурные коды эпохи, к которой относится фильм. Поскольку в мужских костюмах XX в. доминировали униформа или стандартный костюм, обрекающий на монотонность одежды, существенно больше возможности для проявления индивидуальности Колодзеем, по мнению автора, предоставляли женские костюмы. Поэтому, полагает Корнацкий, только применительно к женским костюмам можно говорить о собственном «почерке» Колодзеем, создании необыкновенно элегантных одежд, при всем соответствии эпохе фильма. Наиболее важным Корнацкий считает создание костюмов для фильма 1964 г. об Аушвице¹¹, когда примитивная полосатая одежда должна была содержать характеристики заключенных, в том числе моральные.

Помимо работ участников конференции, книга содержит обширный справочный материал, куда входит перечень более 200 сценографических работ М. Колодзеем для драматических и музыкальных театров, как реализованных, так и оставшихся в эскизах (отдельно отмечены работы, подготовленные для зарубежных театров). Приведен перечень сценографии телевизионного театра, художественных фильмов, к которым Колодзей готовил костюмы. Перечислены выставки, как коллективные, на которых присутствовали работы Колодзеем, так и индивидуальные, проводившиеся при его жизни и после смерти [S. 295-322].

Обширная библиография представлена газетными и журнальными статьями, систематизированными по отдельным спектаклям, выставкам, рисункам [S. 325-335]. Завершается этот перечень информацией о телефильмах и радиопрограммах, посвященных Колодзеем и, как правило, при его участии. Книга обильно иллюстрирована photographиями, сценографическими эскизами, рисунками и пр.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Березкин В.И. Искусство сценографии мирового театра. В двух томах. Т. 1: От истоков до середины XX века. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2010. С.194;
Пави П. Словарь театра /Пер. с фр. М.: Прогресс, 1991. С.338-339.
Kołodziej M. Klisze pamięci. Gdańsk, Słowo-obraz, 1997.

¹¹ Реж. В. Якубовская. «Конец нашего мира» (по пьесе Т. Холуя).

- Labirynty Mariana Kołodzieja. Stała wystawa Mariana Kołodzieja – Oświęcim-Harmęże. Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej Bernardinum Zakon oo. Franciszkanów (OFMConv.). Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Pelplin- Oświęcim, 2003.
- Pod kreską: Mariana Kołodzieja portret własny. Gdańsk: Nadbałtyckie Centrum Kultury, 2005.
- Poulet G. *Metamorfozy czasu. Szkice krytyczne* Tłum. W. Błońska i in. Warszawa, Państwowy Instytut wydawniczy, 1977.
- Świadek S. *Klisze pamięci numeru 432. Mariana Kołodzieja zapis gehenny obozowej. Harmęże*, EKODRUK, 2011.
- Zieliński E. *Ołtarz papieski dłutem stworzony*. Gdańsk, 2010.

BIBLIOGRAFIJA

- Berezkin V.I. *Iskusstvo stsenografii mirovogo teatra. V dvukh tomakh. T. 1: Ot is-tokov do sere diny KhKh veka. Izd. 2-e. M.: Editorial URSS, 2010. S.194;*
- Pavi P. *Slovar' teatra /Per. s fr. M.: Progress, 1991. S.338-339.*
- Kołodziej M. *Klisze pamięci*. Gdańsk, Słowo-obraz, 1997.
- Labirynty Mariana Kołodzieja. Stała wystawa Mariana Kołodzieja – Oświęcim-Harmęże. Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej Bernardinum Zakon oo. Franciszkanów (OFMConv.). Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Pelplin- Oświęcim, 2003.
- Pod kreską: Mariana Kołodzieja portret własny. Gdańsk: Nadbałtyckie Centrum Kultury, 2005.
- Poulet G. *Metamorfozy czasu. Szkice krytyczne* Tłum. W. Błońska i in. Warszawa, Państwowy Instytut wydawniczy, 1977.
- Świadek S. *Klisze pamięci numeru 432. Mariana Kołodzieja zapis gehenny obozowej. Harmęże*, EKODRUK, 2011.
- Zieliński E. *Ołtarz papieski dłutem stworzony*. Gdańsk, 2010.
- Salamatova O.V. *Apologiya zhenshchin i zhenskogo v rabotakh Dzhona Donna i Ouena Fel'tama // Zhenskaya istoriya i sovremennye gendernye roli... 2010. S. 38-43.*

Макарова Любовь Михайловна, доктор исторических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета; makarovalmpost@gmail.com

Marian Kołodziej: Theatrum vitae

A review of the monograph dedicated to life and work of a famous Polish scenographer and artist Marian Kołodziej – «Marian Kołodziej: Theatrum Vitae» (Gdańsk: MNG, 2013).

Keywords: Marian Kołodziej, memory cliché, labyrinths, scenography.

Lyubov Makarova, Dr Sc. (History), Assistant Professor, Professor, Institute for Humanities, Syktvykar state University; makarovalmpost@gmail.com

CONTENTS

<i>In memory of Irina Nikolaeva (1955–2015)</i>	5
<i>History and theory</i>	
History and Theory at the XXII Congress of the CIHS. The Round Table «Event and Time in Historical Perspectives» (<i>L.P. Repina, Z.A. Chekantseva, O.B. Leontieva</i> ; introd., comp. and edit. by <i>L.P. Repina</i>).....	8
<i>E.G. Zadorozhnyuk</i> Revolutions of a new type: from ‘in vitro’ to ‘in natura’.....	33
<i>Intellectual history today</i>	
<i>O.V. Sidorovich</i> Numa and Pythagoras: cultural and historical context of the Roman historiography.....	53
<i>M.S. Petroff</i> The texts of Aristotle in the Latin tradition of Late Antiquity.....	72
<i>V.V. Petroff</i> Aristotelian Tradition on Flow and Continuity in the Ever-Changing Living Bodies of Individuals.....	82
<i>I.G. Konovalova</i> On Continuity in Medieval Geography: Arab Geographers of the 12th–14th Centuries about Eastern Europe.....	93
<i>History and memory</i>	
<i>O.I. Khoruzhenko</i> Descent Lists in Ancestral Memory Studies.....	102
<i>N.A. Selunskaya</i> Memory as profitable investment: society and cult in Italy of Trecento and Quattrocento.....	120
<i>In the space of socio-cultural history</i>	
<i>Yu.S. Obidina</i> Greek world and Christianity, or Once again on the religion of the ancient Greeks.....	141
<i>S.I. Murtazaliev</i> Mountains and mountaineers in the history of the world civilization, and as interpreted by G.D. Gachev.....	152
<i>History and literature</i>	
<i>K.A. Sozinova</i> Inheritance novels: English society and traditional English landownership in the late 18th – early 19th centuries (Jane Austen’s novels).....	181
<i>V.P. Bogdanov</i> Images of merchants in Russian literature.....	193

Literary Museums of Russia

D.P. Bak

The project of publication of Encyclopædia “Literary Museums of Russia” and new algorithms in the work of the network of Russian literary museums... 223

E.A. Vorontsova

From the “Museum encyclopedia of Russia” to the Encyclopædia “Literary Museums of Russia”: Encyclopædia as an information resource on the history of culture..... 227

N.B. Kornienko, D.S. Moskovskaya

Legacy of N.P. Antsiferov and the goals of the encyclopædia “Literary Museums of Russia”..... 243

Conception of Encyclopædia “Literary Museums of Russia”: rubrics, model schemes of articles, tasks in preparing the edition..... 256

In the vast expanses of Eurasia

I.V. Volkov

On the 150th Anniversary of the Annexation of Central Asia by Russia: change of research paradigms..... 284

A.S. Vatshuk

The fate of the Russian Far East, or the Contribution of the Region in the Development of Russia: research Experience..... 303

S.M. Dudarenok

Formation and development of religious space of the Far East in the post-Soviet period..... 323

Historical notes

S.V. Alexeyev

Medieval literary topoi, or reality? Two examples from the Lives of the cycle of St Savva..... 345

A.A. Palamarchuk

Fruitful loan or national treasure? F.W. Maitland, W. Stubbs and their polemics on civil law in Medieval England..... 352

A.V. Simonov

Imperial ideology in the British mass media in the late 19th – early 20th century..... 360

Translations and publications

A.A. Voitenko

Epitome of the Life of saint Onnophrius the Great..... 369

Reading books...

T.N. Ivanova, G.P. Myagkov

Anniversary dates as a stimulus of development of “university studies”.... 384

L.M. Makarova

Marian Kołodziej: *Theatrum vitae*. Review: *Marian Kołodziej: Theatrum Vitae*. (Gdańsk: MNG, 2013)..... 390

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Памяти Ирины Юрьевны Николаевой (1955-2015)</i>	5
<i>История и теория</i>	
История и теория на XXII Конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» (Подгот.: Л.П. Репина, З.А. Чеканцева, О.Б. Леонтьева; вступ. ст., сост. и общ. ред. Л.П. Репиной).....	8
Э.Г. Задорожнюк	
Революции нового типа: от «in vitro» к «in natura».....	33
<i>Интеллектуальная история сегодня</i>	
<i>О.В. Сидорович</i>	
Нума и Пифагор: культурно-исторический контекст римской историографии.....	53
<i>М.С. Петрова</i>	
Тексты Аристотеля в латинской традиции поздней Античности.....	72
<i>В.В. Петров</i>	
Аристотелевская традиция о текучести и преемственности вечно изменчивых живых тел индивидов.....	82
<i>И.Г. Коновалова</i>	
О преемственности в средневековой географии: арабские географы XII–XIV веков о Восточной Европе.....	93
<i>История и память</i>	
<i>О.И. Хоруженко</i>	
Родословные росписи в изучении родовой памяти.....	102
<i>Н.А. Селунская</i>	
Память как удачная инвестиция: социум и культ в Италии периода Треченто и Кватроченто.....	120
<i>В пространстве социокультурной истории</i>	
<i>Ю.С. Обидина</i>	
Греческий мир и христианство, или Еще раз о религиозности древних греков.....	141
<i>С.И. Муртузалиев</i>	
Горы и горцы в истории мировой цивилизации и восприятии Г.Д. Гачева.....	152
<i>История и литература</i>	
<i>К.А. Созинова</i>	
Романы о наследстве: английское общество и традиционное землевладение на рубеже XVIII–XIX вв. (на примере творчества Джейн Остен).....	181
<i>В.П. Богданов</i>	
Купеческие образы в русской литературе.....	193

Литературные музеи России*Д.П. Бак*

Проект издания энциклопедии «Литературные музеи России» и новые алгоритмы работы сети российских литературных музеев..... 223

Е.А. Воронцова

От «Российской музейной энциклопедии» к энциклопедии «Литературные музеи России»: энциклопедия как информационный ресурс по истории культуры..... 227

Н.В. Корниенко, Д.С. Московская

Наследие Н.П. Анциферова и задачи энциклопедии «Литературные музеи России»..... 243

Концепция энциклопедии, рубрикатор, примерные схемы статей, насущные задачи подготовки издания..... 256

На просторах Евразии*И.В. Волков*

К 150-летию присоединения Средней Азии к России: изменение исследовательских парадигм..... 284

А.С. Ващук

Судьба Дальнего Востока или вклад региона в развитие России: исследовательский опыт..... 303

С.М. Дударёнок

Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветский период... 323

Исторические заметки*С.В. Алексеев*

Средневековый литературный шаблон или реалии? (Два примера из житий Святославского цикла)..... 345

А.А. Паламарчук

Плодотворное заимствование или национальное достояние? Спор Ф.У. Мейтленда и У Стаббса о роли гражданского права в средневековой Англии 352

А.В. Симонов

Имперская идеология в британских средствах массовой информации в конце XIX – начале XX века..... 360

Переводы и публикации*А.А. Войтенко*

История о святом Онуфрии Великом..... 369

Читая книги...*Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков*

Юбилейные даты как стимул развития «университетологии»: об одном издании к 40-летию Омского госуниверситета..... 384

Л.М. Макарова

Мариан Колодзей: *Theatrum vitae*..... 390

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

52 / 2015

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 19. 10. 2015
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624